

Аня Сокол

Табель первокурсницы

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Меня зовут Ивидель Астер. Я студентка первого потока Магиуса. И кажется, я натворила дел.

Сожгла лабораторный корпус.

Провалила магическую защиту.

Оказалась в центре заговора.

И каждый день ищущи встречи с тем, кого нарекли жестоким бароном, а это уж вовсе не достойно леди.

Теперь надо выпутываться. И поскорее, пока отец не посадил меня под замок до самого замужества и не заставил вышивать крестиком.

- [Аня Сокол](#)
 - [Запись первая](#)
 - [Запись вторая](#)
 - [Запись третья](#)
 - [Запись четвертая](#)
 - [Запись пятая](#)
 - [Запись шестая](#)
 - [Запись седьмая](#)
 - [Запись восьмая](#)
 - [Запись девятая](#)
 - [Запись десятая](#)
 - [Запись одиннадцатая](#)
 - [Запись двенадцатая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Аня Сокол
Табель первокурсницы

Запись первая

О ненадлежащем поведении

Само по себе наказание было нестрашным, скорее скучным и... обидным. Нас не пороли, не ставили коленями на горох и, конечно, не привязывали к позорному столбу.

Маги слишком ценный ресурс, чтобы им разбрасываться. Даже недоучки, спалившие лабораторию. Или, например, глупые девчонки, не способные как следует убрать со стола и соблюдать правила безопасности.

Вместо этого нас заставляли работать. День за днем механически выполнять одни и те же, наверное, полезные, но изматывающие своей монотонностью действия. Через несколько дней даже те, чьих спин никогда не касались розги, начинали задумываться: возможно, плеть не так уж и плоха по сравнению с нестерпимой рутинной?

Одно из этих наказаний изменило мою жизнь.

Эхо шагов отражалось от серых стен, сумка с книгами билась о бедро. Дробный стук каблуков о гулкие мраморные плиты перекликался с тревожным биением сердца. Пробежав под аркой с изображением взявшихся за руки Великих богинь, я переступила границу тени и вышла во двор. Яркий свет зимнего солнца на миг заставил зажмуриться.

Почти весь первый поток был здесь. Все, с кем я сидела на лекциях, мучилась на практикумах, готовила яды и противоядия (последние не всегда помогали), с кем жила и дышала последние полгода. Гэли подбадривающе улыбнулась, только невеселая вышла у нее улыбка. В отличие от нее Коррин и Леон усиленно делали вид, что увлечены разговором. Даже Мэрдок, как всегда отстраненный и до зубовного скрежета красивый, стоял чуть в стороне и притворялся, что происходящее его совершенно не касается.

Дженнет, которая вряд ли могла пропустить подобное развлечение, окинула меня скучающим взглядом. Она стояла в первом ряду и ждала. Ждала, когда меня накажут, как некоторые ждут подарков ко Дню Зимнего танца Трех Дев.

– Вот она! – крикнул кто-то из-за спин сокурсников.

Нехорошо так, с затаенной издевкой. Я была слишком испугана, чтобы узнать голос.

– Поджигательница! – раздалось с другой стороны, но восторга в

крике слышалось больше, чем укора.

К щекам прилила краска. И ведь захочешь – не ответишь. По крайней мере, уж точно не сейчас, под суровыми взглядами учителей и магистров.

– И чего бы ей пятый полигон не спалить? То-то Ансельм обрадовался бы...

Порыв холодного ветра закружил падающие снежинки. Я незаметно растерла замерзающие ладони. Муфта, как и варежки, осталась в моей комнате, на втором этаже жилого корпуса. Я слишком нервничала, чтобы помнить о подобных мелочах.

– Астер, подойди, – скомандовала мисс Ильяна, к слову сказать, «мисс» она величалась уже четвертый десяток лет кряду и вроде бы менять статус не собиралась. – Пояс.

Магесса требовательно протянула узкую ладонь. На среднем пальце тускло сверкнул ободок учительского перстня. Вообще-то маги не носят украшений. Золото, серебро, другие металлы и камни мешают творить волшебство, загрязняя изначальные компоненты. Исключение – экранированные артефакты, как этот перстень, полностью закрытый от влияния извне. Знак отличия. Знак гордости. Если тыходишь в совет Академикума, значит, жизнь удалась.

Я чувствовала взгляды сокурсников, их радость от того, что сегодня это происходит с кем-то другим. А еще надежду, что для них искупление не наступит никогда. Раньше я думала так же – стояла плечом к плечу с друзьями и жадно разглядывала очередных провинившихся.

Придерживая сумку с учебниками, расстегнула звякнувший пузырьками пояс и передала мисс Ильяне. Без него я почувствовала себя чуть ли не голой: всего полгода ношу, а привыкла настолько, что уже не покидала комнату, не вдев в петли пару склянок с компонентами. Вернее, пару десятков склянок. Без изначальных составляющих маги почти бессильны. Почти... многие рассмеялись бы, услышав это.

– На неделю поступаешь в распоряжение мастера Тиболта серого. – Мисс Ильяна кивнула на высокого мужчину с усами кавалериста, в чем-то похожего на печальную гончую моего отца. – Да помогут тебе Три Девы искупить вину и вернуться.

Произнеся ритуальную фразу, магесса резко развернулась на каблуках и удалилась, скрывшись в Арке богинь.

Кто-то неуверенно рассмеялся. Они могли позволить себе радоваться. Я отвернулась, посмотрела на черные остатки обрушившейся стены, покрытые снегом, торчащие ребра обгорелых свай – все, что сохранилось после бушевавшего недавно пожара. Так ныне выглядела вторая магическая

лаборатория. И виновата в случившемся была именно я.

Как говаривала бабка? «Иви, ты никогда не размениваешься на мелочи!» Первое наказание – и сразу семидневная отработка в Ордене рыцарей. Вот повезло так повезло. Наверняка заставят скрести полы и чистить котелки. Фу!

С давних времен повелось: заслуживший порицание искупает вину делом, а не словом, искупает там, где ему вряд ли будут рады. На чужом факультете, среди незнакомых лиц и чуждых порядков.

Старый рыцарь тяжело вздохнул, всем видом показывая, как ему надоело возиться с недоучками вроде меня, и жестом приказал следовать за ним.

– Развлекайся, Астер! – промурлыкала в спину Дженнет.

Она была тактична, как всегда, конечно, если не считать тона. Аристократы умеют оскорблять без бранных слов, предельно вежливо и непринужденно. Знаю по себе. Здесь училось слишком мало тех, кто мог считать себя ровней Дженнет, столичной аристократке, единственной дочери герцога Трида. И уж точно это были не отпрыски фабрикантов и провинциальных сквайров, не дочери купцов или, того хуже, сыновья ремесленников. Но ей приходилось стоять с нами в одном ряду. И все, что оставалось Дженнет, это «вежливость».

Мы пересекли двор. Заборов здесь никогда не было, однако каждый студент точно знал, где заканчивается территория его факультета и начинается чужая.

Узорные мраморные плиты сменились грубо отесанными камнями, снег скрипел под ботинками. Орден – территория рыцарей, второй факультет Академикума, альма-матер тех, кто не обижен физической силой, но лишен магической и, как поговаривали у нас в Магиусе, умственной.

Высокий замок с круглыми башнями и развевающимися на морозном ветру стягами, расчищенный плац и хозяйственные постройки за ним, мрачное, неприветливое здание казармы, тренировочные площадки и полосы препятствий, расположенные вдоль северной стены Академикума. За конюшнями, из которых периодически доносилось лошадиное ржание, находилось стрельбище.

Рядом с дощатым, присыпанным снегом настилом стояла механическая повозка. Двое парней возились с паровым двигателем, но, видимо, что-то не заладилось, и телега выплюнула струю кипятка, чудом не задев ни одного из них. Высокий с соломенными волосами выругался, поминая демонов и их матерей. Дома, в Кленовом Саду, мне такое слышать не полагалось. Отправляя дочь в Академикум, отец никак не мог

предполагать, что ее кругозор настолько расширится.

Массивная дверь центрального замка Ордена бесшумно распахнулась перед старым рыцарем. Я снова оказалась среди каменных стен, на этот раз темно-коричневых. В помещении было сильно натоплено, и жаркий воздух ласково коснулся замерзших пальцев. Мой конвоир мягко ступал по гулким плитам, а я следовала за ним. По светлому коридору, по лестнице вниз... Куда? В темницу? Сердце замерло.

Неужели тюрьма? У отца в замке была такая, прошлой зимой туда угодил Смешек, продырявивший бочку лозийского. Он насмерть замерз в каменном мешке. «Поделом!» – сказал тогда граф Астер и велел выкинуть тело за околицу.

– Принимай, – скомандовал седовласый мастер Тиболт другому мужчине, помоложе и поменьше ростом. – Ивидель Астер с первого потока Магиуса. На семидневку.

– Это та, что корпус Маннока спалила? – спросил черноволосый, бряцая ключами на поясе.

– Она самая. – Старый рыцарь кивнул тюремщику, не произнеся более ни слова, развернулся и зашагал в обратном направлении.

– Я смотритель подвалов Райнер. – Мужчина поглядел на мои ботинки, поднял взгляд выше, на тяжелую, подметающую пол юбку, куртку на лисьем меху и остановился на бледном от страха лице. – Следующие семь дней ты проживешь здесь. У меня будут с тобой проблемы, Астер?

– Нет, сэр, – пискнула я.

Что это со мной? Многие отработывали наказания, и никто еще не умер. Тогда откуда эта дрожь? Никто никогда раньше не наказывал Иви Астер! За исключением матушки, конечно, но ее хватало только на то, чтобы запереть дочь в комнате и пожаловаться кормилице. Как повелось, я сразу вылезала в окно, спускалась по плющу на землю и до вечера носилась по лесу, собирая сладкие ягоды, словно какая-то крестьянка. И дикий плющ ни разу не выдал меня, пока его под моим окном не срезал зачем-то старик Доусен.

– Крыс не боишься?

– Нет... не знаю.

Конечно, я боялась, но магу такой страх не к лицу. Магу никакой страх не к лицу!

– Шучу, – добродушно проворчал смотритель, вот только глаза оставались серьезными и колючими. – Иди за мной, принцесса. Апартаменты уже подготовили.

Следом за смотрителем я спустилась еще на один уровень и

остановилась напротив массивной черной решетки. Все-таки камера? Я шмыгнула носом, раздумывая, сразу зареветь и подождать?

Отец и брат терпеть не могли женских слез, поскольку понятия не имели, что с ними делать. Но Райнер мне не сват, не брат и даже не учитель. Слишком колючий взгляд, слишком насмешливый, словно подначивает: «Ну, давай, выкинь что-нибудь!» Я вспомнила про спаленную лабораторию и опустила глаза. Самое противное, что они еще и счет папеньке выставят, а граф Астер прижимистый. Как бы из приданого не вычел.

Апартаментами мастер Райнер называл камеру три на пять метров, без окон, но на удивление теплую и сухую. Пока мы спускались, воображение успело нарисовать холодный и влажный каземат, полный крыс, слизней и плесени. А также героическую смерть от голода и холода, роскошные похороны, лакированный гроб, многоголосие плакальщиц и мое последнее пышное белое платье, контрастирующее с черным траурным нарядом матушки.

– Устраивайся, – напутствовал Райнер и захлопнул за моей спиной массивную решетчатую дверь.

Я обернулась. Смотритель медленно уходил во тьму. Замка на решетке не было, конечно, если не считать круга силы поверх прутьев. Камера явно предназначалась для удержания мага. Я коснулась черного металла, такой ковали только в предгорьях Чирийского хребта, и поняла, что круг неактивен. Толкнула створку, и та послушно открылась.

– Эй, – позвала, высунув голову в освещенный масляными лампами коридор.

Никто не ответил. Совсем. И не настучал по дурной башке. С минуту я раздумывала, глядя в спину уходящему рыцарю, а затем вернулась в камеру.

Ну, выйду отсюда и что? Я в Академикуме, а не в княжеских темницах, тут либо соблюдаешь правила, либо с позором едешь домой, а позора мне сегодня и так хватило выше крыши. Да и в Кленовый Сад как-то не хотелось... особенно сейчас, когда папенька вот-вот получит счет за сгоревшую лабораторию, испорченные компоненты, приборы и инструменты. Еще пара таких «случайностей», и точно без приданого останусь.

Я бросила сумку с книгами на кровать. Наказание не исключает учебы, скорее уж наоборот, провинившихся спрашивают еще строже.

Откидная столешница и койка, самый обычный стул, серое белье, колючее шерстяное одеяло. В углу, на грубо сработанном трехном

табурете, стоял кувшин с водой и таз, ну и ведро под кроватью, само собой, куда ж без него. Не так уж и страшно, в башне первого потока моя комната была немногим больше.

Я коснулась висевших над кроватью цепей с кандалами, постаралась не думать об их применении. Железо тихо звякнуло. Масляный светильник мигнул, словно соглашаясь с тяжкими мыслями.

Утром меня разбудили конвоиры, вернее, два хмурых позевывающих парня. В руках у высокого была дымящаяся миска с кашей, поверх которой лежал ломоть хлеба.

– Подъем! – заорал дурным голосом второй, рыжий и коренастый крепыш в кожаном доспехе с накинутым на плечи шерстяным плащом. – Живо жрать, и на выход! – Для подкрепления эффекта он несколько раз стукнул сапогом по решетке.

Я подтянула одеяло к подбородку.

– Давай-давай, скромничать потом будешь, перед магистрами. – Он ухмыльнулся и подмигнул. – А перед нами можешь не жаться! Знаю ведь, какие у вас на колдунском порядке.

– Охолони, Жоэл! А то до обеда проваландаемся. Еще одно дежурство хочешь схлопотать? – лениво проговорил высокий, мазнув по мне равнодушным взглядом. – А ты одевайся и ешь.

Поставив миску на пол, парень демонстративно повернулся спиной к решетке. В тусклом свете коридора матово блеснула кольчуга.

– Ладно-ладно. Вот вечно ты со своими баронскими замашками, Крис, – попенял рыжий и тоже нехотя отвернулся. – Сам не развлекаешься и другим не даешь.

Начался первый день искупления.

Вопреки ожиданиям меня не заставили ни мыть полы, ни чистить картошку в замковой кухне, ни скрести котелки. Меня отвели на пустующий склад и усадили составлять целительские наборы. Рыжий Жоэл отпустил пару шуточек в стиле конюхов моего батюшки, но должного отклика не дождался и остался стеречь «пленницу» снаружи. Тогда как его товарищ...

«Крис, – внезапно вспомнилось мне, – его зовут Крис».

...облокотился на дверь, наблюдая, как я развязываю тесемки первого мешочка.

Так он и стоял, словно истукан, одинаково равнодушно взирая на стены, обвешанные гобеленами, на шкафы и даже на меня, перебирающую ингредиенты непослушными руками.

Досыпать противовоспалительного порошка, проверить концентрацию «живой воды», высокую – разбавить, низкую – напитать магией. Заменить «медовую пыльцу», обновить склянки, кульки и пучки трав, завернутых в тонкую бумагу, чтобы можно было легко разорвать, легко добраться, легко применить. Все должно находиться на своих местах, все должно работать. От этого зависит жизнь учащихся всех трех факультетов Академикума вне этих стен.

Если в первый час я еще пыталась поймать взгляд своего надзирателя и найти в нем... Что? Я и сама толком не знала – хоть что-то, отличное от ленивого равнодушия, – то в последующие оставила это бесполезное занятие.

На самом деле – скука смертная. Я не аптекарь и не травница. Я будущий маг. Который спалил целую лабораторию, забыв на столе несколько крупинок «сухого огня». По правилам нужно было обработать столешницу нейтрализующим раствором, но в тот день я торопилась: Гэли сказала, что в лавку завезли артефакты с Проклятых островов. Казалось, я убрала все до крошки. Казалось...

Итог – ни артефактов, ни лаборатории, ни Гэли, а вместо этого замок рыцарей, наказание и истукан напротив.

– Радуйся, что не попала к жрицам, – желая утешить меня, сказала накануне подруга. – В Отречении совсем другие порядки.

И я пыталась радоваться, взвешивая очередную унцию листьев Коха, подавляя желание шваркнуть весами о ближайшую стену. Синие глаза, не отрываясь, следили за моими руками. Листья этого дерева очень ценны и стоят втрое больше своего веса, разумеется, в золоте. Каждый листок способен за час срastить рану размером с фалангу большого пальца, и если пропадет хоть один...

– Если хочешь, пересчитай, – не выдержав, предложила я, но ученик рыцаря никак не отреагировал, лишь продолжая провожать взглядом каждое движение.

Ночью я все-таки разревелась: обхватила колени руками и битый час раскачивалась на узкой койке. В правом углу что-то шуршало, но я так и не решилась зажечь свет и посмотреть. Вдруг и правда крысы? Лучше уж не знать.

Второй день был точным повторением первого. Подъем, холодная вода в тазу, каша и склад с травами. Как и третий...

Богини Аэры, дайте сил! Думаю, я бы взвыла уже к четвертому и сама попросилась на кухню.

У рыжего Жоэла тоже поубавилось оптимизма, шуточки стали

повторяться. Крис оставался молчаливым. А я впервые задумалась, кто на самом деле наказан? Я? Они? Или травник, на чьем складе мы хозяйничаем?

Я попыталась разговорить высокого, стараясь быть максимально любезной и приветливой, как учила матушка.

– Скажите, э-э-э... барон, – выудила из очередного мешочка склянку с «живой водой», которая, видимо, уже давно «умерла», и полезла за заменой. – Почему вы все время рассматриваете эти гобелены? Они настолько интересные?

– Да не особо, – ответил он, отводя глаза.

– Тогда почему?

– Пытаюсь понять, зачем кому-то понадобилось украшать склад, в то время как стены самого замка пустуют.

Оторвавшись от взвешивания черного кровоостанавливающего порошка, я оглянулась. Но ничего странного в вышитых картинах не увидела. Обычные гобелены, сценки из истории Аэры, рассказывающие о жизни богинь, о подвигах рыцарей. Ничего интересного, картинка, годящаяся как для спальни, так и для столовой, а вот в гостиную или в парадную их вешать явно не стоит. Матушкины мастерицы в Кленовом Саду работают не в пример лучше.

– Может быть, старшие рыцари не любят подобные украшения?

– Может быть.

Крис отвечал односложно или вовсе молчал, и, в конце концов, вопросы закончились вместе с приветливостью.

А день все тянулся и тянулся.

Меня повели обратно, когда солнце ушло за высокие шпили замка. Перед глазами все еще стоял ящик с корешками, которые приходилось измельчать, рассыпать по колбам и разбавлять «мертвой водой» в пропорции три к одному.

А во дворе что-то продолжало и продолжало скрежетать. Неужели паровую повозку так и не починили?

Жоэл шел впереди, Крис за спиной, чуть сместившись вправо. Все как вчера и позавчера, только вот повозка была другая. Вместо паровой телеги во дворе стояла старая рассохшаяся развалюха, похожая на те, в которых крестьяне возят сено. Но вместо сухой травы в ней виднелось что-то высокое, похожее на бабкин сундук, накрытый плотной тканью.

Незнакомый маг в белом плаще что-то тихо втолковывал рыцарю с бляхой посвященного. Не похоже, что они из Академикума, скорее уж выпускники.

Надеясь все-таки быть услышанным, маг махнул руками перед носом старого воина, но тот остался спокойным, лишь отрицательно мотнул головой, указав на повозку. Два парня из последнего потока, которым пока было отказано в посвящении, поправляли ткань на «сундуке», из которого снова донесся механический скрежет.

Мы медленно шли мимо странной компании, и все, что я смогла рассмотреть, – это очертания прутьев массивного горбатого груза, проступившие сквозь прижатую ветром накидку.

«Сундук» снова заскрежетал, его тряхнуло, словно под тряпкой было что-то живое. Хотя по звуку больше напоминало давно проржавевший мукомольный механизм!

– Эй, – крикнул один из старшего потока, заметив нас. – Вы, трое! А ну-ка быстро отсюда!

Но Жоэл то ли не услышал, то ли предпочел не услышать приказ другого ученика и продолжал идти через двор.

Телегу снова тряхнуло, да так, что она чуть было не завалилась на левый борт, а затем грузно ухнула обратно. Край плотной ткани взметнулся вверх. И я увидела клетку, а в ней... миг, очень длинный миг я глядела прямо в красный голодный огонь.

Там был не зверь, не механизм, не человек. В клетке сидело нечто иное. И это нечто прыгнуло на прутья, словно не видело их. Не видело преград. Только цель.

По металлу разбежались серебристые искорки защитного полога. Лапа с четырьмя чудовищными лезвиями-когтями ударила по преграде. Раздалось шипение, и плоть на суставах существа стала обугливаться. Но это не остановило, а только разъярило тварь. Она не отпрянула, не сталализывать раны, а снова пошла в атаку.

Железная лапища, с треском проломив защитный барьер, пролезла меж прутьями и чиркнула по тяжелой юбке, вспарывая ткань подола. Создание скрипуче зарычало от злости и разочарования.

Я закричала. Наверняка завизжала не хуже увидевшей голого мужика селянки, хотя благородным дамам надлежит тихо падать в обморок. Руки сами потянулись к поясу, но там ничего не было, ни одной склянки – ни «сухого огня», ни «едкой слюны тритона». Ничего!

Все произошло очень быстро. Механическая лапа поднялась снова, чтобы на этот раз не ограничиться разорванной юбкой. Она поднялась, чтобы дотянуться до плоти. Я не успевала отпрянуть в сторону. Только увидела, как приближаются когти...

Инстинктивно потянулась магией ко всему окружающему. Твердый

камень под ногами, холодный снег, доспехи рыцарей, крепкая, защищенная от магии клетка и... телега. Деревянная, разошедшаяся, с маленькими точками ходов жучков-древоточцев.

Времени не осталось. В панике я ухватилась за первое, что попало под руку... вернее, под магию. За труху, скопившуюся в ходах насекомых, за измененное дерево. Зацепилась и дернула, как компонент. Всему нужна основа. Даже магии. Ничего не создается из ничего.

Меня толкнули в сторону, отбросили. Второй удар лапы высек дюжину искр из каменной мостовой. Ударившись о землю, я расцарапала ладони, кувыркнулась, потеряла шляпку и загребла воротом снег. Сверху навалилось что-то тяжелое и прижало меня к земле. Я ждала удара, думала, что железные челюсти сейчас сомкнутся на руке, ноге или горле, и видение грядущих похорон станет реальностью, не такой уж красивой и трогательной.

– Прекрати орать! – рявкнули сверху.

Я открыла глаза, часто заморгала, стряхивая снег с ресниц, и увидела прижимающего меня к земле Криса. Теперь в его синих очах не было равнодушия. Только злость и досада. Я закрыла рот и поняла, что ору не одна. Во дворе грязно ругались, что-то кричали рыцари, громыхала клетка, шипели охранные заклинания.

– Слезай с девки, наваляешь еще! – рыкнул кто-то, и Крис, поднявшись, протянул мне руку, рывком вытаскивая из снега.

Больше резкий, чем вежливый жест, который так легко принять за что-то другое, особенно когда сердце колотится как бешеное и больше всего на свете хочется спрятаться за чью-нибудь широкую спину. А уж потом выглянуть и как следует рассмотреть и осыпавшийся трухой угол паровой телеги, и свалившуюся, вставшую на бок клетку. И создание, мечущееся в ней. Существо, которое не чувствовало боли и страха и никого не подпускало к своему узилищу.

– Нечего глазеть, – крикнул старый рыцарь, что еще минуту назад спорил с магом. – Отведи девку в подвал и возвращайся. А ты, – это уже рыжему, – помогай.

И Жоэл, наверное, помог, но я этого уже не видела. Через несколько минут я сидела на откидной койке, куталась в колючее одеяло и пыталась остановить слезы, унять бешено колотившееся сердце, не поддаться желанию открыть дверь и сбежать куда глаза глядят.

Страх навалился на меня вместе с темнотой. А маг не может бояться. Не имеет права. Он защитник, он нож, отсекающий от мира все богопротивное. Такое, как та тварь. Трусам нечего делать в Академикуме.

Так, может, маменька была права и мое место дома, за пальцами?

Наревевшись вдоволь, я заснула. Вопреки страхам снилась мне не обугленная лапа с когтями, а синие глаза. И тяжесть чужого тела.

А на следующее утро Жоэл принес книгу.

Запись вторая

Список рекомендованной литературы

Конечно, рыжеволосый притащил ее не для меня. Он показывал книгу Крису, пока я торопливо умывалась, стараясь не очень явно вытягивать шею, пытаюсь заглянуть в обтянутый кожей том.

Оуэн, повертев книгу в руках и с шорохом проведя большим пальцем по срезу страниц, тут же вернул ее Жоэлу. На секунду показалось, что парень не умеет читать. Но стоило поймать на себе хмурый тяжелый взгляд, как я выбросила эту мысль из головы. Глупо думать, что дворянин, сумевший пробиться в Академикум, пусть и в Орден, может оказаться неграмотным.

– Так что это было? В клетке? – решила спросить я.

– Думаю, это... – начал Жоэл.

– Не твое дело. – Барон не дал ответить рыжему и отвернулся. Я успела заметить свежую ссадину на небритой щеке. – Запомни, ты ничего не видела. Поняла? Забудь все, что произошло, иначе...

– Угрожаете, барон? – стараясь, чтобы голос не дрожал, спросила я.

– Нет, госпожа арестантка. Даю совет, – ответил он и, повернувшись к приятелю, зло бросил: – А ты учишься держать язык за зубами.

– Да ладно тебе! – виноватым голосом ответил Жоэл, выходя из камеры.

Интересно, что я сделала этому барону? Ведет себя так, словно вместе с лабораторией я спалила его любимого хомячка! Или действительно спалила?

Тяжело вдохнув, я поплелась за парнями. Может, он прав? Стоит забыть вчерашний день? Сказать проще, чем сделать. Тем более что сегодня рыцари пришли при оружии. Шпага Жоэла звякнула, легонько задев решетчатую дверь. Не мне одной не давало покоя видение стальных когтей и яростных алых глаз.

Мы в очередной раз миновали внутренний двор Ордена, не помню уже, какой по счету. Ночью выпал снег, однако плац был чисто выскоблен и щедро посыпан светло-желтым песком. Я выглянула из-за спины парня, желая увидеть место, где вчера стояла телега. Словно поняв это, Крис неосознанным движением коснулся эфеса шпаги и вдруг свернул в сторону главной площади, изменив привычный, набивший оскомину маршрут.

Я чуть было не споткнулась. Зачем? Он не хочет, чтобы я увидела... что? Телегу? Или клетку? И куда он меня ведет? Неужели... Кровь прилила к лицу. Мы приближались к главной площади Академикума, а там никогда не бывает пусто. Маги, жрицы и рыцари использовали ее как место для встреч: кто-то демонстрировал новую шубку, кто-то тайком передавал записки или зелья. Кто-то украдкой обнимался, кто-то болтал. Место встреч, место для объявлений и публичных изгнаний. Вероятность встретить учеников первого потока Магиуса стопроцентная. Девы, как же не хочется!

Земля под ногами дрогнула. Совсем чуть-чуть. Раздался механический скрежет, и площадь Трех факультетов наполнил едва слышный гул. Я вздрогнула и схватилась за плечо Жоэла. Но на этот раз скрежетала не жуткая тварь из клетки. Нет! На этот раз скрежетал Академикум, да и сама земля под ногами.

Такое происходило третий раз за полгода, что я провела в этом месте. И каждый раз казалось чудом.

Кто не слышал сказок о Летающем Острове? О таинственном и загадочном Академикуме? О городе, где учатся самые сильные воины, самые великие маги, самые могущественные жрицы? Кто ни разу не видел волшебный клочок земли, парящий в небесах над Аэрой? Академикум, основанный императором тогда еще единой Эры? Вы не видели? Врете, потому что это попросту невозможно.

Но видеть – это одно, а быть здесь, учиться – совсем другое!

– Магистры уводят Остров! – с восторгом, который может понять лишь такой же первокурсник, как я, сказал рыжий.

Послышались восхищенные возгласы и крики. Дрожь под ногами усилилась. Забыв обо всем, я бросилась к центру площади. Там, куда бежали ученики разных потоков и факультетов, располагался атриум – широкое многоступенчатое квадратное окно в толще земли, прорубленное магией или мужиками с заступами и лопатами. Окно, сквозь которое мы могли видеть Аэру, наш дом.

На миг я забыла, что не одна, забыла, что наказана. Я просто хотела еще раз увидеть магию Острова. И, подобрав юбки, побежала, взметнув свежий снег и услышав, как за спиной топают рыцари.

– Стой! – рявкнул Крис и схватил меня за плечо у самого атриума. – Ты чего творишь?

Парень в коричневом плаще недоуменно покосился на рыцарей, но вмешиваться не стал.

Девушка в дубленой курточке и криво сидящей шляпке вцепилась в

окружающие окно перила и с восторгом закричала:

– Смотрите!

Я не смогла ответить, поскольку вглядывалась в расступавшийся туман. Рядом завороченно замер Жоэл. Даже Крис смотрел, так и не убрав руку с моего плеча.

Парящий в воздухе Остров двигался.

Иссиня-голубые струи, похожие на языки газового пламени, появлялись за краем атриума и тут же исчезали, двигая Академикум к далекому побережью. Незабываемое зрелище, порожденное магией самих богинь. Струи невозможно увидеть с земли, только отсюда, сквозь этот колодец.

Тем, кто провел здесь всю жизнь, трудно понять наш восторг. Год за годом наблюдать, как недостижимый Остров проплывает над твоим городом, замком, полями крестьян, которые считают, что увидеть Академикум – к счастью, а потом самой оказаться здесь...

Помню, как мисс Ильяне пришлось разгонять наш поток после первого сдвига. Сама была среди любопытных, во все глаза смотрела, как серый туман, окружающий Остров, рассеивается, и внизу показываются высокие шпили замка, как двигаются повозки и кареты с лошадьми, похожими на муравьев, как закатное солнце, укутывающее мир во все алое, бьет прямо в глаза... И все равно не могла отойти от края...

С нижних ярусов атриума, похожего на многослойный пирог, вместе со мной за этим чудом наблюдало множество студентов. Маги, рыцари, жрицы – все те, кому посчастливилось в этот момент оказаться рядом. К нам подбегали все новые и новые ученики, сокурсники, совершенно незнакомые парни и девушки.

В воздушный поток попала стая белоснежных птиц, и их едва не опалило синим пламенем. Девушки охнули. Кто-то засмеялся, но его не поддержали.

– На реактивной тяге он, что ли... – услышала я тихий голос Криса.

– Что? – переспросила парня.

– Да ничего, – ответил он. – На паровой двигатель, говорю, не похоже.

– А-а-а. Наверное.

В паровых двигателях я разбиралась примерно так же, как крестьянка в этикетке. То есть – никак.

– Не важно, – вновь замкнулся парень, а я, ухватившись за перила, свесилась вниз, словно желала оказаться поближе к такой красоте.

Остров, висящий в воздухе, недостижимый для всех остальных: демонов, тварей Разлома и простого люда. Даже папеньку сюда не пустили,

тут – только ученики и наставники, только совет Академикума. Никаких исключений, разве что для поваров, уборщиков, конюхов... ах да, еще для князя, но он уже лет пятьдесят не покидал Запретный город, правил оттуда и особо не сучал по подданным.

Сегодня земля в очередной раз сдвинулась. Остров уходил на север, к замерзшему Зимнему морю. Возможно, он зависнет над Льежем, крупнейшим торговым городом Аэры, а может, над моим Кленовым Садам или угольными шахтами, и тогда я смогу повидаться с родными.

– Все, хватит! – Крис, потеряв терпение, дернул меня, и я едва не упала в снег. – Идем.

– Да ладно тебе. – Рыжий отвернулся от завораживающей картины плывущего внизу бесконечного мира.

– Еще одно наказание захотел заработать? – прошипел высокий.

– Да никому мы не нужны. – Жоэл отошел от края. – Дадут такое же глупое задание.

Не знаю, что меня задело больше, грубость рук синеглазого, тащившего меня прочь от парапета, или слова рыжего, произнесенные небрежным тоном. А может, вчерашнее происшествие, посеявшее в душе сомнения и страх? Честно, не знаю, но я уперлась и, вырвав руку, четко проговорила:

– Я не глупое задание! Ясно? Я графиня Ивидель Астер и...

– О-хо-хо, – вздохнул рыжий парень. – Какая высокородная козочка. А он барон Оуэн, – кивнул рыжий на высокого. – А вот мне, бедному Жоэлу Риту, самое место на конюшне, навоз за вашим пони убирать, графиня.

Парень издевательски поклонился. Вернее, просто поклонился, но...

– Высокородная козочка? – произнес из-за наших спин знакомый голос, услышать который мне хотелось меньше всего. Я развернулась. От парапета отделилась изящная фигурка в белой шубке. Дженнет мягко ступала по свежему снегу и улыбалась. Рядом, переглянувшись, рассмеялись Алисия Эсток и Мерьем Вири, почти подруги, почти аристократки, почти красавицы. – Надо это запомнить. – Девушка окинула взглядом рыцарей, плащи, родовой герб Оуэнов на застежке высокого, шпаги и даже взлохмаченные ветром волосы. – Всем должно понравиться.

– Вряд ли у всех такой плохой вкус, как у Жоэла, – безразлично, совсем как в первые дни наказания, ответил барон. – С дороги, Белоснежка.

– Кто? – Дженнет остановилась и часто заморгала.

На лице Криса проступили привычная скука и капля раздражения из-за того, что приходится тратить время на неожиданное препятствие.

– Да как вы смеете... Это возмутительно!

– Возмущайтесь на здоровье. – Рыцарь потянул меня в сторону. – Только подальше от нас.

– Я подам жалобу, я...

Жоэл пялился на герцогиню и совершенно по-дурацки улыбался.

– Ага, пишите письма князю, он, поди, скучает. Или сразу прокурору... – Барон даже не обернулся.

– К-кому? – переспросила Дженнет.

– Кому хотите.

– Барон, перед вами герцогиня! Я могу приказать!

– Так приказывайте. Или не тратьте наше время.

– Дженнет? – позвала стоящая у перил Алисия.

– Жоэл, завязывай на нее пялиться! – Оуэн потащил меня за собой.

– Э... Да... – выдавил рыжий, с трудом отрывая взгляд от Дженнет. – Наше вам, уважаемая.

– А вы хам, барон! – задумчиво произнесла девушка, смакуя каждое слово. – Думаю, вам не помешает урок хорошего тона, и, поверьте, я найду того, кто вам его преподаст! – Она помахала мне рукой. – До встречи, козочка. – И, повернувшись к подругам, громко проговорила: – У современных аристократов никакой родовой гордости. Мэрдоку будет полезно узнать это, ты не находишь?

– Ногами шевели, – приказал Крис, и я отвернулась от стоящих у атриума девушек, но не смогла так же просто отвернуться от летящего в спину смеха и от слов Дженнет. А ведь с нее станется...

Здесь каждый второй мог похвастаться высоким титулом, а каждый четвертый – древней фамилией. И это что-то, да значило. Всю мою жизнь значило. Значило хотя бы, что меня нельзя хватать за руки, тащить куда-то, грубить. И все на глазах у Дженнет, которой... которой...

– Вы... Вы... – Я не стала договаривать, толкнула плечом Криса в грудь, заставила отпустить руку и отпрянула, едва не застонав от боли.

Проклятая богинями кольчуга и что там у него под ней, камни?

Не раздумывая, бросилась прочь, не понимая, что вместо того, чтобы незаметно уйти, только привлекаю к себе внимание.

– Да ладно тебе, графиня... Как там тебя, Астер, стой! – крикнул в спину Жоэл. А девушки у атриума вновь засмеялись.

Но я не остановилась, бежала, не замечая удивленных взглядов, шепотков за спиной и того, что Остров все еще движется. Обида обжигает сильнее кнута. Вопреки всякой логике обижалась я не на Дженнет, от нее глупо ожидать чего-то другого, а вот от парней... Я едва не споткнулась.

А с чего я взяла, что они лучше ее? С того, что синеглазый спас меня от той твари? Смешно, с них бы первым делом спросили. Тогда почему так больно? Почему возмущает чужая грубость? Я не знала ответов.

Прочь с площади! Через внутренний двор Ордена я добежала до складов, распахнула дверь, оттолкнула какого-то зазевавшегося парня...

– Астер! – догнал меня голос Криса.

...и бросилась вперед по коридору.

Все, хватит! Не увидят они моих слез! Никто не увидит!

– Я – Ивидель Астер, – пробормотала упрямо, но получилось как-то беспомощно: за спиной топали нагоняющие меня рыцари. – Я маг.

Вернее, буду им. Выучусь, а они так и останутся дуболомами! Мужланами без крупницы магии. Пушечным мясом, и не более! Закончу с целительскими мешочками, и останется еще один день наказания. Один день, и все, вернусь в Магиус к Гэли, Отесу, Мэрдоку, даже к Дженнет. Ее неприязнь привычна, как может быть привычна некрасивая жмущая шляпка.

А здесь все чужое и неправильное. Пусть говорят, что хотят, и держат в клетках любых тварей. Путь маршируют и махают своими железками. Пусть.

Я влетела на склад, с размаху захлопнула дверь и... нос к носу столкнулась с широкоплечим мужчиной в шерстяной жилетке с бляхой рыцаря на груди. Впечатление портили войлочные тапки, словно он только что встал с постели.

– А-а-а, – пропищала я и за неимением слов сделала легкий книксен. – Милорд.

Мельком огляделась, подумала, что ошиблась дверью, ведь по правилам меня должен был сопровождать конвой. Но нет, склад тот же самый, вон целительские наборы аккуратно лежат на столе.

Именно в этот момент в комнату ввалились парни, рыжий первым, Крис вторым. И замерли, вытянувшись по струнке, под взглядом серых выцветших глаз рыцаря. По возрасту он годился нам всем в отцы или даже в деды, хотя седых нитей в густой шевелюре пробилось не так уж много. Кожа, истерзанная застарелыми шрамами и морщинами, не давала точно определить возраст, ему могло быть как сорок, так и все шестьдесят.

– Что это? – ледяным тоном спросил мужчина у парней, указывая на стол с мешочками. – Ответить!

– Аптечки, – ответил Крис.

– Штурмовые целительские наборы, милорд Родриг, – поправил рыжий.

– Оять ты со своими варварскими словечками, Оуэн, – рявкнул рыцарь.

«Так он что – варвар?» – мелькнуло в голове, потом что-то словно щелкнуло, и все встало на свои места. Грубое поведение Криса, непонятные слова и полное неуважение к титулам. Дворяне западных провинций отличаются свободными нравами. Так, во всяком случае, говорила горничная и всегда почему-то при этом краснела.

– Я спросил, что вы с ними сделали, неучи?! – рявкнул мужчина.

– Приказ Тиболта серого, – невозмутимо ответил барон Оуэн. Взгляд парня стал стеклянным, он смотрел куда-то поверх плеча Родрига. – Заменить использованные компоненты, проверить состав...

– И вы, недоумки, решили, что можете знать, где и что здесь использовано? – Рыцарь аж побагровел. – На дежурство в темницы захотели? Или желаете сами навсегда переселиться в казематы?

– Никак нет, – слаженно гаркнули парни.

– Нет, – тихо добавила я, но с опозданием – сказывалось отсутствие опыта в коллективном гавканье.

Мужчина развернулся, словно только что про меня вспомнил.

– Что – нет? – Под его взглядом я почувствовала себя неуютно. – Это кто вообще?

– Графиня Иви Астер, милорд! – все так же хором ответили парни, сделав при этом какие-то совсем уж придурковатые лица. – Магесса, милорд. Первый поток. Отбывает семидневное наказание.

– Так... – медленно, по буквам, произнес мужчина. – И что «нет», леди?

– Нет, – повторила я. – Они ничего не решали. По той простой причине, что рыцари без магической силы не могут проникнуть в суть компонентов и не способны определить степень расхода...

Во взгляде этого милорда появилось нечто такое, отчего злость, что еще минуту назад заставляла меня хлопать дверьми, исчезла и сменилась смущением. Так всегда смотрела бабушка, когда я уверяла ее, что не ела конфеты, украдкой стараясь вытереть липкие губы о рукав платья.

– Ну, продолжайте, мисс. Расскажите нам, на что еще мы не способны. Уверен, вашим мальчикам будет интересно послушать.

«Мальчики» стояли истуканами и смотрели прямо перед собой. Я покосилась в сторону. Стена как стена, ровная, кирпичная, даже гобелена нет.

– Они не мои... – только и смогла пробормотать в ответ.

– И то хлеб. – Рыцарь покачал головой и повернулся к парням. –

Разболтала магов Ильяна, совсем страх потеряли. Пошли вон!

– Но... – Я посмотрела на стол с двумя десятками оставшихся мешочков.

Странно, еще минуту назад я ненавидела это занятие, а сейчас была полна решимости закончить дело. Чтобы потом не говорили, что Ивидель Астер уклоняется от наказания. Есть у меня родовая гордость, что бы там ни говорила Дженнет.

– Вон отсюда! – рявкнул мужчина, кожа на его щеках начала наливаться нездоровой краснотой. – И девку свою заберите! До дальнейших распоряжений ей запрещено покидать камеру. Ясно?

– Так точно! – не стали спорить, кому я принадлежу, парни.

– Но... – снова открыла я рот, а Крис взял меня за локоть и буквально вытащил из помещения.

На этот раз я не дергалась из-за его бесцеремонности, запал давно прошел. Осталась лишь неловкость и досада, в основном на себя, из-за того, что не смогла сдержаться. А ведь «леди надлежит быть милой и невозмутимой, даже если ее муж проиграл в карты имение...». Так, бывало, говорила матушка. На что отец ехидно отвечал, что посмотрит на нее, когда он спустит в карты Кленовый Сад. Угроза, кстати, неосуществимая, граф Астер равнодушен к азартным играм.

Склад покинули быстро, выбежали, не оглядываясь. У дверей Жоэл засмеялся, сначала сдавленно прыснул, а когда мы выскочили на утоптаный снег перед крыльцом, загоготал в голос. Даже Крис скупно улыбался.

– Ха! – выдохнул рыжий. – Крис, я, когда Родрига увидел, думал, что все. Встряли по полной. А графинька-то возьми и выдай, что Родриг Немилосердный не способен определить... – Жоэл снова заржал. – И стоит, такая тоненькая, нос задрала, пальцы сцепила, гордая, умная... Девы Аэры!

– Да, Астер, – Крис выпустил мой локоть, – внукам будешь рассказывать, как учила главу Ордена тому, что рыцарь может, а что нет. Если доживешь до их рождения, конечно, при таком норове жизнь у тебя будет яркая, но короткая.

– Но он же и в самом деле не может... – начала я, и тут до меня дошло. – Глава Ордена? Сам магистр Немилосердный? Богини!..

Я прижала руки к вспыхнувшим щекам. Что скажет мисс Ильяна? Может, не уходить отсюда? Остаться на второй срок, так сказать, добровольно? Говорила же мне бабка следить за языком!

– Богини! – простонала я.

– Да, – с восторгом подтвердил Жоэл. – Не бойсь, он нормальный

старик, не то что Фернан. Этот бы нас за яйц... – Он посмотрел на меня. – Э-э-э... за большие пальцы повесил! – Парень ухмыльнулся, а затем вдруг поежился. – Родригу давно надоело гонять новобранцев. Самый могущественный рыцарь Ордена уже лет десять назад перевелся в травники. Говорят, задницей все эти зелья чует, не чета вашей «сути компонентов». – Парень вздохнул. – Правда, выбирается еще на задания. Как раз вчера вернулся с отрядом. И с клеткой.

– Так кто это был? – тихо спросила я, вспомнив лапу с железными когтями, и добавила: – Что это было?

Парни переглянулись, Крис махнул рукой. И я поняла, что на этот раз мне ответят. Возможно, потому что сами этого хотят, а может потому, что увидели во мне... не друга, конечно, и, наверное, не товарища... Но и не «глупое задание».

Рыжий оглядел пустынный двор и вытащил из-за пазухи книгу, ту самую, что листал утром Крис. Небольшую, где-то в полторы ладони, в неопрятном кожаном переплете.

– Идем, – скомандовал барон Оуэн и снова схватил меня за локоть. Его пальцы даже сквозь куртку казались жесткими. – На ходу покажешь. А то мы на заговорщиков похожи, так и тянет запереть в острог.

Снова пошел снег. Судя по косому ветру, Академиком все еще скользил по небесной тверди.

– Тварь из Тиэры, – ответил на мой вопрос Жоэл. – Наверняка разведчик.

– Да прям, – фыркнул Оуэн. – Обычная зверюга. Там, я думаю, таких без счета шастает.

– Ты-то откуда можешь знать? – возразил рыжий.

– А я не знаю, – в привычной манере парировал барон. – Не похожа она на разведчика. Грубая механика, заводскаяковка деталей, голод, когти – обычный набор. Шпион был бы сработан поинтереснее, и, при всем уважении к магистрам, они вряд ли взяли бы его без потерь. Обычный беспокоящий контакт. Чтобы не расслаблялись.

Я посмотрела на Крису. А интересные беседы ведут между собой те, кого принято называть тупоголовыми рыцарями! Что такое механика, я знала, хоть ее на Аэре было не так много, скорее исключение, чем правило. А вот что такое «заводскаяковка»? Если предположить, что «заводская» от слова «заводить», то при чем здесь подгонка деталей – не часовщика это работа, либо умелый кузнец ковал, либо маг изменял металл. А если от слова «заводчик», то есть скотовод – то вообще белиберда получается. Или на западе все по-другому?

– Вот только вопрос – как она преодолела Разлом? – хмыкнул рыжий.

Я бы сказала, вечный вопрос, который задает себе уже не одно поколение магистров.

Жоэл тем временем раскрыл книгу. На пожелтевшем листе бумаги тушью был нарисован угловатый зверь с кошачьей мордой, механическими суставами и сегментным скорпионьим хвостом. Ни одной лишней детали, ни одной дрогнувшей линии. Зверь присел, словно готовясь к прыжку, и я воочию увидела, как склоняется его треугольная башка, как щерятся в яростном рыке клыки.

– Этого изловили еще во времена первого князя, – сообщил Жоэл.

Пара скупых строк под картинкой. Узнать о звере удалось очень мало.

Тиэра, или Нижний мир. Выходцами из него нас пугали в детстве кормилицы. Когда-то давно наш мир был целым, не было ни Аэры, ни Тиэры. Была одна лишь Эра, единая и неделимая. Говорят, она была прекрасна настолько, что сами богини, Чистые Девы, снизошли до нее и жили среди людей.

Но всеобщее благоденствие закончилось, когда людские маги пошли против природы. Они не только стали изменять неживое, но и замахнулись на детей богинь: зверей, птиц, рыб и, наконец, на самого человека. Соединяя несовместимое, калеча и изменяя, иногда уродуя, они даровали людям новые возможности, опираясь лишь на собственные желания и разумения.

Они возомнили себя создателями. Но боги не любят конкурентов. Три Девы низвергли магов, оставив только тех, кто был чист душой. Не в силах убить своих неразумных детей, они сбросили их вниз, отобрав все способности, но оставив отступникам жизнь. И навсегда лишили их шанса вернуться.

Девы разделили мир пополам, как нож делит спелое яблоко, закрыли пути между частями некогда единого мира и предоставили мятежных магов их собственной судьбе. Верхняя «половина яблока» стала Аэрой. Нижняя – Тиэрой.

Рыжий стряхнул с листа насыпавшийся снег и перевернул страницу.

– Следующий «зверь» попался спустя столетие, – продолжал рассказывать Жоэл. – Его помнят, как урильского людоеда. Две деревни истребил, прежде чем люди поняли, с кем имеют дело.

С рисунка прямо на меня смотрела помесь гиены и парового двигателя с железными шипами на спине и красными точками глаз. Я поежилась и почувствовала, как Крис тихонько сжал мой локоть.

Все дело в том, что, оказавшись внизу, оставшиеся без магии

отступники не остановились. Уже лишённые силы, они продолжали соединять живое и мертвое, сращивать кожу с металлом, мышцы с камнем. Они работали, покуда не наводнили Тиэру страшными тварями. Такими, как эта. Или следующая.

– Этот был первым, кого удалось захватить живым, – сказал рыжий. – Почти десяток бойцов и двух жриц положили, но все-таки взяли!

Я не понимала, чего в его голосе было больше – страха или зависти к рыцарям прошлого.

– Идиоты, – процедил Крис, разглядывая вместе со мной вставшего на задние лапы медведя, закованного в устрашающие латы.

Наш мир несовершенен. В нем каждый день гибнут люди. По глупости, по велению сюзерена или от гнева богинь. Особенно часто стали гибнуть после того, как огорченные упрямством своих созданий Девы ушли, наказав жрицам следить за оставшимися на Аэре магами. Ушли, оставив нам Разлом и Пророчество.

Разлом – тот самый разрез на яблоке, пропасть, которая выпивает магию, стоит лишь приблизиться. Бездна, из которой на Аэру вылезают демоны. Мрак, который не преодолеть никому.

Почти...

Потому что Пророчество говорило другое. В день, когда пришелец из нижнего мира преодолеет Разлом и ступит на земли Аэры, пропасть, разделяющая две половинки мира, исчезнет.

В трактовке древних текстов жрицы разошлись, большинство утверждало, что после этого мир скверны и металла непременно раздавит легкую магическую Аэру. И не останется в зараженной скверной Эре ничего. Кроме, пожалуй, летающего Острова Академикума.

– Наставники знают, что ты таскаешь из библиотеки запрещенную литературу да еще и юных девушек с толку сбиваешь? – насмешливо спросил Крис.

– Да брось, – усмехнулся Жоэл. – О железных зверях, что проникают сюда из Тиэры, слышали все. Меня мамка часто страшила, не дай бог, забредет в наши края элонский кожесдиратель.

Рыжий снова стряхнул налетевший снег и перевернул сразу с десяток страниц. Новая тварь напоминала гигантского богомола с огромными стальными клешнями.

– Только не говори, что вы с парнями друг другу таких страшилок не рассказывали.

Крис не ответил, что в равной степени можно было понимать и как «да», и как «нет». На выбор.

Моя матушка не приветствовала подобные истории. Но она не учла, что ее старшему сыну – счастье поугубить сестру на ночь глядя. От брата я слышала и о людоеде, и о кожесдирателе, и о дробителе костей, и о высасывателе мозгов, и еще о десятке других выходцев из Нижнего мира.

Никто не знал, как они преодолевают Разлом. Все знали лишь, что они очень кровожадны, любой другой добыче предпочитают людей, а любому человеку – мага, словно отступники специально натравили их на тех, кто сохранил возможность колдовать. Точнее, на потомков тех, кто не поддержал их в противостоянии с богинями.

Однако знать и видеть в локте от себя стальные когти – разные вещи. Я впервые задумалась, а смогу ли стать магом? Смогу ли встать на пути у такого чудища? Или лучше податься в придворные, прописывать микстуры от запора и смешивать белила для лица?

– К тому же это всего лишь звери, – пожал плечами Жоэл и закрыл книгу.

Наверное, он был прав. Раз Аэра до сих пор существовала, значит, пророчество оставалось неосуществленным. Войти сюда сумели только искалеченные животные, наполовину живые, наполовину мертвые, состоящие из плоти и металла. И ни одного человека, ни одного отступника. Пока.

– Настоящие запрещенные книги переплетали в человеческую кожу...

– Точно. И писали кровью при полной луне, – хмыкнул Крис.

Я посмотрела на коричневый переплет и потянулась к нему, проникая внутрь, в структуру, рассматривая кожу как компонент, как часть целого.

– Это телячья, – проговорила я и серьезно спросила: – При какой именно луне?

И мы рассмеялись, подняв головы к небу, где висели сейчас невидимые глаза Девы.

– Я же говорю, – с ноткой легкого разочарования продолжил Жоэл. – Просто книга, правда, для пятого потока.

– Магистры считают, что подобная литература плохо повлияет на неокрепшие детские умы, – сказал Крис, когда мы почти подошли к замку Ордена.

– На мой ум плохо влияют греча с луком пять дней подряд и отсутствие вина.

– У тебя нет ума, Рит, – раздался ленивый голос, и все сразу изменилось.

Только что парни шли рядом, болтая и разглядывая картинки в книжке, а секунду спустя Крис выпрямился, напряженный, словно пружина,

и положил руки на эфес шпаги.

Жоэл выругался. Я во все глаза смотрела на стоящего возле двери высокого, даже выше синеглазого барона, парня с обнаженным клинком в руке. И не простым клинком, а, похоже, фамильным. У отца имелась подобная железка с чеканным родовым гербом Астеров. На стене висела. Пылью покрывалась.

Из-за спины незнакомца вышел еще один парень. Выглядел он совсем не так, как остальные встречавшиеся мне студенты-рыцари. В отличие от Криса, в котором не было ничего от предков, второй парень словно сошел со страниц книги о западных варварах. Именно так я себе их раньше и представляла – в меховых плащах и рубахах, перетянутых многочисленными ремнями. Не вступая в разговор, он встал у стены и начал задумчиво поигрывать ножом с короткой рукоятью.

– Не знаю, за что Оуэн тебя терпит, конюх, но, видимо, ты полон скрытых талантов, – тягуче произнес незнакомец, откидывая назад длинные, почти как у меня, волосы.

Аристократ из южных провинций. Только там косы считаются не привилегией женщин, а украшением мужчин. Жоэл тихо зарычал.

– Но тогда, – продолжил парень, – я не понимаю, зачем вам девочка?

Он сделал шаг вперед, Крис зеркально повторил его движение и встал так, чтобы я оказалась за его спиной. Не знаю отчего, но внутри потеплело от этого жеста. В руке барона сверкнула сталью шпага.

Парень в меховой шкуре разочарованно крикнул и покачал головой. Однако с места не сдвинулся.

– Этьен, – ответил Оуэн. Небрежный тон не вязался с его напряженной позой. – Тебе какая печаль? Ходят слухи, что после последнего посещения Красного квартала Льежа твоему папаше придется искать нового наследника. Напомни-ка, что там случилось? Не хватило серебра, чтобы оплатить портовую шлюху и ее хозяину приглянулось твое хозяйство? Ты уже рассказал мамочке или пожалел старушку?

Кто такие шлюхи, я знала, хоть леди и не полагалось. Больше меня удивила ярость, прозвучавшая в словах Криса, будто кто-то помочился на его семейный герб и теперь придется смывать позор кровью. Что такого зазорного могло быть в скрытых талантах рыжего? Любые знания и навыки идут человеку только в плюс... Но здесь, судя по всему, другой случай, слышалось в интонации рыцарей что-то оскорбительное, вон как Жоэл покраснел.

– Любишь сплетни? Прямо как твоя матушка! – Меч в руках Этьена дернулся и приподнялся, глаза сверкали превосходством.

– Сплетни? – фыркнул барон. – Вирка Ленточка плакалась, как у тебя не получилось. Опять. В который раз оставляешь девушку ни с чем! Приходится утешать в двойном объеме и задарма...

Южанин налетел на Крису, даже не дослушав. Оуэн толкнул меня в снег, а сам пригнулся, пропуская сверкающее лезвие над собой.

– Эмери! – скомандовал Этьен.

Варвар метнул нож в рыжего, тот отпрянул в сторону и упал, поскользнувшись на присыпанном свежим снежком льду. Вращающаяся сталь прошла мимо, всего лишь задев прядь рыжеватых волос. Всего лишь... Эмери бил на поражение. Мысль показалась нелепой, мы же в Академикуме. Мы ученики, а не противники на поле боя. Мы даже не на турнире.

– Эй, ты чего творишь? – закричал упавший, схватившись за собственную шпагу.

В пальцах варвара танцевало еще одно метательное лезвие. Он на секунду заколебался, выбирая между Крисом и Жоэлом, что дало рыжему время встать на ноги.

Зазвенели, соприкасаясь, фамильные клинки южанина и барона.

– Чего тебе надо, Этьен? – спросил Крис, отбив очередной выпад противника.

Во второй руке рыцаря появился кинжал. Не честно, но действительно. Длинноволосый отступил на шаг.

– Уж точно не говорить о бабах, Оуэн! Вспомни учебный бой, урод. Ты унизил меня на глазах у магистра!

– А нечего было отращивать такие патлы! – Шпаги скрестились, выбив целый сноп искр. – За все нужно платить! В том числе и за подобную красоту! – Острые клинка, играючи, срезало каштановую прядь.

В воздухе один за другим просвистели два метательных ножа. От первого рыжий уклонился, а второй отбил книгой в кожаном переплете.

– Ты уложил меня в конский навоз! – заорал южанин.

– Да ты сам плюхнулся, почувствовав родной запах! – Барон отвел кинжалом укол Этьена и тут же на длинном выпаде нанес свой.

Противник уклонился.

Жоэл бросился к Эмери, и третье лезвие отправилось в полет, сбивая рыжему атаку и не подпуская ближе. На этот раз метательный нож чиркнул парня по плечу. На снег упали первые капли крови и книга в коричневом переплете. В отличие от барона Жоэл не носил кольчугу.

Этьен зарычал и с удвоенной яростью бросился в атаку, лезвие устремилось прямо в грудь Крису. Я зажмурилась. Приглушенно звякнули

звенья кольчуги.

Я открыла глаза. Барон и его противник стояли вплотную друг к другу, намертво сцепившись клинками, и скалились. Оуэн отвел лезвие Этьена, удерживая его в стороне упором кинжала. Оружие Криса неведомым образом оказалось зажато между парнями. Секунда, другая, и они яростно разошлись в стороны, снова изготавливаясь к бою и скрещивая шпаги.

Тишину нарушали лишь сиплое дыхание, звон металла, хруст шагов.

Жоэл, не обращая внимания на рану, смог подойти на дистанцию ближнего боя, и варвар, оставив ножи, выхватил из ножен саблю. Большую саблю. Такая в один мах могла перерубить тонкое лезвие шпаги, казавшееся спицей по сравнению с хищной изогнутой полосой металла. Рыжий, словно зверь, закружил вокруг парня в меховом плаще, не давая тому пойти в лобовую атаку.

А я все еще сидела на снегу, не в силах сдвинуться с места. И поверить в то, что вижу. На второй неделе обучения в Магиусе Оли и Вьер тоже сцепились и стали швыряться изменениями. Но в них не было и десятой доли ярости рыцарей, одно бахвальство, а здесь...

Я выбралась из сугроба и торопливо отбежала в сторону, едва не поскользнувшись на предательском льду и задев ногой отброшенную Жоэлом книгу.

Что-то жалобно задребезжало. Я перевела взгляд на Криса и ахнула. Шпага барона была сломана почти у самого основания, лезвие валялось у ног Этьена, тогда как рукоять все еще оставалась в ладони синеглазого.

Кажется, я закричала что-то бессвязное. Плохи дела у моих парней. Богини, когда же они успели стать «моими»?

Оружие победно ухмыльнувшегося Этьена метнулось к незащищенному горлу Криса.

Я потянулась силой ко всему, что меня окружало. К снегу, к земле, стене замка, старой бумаге, шерсти плащей, стали в их руках...

Длинноволосый охнул, Крис совсем не по-рыцарски ударил его сапогом в живот. Сталь прошла в пальце от шеи синеглазого. Барон тут же отбросил ставший бесполезным эфес сломанной шпаги и перекинул кинжал в правую руку.

Оружие Этьена огрызнулось на касание магии голубоватыми искрами. Такие передающиеся по наследству фамильные железки всегда защищают от изменений, чтобы оружие не обернулось против хозяина. Заметив это, аристократ насмешливо скривил губы.

– Что, Оуэн, слабо драться с честью? Один на один, без девчонки? Только перед магистрами такой смелый...

Меня обжег яростный взгляд синих глаз. И нити начавшего формироваться изменения исчезли.

Я вспомнила день, когда во мне проснулась сила. Час, когда брат выступал на турнире в честь Рождения Осени. Маменька в тот день пила капли, а отец в кои-то веки смахнул с фамильного клинка пыль.

Илберт тогда проиграл. А мы все смотрели на это, сидя на местах для почетных гостей. Противник брата, дородный сын сквайра из Винии, уже поднимал клинок, то ли для того, чтобы отсалютовать дамам, то ли для того, чтобы нанести последний удар... Маменька упала в обморок прямо на руки отца. А я сжала кулаки, собирая в них нити силы. Инстинктивно, еще не понимая, что происходит. И закричала:

– Не-э-эт!

Доспехи сквайра на миг, на долю секунды, раскалились, напитавшись, как мне казалось, страхом и яростью. На самом деле – огнем из ближайшей жаровни, который я неосознанно перенесла на железо. Изменение было мгновенным и тотчас откатилось назад, но этого хватило, чтобы победитель, заорав дурным голосом, упал на истоптанный песок ристалища и, хрипя, принялся кататься по земле.

Сын сквайра выжил, но получил жуткие ожоги. Меня, слава Девам, не тронули. Чего это стоило отцу, я так и не узнала, слишком была расстроена тем, что брат не хочет меня видеть.

Меня, младшую сестру! Ту, которая поставила под сомнение его честь. Ту, что дала повод сказать о нем как о спрятавшемся за юбку мужчине. Ведь сплетникам порой все равно, сколько лет той, кто носит эту юбку.

Никогда – ни до, ни после Илберт Астер не злился на меня так сильно, как в те дни. Никогда не отворачивался, словно перед ним незнакомка, недостойная его внимания.

А матушка тайком подарила мне изумрудное ожерелье с сережками.

Что важнее – жизнь или честь? Брат говорил, что честь. Но, глядя на сцепившихся парней, я уже была совсем не так уверена в этом, как прежде.

Никто не научил меня, как поступать в подобных ситуациях. Почему вместо того, чтобы учиться важным вещам, мы составляем ранги чувствительности компонентов?

Барон дернул за завязки плаща, скупым рывком перехватил его и швырнул в лицо Этьена, дезориентировав и заставив нелепо взмахнуть шпагой. Крис тут же полоснул противника по руке ножом. И дорогая железка южанина, падая, загремела по припорошенным снегом камням двора.

Не дав противнику опомниться, Крис ударил снова. Кулаком в

челюсть. Бой уже не казался мне рыцарским, все больше напоминал кабацкую драку.

Закричал Жоэл, и я развернулась, готовясь увидеть истекающего кровью парня. Но это был не крик отчаяния, это был крик победы. Варвар стоял обезоруженным. Сабля валялась в окропленном кровью снегу. Эмери держался за запястье, зажимая рану, а кончик шпаги Жоэла подрагивал в двух пальцах от его лица.

– Крис! – позвал рыжий.

Этьен упал, сплевывая на снег кровь. Оуэн пнул его сапогом в бок. Южанин застонал и, получив еще раз, распластался на земле. Синеглазый перехватил нож, придавил коленом спину южанина, склонился...

– Крис, нет! – закричал рыжий.

Но тот не послушал, сгреб в кулак ухоженные каштановые волосы и провел по ним клинком, срезая пряди почти под корень.

– Стоять! – раздалась отрывистая команда.

Нож Криса на секунду замер, а потом отчаянным рывком завершил дело. Вот теперь я поверила, что он варвар, хоть и не носит шкуры. Дикарь, отрезающий поверженным врагам волосы. Иногда вместе с кожей. Иногда вместе с головой.

– Разойтись! Оружие на землю!

Звякнула шпага Жоэла, а за ней на камни полетел кинжал барона. Через плац к нам спешили трое. Знакомый магистр с бляхой рыцаря – тот самый Тиболт серый, в чье распоряжение я якобы поступила. Молодой мужчина в бобровой куртке с черными, перехваченными лентой у лба волосами и смотритель подвалов Райнер.

– Построиться! – приказал серый магистр.

Жоэл и похожий на медведя варвар быстро выполнили приказ, Крис отпустил свою жертву, подхватил со снега плащ и встал рядом. Этьен поднимался куда медленнее, руки рыцаря дрожали.

– Что тут происходит? – спросил у выстроившихся в линию парней незнакомый мужчина с лентой на лбу.

Крис посмотрел на небо. Покачивающийся Этьен сплюнул кровью. Все четверо многозначительно молчали. В пояснениях сцена не нуждалась, и вряд ли старшие рыцари на самом деле ждали ответа.

– Ну...

– Ничего, милорд, – сказал разбитыми губами Этьен.

– Я вижу ваше «ничего». – Тиболт выразительно посмотрел на обрезанные пряди южанина.

– Я сам попросил барона Оуэна об услугах цирюльника.

– Неужели? – прищурился смотритель подвалов.

– И я милостиво согласился, – добавил Крис. – На западе такие прически распространены куда больше, чем здесь.

– Так! – грозно пророкотал Тиболт. – Жоэл, Эмери, жду ваших объяснений!

– Проведен тренировочный бой, сабля против шпаги в условиях, приближенных к боевым, милорд, – отрапортовал рыжий.

Варвар согласно кивнул.

– Прекрасно. – Тиболт нахмурился, явно не находя ничего прекрасного в увиденном и услышанном.

– Ты, – сказал вдруг смотритель подвалов Райнер, ткнув в меня пальцем. – Астер, кажется? Это из-за тебя они подрались?

Прищуренные глаза старика, казалось, стали еще меньше и злее.

– Нет. – Я замотала головой и для надежности повторила. – Нет.

– А из-за чего?

– Из-за...

Крис смотрел на меня, не мигая, и в его глазах разгоралась та самая злость, что и в глазах брата после турнира.

Он знал, что я сейчас скажу, знал и не хотел этого. Впрочем, точно так же на меня смотрели и остальные четверо.

– Из-за... из-за...

– Ну?

– Из-за каких-то шлюх и ленточек, – не успев толком испугаться, ответила я чистую правду. Не всю, но самую малую ее часть.

Злость в синих глазах потухла, уголки не улыбочивых губ чуть дрогнули. Молодой мужчина с лентой на лбу странно крякнул.

– Дожили. – Серый рыцарь закатил глаза и приказал: – Следуйте за мной.

Парни развернулись и четко, словно на параде, зашагали к крайней башне Ордена. Ни один из четверых ни разу не обернулся.

– Идем, Астер. – Смотритель подвалов нагнулся и, подняв книгу в чуть влажном переплете, подал мне. – Им теперь долго будет не до шлю... девок. Идем.

Только когда осталась одна в камере, я поняла, что именно держу в руках. Книгу Жоэла с рисунками тварей Тиэры, собранных неизвестным рыцарем. С минуту раздумывала, глядя на коричневый переплет.

Я маг! Я справлюсь! Должна!

Шляпка полетела на кровать, промокшие светлые волосы упали на спину. Я села за стол и открыла пожелтевшие страницы, вглядываясь в

четкие линии рисунков.

«*Мэрийский костолом пойман...*»

Утром меня ждал неприятный сюрприз. В подвал пришли не Крис с Жоэлом, а Этьен и неизвестный парень с взглядом снулой рыбы и бледной кожей чахоточного больного.

– Собирайся, лапа, – проговорил южанин, с трудом шевеля припухшими губами. – Закончилось твое наказание.

Он был обрит налысо, от чего уши казались торчащими, а на лице красовались успевшие налиться за ночь чернотой синяки. Я вспомнила, что первый раз рыжий так же говорил скабрзости и стучал сапогом по решетке.

– Мне положен еще день, – спокойно ответила я, наблюдая, как смуглые пальцы обхватывают кованый круг на двери.

– Да мне все рано, кто тебе и что положил, – ухмыльнулся Этьен и тут же скривился от боли. – Или, может, тебе так понравилось развлекаться с барончиком и его прихвостнем, что уже и уходить не хочется? Знаю я, какие у вас, колдунов, порядки.

– Все знают, – пробормотала я. – Только мне не говорят.

– Так пригласи войти, я расскажу. – Решетчатая дверь качнулась, приоткрываясь.

А я все смотрела на тонкие пальцы, которые вчера держали клинок, целящийся в горло Криса. Смотрела и смотрела. Пока железо не предстало пред моим внутренним взором в виде отдельных подвижных частиц и связей между ними. Вот эти частицы, повинувшись воле мага, начали двигаться, с каждым мигом разгоняясь все сильнее и сильнее. Южанин закричал, отпрянул от прутьев, тряся обожженной ладонью.

Второй не двинулся с места, ничего не сказал, даже не сделал попытки помочь Этьену. Аристократ успел насолить всем? Или, что вероятнее, второму было все равно.

Я вышла в коридор.

– Да я тебя, тварь...

– Никогда не хватайтесь за магический круг, если не уверены, что он неактивен, – проговорила, указывая на знак на решетке. – Это опасно. В целительских наборах есть мазь от ожогов. Сама готовила. Советую воспользоваться прямо сейчас, а то останутся шрамы, пальцы потеряют чувствительность, мышцы – подвижность.

Спокойный тон, учтивый, едва заметный поклон и ни грамма мыслей в голове, лишь часто хлопающие ресницы. Мама могла бы мной гордиться!

Накинув на плечо ремень сумки, на дне которой лежала запретная

книга, я вышла в коридор и стала подниматься по лестнице. Наказание закончилось. Пора возвращаться в Магиус.

Запись третья

О правилах обращения с оружием

– Астер, рука не должна дрожать. – Магистр Виттерн посмотрел, как я держу метатель. – Собыете прицел и вместо демона вскипятите озеро, а второго шанса создания из Разлома не предоставляют.

– Когда их в последний раз видели-то? – Сопящая рядом Гэли закатила глаза.

– Это не важно, мисс Миэр, главное, когда демон встретится вам, не промахнуться. – Учитель повернулся ко мне. – Уже лучше, Астер, намного.

Я опустила метатель, выдохнула и подняла снова, совмещая насечки прицела. Узкая изогнутая трубка, заканчивающаяся раструбом с одной стороны и рукоятью с другой, казалась слишком тяжелой для моего запястья. Металл был холодным.

– Никак ты надумала в боевой отряд податься, – глядя, как я снова и снова опускаю и поднимаю метатель, сказала подруга.

На прошлых занятиях я не проявила должного рвения, впрочем, его не проявил никто из наших девчонок. Больше всего метатель походил на портовые пушки Льежа, только в миниатюре. Полые трубки, которые с непривычки так трудно обхватить ладонью – тяжелые, железные. Вместо порохового запала – магические капсули, боек и зубчатое подвижное колесико шкалы дальности. Метатель не читал мысли магов, он мог работать в любых руках, стоило только вложить заряд и задать нужные параметры.

На прошлом практикуме я не так уж внимательно слушала, увлекшись разглядыванием затылка Мэрдока.

– Нет, – ответила, вспоминая механическую лапу. – Но предпочитаю научиться и не воспользоваться, чем потом, стоя нос к носу с демоном, пожалеть, что не училась.

– Как-то странно ты это сказала... – протянула подруга. – Сама же всегда говорила, что возиться с железками – удел рыцарей. Что они там с тобой сделали? Обратили в свою веру?

– Ха-ха. – Я снова подняла метатель, прицелилась в центр мишени и поймала на себе презрительный взгляд Дженнет. Вот уж кто не собирался портить ручки.

По аудитории прокатился сухой треск щелчков, сокурсники пробовали

мягкость спусковых крючков. Столы сдвинули ближе к северной стене, мишени крепились к восточной, чуть впереди возвышалась кафедра учителя. Заглядывающий в окна свет прямоугольными пятнами ложился поверх цветных кругов мишеней.

– Милорд Виттерн, – Алисия взвесила в руке трубку и аккуратно, я бы даже сказала, брезгливо положила на край стола, – а зачем магам эти железки? Почему просто не швырнуть заклинанием? К чему такие... мм... – она подбирала нужное слово, – сложности? Из этого может пальнуть кто угодно, даже рыцарь, знай нажимай на... э-э-э... – Алисия коснулась пальцем изогнутой железки.

В третьей практической аудитории раздалась нестройные смешки.

– Спусковой крючок, мисс Эсток, – пояснил магистр. – То, что вы трогаете, называется спусковой крючок. Уж это-то вы запомнить в состоянии?

Магистр поднялся на кафедру и задумчиво оглядел учеников первого потока. Самый молодой из учителей, Йен Виттерн, когда-то считался и самым красивым. Когда-то... Сейчас его лицо украшал шрам. Бугристая полоска выходила из-под темных волос, собирая кожу неаккуратными складками, наискосок пересекала лоб, делила пополам правую бровь, едва касалась века. Но при этом стягивала его так, что мужчина не мог до конца ни открыть, ни закрыть правый глаз.

Ходили слухи, что он приобрел это украшение почти у самого Разлома, на Проклятых островах. Слава Девам, выжил. Когда отряд вернулся в Академикум, магистры только развели руками. Рана успела срастись, снова разрезать кожу, связки и рисковать зрением не стали.

– Встаньте, мисс Эсток, – скомандовал милорд Йен.

Алисия поднялась и насмешливо склонила голову. Слегка обеспокоенная, но еще не напуганная. Светлое шелковое платье мягкими складками коснулось деревянного стула.

– Дальность полета ваших заклинаний?

– Я... я не помню, милорд.

– Ну, не настолько же плохо у вас с памятью, – усмехнулся магистр, и его лицо перекосило еще больше. – Тридцать шагов? Нет? Двадцать? Десять? Пять?

– Одиннадцать, – выпалила дочь первого советника князя и покраснела.

– Печально, – покачал головой магистр. – Любой мало-мальски обученный рыцарь метнет хоть нож, хоть изолированное заклинание, – он катнул по столу сферу из одной руки в другую, – как минимум на сорок.

Подумайте об этом, прежде чем дурно отзываться о бойцах Ордена. – За прозрачными стенками сферы клубилась подвижная зеленоватая дымка. – А с этим, – магистр остановил шарик и поднял метатель, – даже вы, Эсток, способны отправить «зерна изменений» на сотню шагов. Еще вопросы?

– Да, милорд, – не желала сдаваться Алисия. – Но зачем разбирать и собирать этот... метатель? Заряды? – Она потерла руки, словно они все еще были перемазаны маслом. – Дело мага – колдовать, а железки пусть рыцари заряжают и подносят...

С задних рядов раздалось несколько одобрительных выкриков. Вьер даже приподнялся, а молчун Отес, сидевший сразу за мной, многозначительно хмыкнул.

– Отлично. – Магистр закатил шарик в дуло метателя, повернул колесико, выставляя минимальную мощность, и взвел курок. Тускло блеснуло учительское кольцо. – Заряжают и подносят, еще и мечами машут. Зачем вы им в таком случае? – пробормотал мужчина. – А что вы будете делать, если не поднесут? Или еще хуже – обернут против вас? – Он направил дуло на девушку. – Ваши действия, Эсток? Три, два...

– Ми... ми... милорд? – Она побледнела.

– Один! – Магистр Виттерн выстрелил.

Раздалось тихое «пххх», и Алисию окутало ядовито-зеленое облако учебного заряда. Вскочили все, даже я. А вот девушка, наоборот, плавно опустилась на пол. У меня так никогда не получалось, если уж обморок, то обязательно с задранными юбками и громким стуком.

Узкое лицо дочери первого советника князя покрывал ровный слой сухой краски из клевера, вещь абсолютно безвредная, но неприятная. Во-первых, одежду придется выкинуть, и это меньшее из зол. Кожа и волосы отмоются только раза с третьего. А до этого девушка будет сильно напоминать больную болотным лишаем.

Мерьем сделала шаг к подружке и остановилась, не решаясь ни наступить на краску атласной туфелькой, ни подать руку. Мэрдок оказался не столь брезглив, он склонился над девушкой, легко коснулся щеки.

– Милорд, – Дженнет встала, – не сомневайтесь, первый советник будет поставлен в известность о произошедшем.

– Сделайте милость, леди Альвон Трид. Может, он окажет всем нам услугу и заберет свое чадо. – Мужчина опустил пистолет. – А теперь замолчите и сядьте на место. Я не давал вам слово. Тебя, Мэрдок Ирс Хоторн, это тоже касается.

Мы неохотно вернулись к столам, и Мэрдок, бросивший на магистра обеспокоенный взгляд, тоже. Ортес взялся за метатель и стал с тихим

щелкающим звуком прокручивать колесико настройки.

Веки девушки затрепетали, Алисия обвела взглядом аудиторию: коричневые стены, высокий потолок с покачивающимися плафонами, ряды столов и стульев, сокурсники... Она не понимала, почему ей никто не помогает встать, не хлопчет, не сует под нос нюхательные соли. А потом увидела свои зеленые руки, резво села, возможно, даже слишком резво для обморочной, рот округлился, и девушка разрыдалась.

– Встаньте и выйдите, Эсток. Сырость перед папенькой разводить будете. – Виттерн проводил взглядом выбегающую из аудитории девушку. – Кто еще хочет попробовать?

– Вон, Астер жаждет, – фыркнула Дженнет. – Привыкла у рыцарей быть девочкой для битья.

– Астер? – Магистр поморщился и поднял очередной заряд. – А может быть, вы, Дженнет? Мэрдок? Вьер?

– Милорд. – Я сама не поняла, почему встала.

– Иви, – простонала Гэли, вцепившись мне в руку.

– Я хочу попробовать, милорд, – сказала я.

Во взгляде Дженнет появилось что-то новое, не презрение и не беспокойство, а легкая растерянность. Матушка так же смотрела на деревенского дурачка Ильку, со смесью жалости и опасения...

– Астер, – нахмурился магистр, опуская в дуло еще один заряд, – уверены?

– А у Алисии не спрашивали, – пробормотала Мерьем.

– Да. – Я выпрямилась и положила пальцы на пояс.

– Что ж. – Он поднял метатель. – Три...

Я потянулась силой вперед, трогая нити, частицы, связи веществ. Дерево, металл, плоть, к которой запрещено прикасаться.

– Два...

Представила, как боек ударяет по капсулю, высвобождая энергию, выталкивая шар из дула. Заклинание в сфере, с виду похожей на стекло, но она исчезнет, стоит только заряду соприкоснуться с препятствием. Где слабое звено? Метатель? Металл огрызнулся голубоватыми всполохами. Защищен. Снаряд? Или его содержимое?

– Три.

Любой компонент бесполезен. Краска сама по себе неопасна. Чем нейтрализовать безвредный порошок? Он ничего не сделает, лишь покроет с головы до ног.

Я подняла ладонь навстречу метателю, второй коснулась стеклянных пузырьков на поясе, скорее инстинктивно, чем реально представляя, что

можно сделать. Слянки из того же самого стекла, что и шар заклинания, а значит... Ладонь кольнуло в предчувствии изменений.

Магистр нажал на курок, и времени на раздумья не осталось.

Одна из склянок лопнула, но на пол упали только неактивные кристаллы ржавчины, которая так любит поедать металл. Изменение было направлено не на них. А на частицы пузырька. Осколки осели на ладони, покрыв кожу сверкающей пылью. И в тот момент, когда оболочка заряда лопнула, коснувшись вытянутой руки, я собрала ее вновь. Но уже свою, не дав зеленой пыли разлететься по воздуху. Поймала заряд в капкан, в новое стеклянное вместилище. Пузырек на поясе раскололся и снова собрался вокруг комка краски.

Абсолютно целый шар заклинания упал к моим ногам и разлетелся уже там, оседая зеленой пылью на подоле, ножках столов и стульев, а также ботинках сидевшего через проход Вьера и моих туфлях.

– Неуд по безопасности, – оценил мои действия магистр. – Опять. И пять баллов за находчивость. Пояснить? Или сама поняла свою ошибку?

– Будь это боевое заклинание, – я закусила губу, – к примеру, с огнем, – Виттерн кивнул, – я все равно бы сгорела. Не сверху вниз, а снизу вверх.

– Рад, что ты понимаешь. Изменение магического стекла годится только для временного, повторяю, временного сдерживания. Садитесь, Ивидель. Продолжаем.

Я вернулась за стол, чувствуя, как дрожат коленки.

– Ну ты даешь, – прошептала Гэли.

– Тот, кто найдет способ нейтрализовать заряд, получит право выбрать себе соперника на экзаменовке, остальным назначу сам. – Учитель положил оружие на стол и вновь спустился с кафедры. – Времени вам, – он задумался, – до Дня Зимнего танца Дев.

– А что будет после излома зимы? – спросила Гэли.

– Начнем изучать защиту.

– В библиотеку сходить можно? – робко спросила Мэри.

– Нужно.

Сидящий впереди Мэрдок почесал русую голову, щелкнул планкой предохранителя, стопоря курок, и принялся разбирать метатель. Остальные последовали его примеру. И я в том числе.

Больше магистра не прерывали, до конца урока ловили каждое слово.

После обеда почти весь первый поток, к вящему ужасу библиотекаря, разбрелся по библиотечным башням. Всего их было пять, и каждая хранила книги своего года обучения. Знания, собранные не одним поколением магов, воинов, жриц, целителей и менестрелей. Многие, попав в башни

впервые, замирали, оглядывая бесконечные ряды и полки. Замирали и были не в силах вымолвить ни слова. Столько книг просто не могло существовать! Как представишь, сколько трудов стоило людям узнать, записать и собрать все это здесь, чтобы мы хватались за теплые корешки, небрежно листали страницы, бросали тома обратно на полки и тут же забывали.

Стены башен представляли собой один большой стеллаж, на полках которого гигантские, распухшие от времени тетради соседствовали с тоненькими листами из рисовой бумаги, справочники по чувствительности компонентов – с пособиями о ловкости рук. История Аэры стояла рядом с собранием легенд Проклятых островов. Несколько листков с упоминаниями Тиэры забились в щель между стеллажами и медленно покрывались пылью и грязью, Нижний мир интересовал магов не часто. Зачем? Они уже проиграли свою битву.

Спиральные лестницы извивались внутри, как гигантские змеи, гудели под нашими ногами. Десять каменных переходов связывали подпирающие небо башни, словно канатные мосты, переброшенные через извилистое ущелье. Здесь, в царстве пыли, времени и старой, пахнувшей тленом бумаги запрещалось использовать магию. Под угрозой исключения. Но каждый год находился смельчак, пытающийся протянуть «нити изменения» к холодным стенам. К защищенным камням. Так наш первый поток месяц назад лишился Леона, весельчака и балагура, который способен был рассмешить даже Дженнет.

Никто не препятствовал ученикам шастать по переходам на головокружительной высоте и хватать любые фолианты. Вынести, конечно, не удастся – тут я невольно вспомнила книгу рыжего, а вот полистать при свете масляных ламп – вполне.

– Не думаю, что у нас получится, – в третий раз повторила Гэли, проводив взглядом маленькую тележку библиотекаря, с визгом съехавшую по железным направляющим вниз. Кто-то заказал книгу с верхних полок, поленившись подняться по лестнице, скорей всего, магистр или студент пятого года обучения.

– Не думай. Ищи, – фыркнула я. – Или тебе улыбается получить в соперники герцогиню?

– Это лучше, чем нарваться на Отеса, который всегда все знает. – Подруга пробежала пальцами по корешкам книг и посмотрела на невозмутимого парня, который листал книгу на три ступени выше.

– Завидовать нехорошо, – не отрываясь от исписанных убористым почерком страниц, сказал тот.

Умник Отес – если кто и разберется в устройстве метателя, то только он.

– Сфера заряда лопаается от соприкосновения, – стала рассуждать я, вытаскивая еще один том «О совместимости компонентов». – А если поставить на пути препятствие?

– Метатель придает частицам слишком большую скорость, – ответил Отес. – Не успеешь.

– А если сбить? – предложила Гэли.

– Не попадешь, – рассмеялся парень. – Диаметр заряда мал, скорость опять же... Это как пытаться сбить воробья.

– У отца на охоте неплохо получается, – фыркнула подруга.

– Попробуй как-нибудь, потом расскажешь. – Парень поставил том на полку и стал подниматься по ступенькам, внимательно рассматривая книги.

– В воздухе всегда есть влага, а если стянуть ее? – предложила Гэли.

– Можно, – кивнула я. – Только заряд все равно активируется, и сухая краска, соединившись с водой, окатит тебя грязью.

Поставив справочник на место, я задрала голову к бесконечным рядам томов. Свет из прямоугольного окна падал на потертые переплеты. Лампы с огнем, надежно запертым в магических плафонах, светили колышущимся светом. Где-то внизу слышалась ругань старика Марселона – кто-то снова попытался вытащить за стены фолиант не по уму или не по году обучения.

– Может, ну его, – предложила подруга, поднимаясь на две ступени вверх. – Победитель будет только один.

– Как-то грустно ты это сказала, словно остальных на заднем дворе закопают! – Я пошла за ней.

– У нас сегодня еще две лекции, задание магистра Ансельма, если не сделаем, плакала наша завтрашняя поездка в город. Иви, – она сложила ладони, – до праздника Зимнего танца еще уйма времени.

Я вздохнула.

– Ну, что на тебя нашло? – Подруга всплеснула руками. – Это Льеж! Лучшие лавки, портные, артефакты, в конце концов!

– Скажи еще, по отцу соскучилась.

– И скажу. – Она сделала пируэт на узкой ступеньке и едва не свалилась вниз.

Сопротивлялась я скорее для виду. Отказываться от прогулки по самому большому торговому городу Аэры очень не хотелось. Несколько часов назад, к вящему восторгу большей части учеников, Академиком завис над Льежем.

Город на Зимнем море, в это время года до самого горизонта покрытом льдом. Средоточие водных, сухопутных и воздушных путей. Два железнодорожных вокзала, воздушная гавань и морской порт, лавки, мастерские, лаборатории, студии, склады, которые давно разрослись в целый район, не очень приятный и не очень безопасный.

Все торговые гильдии имели представительства в Льеже, даже советник князя избрал его своей резиденцией. Я уже бывала там пару раз. Первый – несколько лет назад, когда меня представляли свету. Второй – позднее, когда матушка заказывала нам наряды для визита в столицу.

Гэли, как дочь купца первой гильдии, знала Льеж вдоль и поперек. И ей не терпелось устроить экскурсию по модным лавкам.

– Как думаешь, почему магистры привели Остров сюда? – спросила я, доставая книгу о мифах еще единой Эры и тут же возвращая на место.

– Милка, ну, наша домоправительница, писала, что эпидемия ветреной коросты пошла на убыль. Честно говоря, она написала, что больные излечились, а новых случаев не зафиксировано, но, думаю, преувеличивает.

– И в чем здесь интерес магистров? Я бы поняла, если бы мор начался, а не закончился, – посмотрела на осевшую на пальцах пыль – старые сказания не пользовались популярностью.

Короста гуляла по Аэре с начала времен, лекарство от нее придумали еще до образования Разлома. Семена лысого дерева настаивать два к одному на «живой воде» и «жабьем камне». Загвоздка в том, что корявое и неказистое растение давно исчезло из Верхнего мира. Говорили, оно еще изредка встречалось на Проклятых островах, но мало кто отваживался проверить это лично. А еще говорили, что фунт-другой редких семечек надежно припрятан в подвалах Магиуса, как и множество иных сокровищ и разных «несуществующих» вещей.

Зараза изредка заглядывала то в один город, то в другой, задерживалась в деревнях и селах, потому что единственным средством против коросты оставались магические амулеты. Но они не излечивали, лишь предотвращали заражение тех, кто был достаточно богат, чтобы оплатить работу колдунов. Самое время поблагодарить Дев, что маги не болеют, по крайней мере, обычными болезнями.

– А еще старшая дочь советника Эстока собирается замуж. По этому случаю в Льеже дают большой бал, – насмешливо сказала Гэли. – Как тебе такая причина?

– Весомо. Сестра Алисии?

– Да. Но, учитывая вчерашнее происшествие, Алисия может пропустить событие года.

- Повезло, – протянула я.
- Слушай, а если сгустить? – торопливо зашептал грубый голос.
- Что сгустить? – так же «тихо» ответил Оли.
- Краску. Сжать компоненты, убрать воздушные пустоты?
- И получить вместо краски камнем по носу? – насмешливо спросила

Гэли.

Я перегнулась через перила – ярусом ниже стояли Вьер и Оли, друзья или враги. По-моему, они еще не определились.

– Говорите громче, – потребовала подруга.

– Ага. – Вьер фыркнул. – Идите лучше на мужланов полюбуйтесь, они как раз рубашки сняли, чтобы дубинами махать, а сложные задачи оставьте настоящим магам.

– Это ты, что ли, настоящий? – хмыкнула подруга.

– Откуда знаешь, что сняли? – спросила я.

– Астер, если свалишься, – назидательно проговорил сверху Отес, – снова схлопочешь неуд по безопасности. Мало тебе спаленной лаборатории?

– Если свалюсь, неуд меня будет волновать меньше всего, – пробормотала я, выпрямляясь.

– Хватит уже эту лабораторию поминать, – рявкнула Гэли, подобрала юбки, поднялась на три ступени вверх и замерла напротив окна. Щеки слегка покраснели. Неужели и вправду рубахи сняли?

Восточные окна пятой библиотечной башни всегда пользовались популярностью у девушек. Особенно у первокурсниц. Отсюда открывался великолепный вид на тренировочную площадку и полосу препятствий Ордена. Здесь Магиус вплотную подступал к факультету рыцарей, и, когда молодых воинов гоняли по окопам, они нередко скидывали верхнюю одежду. Причем и в холод, и в жару, видимо, не хотели пачкать, а может, еще по какой причине, заставляющей парней артистично махать мечами и чутко прислушиваться к охам и ахам благодарных зрительниц.

Тонкие стекла библиотечных окон чуть отсвечивали зеленым, придавая миру нереальный болотный оттенок, так не вязавшийся с романтическим настроением девушек.

Я вспомнила Крису с Этьеном, вспомнила, как оружие высекало искры, как капала на белый снег кровь, а сосредоточенные лица бойцов кривились от ярости... Представила и попыталась мысленно перенести этот бой под окна библиотеки. Не получилось. Не вязалась та злость с удалыми взмахами шестов и играми мускулами.

Лестница загудела от торопливых шагов, я снова перегнулась через

перила и встретилась взглядом с поднимающимся Мэрдоком.

– Знаете, что снадобий сегодня не будет? – проговорил самый привлекательный парень курса.

Я быстро выпрямилась, опасаясь, что, если увижу его улыбку, так и буду стоять и пялиться, не в силах вымолвить ни слова. Так было в самый первый день в Магиусе, что дало Дженнет повод для шуток – иногда она не в меру наблюдательна.

Мэрдок... Русые волосы, голубые глаза, уверенный взгляд, улыбка превосходства, широкие плечи, высокий, хотя не такой высокий, как барон Оуэн. Девы, с каких это пор я сравниваю мага с рыцарем? Не знаю и не хочу знать. Сокурсник был красив и в большинстве случаев равнодушен к окружающим, он в равной степени не обращал внимания ни на робкие девичьи улыбки, ни на злые усмешки парней.

Граф Мэрдок Ирс Хоторн происходил из некогда знатного, но сейчас, увы, обедневшего столичного рода. Полагаю, это злило Дженнет сильнее всего, потому что из-за более низкого положения парень не мог претендовать на руку дочери герцога. Вернее, она не могла претендовать на его сильные руки и все остальное – в комплекте. Такой мезальянс не одобрил бы ни ее отец, ни князь, хотя правитель, бывало, и не такие шутки выкидывал. Неженатый князь, надо сказать...

– Почему? – спросила Гэли, отворачиваясь от окна. На ее щеках все еще играл румянец.

– Мне не доложили, мисс Миэр. – Он посмотрел на подругу.

Я встала рядом с ней и выглянула в окно. Пятерка рыцарей передвигалась по полосе препятствий, ныряя под веревками и уклоняясь от ударов подвешенных бревен, один лихо перемахнул через высокую стенку и скрылся из виду. Трое уже сняли рубашки, четвертый тыкал мечом в деревянного болвана, тот остался равнодушным. Глядя на них, я впервые думала не о рельефе мышц, а о том, как им должно быть холодно. И была уверена в одном: Криса среди них нет. Только непонятно – огорчало меня это или радовало.

– Чем заменили? – деловито поинтересовался сверху Отес.

– Фехтованием.

– Не-э-эт, – простонала подруга. – Девы!

Я схватилась за правую руку, которая все еще ныла после упражнений с метателем. Фехтование – не самый любимый предмет.

– Не понимаю, зачем нам это, – пробормотал Оли. – Я владею шпагой, пусть вон девчонок учат. И Ортеса, – не удержался от колкости сокурсник.

– Выскажи претензии милорду Виттерну. Уверен, он с удовольствием

выслушает, – ответил Мэрдок и поднялся на ступень выше.

– Точно, – хохотнул Вьер. – А потом еще раз выслушает, и еще. Пока уши не отвалятся.

– Милорда Йена Виттерна срочно вызвали на совет магистров, – спокойно сказал Ортес. – Сам видел.

– Значит, нам заменили не только предмет, но и преподавателя? – спросила Гэли, не сводя взгляда с поднявшегося еще на одну ступень Мэрдока. Парень задумчиво касался тех же книг, что еще недавно смотрели мы.

Раздался отрывистый и какой-то натужный бой часов. Далекий, но вполне различимый. Помню, как в первый раз услышала перезвон, мелодичный, высокий, как стояла, задрав голову, и смотрела на большой круглый белый циферблат, на кованые стрелки,двигающиеся со скрежетом, и не представляла, что в ближайшие годы этот звук будет отмерять часы моей жизни. Первая башня была самой высокой их всех, она почти подпирала небо. Выше нее только острый шпиль Отречения жриц.

– Демоны Разлома, – буркнул Вьер и вернул книгу на место.

Они с Оли стали быстро спускаться вниз, лестница загудела. Ортес, наоборот, побежал вверх, решил вернуться по воздушному переходу и спуститься через третью башню.

Поравнявшийся с окном Мэрдок вдруг спросил:

– Как думаешь, если заменить ограждающее заряд стекло на металл, краска останется внутри? – Он поднял бровь. – Энергия полета погасится...

– Нет, – ответила вместо меня Гэли. – Металл – коэффициент изменяемости три, а у стекла – единица. Преобразование тугого металла займет в три раза больше времени. – Она повернулась ко мне и позвала: – Идем, Иви, неизвестно, кто и сколько нас сегодня заставит махать шпагами.

И я пошла, спиной чувствуя все такой же равнодушный и неподвижный взгляд графа Хоторна. Ему не понравился ответ мисс Миэр, как он называл подругу. Не понравился, потому что был правильным. Все в нашем мире имело коэффициент изменяемости. Степень послушания веществ колебалась от единицы до пятерки. Самые легкие – стекло, бумага, ткани – сами готовы были изменяться. Самые тяжелые – металлы и сплавы, с этими приходилось попотеть. К компонентам с нулевой степенью относили живые организмы, кости, мышцы, ткани... Запретные изменения.

Боль в кисти руки усилилась, шпага в третий раз вылетела и, дребезжа, покатила по полу. Округлый наконечник слетел с острия и упал на гладкие плитки. Отлитый из горячего сока дерева Ро, который, застывая, напоминал упругую тянучку, наконечник был мягким, но достаточно

плотным, чтобы защищать от травм и порезов. В Магиусе не приветствовали кровопускание, даже в качестве лечения. Пришлось снова фиксировать его на кончике рапиры.

– Внимательнее, Астер, – рявкнул Ансельм, переходя к следующему ученику.

Я кивнула, приводя клинок в нужное положение. Напротив уже стоял Отес.

– Ангард, – отдал команду магистр.

Ученики скрестили клинки, и аудитория наполнилась звоном.

В тренировочном зале не было окон, лишь стены, завешенные драпировками, и светильники. Пламя колыхалось и дрожало, освещая наш неловкий танец с оружием.

Противник бил жестко, рассчитывая скорее на силу, чем на умение, и я стала уклоняться. Черные волосы парня то и дело падали на лоб, и он дергал головой, чтобы откинуть их с глаз.

Рапира в руке была старая и тяжелая, перед отъездом меня больше волновал гардероб, чем какая-то железка, по которой матушка проливали слезы, с ностальгией вспоминая, как дед нанимал ей учителя и как она распоролла какому-то ухажеру жилетку. Папенька, помню, очень странно смотрел на нее при этих словах.

Знала бы, что мне придется так фехтовать, выпросила бы у отца новую, из облегченной стали. Говорят, в Чирийских горах придумали новый методковки, да и по заговорам колдуны из тех мест – предметники из лучших.

Стойка, уклонение, переход. Быстро переступая по гладкому полу, я едва не задела соседнюю пару, вернее, они едва не задели меня. В последний момент Вьер отвел шпагу...

– Не зевай, – крикнул магистр, и рапира парня тоже полетела на пол.

Я свою смогла удержать, несмотря на удар сокурсника.

– Переход! – скомандовал Ансельм. – Живее! Двигаетесь как сонные мухи! С каждого уже раза по три голову сняли!

– У меня только одна голова! – фыркнул Вьер, становясь напротив следующего противника.

Звучавшие в зале голоса стали стихать, шпаги поднимались, пальцы сжимались на рукоятках. Только Коррин сидел на скамье – он уже успел получить растяжение, сбегать к целителям и вернуться в тренировочный зал зрителем, хотя магистр Ансельм предлагал парню перекинуть рапиру в левую руку.

Напротив меня остановилась тихая и молчаливая Мэри. За прошедшие

полгода никому так и не удалось узнать о ней больше, чем в день поступления. Невысокая, пухленькая дочь столичного аптекаря предпочитала молчать, не ввязывалась ни в какие свары, старалась не выделяться ни перед магистрами, ни среди сокурсников.

Снова отрывистая команда. И сверкающая сталь сталкивается со сталью. Выпады девушки были в какой-то мере предсказуемы. Угол, укол, уход, блок, снова уклонение... Подленькая непрощеная и беспокойная мыслишка, что Мэри не очень сильный противник, так и крутилась в голове, а ведь девушка ничего плохого мне не сделала. Но когда я попробовала перейти в контратаку, она резко развернулась, и острие с мягким тренировочным наконечником устремилось мне в грудь.

– Здорово, – искренне похвалила я.

Неулыбчивые губы девушки дрогнули.

– Спасибо, – прошептала она. – Тебе надо заменить оружие.

– Уже поняла, – вздохнула я, поднимая клинок. Сталь ударилась о сталь.

– Я знаю хорошего оружейника в Льеже, – сказала сокурсница, делая выпад, и тут же смутилась. – То есть не я, конечно, старший брат. Он тоже в Магиусе учится, только на пятом потоке... то есть, если ты позволишь... вы позволите... ваша милость... – Под конец она уже шептала.

– Позволю, – серьезно кивнула я, парируя удар. – Данной мне властью разрешаю звать меня «Ивидель», а то «ваша милость» немного старит, не находишь? – Девушка снова неловко улыбнулась. – Кстати, о старших братьях, он у тебя маг?

– Да. – Она нанесла смазанный укол, и я легко отбила удар. – Но если ты думаешь... думаешь... – Девушка мотнула головой.

– Я думаю, что можно спросить у него про методы защиты. Или, может, не у него, а у другого старшекурсника.

– Но это же нечестно!

– Что поделатъ...

– Переход! – скомандовал магистр, так и не сумевший разоружить Мэрдока.

Дженнет удалось приставить лезвие к ключице Мерьем. Махать железом у герцогини получалось на удивление ловко. Хотя почему на удивление? Наверняка за этим стоят труды не одного и не двух домашних учителей.

Мэри отошла, а напротив меня оказалась Гэли.

– Ангард!

Звон стали и тихие шаги. В зале ни ветерка, ни одного дуновения.

Я чувствовала, как пот потек по спине, широкие тренировочные брюки прилипли к ногам, а кисть руки болела все сильнее и сильнее.

Гэли практически не дралась, махала шпагой для отвода глаз, не переставая улыбаться. Стоило мне провести простенькую атаку, как она с готовностью выронила клинок. Я вздохнула и спросила:

– Зачем ты здесь?

– Что? – не поняла подруга и неторопливо переступила с ноги на ногу на цветных плитках пола.

Узор пола казался абстрактным, хотя меня не отпускала мысль, что если «взлететь» или повиснуть на одном из светильников, как скоморох в бродячем балагане, что мы наблюдали как-то в шатре на сельской ярмарке, то можно разглядеть что-то интересное. Ну, или разочароваться, увидев лишь ворох цветных пятен. Вот тут вроде лапа какого-то зверя, а тут ухо или лепесток мохнатого цветка. Каблуком наступил на коготь или на закручивающуюся ленту, под носком скрылись глаз или звезда на ночном небосводе. Я ступала то ли по шерсти диковинного зверя с узким поджарым телом, то ли по траве, которую неизвестный мастер перенес на мозаичные плитки пола.

Подруга наклонилась к упавшей шпаге, она даже не переоделась, осталась в юбке, которая теперь путалась и стесняла движения.

– Почему отец отправил тебя в Магиус? Ты ведь не горишь желанием учиться.

– Ты тоже, – фыркнула девушка.

– И все же? Раньше я думала, что...

– Ну, заканчивай. – Она отсалютовала клинком.

– Что ты ищешь мужа, – пожалала я плечами.

– Также мне, секрет, – хохотнула она, ничуть не обидевшись. – Ищу, как ты и Дженнет, Мэри, Алисия и каждая поступившая девчонка. – Мы скрестили клинки. – Но для этого совсем необязательно махать железом.

Я позволила себе вопросительный взгляд.

– Какая ты непонятливая, Иви, – дернула плечом Гэли. – Кто возьмет в жены колдунью, не умеющую контролировать силу?

– Никто, – согласилась я, вспомнив, как орал от боли обожженный противник брата.

– А магесса с моим приданым может рассчитывать даже на аристократа... наверное... – Девушка хихикнула, но тут же стала серьезной и тоскливо добавила: – По крайней мере, так планирует папенька, раз у него нет сына. – Забывшись, она развела руками, и я нанесла легкий укол в корпус. Учебный наконечник мягко ударился об одежду. – Сказал, дела

внуку передаст.

– А ты не думала стать магом? – задала я вопрос, ради которого и затеяла весь этот разговор. На лице подруги отразилось недоумение. – Не бакалавром через три года, а настоящим магом, закончить полные пять?

– Нет, – покачала головой подруга. – Иви, ты меня пугаешь. Ты же не думаешь стать такой... такой, как мисс Ильяна?

– Нет, – выдохнула я, вспомнив сухощавую фигуру Ильяны, главы Магиуса, ее упрямо вздернутый подбородок, короткие, как у мужчин, черные волосы, глубокую складку у рта и жесткие глаза. – Конечно, не думаю.

Гэли улыбнулась, еще тревожно, но улыбнулась. Магистр тем временем уже разоружил Тару.

– Переход, – раздалась отрывистая команда.

Подруга опустила клинок, а я увидела, как ко мне танцующей походкой идет Дженнет. Наверное, что-то отразилось на моем лице, потому что подруга обернулась, а потом, схватив меня за локоть, торопливо зашептала:

– Иви, прошу тебя.

– Ее проси, – процедила я сквозь зубы.

– У тебя уже есть один неуд, получишь второй, и плакат твой пропуск в город. Пожалуйста... – прошептала она, отходя.

Герцогиня улыбнулась, встала на изготовку. Я сцепила зубы.

– Анггард.

Рапиры столкнулись даже не со звоном, а с каким-то яростным скрежетом. Дженнет была очень быстра и напориста. Сталь в ее руках извивалась, словно жезл шамана в каком-то языческом танце. Я не успевала даже разглядеть рисунок боя, не то что разгадать его. Мягкий наконечник рапиры с силой ткнулся мне в локоть, обозначив укол, потом в живот. Наверняка останутся синяки.

Я перехватила рукоять, чувствуя, как пот заливает глаза.

– Учись проигрывать, Астер, – проговорила леди Альвон Трид, блокируя мой неловкий удар. Ее забранные в высокий хвост белокурые волосы взметнулись и упали на плечо.

Из всего первого потока только у нас с ней белые волосы. Да не того серо-русого оттенка, что распространен у простолюдинок, а настоящего, чистого, как ствол дерева Ро, что растет далеко на юге. Говорили, это отличительная особенность тех, кто ведет свой род от первого князя. Как Триды. Как Астеры.

Астеры всегда были белоголовы – или безголовы, как часто говорила

нянька. Даже брата не раз дразнили деревенские, пока он не вырос и не научился давать сдачи. Не в этом ли кроется причина неприязни Дженнет?

– Только если у тебя, – ответила я, посмотрев в сверкнувшие яростью глаза, – голубые глаза, тогда как у меня – карие.

Она снова пошла на меня. Удар, удар, уклонение, разворот. Ни о какой контратаке не могло быть и речи, удержать бы шпагу в руках. В какой момент слетел ее защитный наконечник? Я не знаю. Просто, в очередной раз взмахнув рапирой, она распоролла мне рубашку.

– Тогда позволь начать обучение, – оскалилась девушка. Тонкие высокомерные черты лица исказились, разом превратив ее в пещерную мегеру^[1], которой пугали детей старые няньки. Чистая злость, и ничего больше. С таким же лицом Этьен бросался на Крису.

Кто-то вскрикнул, я не видела кто. Мир сосредоточился на остром кончике сверкающей стали. Я забыла про все – про боль в руке, про то, что леди надлежит и что не надлежит, про сокурсников, которые, оглядываясь на нас, прервали тренировку... Я не могла позволить ей победить.

Парировать, уйти, не раскрываться, не дать прорвать оборону. Блок, от которого мгновенно онемели руки.

– Что, Астер, нравится?

– Очень, – прохрипела я. – Особенно твое красное, как у прачки, лицо.

А вот это я сказала зря и поняла сразу же. Нельзя опускаться до оскорблений. Думаю, мое лицо было ничем не лучше, но герцогиня, как всегда, думала только о себе. Она провела целую связку ударов, заставив меня увязнуть в обороне.

Укол. Мимо. Девушка скользнула в бок и ударила снизу вверх. Я приняла ее выпад на перекрестье. Но вместо того чтобы отпрянуть, она опустила рапиру, проваливая удар, заставила мой клинок по инерции следовать за своим и ударила в бедро. Почти ударила. Я видела, как приближается острие, и знала, что не успею отвести шпагу. Я отступила, зацепилась носком ноги за штанину, не смогла удержать равновесие и упала. Совсем неэлегантно плюхнулась на задницу. Рапира вспоролла пустоту.

Победная улыбка Дженнет сменилась гримасой разочарования.

– Хватит! – рявкнул Ансельм Игри.

Я заморгала, все разом заговорили...

– Нельзя продолжать бой без наконечника! – негодовала Гэли.

– Астер, ты в порядке? – спросил Мэрдок. Сердце, стучавшее, как сумасшедшее, замерло, но во взгляде парня была лишь вежливость, и ничего более, точно так же он склонялся к перемазанной краской Алисии.

– Это было... – обеспокоенно и чуть сердито проговорила Мэри, – неправильно!

– Нет, это было здорово! – хохотнул Оли.

Разные нестройные выкрики, шумное дыхание Дженнет, неторопливо приближающийся магистр.

– В чем ошибка Астер? – спросил учитель. – Если не касаться техники. В чем ее самый очевидный промах?

Все затихли.

– В... – начала Мэри и, смутившись, замолчала.

– В нерешительности, милорд, – ответил Отес. – Слово она никак не может решить, драться ей или нет.

– Правильно, а ошибка Альвон? – Ансельм оглядел притихших учеников. – Ну? Что, у нее нет ошибок? Она непобедима?

– Эмоции, – ответила я, поднимаясь. Пальцы в ладони Мэрдока чуть дрожали, наверное, от усталости. – Она вышла из себя.

– Точно, – кивнул магистр. – У каждого свои слабости и достоинства. – Он поддел носком сапога рапиру Дженнет, посмотрел на незакрытое острие и добавил: – Неуд по безопасности, Альвон. А теперь возьми клинок и попробуй найти мою слабость. – Он снял наконечник со своего клинка и встал в позицию. – Все попробуйте.

Герцогиня подняла оружие, даже не посмотрев в сторону валяющегося наконечника. Звякнула сталь.

Со стороны этот танец рапир казался почти завораживающим, гибкая фигурка девушки и массивная – наставника. Ее стремительные выпады и его скупые блоки.

– Габариты? – прошептала стоящая рядом Мэри. – Она более подвижна.

– Да, но он сильнее, – не согласился Отес.

Магистр легко и почти изящно для своего веса ушел от выпада Дженнет. Она покраснелась еще больше, тогда как Ансельм Игри, чем-то напоминавший трактирщика, может, крепким телосложением и длинными руками, а может, почти лысой головой и черной короткой щетиной, оставался бесстрастным и нарочито медлительным.

– Он действует так... – Вьер покачал головой, – словно заранее знает, чем закончится каждая связка. – В голосе парня слышалось восхищение.

– Работает на опережение, – согласилась я. – И если Дженнет вдруг отойдет от классического рисунка...

– Он может попасться, – нарушил молчание Мэрдок. – А может и нет, – добавил парень спустя несколько секунд, когда рапира герцогини

полетела на пол, девушка схватилась за кисть руки, а между тонкими пальцами выступила кровь.

– Вот что бывает, когда пренебрегаешь безопасностью, – назидательно проговорил милорд Ансельм. – Покажитесь целителю, Альвон. А вы? Чего встали? Разбились на пары. Продолжаем.

И мы продолжили.

Запись четвертая

О законах воздухоплавания и торговли

– Посторонись! – закричал рабочий, и разгрузочная лапа, натужно зажужжав, опустила на каменную мостовую перетянутый канатами груз.

Пышущий горячим паром подъемник разжал пальцы креплений и поднялся вверх. На грубом необработанном дереве ящика стоял красный оттиск – эмблема – лежащие на боку песочные часы, которые я в первый раз приняла за очки. Знак «Миэр компании», одного из главных поставщиков Острова, а также управы Льежа, двора первого советника и многих других. Компания отца Гэли. Погрузчик издал пронзительный гудок...

Две девушки, судя по алым эмблемам на подбитых мехом плащах, будущие жрицы, вздрогнули и отпрянули в сторону.

В воздушной гавани Академикума с самого утра царило оживление. Слышалось шипение газовых горелок легких гондол, крики птиц и рабочих, отрывистые команды, запах свежего дерева и машинного масла.

Громадный бок грузопассажирского дирижабля, так похожего на кита, качнулся и с шорохом коснулся каменного борта пристани. Я поежилась.

– Спустимся на судне отца. – Гэли ухватила меня за руку и потащила к воздушной площадке. – Уже объявили посадку.

Несколько учеников перед нами показали служащему компании голубые квитки билетов.

– Папенька не любит пустых рейсов, – прокомментировала подруга.

– Мисс Миэр, – тут же взял пол козырек кондуктор. – Леди Астер. – Он посторонился, пропуская нас в просторную пассажирскую кабину.

Под гигантским брюхом дирижабля она казалась бородавчатым наростом. Грузовые корзины уже опустошили, и воздушное судно готовилось отправиться в обратный путь.

– Не удивляйся, – хихикнула Гэли, – отец в первый же день нашего знакомства навел справки.

– Полагаю, наша дружба одобрена. – Я прошла мимо скамеек прямо к распахнутому окну и положила ладонь на подоконник. Дерево было теплым и гладким.

– Всецело, – засмеялась подруга. – Ведь у тебя есть не только титул, но и неженатый старший брат.

– Боюсь разочаровать мэтра Миэра, но Илберт избегает магесс как огня. – Я вспомнила, с какой злостью он смотрел на меня после того турнира.

– И вы не нуждаетесь в богатом приданом, хотя и не отказались бы от финансовых вливаний, – продолжала невесть чему радоваться подруга.

– Как и любой другой род.

– Это мне и нравится в тебе, Иви, ты не ищешь выгоды. – Девушка встала рядом. – И не воротишь от меня нос из-за происхождения. – Она вздохнула и указала на приближающегося Пьера. – Как представляю, что ты выйдешь замуж за кого-нибудь вроде этого напыщенного маркиза и он запретит тебе видеться с купчихой...

– Выход один, – поддразнила я подругу, – тоже найти жениха с титулом, и тогда даже он, – я отвернулась от сокурсника, покупавшего билет с таким видом, будто он делал одолжение всему миру, – не сможет отказать тебе от дома и не нанести при этом оскорбление роду, ведь дуэли явно не его конек.

– Хорошо бы, – подруга оглядела гавань.

Ученики, магистры, рабочие... Два рыцаря в полном облачении, кольчугах и шлемах прошли к пришвартованной сбоку легкой гондоле. Высокая жрица в длинном плаще поднималась по ступенькам, держа в руке учетную книгу, считала деревянные ящики и делала пометки на страницах. Воздушная гавань – единственный пункт сообщения с Аэрой. Она напоминала треугольник, нависающий над бездной. Слово Остров высунул каменный язык, чтобы показать его всему миру. К пирсу были пришвартованы многочисленные летающие суда, но никто пока не переплюнул по размерам дирижабль Миэров.

Рыцари в латах поднялись на борт легкой гондолы, рассчитанной не более чем на десять человек. На ее вытянутом шаре был нарисован герб Академикума: на зеленоватом поле щита пузырек с компонентом перечеркивали ключ Отречения и меч Ордена. С тех пор как маги предали богинь, жрицы и рыцари были призваны следить за колдунами и за теми изменениями, что они несли в мир.

Корзина гондолы была открытой и легонько покачивалась. Ветер сорвал с головы стоящей у борта женщины капюшон и растрепал короткие черные волосы.

– Мисс Ильяна? – удивилась подруга. В это время стоящий рядом мужчина повернул голову и показал нам изуродованный глаз. – Магистр Йен Виттерн? – тут же узнала его Гэли и спросила: – Как думаешь, у них роман? Для этого они и спускаются в Льеж?

– Для чего? – не поняла я.

– Ну... – смутилась она. – Для того... самого.

– Я, конечно, не специалист, но если это то, о чем я думаю, то свободную комнату можно найти и в Магиусе.

Пластины стабилизаторов наклонились, хвостовые лопасти, подчиняясь движениям рулевого, качнулись, и легкое судно отошло от воздушного пирса. Пол под ногами задрожал. Я не заметила, как вцепилась в подоконник. Пушистая муфта упала на пол.

– Графиня Астер боится летать, – засмеялась Гэли.

– Отстань, Миэр. – Я толкнула подругу плечом. – Я не боюсь летать, просто как вспомню о той катастрофе в столице, не по себе становится.

– Брось, это произошло сто лет назад. Тогда рулевые были идиотами, дознаватели же во всем разобрались. А папенька не нанимает идиотов, грузами он дорожит куда сильнее, чем людьми. Уж можешь мне поверить. Да и вспомни, князь все же выжил, так что шансы есть в любом случае... – Я повернулась, и подруга замолчала.

– Да, князь выжил.

На тот свет отправилось всего лишь несколько десятков придворных, в том числе и прежний первый советник, которого сменил отец Алисии, а еще экипажи двух судов, весь цвет торгового сословия и около сотни горожан, чьим домам не повезло попасть под удар неуправляемых воздушных гондол. Мне тогда было восемь, у отца в кабинете лежало личное приглашение князя на весеннюю прогулку, но маменька занемогла, двух рабочих в шахте засыпало, брат спутался с дочкой молочника, которая уверяла, что носит под сердцем его ребенка. И граф Астер, отправив сына в дальнее имение, благо и у тамошних крестьян тоже имелись дочери, сам остался дома.

А вот его старший брат, дядюшка Витольд, был на той гондоле. Произошло столкновение судна князя и судна торговых представителей, надеявшихся на понижение пошлин. Взорвался газ. То, что Астеры предавали земле на фамильном кладбище весенним теплым днем как тело дяди, могло поместиться в коробочку для искусственных мушек. Собрали только пепел, причем без гарантии, что именно дядюшкин, и еще нашли железный зуб, как прошептал на ухо брат.

Так отец унаследовал все состояние Астеров. Мой дед разделил наследство между сыновьями, коль уж оба дожили до совершеннолетия. Старшему, то есть дяде Витольду, – титул, Кленовый Сад и две трети состояния, младшему, то есть папеньке, Илистую Нору и добычу руды.

Весенние Дни Рождающихся Дев запомнили почти все династии,

лишившиеся наследников. Князю обожгло лицо и изуродовало настолько, что не справились даже маги. С тех пор он оставил столицу и не покидает Запретного города.

Дирижабль качнулся.

– Я не боюсь летать, – больше для себя повторила я и, не удержавшись, посмотрела на шар над головой. Тогда тоже ничто не предвещало беды. Понадобилось десятилетие, чтобы люди снова начали доверять воздушным судам грузы, а потом и жизни.

– Ты похожа на нашу домоправительницу Милку, та поклялась, что ноги ее не будет в этих летающих гробах. – Гэли снова захихикала, а потом серьезно предложила: – Если тебе совсем не по себе, давай сядем.

– Нет. – Я стиснула ладони, наблюдая, как вторая галера отчаливает от пирса – значит, мы следующие. – Не хочу быть такой, как ваша домоправительница.

– Другого пути все рано нет, ни сюда, ни отсюда. – Гэли отвернулась от окна и обворожительно улыбнулась.

– Догадываюсь об этом, – иронично ответила и проследила за ее взглядом.

Молодой человек заботливо усадил Мэри Коэн на одну из скамеек. Кутающаяся в вязаный шарф дочка аптекаря кивнула, молодой человек на несколько лет старше обжег подругу сердитым взглядом. Гэли послала воздушный поцелуй, но парень отвернулся.

– Вы знакомы?

– Тьерри Коэн, – отмахнулась девушка. – Отцу он нравился, уважаемая семья, но по мне – слишком скучен.

Дрожь под ногами усилилась, скрипнули снасти, зазвучали отрывистые команды. Служащий объявил об отправлении, стюарды стали закрывать окна. Корзина качнулась, дирижабль со скрипом потерся о каменный пирс.

Еще до того как закрыли окно на нашей стороне, я успела услышать протяжный крик птицы и глухой удар – она врезалась в бок дирижабля, а потом, спланировав вниз, выровнялась уже у самых стекол.

– Не грохнись в обморок, Астер, – прокомментировал неслышно подошедший Ортес, и дирижабль, качнувшись, отошел от воздушной гавани. – Тебя что, в Академикум без сознания привезли? – Парень наклонился, поднял упавшую муфту и подал мне.

– Почти, – прошептала я, кутая руки в теплый мех.

– Не твое дело, умник, – ответила подруга и потянула меня к лавкам. – Иди еще книжки почитай.

Я неохотно отвернулась от качнувшейся за стеклом каменной полосы пирса, которая отдалялась с каждым мигом. Посадочная площадка осталась висеть в воздухе, как и каменный язык гавани. Дирижабль поднялся над Островом, в небо взметнулись библиотечные башни Магиуса, острые шпили Отречения и приземистые арсеналы Ордена.

– Ты бледная, – нахмурилась подруга, когда Ортес отошел.

– Не боюсь высоты, – повторила я, усаживаясь на мягкую скамью.

И это было чистой правдой. Все детство я провела, лазая по деревьям и стенам сначала Иистой Норы, а потом Кленового Сада – до того, как матушка, ужаснувшись ссадинам на коленках малолетней графини, не наняла гувернантку. А на Острове я взбиралась на библиотечные башни и с восторгом наблюдала сквозь атриум, как уплывает под Академикумом далекая земля. Я не боялась высоты. Я боялась дирижаблей, один из которых так легко унес несколько десятков жизней. Боялась и не доверяла, как неприрученной лошади, которая может внезапно понести.

– Только представь, два дня! – с восторгом проговорила подруга. – На магазины, модные салоны и визиты. – Она едва не захлопала в ладоши. – Ты остановишься у нас... – Я открыла рот, но она не дала сказать и слова. – Не возражай, я уже предупредила папеньку. Знаю, что ты хотела отдать распоряжение слугам и они открыли бы льежскую резиденцию Астеров, но, – Гэли сложила руки, – только представь, что ты будешь делать там одна-одинешенька! Нет! Не могу этого допустить.

– Уговорила, – засмеялась я, одергивая куртку и касаясь пальцами прохладных пузырьков на поясе. – Хотя вряд ли кто-то ради меня открыл бы графскую резиденцию, хватило бы и одной комнаты.

– Вот и здорово. Я все-все тебе покажу, познакомлю с лучшими ювелирами и модистками.

– Ты ведь знаешь, зачем магистры выделили нам два свободных дня? – Я пригляделась к подруге. – Сразу за ними следует экзаменационное семидневье. На подготовку, Гэли. Тех, кто провалится, отчислят.

– Брось, – отмахнулась девушка. – Сдадим, а потом, – она снова улыбнулась, – отдых. Десятидневье в честь Зимнего танца Дев. Бал в Академикуме, прием у первого советника, а я еще платье не выбрала, хотя, может, бал отменят? – Она нахмурилась. – Мне до сих пор не принесли приглашение...

– Могу обрадовать, бал состоится, – покачала я головой. – Прости.

– Ты получила приглашение? – уныло спросила Гэли.

– С месяц назад, – подтвердила я, хотя и очень не хотелось.

– Ну и пусть. – Она расправила юбки. – Будет еще бал в управе и в

честь новой «Западной компании». – Подруга повернулась и с тоской спросила: – И ты пойдешь?

– Ну, я представлена свету и вполне могу быть на балу советника, само собой, в сопровождении одобренного папенькой спутника... – Я рассмеялась. – Как ты могла заметить, поблизости нет ни кавалера, ни папеньки, чтобы кавалера одобрить. Так что вряд ли.

Дирижабль издал пронзительный гудок, развернулся и пошел на снижение. В животе тут же поселился холод, совсем как тогда, когда я свалилась с нижней ветки дерева и разбила локоть. Но тот полет был коротким, а этот казался растянутым до бесконечности. Я не удержалась и посмотрела в окно. Академикум остался где-то в вышине, он висел, обнажив перед нами круглое подбрюшье. Голубые струи магического пламени уменьшились вдвое и теперь больше напоминали огоньки далеких свечей.

– Расскажи мне про Льеж, – попросила я подругу, стараясь не смотреть на трепетавшие за бортом стяги.

Через час дирижабль мягко коснулся каменного пирса. Я мысленно вознесла молитву Девам Заступницам. Рулевой отдал сигнал о прибытии, засуетились стюарды, подали сходни.

Отец рассказывал, что на заре эры воздухоплавания, еще при деде нынешнего князя-затворника, первые дирижабли прибывали к швартовочным мачтам, и после остановки пассажиры еще час ожидали, пока корзину опустят на твердую землю. Потом к мачтам стали пристраивать площадки, так похожие на смотровые, и лестницы. Оставалось только благодарить Дев за то, что я родилась в век прогресса. В век, когда летающие корабли прибывали к высоким каменным пирсам, в век, когда опорные лапы обхватывали корпус пассажирской корзины, не давая ей даже качнуться, а услужливые стюарды перекидывали трап и подавали леди руку, помогая сойти на твердую землю.

Я кивком поблагодарила мужчину в форме, расправила юбку и огляделась. Воздушный вокзал Льежа превосходил гавань Академикума в разы. Больше пирсов, людей, грузов, механических лап, дирижаблей.

На соседней прощадке готовился к отбытию гигантский «Носорог» класса «А» с витиеватой цифрой «один» на шаре, оснащенный новейшими стабилизаторами, запасными баллонами с газом и даже спасательными шлюпками. Так, во всяком случае, уверял Первый транспортный альянс Аэры – именно ему принадлежал «Носорог». А сам альянс – первому советнику князя.

Иногда путешествия занимали куда больше пары часов, а то и вовсе затягивались на несколько дней и проходили с остановками и дозаправками. В «Носорогах» были предусмотрены элементарные удобства в третьем классе, узкие каюты во втором и апартаменты в первом. Я летала на таком дирижабле один раз, но плохо помню: большую часть дня меня мутило, в основном от страха, даже матушка перепугалась, и в Кленовый Сад из столицы мы возвращались поездом.

Чуть дальше под громкую ругань рабочих механическая лапа тянула высокий, опечатанный сургучом ящик в гондолу класса «В». Ни кают, ни гостиных, только площадки для грузов. Три пересекающихся круга на шаре говорили о принадлежности судна к «Пути Лантье», третьей транспортной компании Аэры, идущей сразу за «Миэр компании».

Я запомнила, потому что именно она доставляла покупателям руду Астеров.

Стоящий за спиной дирижабль Миэров, прозванный за свою неторопливость и широкую корзину «Черепашкой», печально вздохнул, когда капитан стравил лишний пар. Комбинированное судно класса «Б» – таких, совмещающих транспортировку грузов средних размеров и перевозку ограниченного количества пассажиров, с каждым днем становилось больше.

Двое детей жизнерадостно помахали нам из окна «Носорога», для них полет был приключением. Отдали швартовы, люди загомонили, кто-то хлопал в ладоши, кто-то кричал, кто-то прощался...

– Идем, Иви, – позвала подруга и потянула меня к широкой, похожей на улицу лестнице. Ступеньки шириной в несколько футов напоминали террасы. Отсюда открывался головокружительный вид на центральные улицы.

Льез с высоты и Льез внизу – две большие разницы. С высоты город больше походил на тронутый болезнью резной древесный лист с дворцом советника в центре, расходящимися от него лучами улиц, острыми, приземистыми, изъеденными коростой окраинами и протыкающими небо трубами мастерских и литейных цехов. Зимнее море вгрызалось в порт с северной стороны, словно голодный хищник в каменную жертву, каждый год «откусывало» часть земли, из-за чего набережная напоминала ломаную линию, была наспех собрана из булыжников и залита раствором. Холодные воды зачастую беспощадны даже к камню.

Большинство пассажиров направилось к трем паровым платформам, беспрестанно опускавшим и поднимавшим людей с воздушной гавани в город и обратно. Платформы равномерно пофыркивали дверями, принимая

и выпуская людей. В морозном воздухе клубился пар. Так добираться гораздо быстрее, но я была благодарна подруге, которая предпочла неторопливый спуск по ступенькам-террасам Воздушной улицы, плавно переходящей в Первую Цветочную, названную так из-за обилия лавок с лилиями, розами, ирисами, которые торговали цветами даже зимой.

Нас обогнал мужчина в зеленом пальто, словно извиняясь, обернулся и приложил пальцы к котелку. Я услышала далекий перезвон пузатого алого трамвая, отправляющегося от платформы по блестящим, расчищенным от снега рельсам. Двое мальчишек с хохотом привязали сзади санки и теперь катались, повизгивая от восторга.

Льеж очень разный, очень стремительный город. На его улицах соседствуют кареты и пышущие паром трамваи, возки с хворостом и кованые самоходные сани. Он пахнет углем, сдобой, иногда нечистотами, иногда цветами. Он состоит из широких проспектов и темных переулков, о которых ходит столько слухов. Кто-то слышал ругань, кто-то смех. Для нас Льеж начался с заботливо открытой двери лакированного экипажа и учтливового поклона кучера.

– Как же я рада, что ты со мной, – высказалась Гэли и затянула меня в теплое нутро кареты. – Быть здесь одной – совсем не то.

Город гудел от слухов, предположений, готовящихся праздников и трескучих морозов, которые каждый год сковывают улицы на Танец Дев, звенел от криков уличных зазывал и мелодичной переключки колокольчиков торговых лавок.

Гэли забраковала две из них, чтобы часа на четыре застрять в третьей и, забыв обо всем, перебирать ткани и рассматривать рисунки с моделями.

– Есть шелк из Лемузьена? Батист из Орингии? Сукно? Шерсть?

Высокая девушка в белом чепце разматывала рулон за рулоном. Помощница швеи кружила вокруг подруги с измерительной лентой.

– Кружева, леди Астер?

– Ленты, мисс Миэр?

Гэли хмурилась, касалась ткани и кивком давала согласие на тот или иной отрез.

– А вы знаете, что толстая Софи, дочь Киши – ювелира, излечилась от коросты? – спросила дородная швея, предлагая мне подняться на постамент. Ее черные вьющиеся волосы выбивались из-под кружевного чепца.

Посмотрев со значением, подруга закатила глаза и тут же нахмурилась, увидев на моей талии пояс с ингредиентами. Я молчаливо пожала плечами, это не запрещалось, просто считалось дурным тоном. Ну скажите, какая

опасность может поджидать леди на безопасных улицах благопристойного Льежа?

– Точно-точно, – подтвердила высокая девушка, отложив очередной рулон. – Говорят, пятого дня пошла на рынок и того... – Она качнула головой.

– Чего «того»? – тонким голосом спросила молоденькая вышивальщица, совсем еще девочка с тонкими пальчиками.

– По голове шваркнули да серебряный медальон Дев срезали, – пояснила та, что занималась Гэли – зажимая в руках булавки, обворачивала вокруг подруги отрез зеленой ткани.

– Хорошо хоть не голову, – буркнула главная швея, жестом прося меня развернуться. – Хотя шею все-таки поранили.

– И что дальше? – почти шепотом спросила девочка.

– И ничего, – фыркнула высокая, отодвигая непригодившиеся ткани. – Когда очнулась в канаве возле селедочной лавки, ни одного следа коросты не осталось. Киши не сразу поверил, к целителям в Дом благоволения Дев дочь потащил.

– Все, леди Астер, юбка будет готова через три дня, платье через неделю, капор уже к вечеру можем прислать с нарочным.

– Будьте добры. – Я спустилась с возвышения.

В Кленовый Сад ветреная короста лет пять назад тоже заглядывала, мне тогда было тринадцать. Болезнь ушла спустя полгода, забрав жизни двух горничных, ключницы, старого конюха, младшей кухарки, двух десятков крестьян из деревни и еще одного человека...

Короста протекала без боли, без жара, слабости и ломоты в суставах. Она не укладывала человека в постель, она сразу укладывала его в гроб. Болезнь выбирала один орган и поражала его. Чаще всего сердце или легкие, реже желудок или печень. Больной орган обрастал чем-то, похожим на чешуйчатый панцирь. Короста заковывала плоть в броню, перекрывая ток крови и не давая мышцам сокращаться. Во всяком случае, так говорили целители. Девы запретили нам изменять людей, но, кажется, не видели ничего крамольного во вскрытии трупов.

Мы до сих пор не знали, происходило все постепенно или панцирь нарастал за день перед смертью. Потому что от появления первых симптомов до отбытия на тот свет могло пройти от недели до нескольких месяцев. Узнать коросту очень просто: на коже, в зависимости от того, какой орган поражен, проступал сероватый рисунок, очень напоминавший рыбью чешую. День за днем он становился все отчетливее, кожа все плотнее. Если поражено сердце – «расцветала» грудь, если легкие – спина,

если желудок – живот...

Не вызывая видимых неудобств, болезнь зачастую затягивалась, ввергая зараженных в пучину отчаяния. Одни бросались в часовни и молили богинь, другие сулили золото колдунам, трети, самые отчаянные, плыли к Проклятым островам, а четвертые, самые отчаявшиеся, учились завязывать скользкую петлю или посещали травника на предмет приобретения крысиного яда. На моей памяти излечиться не удалось еще никому.

Короста на удивление деликатна, она всегда поражает только один орган и только одного члена семьи. Как рассказывал нам с братом папенька, когда-то давно, боясь заражения, больного и всю его семью закрывали в доме, подпирали дверь поленом и щедро рассылали по стенам «сухой огонь» или поливали керосином, что дешевле и действенней. Помню, брат в этом месте всегда фыркал. Все знали – стены коросте не помеха, она переберется за них и возьмет с каждой семьи пошлину, независимо от того, сгорели первые заболевшие или нет. Огонь не стал панацеей и не заменил семена лысого дерева.

Сейчас уже дошло до того, что, обнаружив в доме заболевшего, остальные члены семьи устраивали праздник. Они были в безопасности – это я к тому, почему многие намыливали веревки. Очень нелегко жить, зная, что твоя смерть несет радость близким.

Да, болезнь была смертельной и деликатной. Все случалось быстро, зараженный мог утром чинить крыльцо, а вечером лежать в домовине. Может, поэтому коросту называли «милосердной».

Больная дочь ювелира вполне могла шататься по рынку. И вполне могла нарваться на грабителей. Но это никак не объясняло ее внезапного исцеления.

– И что, рисунок чешуи совсем исчез? – спросила молоденькая вышивальщица.

– Полностью, – покивала кудрявая швея, ловко протиснув свое массивное тело между стеллажами с тканями. – Киши даже знак со своей двери сбил, – раздался ее голос из-за полок. – А вы знаете, как к этому относятся целители...

Мы знали. В случае с коростой целители были строги и неподкупны. Желтый равносторонний крест прибывали к дверям домов, лавок, харчевен, как только на коже заболевшего появлялся рисунок, и сбивали его только после смерти больного. В Кленовом Саду папенька поднял над северной башней стяг в тот же день, когда горничная прибежала к маменьке в слезах и истерике. Только наш крест вышивали на синем фоне мастерицы, а не

строгали плотники, но смысл от этого не менялся.

Пять лет назад мы тоже понесли потери. Короста увела за собой в мглистый путь бабушку, вдовствующую графиню Астер. Может, потому, что она была стара, а может, потому, что отдала амулет внучке, нисколько не поверив словам целителей, что маги не болеют. А ее безголовая внучка пошла на поводу у бабушки и сохранила секрет.

– Повезло, – первая помощница выдернула булавки и скрутила измерительную ленту, Гэли с облегчением опустила вытянутые руки и спустилась со своего возвышения.

– Ага, как и Грену, как Труну и Кэрри, тому безногому с рынка, – глухо перечисляла швея.

Дверь открылась, и в рабочий зал вошла мадам Кьет, модистка и владелица лавки.

– А что, их тоже?.. – испуганно спросила девушка.

– Да, их тоже били по голове и грабили. С Кэрри даже воротник срезали вместе с коростой.

– Дарующие нам чудеса Девы... – прошептала вышивальщица.

– Всем бы таких грабителей, – ответила высокая помощница, носившая ткани. – Дошло до того, что больные, к радости душегубов, специально толкуются на улицах от порта до рынка. Князь уже объявил, что пожалует грабителю прощение, подарит дом на восточных холмах и мешок золота, пусть только явится и расскажет целителям секрет своего грабительского успеха.

– Так! – рывкнула мадам Кьет. – Нашли о чем трещать, болтушки, о коросте... – Она покачала головой. – Будто леди интересны ваши сплетни. Ну-ка! – Она хлопнула в ладоши, и все пришло в движение.

– Я предполагала, что история сказочная, но чтобы настолько, – хихикнула Гэли. – Интересно, сколько эта Софи не мылась, чтобы на коже проступил рисунок? А как в канаве оказалась...

– Три платья мисс Миэр, плащ с мехом вистая^[2], две ночные сорочки, юбка, новая муфта и дюжина нательных рубашек, – деловито перечислила модистка. – Доставка?

– По готовности в Академикум. – Гэли надела куртку. – А если Остров уйдет, тогда на первую Садовую, дом...

– Мы знаем адрес, мисс Миэр, – улыбнулась хозяйка лавки.

Я все еще помнила ее улыбку, немного настороженную, немного отчужденную, когда мы устроились в кафе напротив. Да, она отругала своих мастериц, но лишь для виду, похоже, странное излечение от мора

пугало людей больше, чем болезнь. Кстати, на косяке заведения светлел едва заметный след от креста, значит, и здесь тоже был больной, он либо умер, либо... что? Излечился? Я на самом деле верю в это? Но если сбить крест просто так, можно и в тюрьму угодить, а там своих болезней хватает, может, не таких странных, но тоже смертельных.

– Могу я задать вопрос? – Подруга постучала пальцами по накрытому голубой скатертью столу и, дождавшись, когда официант, оставив чашки с горячим грогом, удалился, добавила: – Спросить кое-что неприятное?

– Очень интригующе. – Я отпила ароматный напиток и посмотрела на механические часы, стоящие у противоположной стены. Равномерное покачивание маятника завораживало. С кухни доносился звон посуды и шипение чайников.

– Отец урезал твое содержание? – Подруга старалась не встречаться со мной взглядом.

– С чего ты взяла?

– С того. – Она повернулась. – Что ты заказала? Капор? Юбку? Одно платье? Не смей меня, Астер. Рассказывай, это все из-за сгоревшей лаборатории?

– Нет, – чуть помедлив, ответила я. Официант подкатил тележку с пирожными, но я отрицательно покачала головой, и он молчаливо повернулся к соседнему столику. – По крайней мере, папенька ничего такого не писал, он, собственно, еще вообще ничего не писал. Но могу посоветовать тебе впредь не задавать подобные вопросы дворянам. Никогда. На дуэль тебя, конечно, не вызовут, но...

– Скажут, что деньги никогда не заменят благородной крови, – кисло закончила подруга. – Иви, – простионала она, – мне-то ты можешь сказать.

– Могу. – Я посмотрела на подругу. – Мне не нужны тряпки. Мне нужно кое-что совсем другое, думаю, очень дорогое.

– Что? – В глазах подруги вспыхнул азартный огонек. – Не томи.

– Рапира.

– Что? – повторила Гэли, судя по выражению лица, она была слегка разочарована. – Но зачем?

– Чтобы учиться фехтованию, – рассмеялась я.

– Но, Иви, – беспомощно протянула девушка. – Железка просто не может стоить больше нашего содержания. Я даже не знаю, какое оно у меня, папенька просто оплачивает счета и никогда не пересчитывает платья и юбки. Эх, почему магам нельзя носить украшения до сорока лет? – Она патетично вскинула руки. – Пока не пройдет пик силы? Моя шкатулочка уже соскучилась по хозяйке.

– Моя, полагаю, тоже. А представь, как бесится герцогиня! – Мы рассмеялись. – И коль уж мы не тратим деньги на камушки, предлагаю прикупить заговоренного железа.

Я поднялась, оставив на столике серебряную монету, а Гэли, все еще хихикая, последовала за мной.

Кучер, как и было велено, остановился у первой же замеченной оружейной лавки. Я машинально отметила, что желтого креста коросты на дверях нет.

– Юные леди, – радушно раскинул руки мужчина, словно собирался нас обнять. Он был невысокий, полноватый, с лысой головой и гладко выбритым безвольным подбородком. – Чем могу служить?

– Нам... мне... – исправилась я, – нужна рапира.

– Конечно-конечно, – засуетился то ли наемный работник, то ли хозяин лавки. Он возвышался над столом всего на пару локтей и казался чуть ниже миниатюрной Гэли. – Вот, обратите внимание на клинки из Алозии.

На противоположной стене, завешанной красным бархатом, какой матушка не потерпела бы в Кленовом Саду ни за какие коврижки, висело оружие. Начищенное, сверкающее, отделанное камнями. Гэли больше заинтересовали доспехи рыцаря времен Разлома, стоящие в углу, правда, на них осело столько пыли, что подруга так и не решилась дотронуться.

– Или вам по вкусу обессинская сталь? – Жестом ярмарочного фокусника продавец вытащил из-под прилавка тонкий клинок в дорогих, отделанных кожей ножнах. – Попробуйте, – протянул клинок рукоятью вперед.

Я коснулась прохладного металла, взяла рапиру в руку и взмахнула, чем порядком напугала отпрянувшего мужчину.

– Не годится, – положила клинок обратно на прилавок.

– Леди, вы не понимаете...

– Это вы не понимаете. – Я раскрыла ладонь – на коже остались вмятины от драгоценных камней, щедро рассыпанных по рукояти. – Этим невозможно сражаться.

– Помилуйте, Девы, – по-бабьи всплеснул руками продавец, и огонь в масляных, таких же алых, как портьера на стене, светильниках качнулся. – К чему таким хорошеньким леди сражаться? Не нравится этот клинок, возьмите другой. – Он указал на витрину. – Камней меньше, зато к этой рапире в комплекте идут трое ножен, отделанных шелком, все разных цветов, подойдут к любому платью...

– Нет. Слишком короткая, вряд ли мне стоит подпускать противника так близко.

– Леди, – оружейник пошамкал губами, – возможно, вам надо прийти ко мне с отцом или с женихом. Поверьте, мужчины лучше разбираются в том, что нужно молодым девушкам...

– Чирийская сталь у вас есть? – перебила я.

– К чему вам эти черные железки? – Улыбка чуть поблекла, но он очень старался не выказать своего раздражения. – Ни красоты, ни изящества, ни...

– А так? – устав от его словесных реверансов, я расстегнула куртку и сдернула с пояса значок Магиуса.

От герба Академикума его отличало то, что на зеленоватом фоне был изображен только закрытый пробкой пузырек. Значок магов всегда вышивался на ткани. Коэффициент изменчивости – единица. В ткани легко было посеять любые «зерна преобразования», и вместе с тем она совсем не резонировала, не влияла на чужие изменения, не сбивала их, не искажала. Будь иначе, маги ходили бы голыми.

Рыцари Ордена отливали эмблему своего меча из металла и скрепляли полы плащей овальными пряжками. А жрицы... ключ жриц выдувался из алого стекла. Пластичность ткани, жесткость стали и прозрачность стекла – три символа Академикума.

Взгляд работника скользнул по поясу со склянками и снова поднялся к моему лицу.

– В лавке нет штатного колдуна, – совсем другим, суховатым тоном, ответил мужчина. – И к тому же нам запрещено закупать чирийскую сталь.

– А где разрешено? – спросила Гэли.

– Уж это не мое дело, леди. Я к другим под прилавок не лезу и не люблю, когда лезут ко...

Его речь прервала серебряная монетка, появившаяся в руках подружки.

– Совсем-совсем не лезете? – поинтересовалась она.

– Ну...

Серебро в пальцах девушки сменилось полновесным золотом.

– Последняя лавка по Тисовой улице, вход с торца, – быстро проговорил мужчина. Монета закрутилась по столу, и тут же ее накрыла пухлая рука. – И пусть Гикар помнит мою доброту.

– Мы тоже не забудем. – Я вернула знак Магиуса на пояс. Когда обучение будет закончено, над пузырьком появится вышитая корона. Колдуны, как бы неумелы они ни были, всегда состояли на службе у князя.

Тисовая улица, начинавшаяся респектабельными лавками, закончилась

довольно неприметными домишками, больше всего напоминавшими склады. Это, конечно, не лабиринты у морского порта, воняющие крысами и солью. Это всего лишь площадки для хранения товаров ближайших лавок и таверн, но делать нам тут по большому счету было нечего.

Кучер неодобрительно покачал головой, когда Гэли вышла вслед за мной из кареты. Расчищенная мостовая сменилась грязным месивом снега и песка, под ботинками скрипели камушки. На крыше последнего дома, который, по словам лысого оружейника, и должен был быть лавкой неведомого Гикара, сидела серая найка. Большая грузная птица издавала монотонные каркающие звуки. В южных провинциях этих птиц отстреливали, так как считали предвестниками несчастий. За последним домом начиналась банальная свалка, пахло чем-то горелым и отбросами.

– Не уверена, что мы шли правильно. – Гэли сморщила носик и приподняла юбку.

Я оглянулась. В нескольких шагах приветственно колыхался на ветру торговый вымпел скобяной лавки, напротив стояла самоходная повозка – мобиль, двигатель был заглушен, из высокой трубы не вырывалось ни облачка пара. Водитель посмотрел на нас сквозь стекло кабины, кучер демонстративно сплюнул в снег. Те, кто сменил добрые вожжи и живого скакуна на баранку и механическое ревущее сердце двигателя, не вызывали уважения у коллег. Наш кучер Гийом, например, наотрез отказался садиться в демонову машинку, зато его племянник с радостью прошел обучение, за что и был проклят семьей. С каждым годом на дорогах появлялось все больше мобилей, но, невзирая на это, они еще не скоро сменят живых лошадей. Самоходные повозки дороги, сложны в обслуживании, не говоря уж о том, что многие видят в них приближение конца света и закованной в железо Тиэры.

Звякнул колокольчик на противоположной стороне улицы, из маленькой кожевенной лавки вышел высокий господин и, не оглядываясь, направился вверх по улице. Задворки торговых рядов. Место, конечно, тихое, но не безлюдное. Какой смысл размещать тут лавку, да еще и без вывески?

– Мы только заглянем, – пообещала я.

– Жди здесь, – приказала кучеру Гэли и, повернувшись ко мне, призналась: – Как-то мне не по себе, лучше уж купить клинок у того лысого зазывалы.

– Нет уж, – я сделала несколько шагов, – его лавка не единственная в Льеже, – перепрыгнула замерзшую лужу. – На крайний случай спросим у мэтра Миэра и съездим завтра.

– Представляю себе выражение лица папеньки, – мечтательно протянула подруга. – Еще, чего доброго, лекаря вызовет, мне – так точно.

Я свернула за угол неказистой с виду постройки и остановилась. Двери с торца здания не было.

– Не то чтобы мне жалко золотой, но... – протянула Гэли. – Тот лавочник его явно не заслужил.

Я сделала еще несколько шагов и заглянула за угол, едва не поскользнувшись на накатанной, уводившей на соседнюю с Тисовой улицу тропинке. Люди здесь точно ходили. И часто.

– Иви?

Я нерешительно остановилась, потому что с той стороны дверь была. Хорошая, массивная, собранная из толстых досок и обитая железом. В центре желтел равносторонний крест. Пустырь со свалкой теперь находились по левую руку. Крики птицы стали отрывистыми и высокими.

– Иви, нет, – простонала подруга, но я уже схватилась за холодную латунную ручку, мимоходом отметив, что латунь – самый тугой из всех металлов, она на порядок неподатливее той же стали.

С одной стороны, я понимала, что делаю глупость и вряд ли графине Астер место в подобной лавке, да и вообще, любой другой девушке. Открою дверь, а за ней пара бородатых работяг грузит мешки с зерном. Или не пара и не с зерном... Может, лавочник неудачно пошутил над привередливыми покупательницами? Он же не думал, что они на самом деле поедут и тем паче полезут в дверь, которой нет на положенном месте. Так что все это не его дело, тут свои мозги надо иметь, а откуда они у леди?

А с другой стороны, вряд ли я смогла бы уйти, не заглянув в закрытую дверь. Любопытство порой губительней глупости.

Дверь отворилась без скрипа, и в лицо пахнуло теплом жаровен, ароматом свежего хлеба, горячего металла и табака. Посреди просторного зала стоял обросший бородой лохматый мужчина в безрукавке. В крепких руках он сжимал черный как ночь чирыйский клинок. Я поняла, что все-таки мы пришли туда, куда нужно. А лохматый был в этом не так уверен.

Мужчина повернулся, кустистые брови поползли вверх, рука с клинком опустилась, надетая на голое тело безрукавка распахнулась... На груди вилял серый рисунок чешуи.

– Мне жаль, – вместо приветствия сказала я.

– Поверьте, мне жаль куда сильнее. – Он улыбнулся в густую черную бороду. – Вам нужна помощь? Заблудились, леди?

Вошедшая следом за мной Гэли испуганно, но с немалой долей любопытства осматривала зал.

Просторная комната почти без мебели, ошкуренные бревна стен, шары светильников, чашка с травяным напитком на комодке в углу, рядом одинокий табурет и оружие, много оружия. Вот только, в отличие от лавки первого оружейника, оно не было красиво развешано на стенах, а крепилось к подставкам или лежало в многочисленных ящиках, что стояли вдоль стен. Продолговатые короба громоздились друг на друга, с некоторых были сорваны крышки, некоторые стояли заколоченными, словно в лавку только что завезли товар или, наоборот, увозили.

Большая карта Эры на стене. Девы, карта Эры!!! Две половинки полушарий: Аэра и Тиэра! Если это не одна из подделок, какие стали популярны в лавках путешественников, то, значит, стоит баснословных денег. Илберт очень хотел такую, слишком мало сведений сохранилось с тех времен, когда Эра была единой. На другой стене, прямо напротив карты, висел флаг князя – расправивший крылья сокол. Князь вел свой род от первого основателя Ордена рыцарей, прозванного Небесным воином.

Зал больше напоминал комнату отдыха в Илстой Норе, куда охотники забегали погреться и пропустить стаканчик, а не оружейную лавку.

– Нет. Мы не заблудились. – Я сделала шаг вперед... Ну ладно, маленький шагок. – Мэтр Гикар?

– К вашим услугам, леди. – Он изобразил пародию на поклон. – Вот, завершаю земные дела и передаю лавку другу.

– Мне нужна рапира, – проговорила я и, чтобы сразу пресечь ненужные «охи» и «ахи», вытащила и продемонстрировала ученический знак.

– Закройте дверь, на улице холодно, я не ем юных леди на обед, только на ужин.

Гэли поколебалась, но все же выполнила просьбу бородатого. Мужчина был в зале один и пока не собирался кидаться на нас с воплями. Но, как сказала бы бабушка, – еще не вечер.

– Поднимите руку, – попросил мэтр Гикар, и я послушно подняла ладонь. Гэли сделала один неуверенный шаг от двери, с интересом заглянула в ближайший открытый ящик. Черный клинок, выглядевший игрушкой в руках здоровяка, взлетел и опустился мне на локоть. Сердце замерло. – Вот так. – Агатовое железо легко коснулось ткани, словно он держал не шпагу, а указку, как учитель танцев. – Приподнимите плечо. Так... Кисти у вас слабые, значит, нужна рапира с облегченным сердечником. Будьте добры, наденьте перчатку, – попросил он, отходя к ящичку, что стоял на полу прямо под картой.

– Зачем?

– Затем, что оружие из чирийской стали готово к настройке на хозяина, одно прикосновение, и рапира ваша навеки, но пока леди не заплатит... – Он многозначительно замолчал и перешел к соседнему ящику.

Я натянула на правую руку прохладный шелк. Всегда предпочитала перчаткам муфты: ткань не мешала магии, пока ее не превращали в преграду, пока не ставили на пути изменений. Руки у мага постоянно должны быть наготове.

– У вас узкие ладони, рукоять будет великовата и с непривычки может чуть проскальзывать, – продолжал рассуждать хозяин лавки. – Но при должной тренировке это можно обратить в плюс. – Он повернулся, в каждой руке у него было по рапире.

Мужчина взвесил клинки и протянул мне правый:

– Попробуйте этот, обычно я не ошибаюсь.

Я коснулась изящной, обмотанной светлой замшей рукояти, контрастирующей с тьмой металла – по слухам, чирийскую сталь закаляли в Разломе.

Странная лавка без витрин и портьер, выгодно оттенявших блеск металла, без драгоценных камней, лавка, хозяин которой давно мертв, но по какому-то капризу богинь продолжает дышать и разговаривать.

Черное железо бесшумно покинуло ножны, я подняла рапиру и сразу поняла разницу. Легкий изящный клинок казался продолжением руки. С таким надо не сражаться, с таким надо танцевать. Выпад, блок, разворот, удар... И мое, богини, уже мое, черное лезвие столкнулось с тем, что держал в руках мэтр. Его карие глаза смеялись.

– Я редко ошибаюсь. Вернее, никогда.

– Сколько? – выдохнула я.

– Тысяча золотых, – печально ответил бородач.

– Сколько? – охнула Гэли.

Я опустила руку, переход от восхищения к разочарованию был слишком быстрым. Тысяча золотых – стоимость парадного выезда вместе с четверкой лучших скакунов. Илистую Нору после смерти деда оценили в две с половиной...

– Но... но... – не нашла слов подруга.

– Леди, приди вы на неделю раньше, я бы сказал пятьсот, а с месяц – отдал бы за триста и улыбку, но с тех пор произошли два события...

– Вы заболели, – перебила Гэли. – И зачем вам деньги?

– Спасибо, что напомнили, – пробормотал он. – Это, – он обвел клинком зал, – принадлежит не мне одному, но, даже будь иначе, думаете, у мертвеца не может быть желаний вроде отделанного радужным деревом

гроба?

– Ну... – смутилась подруга.

– Но я говорил не про это, – потрянул головой Гикар. – Произошло два прорыва сквозь Врата демонов, стражи понесли потери. Разлом нестабилен, дорожные пошлины утроили, плюс личный налог князя на черные кости^[3]. – Он развел руками, – При прорыве наши потеряли трех магов.

Все знали, что закалка черных клинков сложна и связана с риском. С очень большим риском. Но как его оценивают в денежном эквиваленте, я поняла только сейчас. Из Разлома в наш мир попадали демоны, погуляв пару недель по Ирийской равнине, они уползали обратно, оставляя после себя лишь боль и разрушения. Маги предполагали, что Разлом прошел неравномерно, черная трещина тянулась через всю Эру, а незваные гости норовили постучаться к нам только в определенных областях. Например, у Проклятых островов. Или напротив Врат. Они раз за разом пробовали на зуб оборону стражей Чирийского хребта, и иногда им удавалось прорваться. За этим «иногда» зачастую стояли тысячи жизней. Кровавая карусель тварей Разлома начиналась как раз от Врат, как называли выводивший к равнине перевал...

Я вложила клинок в ножны, хотя больше всего на свете мне хотелось топнуть ногой, забрать оружие и выписать вексель. И пусть папенька разбирается. Будь цена вдвое ниже, можно было бы попробовать. Но на тысячу графа Астера не разжалобишь. Вексель аннулируют, а покупка вернется к продавцу... Хотя нет, такого позора отец не допустит, скорее, рапиру повесят в оружейной Кленового Сада и будут рассматривать как вложение денег. Чирийские клинки куются только раз, потом их уже невозможно переплавить. А я останусь с тем же, с чем и пришла. Девы, как обидно.

– Простите, мэтр, – пробормотала я, вкладывая оружие в ножны.

– Не извиняйтесь. – Глаза мужчины стали грустными. – Могу предложить незаговоренную рапиру того же мастера.

– Незаговоренная у меня уже есть, – покачала я головой.

– Мэтр Гикар, а это... – Гэли указала на что-то внутри ближайшего короба.

– Смелее, – предложил он. – В том ящике изделия подмастерьев, ничего запрещенного нет.

Подруга быстро, словно боясь, что он передумает, вытащила зеркало. Серебристая поверхность стекла на фоне черной оправы смотрелась драгоценной каплей. Действительно завораживающе.

– Десять золотых, – сразу обозначил цену бородатый. – Ученикам тоже нужно зарабатывать.

– А что оно может? – спросила подруга.

– Почти ничего, – рассмеялся мужчина, забрал у девушки зеркало и вдруг со всей силы швырнул на пол.

Я вскрикнула, Гэли вцепилась в руку мужчины. Но зеркало, отскочив, кувырнулось в воздухе и упало на теплые доски. На сверкающей поверхности стекла не было ни единой трещины.

– Десять золотых, – повторил Гикар.

Для зеркала это очень много, но... я видела, как сияли глаза Гэли, когда она подняла новую игрушку.

– Никогда не знаешь, что этим магам взбредет в голову, – рассмеялся мужчина.

– А есть что-то еще? – спросила Гэли. – Что-то такое же интересное?

– Сколько угодно, леди. Мы такое добро у учеников оптом скупаем. Например, хм... – Он заглянул в ящик. – Мне казалось, что я все продал, – пробормотал он, – но один остался... – Оружейник повернулся ко мне, держа в широкой руке черную коробочку с тремя округлыми выступами. – Это инструментариум.

– Звучит страшновато, – не удержалась я. Честно говоря, меня не очень волновали коробочки, взгляд помимо воли возвращался к отложенному клинку.

– Очень популярен у рыцарей.

Гикар нажал на выступ, и из коробочки выскочил стержень с двумя перекрещивающимися насечками на круглом срезе. Отвертка?

Мужчина отступил к соседнему ящику, покопался в содержимом, покачал головой, переместился к следующему и, наконец, нашел то, что искал... метатель, совсем как тот, с которым упражнялись на занятиях, разве что металл корпуса был абсолютно черный.

– Смотрите. – Он положил метатель на крышку ящика, вставил стержень инструментариума в паз и выкрутил винт на рукояти, потом второй под дулом, третий у бойка. Еще одно нажатие, и стержень с насечками сменил второй стержень с плоским скошенным краем, которым мужчина подцепил корпус и моментально снял крышку. Я никогда не видела, чтобы так быстро разбирали метатель. Инструменты в коробочке – занятная вещь, не незаменимая, но занятная.

Я неосознанно потянулась к черному металлу магией, касаясь невидимыми нитями корпуса, чувствуя направляющие стержней, сжатые пружины и... колбу с жидкостью.

– Это уровень, – словно поняв, что я делаю, бородатый перевернул коробочку другой стороной. В металле было вырезано окошко, в котором проглядывала часть пузырька с колышущейся жидкостью. – Иногда нужно видеть вертикаль. Отвес – вещь хорошая, но уровень еще лучше, вот поэтому инструментариум так любят рыцари.

– И маги, – сказала я. Бородатому все-таки удалось привлечь мое внимание. – Сколько?

– Пятнадцать. И, если улыбнетесь, добавлю набор линз.

– Договорились.

– А я возьму зеркало, – вставила Гэли. – И отложите тот клинок, леди Астер должна подумать.

– Надолго? – склонил голову набок Гикар.

– На день, – невозмутимо ответила подруга, не обращая внимания на мой вопросительный взгляд.

Я выписала вексель, подождала, пока бумага, «приняв» родовую подпись, чуть позеленеет, и вырвала последний лист. Не забыть бы заехать в банк за новой вексельной книжкой.

– С вами приятно иметь дело. – Приняв ценную бумагу, мужчина склонился, словно джентльмен, что совсем не вязалось с гривой черных волос и стеганой жилеткой.

Зимний воздух показался ледяным после жарко протопленной лавки. Гэли держала в руках сверток с зеркалом, я прикрепила черную коробочку к петле на поясе.

– Ну, хоть не зря сходили, – сказала подруга, огибая дом и возвращаясь на Тисовую улицу.

Она была очень довольна покупкой, а вот мои мысли то и дело возвращались к оставленной в лавке рапире. Может, заложить драгоценности? Все равно от них никакого толку, кроме удовлетворения от обладания. Но если пройдет слух, что одна из Астеров продает родовые украшения... Я скривилась. Нет, такого позора матушка не выдержит.

Все произошло очень быстро. Занятая своими мыслями, я даже не сразу отреагировала. Гэли кротко и пронзительно вскрикнула, когда выскочивший из подворотни пацан выхватил у нее сверток и пустился наутек. Подруга взмахнула руками. Я даже не задумалась, что делаю и зачем. «Зерна изменений», не успевшие толком сформироваться, ринулись вдогонку за убегающим свертком.

Я сжала руку в кулак, сжимая не столько воздух, сколько неподатливый металл оправы зеркала. Оно не было заговорено от

изменений. Железо менять трудно, это кропотливая работа, требующая времени и терпения. Но у металлов и еще некоторых веществ есть особенность, не очень приятная для магов. Стоит коснуться железа, посеять «зерна изменений», которым просто не хватит времени, чтобы прорасти, как металл замирает в пространстве, вбирая в себя то, что предложил ему маг. Всего на миг, но этого достаточно.

Со стороны выглядело так, словно к мальчишке была привязана веревка, и в самый неожиданный момент она, натянувшись, дернула его назад, как сторожевого пса, бросившегося на незнакомца, но забывшего, что сидит на цепи. Мальчишка вздрогнул и опрокинулся на спину, прижимая к себе сверток с зеркалом.

Подняться ему не дал черный кожаный сапог. Чья-то нога наступила воришке на плечо. К нам уже бежали кучер Миэров и давешний водитель.

– Ми... милорд Виттерн, – проговорила Гэли за секунду до того, как я подняла взгляд на обладателя сапога и посмотрела прямо в изуродованный глаз.

– Так, Астер, – холодным тоном лектора начал говорить магистр, – ученикам не запрещено применять магию в городе, но только если окружающие видят, что перед ними именно ученики. – Он повернулся. – Вы знаете правила, Астер. Где ваш значок?

Я достала из-под куртки эмблему Магиуса.

– Носите на видном месте, хоть на лоб себе приклейте, но без него не смейте колдовать, иначе плакали ваши прогулки по городу. Вам ясно, Астер?

– Да, милорд. – Я сделала реверанс.

– Теперь вы, Миэр. – Он наклонился и выхватил у парня сверток.

– Пощадите, ваше магичество, – тут же завыл чумазый мальчишка. – Девами молю, обещаю, больше никогда...

– Отвези леди домой. – Учитель протянул сверток нашему кучеру. – И не вози их по задворкам, даже если очень попросят.

– Все сделаю, ваше магичество, леди в лавку пошли, кто ж знал... – забормотал мужчина.

– Милорд Виттерн, – водитель мял фуражку, – я ждал вас с другой стороны.

– Можешь ждать дальше, а ты, – полуприкрытый глаз остановился на размазывающем по лицу слезы мальчишке, – вставай, – и убрал сапог.

Пацан вскочил, готовясь в любой момент задать стрекача, теряя на бегу заскорузлые ботинки без шнурков.

– Держи, – в воздух взлетела серебряная монета, воришка ловко

поймал ее и тут же рванул вверх по улице, сверкая почти насквозь протертыми подошвами.

– Милорд! – закричала Гэли.

– Слушаю тебя, Миэр.

Отбежав на десяток шагов, воришка обернулся – мелкий, в пальто без пуговиц, подпоясанный измочаленной веревкой, заменяющей кушак. Улыбаясь щербатым ртом, в котором отсутствовало несколько зубов, он прокричал:

– Дай вам Девы здоровья, господин маг! – и нырнул в просвет между лавками.

– Вы дали вору денег? – возмутилась Гэли.

– Вот бы вы были так же наблюдательны на уроках, леди. А что предлагаете, оттащить его на главную площадь и отрубить руку? Из-за... – Он посмотрел на сверток. – Что там у вас? – Я почувствовала осторожные уколы чужой силы. – Зеркальце? Да вы беспощаднее первого советника, Миэр, хорошо, что среагировала Астер, а не вы.

– Это неправильно, милорд. – Подруга от злости покраснела.

– Может быть, – пожал плечами учитель. – А еще неправильно, что одни рождаются на шелковых простынях, а другие в хлеву. Есть все хотят одинаково. На подругу свою посмотрите, она могла раскалить металл так, что парень остался бы без обеих рук, но не стала, просто остановила.

– Просто не подумала, – пробормотала я в ответ.

Огонь для меня – это злость, ярость, а здесь...

Отец как-то отдал приказ повесить крестьянина, укравшего со скотного двора корову. Допустить мысль, что папенька не прав, я не могла, но выходило, что руку за зеркало – это чересчур, а жизнь за корову – значит, в самый раз?

– Жаль, Астер. Пора бы уж начать думать. – Он коснулся шляпы. – Леди, – и пошел следом за удаляющимся водителем.

– И все равно, – зло топнула ногой Гэли, – раздавать деньги вору – это глупость.

Но у воров на этот счет, видимо, было другое мнение...

Запись пятая

О пользе шляпок и вреде каблучков

Я проснулась от грохота. С таким звуком у нас в Кленовом Саду в прошлом году разбилась статуя первой Девы, что стояла в парадном холле. На самом деле ее своротил брат, не рассчитавший количество медовухи и собственные силы, но горничная почему-то решила, что начался штурм замка, от страха уронила графин и убежала прятаться в погреб.

Но здесь не Кленовый Сад, и громкий раскатистый звук заставил меня сесть на кровати.

Белый особняк Миэров был красив – уютное трехэтажное здание в глубине Первой Садовой улицы, летом, наверное, утопавшее в вишневом цвету. Зимой же белый камень стен смотрелся на фоне искрящегося снега чуть грязноватым. Чужой дом, чужая кровать. Я ворочалась до полуночи, прежде чем смогла заснуть, а через два часа...

Грохот сменился не менее тревожной тишиной, в которой самым громким звуком было мое собственное дыхание. За окном качались ветки, их тени касались стен, ложились на потолок, иногда опускались на пол, трогали белоснежное белье на кровати.

Дверь скрипнула, приоткрываясь, сердце замерло. Я натянула одеяло почти до подбородка, как в детстве, когда еще веришь, что уютная темнота собственной постели может спасти от гулленского сердцеда, что забирался в дома и выедал грудную клетку.

В комнату скользнуло что-то тягуче белое.

– Иви... – донесся испуганный шепот, и я едва слышно застонала от облегчения. – Иви, – повторила Гэли. В белой хлопковой ночнушке она напоминала привидение.

– Что происходит? – спросила я.

– Иви, там... – Глаза постепенно привыкли к темноте, и я увидела, как Гэли обхватила себя руками. – Там, у лестницы...

– Что? – не выдержала я, выбираясь из кровати. – Что, во имя Дев, случилось?

– Там... покойник... кажется. Отец внизу орет на Киросу, это наш управляющий.

– Какой, к демонам, покойник? – Я выбралась из-под одеяла.

– Обычный, у него головы нет, – жалобно проговорила Гэли.

Я посмотрела на подругу и поняла, что она не шутит, а ее всегда яркие зеленые глаза заглядывают в мои в надежде найти решение. Знать бы еще какое.

– Так... – пробормотала я и пошла к двери.

– Иви, – догнал меня испуганный шепот, – что ты делаешь? Ты же не хочешь...

Но я уже вышла из спальни в холл второго этажа.

Снизу доносилась ругань, раздраженные голоса, но было не похоже, чтобы дом Миэров собирались брать штурмом, по крайней мере, не сегодня.

Я подошла к перилам балюстрады и посмотрела вниз. Гэли была права. У подножия лестницы лежал труп. Хотя голова у него имелась, правда, лишь частично. Это был, без сомнения, мужчина, одетый в темную облегающую одежду. Он лежал лицом вниз, часть затылка отсутствовала, ее заменяли алая клякса, кусочки чего-то белого и ошметки...

Почувствовав, как к горлу подступила тошнота, я отвернулась. На белых столбиках перил подсыхала кровь, приобретая темный красно-коричневый цвет.

– Демоны тебя заberi, Кирос, – повысил голос мэтр Миэр. – Сказал же, принеси тряпку! – Мужчина в белой рубашке с закатанными рукавами взмахнул ладонью.

Отец Гэли не был особенно высоким, скорее, его можно назвать крепким и энергичным. Именно это поразило меня при первой встрече – он ни минуты не мог оставаться на месте, словно в нем таилось что-то, не дающее мужчине спокойно стоять на месте. Он ходил, говорил, размахивал руками, короче, обладал удивительной способностью быть везде и всюду, наполнять собой целую комнату. Уверенный голос, четкие приказы, не допускающие двояких толкований.

– Какую тряпку, хозяин, до прибытия серых нельзя ничего трогать, – отозвался тот, что стоял напротив, более худой, в сюртуке и галстукe. Похоже, мужчины еще не ложились спать.

– Неизвестно, когда они явятся. Прикрой, я сказал, а то сам сейчас штору сдерну, не дай Девы, Гэли увидит! – Он поднял голову, и мы встретились взглядами. За спиной тихо охнула подруга.

– Отец? – спросила она. – Что случилось?

– Ничего. Иди спать, – приказал тот. – И вы, леди Астер.

– Но... – Гэли растерянно посмотрела на труп.

– Завтра, – уже мягче добавил мэтр Миэр. – Поговорим завтра, милая.

– Нет уж. Только сегодня, – сказала вошедшая в холл женщина.

Она двигалась очень мягко и совершенно бесшумно, словно кошка. Более того, создавалось впечатление, что мы увидели ее только тогда, когда она захотела.

Темно-русые волосы забраны в высокую прическу, белая блузка и... широкие брюки, которые так легко принять за юбку, если женщина будет стоять неподвижно.

Увидела бы такое непотребство матушка, поджала бы губы. Нет, желая идти в ногу со временем, графиня Астер допускала, что в исключительной ситуации можно надеть брюки. Но стоило попросить ее привести примеры этой «исключительности», и она ничего толкового сказать не могла, или, как я подозревала, сама не знала. В любом случае появиться в штанах в обществе, пусть оно и состоит из пары мужчин без галстуков и пары девушек в ночных рубашках, – это нонсенс.

Вслед за незнакомкой в зал вошли двое солдат в серой форме, на лацканах бляхи с изображениями рыцарских мечей и короны. Серые гончие...

– Кто вас впустил? – растерялся управляющий. – Где Торп?

– Отдыхает, – ответила женщина, приглядываясь к лежащему у подножия лестницы телу. – Ваш дворецкий все равно ничего о госте не знает, через парадное он не входил. – Она сдержанно улыбнулась и представилась: – Аннабэль Криэ.

В ярком свете холла на ее груди сверкнул стеклянный ключ. У жриц Академикума они алые, а у гончих серо-стальные. Я втянула воздух, и жрица тут же подняла голову.

– У вас в гостях магессы, мэтр Миэр? Это они его так?

– Нет, – резко ответил отец Гэли. – Моя дочь и ее гостя ни при чем. Вора застрелил я. Метатель там, можете убедиться. – Он взмахнул рукой, указывая на столик, где рядом с напитками виднелась рукоять метателя, украшенная серебряной чеканкой.

Как и говорил магистр, метателями могли пользоваться и обычные люди. Заряды, как свинцовые, так и запертые в сферы заклинания, свободно продавались в оружейных лавках, были бы деньги.

– Убедимся, – склонила голову набок гончая. – Но с девушками все равно придется поговорить. Либо здесь, либо в участке. Выбирайте.

Хозяин дома еще раз посмотрел на дочь и кивнул:

– Пусть подождут наверху. Уведи их, Мила.

Я обернулась и увидела, что рядом с подругой стоит пожилая экономка Миэров. В отличие от нас она успела накинуть пеньюар и убрать седые волосы под чепец.

– Идем, милая, и вы, леди Астер. – Она потянула Гэли обратно в комнату.

Я бросила вниз еще один взгляд. Жрица присела рядом с трупом, один из рыцарей осматривал метатель. Второй, присев с другой стороны тела, отодвинул руку покойника и двумя пальцами поднял несколько железок, скрепленных кольцом, словно связка ключей. Или это они и есть?

– А ведь действительно вор, – позволила себе легкое удивление Криэ. Девы, откуда мне знакома эта фамилия? – Вы храните в доме ценности, мэтр Миэр? Ведь не за серебряными ложками он сюда залез?

– Откуда вы знаете? – возмутился управляющий. – У господина ложки – работы самого Огрье.

– Это не обычный домушник, – низким голосом добавил один из рыцарей, тряхнув ключами. – На отмычках клеймо мастера Ши.

– Доигрался, черт старый, – процедила жрица.

– Его игрушки мало кому по карману, этот, – последовал кивок на тело, – был непрост и, скорее всего, работал по заказу.

– Ну, вдруг кому-то именно ложки и понадобились, все-таки Огрье, – усмехнулась женщина. – Мэтр Миэр, возвращаюсь к вопросу. – Жрица встала. – Вы храните ценности в доме? Кроме ложек?

Отец Гэли вздохнул и признался:

– В кабинете – «Око Девы».

Один из рыцарей выразительно присвистнул. Еще бы, я тоже еле сдержалась.

– Без «Ока» я бы вора не заметил. Метатель у меня всегда заряжен, так что... – Мэтр развел руками. – Идемте, покажу.

– Иви, – прошептала Гэли и потянула меня за руку от балюстрады.

Мы вернулись в отведенную мне спальню, подруга тут же забралась с ногами в кресло, а домоправительница стала зажигать светильники, приговаривая невпопад:

– Что творится... ой, что творится...

– У твоего отца и вправду есть «Око Девы»? – спросила я, садясь на кровать и накидывая на плечи одеяло.

– А ты думаешь, он соврал жрице? – в свою очередь спросила Гэли.

Нет, я так не думала. Жрицы учились в Академикуме на факультете Отречения. Если в Орден принимали только мужчин, то в жрицы – только девушек, и только тех, кто готов положить жизнь к ногам Дев. Жрицы отрекались от всего: от семьи, от друзей, от прежней жизни. И взамен богини награждали их силой. Не властью над вещами, что пробудилась однажды во мне, а совсем другой магией, пугающей и непонятной. Они

властвовали не над предметами и телами, они вторгались в умы. Они могли залезть под черепную коробку и пошуровать так, что после этого люди начинали блаженно пускать слюни в приюте милосердия. Еще они могли навсегда отрезать колдуна от магии. Они способны были заставить поверить, что ты не человек, а курица с птичьего двора ближайшей ресторации, и объект воздействия начинал очень натурально кудахтать и махать крыльями.

Большой дар для родившихся без капли магии в крови. Богини сами создали тех, кто мог противостоять предавшим их магам.

Так что вряд ли мэтр Миэр соврал. Но «Око Девы»? Здесь, за стеной? В это так же сложно поверить, как и в то, что мне когда-нибудь доведется увидеть князя.

Редкий артефакт времен единой Эры. Никто не знает, сколько их было, ученые мужи думают, что шесть, мотивируя это простым математическим подсчетом, мол, три богини – шесть глаз. Каждый раз передергивает, когда слышу подобное... На самом деле артефакт не имеет физического сходства и сродства с глазами богинь.

«Око» – это шар из вулканического стекла. К добру ли, к худу ли, но все вулканы остались в Тиэре, а этот шар очень похож на тот, которыми дурят людям головы гадалки, собственно, с артефактов ярмарочные гадалные шары и были скопированы. Потому что «Око» на самом деле видит, но не прошлое и будущее – его не знают даже богини, – оно видит настоящее. Видит и показывает владельцу любой уголок Аэры, любой город, дом, спальню... От «Ока» не спрятаться за толстыми стенами.

Первым артефактом владели магистры Академикума, вторым князь, третий прозябал у какого-то отшельника в Загорье, четвертый пропал в одной из экспедиций к Проклятым островам, пятый и шестой, по официальным данным, считались утерянными... А пятый, выходит, в Льеже у мэтра Миэра. Бесценная вещь, имеющая всего пару недостатков, которые маги упорно именовали «особенностями».

Во-первых, «Око» обладало собственной волей, так до конца и не понятой людьми. Иногда артефакт просто отказывался что-то показывать, тогда как в другое время картинка сменяли друг друга, едва ли не опережая мысли просителя. Да, только просителя – приказы, даже магические, «Око» игнорировало. Многие связывали эту избирательность с личностью владельца, некоторые с фазами лун, а некоторые с волей богинь, которая, как известно, объясняет все.

Во-вторых, «Око» показывало почти все, но это было весомое «почти». Артефакт слеп, когда дело касалось другого «Ока». «Глаза Дев» не видели

друг друга, не видели других хозяев, их домов. Они видели свои дома, свои спальни, кладовки, детские... но не могли заглянуть за стену, где находился точно такой же артефакт. «Око» мистера Миэра показало грабителя, которого он застрелил.

А ведь, если задуматься, отец Гэли несметно богат, я не имею в виду торговую компанию и дирижабли, я имею в виду артефакт Дев.

– Ох, не к добру, – пробормотала домоправительница. – Говорила я вашему батюшке, что от этого «Глаза» будут одни неприятности.

– Перестань, Мила, ты пророчишь беду после каждого крика найки. Серые гончие во всем разберутся. – Подруга подтянула колени к груди и обхватила их руками.

Серые гончие – псы порядка, те, кто стоит на страже покоя и благосостояния Аэры. Они расследуют кражи, ищут пропавших детей, передают суду убийц и провожают на виселицу разбойников. Серые не подчиняются ни магистрату Академикума, ни первому советнику. Они отчитываются только перед князем. Серыми становились как жрицы, так и рыцари, и маги, и даже простые стражники, подавшие прошение на перевод. С этого момента любой полученный ими знак отличия становился серым, будь то алый ключ, блестящий меч, зеленый пузырек или воинский шеврон. Они больше не служили своему сословию, они служили всем.

В Кленовый Сад серые приезжали лишь один раз, когда крупная партия руды не добралась до столицы. И быстро уехали, прихватив с собой управляющего – к вящему недовольству отца, который хотел лично повесить вора.

Серые гончие – гарант спокойствия, без них города давно утонули бы в преступных нечистотах. Кражи и убийства – как раз по их части.

– Уж эти серые разберутся, знаем мы, как они разбираются, – продолжала ворчать старушка.

– Неужели? – спросил веселый голос, и мы повернулись к бесшумно вошедшей жрице, даже створка не скрипнула. – Мне не расскажете?

– Спаси меня, Девы, – замотала головой Мила.

– Жаль. – Женщина прошла в комнату. – Тогда поговорим с юными магессами. Мисс Миэр и мисс... – Она выразительно подняла брови.

– Астер, – представилась я, не делая попытки встать. – Графиня Ивидель Астер.

– Какой поток? – спросила серая.

– Первый.

– Чудесное время, – продолжала улыбаться она, только вот глаза оставались серьезными. – Вашу руку, графиня, – мягко попросила жрица.

Мягко, но непреклонно.

Я вытянула чуть дрожащую ладонь, и она тут же накрыла ее своей, обхватив мои пальцы. На правой руке Аннабэль Криэ носила кольцо – в отличие от магов жрицам не мешали украшения. И им не обязательно было прикасаться к вам, чтобы забраться в голову, но рукопожатие – жест хорошего тона, открытая перед гостем дверь, тогда как он вполне может вломиться в окно с шумом, грохотом и осколками стекла, которые исполосуют вас вдоль и поперек. Рука – это приглашение, жест добрых намерений и якорь, который не дает жрицам заблудиться.

– Мм, – многозначительно протянула женщина. – Вы применяли магию? Несколько часов назад?

– Да, – не стала отрицать я. – В присутствии моей подруги и магистра.

– Значок был при вас?

– Да. Но...

Она тут же уловила недосказанность. Жрица, вернее, ее сила легким покалыванием прошла по руке, коснулась ключицы и остановилась где-то за ухом. Я едва подавила испуганный вдох. Серая стояла, согнувшись, ее глаза замерли прямо напротив моих.

– Но?

– Но он был на поясе под курткой.

– Не любите шевроны, графиня?

– А вы, баронесса? – Я сжала ее ладонь и приподняла, выразительно глядя на кольцо-печатку, где в золотистом круге застыла изготавившаяся к прыжку рысь. Да, мне было знакомо ее имя. – Герб Стентонов, я слышала о вашем отце.

– О нем все слышали.

Истинная правда. О бывшем первом советнике бароне Стентоне слышали все, и о том, как он погиб на дирижабле десять лет назад, тоже. У него осталась дочь, и она сейчас стояла передо мной. Баронесса, отрекшаяся от рода и посвятившая свою жизнь служению Девам и людям.

– Мои соболезнования.

– Взаимно. Род Астеров тоже понес потери. Уместно ли спросить, почему вас не было на той яхте? – Она прищурилась.

– Матушка приболела. А вас?

– Отец наказал за своеволие. Помню, я планировала не разговаривать с ним целую вечность. Так и случилось. – Баронесса передернула плечами. – Но вернемся к настоящему. Вы не видели грабителя раньше?

– Я и сейчас его не видела, – ответила ей. – Затылок не считается.

– Вы заряжали метатель Алекса Миэра?

– Нет.

– Хм. – За ухом кольнуло. – Ирония. Не поясните? – снова улыбнулась она.

– Извольте. Удельный вес свинца одиннадцать грамм на кубический сантиметр, а магического стекла – в четыре раза меньше, разные капсулы, сила выстрела и звук. Я проснулась от грохота. Заряд был свинцовый, потому у того бедняги отсутствует часть головы. А для того, чтобы зарядить свинцовую пулю, маг не нужен.

– Однако, – удивилась жрица. – Высокородные теперь действительно учатся, а не ищут партию побогаче?

– Знали бы вы, сколько она бьется над заданием милорда Виттерна, – вставила Гэли. – Метатели, заряды... у меня уже голова болит.

– Йен Виттерн все еще преподает в Магиусе? И дает это дурацкое задание – обезвредить заряд с сухой краской?

– Да. – Теперь уже я подалась вперед. – Знаете решение?

– Откуда? Я же жрица. – Ее взгляд снова стал острым. – Вы знали, что в доме «Око Девы»? – Допрос продолжался.

– Нет.

– Что принес посыльный?

– Не имею ни малейшего понятия. А что он принес?

Баронесса выпустила мою ладонь, по ее лицу тут же разлилась усталость.

– Хорошо, леди Астер. – Она выпрямилась, повернулась к подруге и вытянула руку. – Ваша очередь, мисс Миэр.

– Что ж это... – снова запричитала домоправительница.

Но Гэли остановила ее взмахом руки, а вторую протянула жрице:

– Закончим с этим поскорее.

– Благодарю ва... – Серая замолчала. – Вы применяли магию не менее часа назад?

– Нет, я...

– А вот врать не надо. – Пальцы баронессы сжались на узкой ладони.

– Я не вру, я... я просто...

– Отстаньте от девочки! – вспыхнула старуха.

– Нет, Мила. – Гэли закусила губу. – Я пыталась изменить зачарованное железо.

– Поясните?

– Заговоренные клинки неподвластны изменениям, но я... но мне было интересно проверить самой. – Подруга бросила на нас испуганный взгляд и покраснела.

– Какие пытливые умы здесь собрались, – усмехнулась жрица. – Куда катится Аэра? Вместо того чтобы вышивать крестиком, леди играют с железом. И как успехи?

– Никак.

– Насколько мне известно, мэтр Миэр не обладает титулом, откуда у него родовые клинки?

– Зато он обладает деньгами, – высказалась Мила. – И у него этих железок полная комната. Хотите, провожу? Поиграетесь.

– Вы тоже проснулись от выстрела, мисс Миэр?

– Нет, я легла, но не успела заснуть. Просто услышала грохот.

– И не закричали, не позвали на помощь?

– Нет, я сразу побежала сюда, к Иви...

– Почему не к отцу?

– Не знаю, просто побежала.

– Что принес посыльный?

– Э... – Гэли сморщила нос и принялась перечислять: – Две юбки, сорочка, ридикюль, что я заказала кожевеннику в прошлом месяце, румяна от мадам Помпи, капор, чулки...

– Все-все, я поняла.

– А зачем вам посыльный? – спросила я.

– Что за ночка, – печально пожаловалась жрица. – На соседней улице нашли курьера с пробитой головой, мы пытаемся выяснить, что и куда он нес. Доставил заказ или не успел и его ограбили? Мальчишка работал на подхвате сразу в нескольких лавках. – Женщина отпустила руку Гэли.

– Но это никак не связано? – спросила подруга. – Я к тому, что вор специально охотился за «Оком». При чем здесь посыльный?

– Может, и ни при чем, – выпрямилась баронесса. – Смотрите, вор забирается в дом за «Оком», но вместо того чтобы вскрыть кабинет, торопится в противоположную сторону, явно намереваясь подняться по лестнице в крыло, где располагаются спальни, и получает пулю в затылок. Можно, конечно, предположить, что у него не было плана дома, но...

– Он у него был? – спросила я.

– Был. Вы больше ничего не хотите мне сказать, леди?

– Нет, – испуганно ответила Гэли.

– Нет так нет, – устало проговорила жрица. Допрос выпил ее силы. – Тогда послушайте совета. Возвращайтесь в Академикум. И вашим семьям спокойнее, и у меня работы меньше.

И нам волей-неволей пришлось последовать ее совету.

– Все должно было быть не так, – пожаловалась мне сидящая напротив Гэли. Карету тряхнуло на кочке, и подруга схватилась за шляпку. – Я хотела провести день в городском парке, там есть кофейня, где подают изумительный напиток, зерна привозят прямиком из южных провинций, потом я хотела посмотреть салют...

– Который отменили из-за метели, – успокаивающе улыбнулась я. – Перестань расстраиваться, этот фейерверк не последний, да и кофе никуда не убежит. Сейчас заедем в банк, а потом в воздушную гавань.

– Тебе так не терпится вернуться к учебникам? – Она страдальчески закатила глаза.

Я пожала плечами, не то чтобы мне не терпелось, но...

Разыгравшаяся с самого утра метель спутала нам все планы, ветер унялся только после обеда, и управляющий отрапортовал мэтру Миэру, что в течение часа дирижабли возобновят полеты.

– Прошу прощения за ночной инцидент, леди Астер, – извинился отец Гэли, провожая нас к черному лакированному экипажу, запряженному белоснежной четверкой лошадей. – Буду рад видеть вас нашей гостьей на празднике Зимнего танца Дев.

– Благодарю, – ответила я, поправляя пояс с ингредиентами. Справа – «сухой огонь», «слюна тритона» и «едкий сок росянки». Слева – «красящий лед», «хлопья тумана» и «паутина». Значок ученицы Магиуса занял полагающееся место на куртке.

Гэли отвернулась от окна, за которым проплывали засыпанные снегом улицы Льежа, неодобрительно покосилась на шеврон и в очередной раз вздохнула.

Экипаж оставил позади сады, обогнул исторический центр Льежа, едва разминувшись со встречной каретой у управы, проехал мимо казначейства, рядом с которым стояло два мобиля, и остановился напротив Эрнестальского золотого банка.

– Мы еще погуляем, – пообещала я подруге, распахнув дверцу. – И, может быть, уговорим твоего отца показать «Око Дев».

– Он будет рад узнать, что еще может чем-то заинтересовать молодых леди, – кисло улыбнулась девушка, откидываясь на подушки.

Привратник распахнул отделанную бронзой дверь. Я ступила в царство позолоты и вензелей, где всегда пахнет бумагой и крепким табаком. Эрнестальский банк переехал в Льеж, после того как овдовевшая столица лишилась князя.

Что определяет нашу судьбу? Поступки? Намерения? Где та грань, преступив которую уже нельзя вернуться? Не знаю, но, ступая по гулким

плиткам из лирийского мрамора, вряд ли я могла понимать, что все пути уже отрезаны.

– Графиня Астер, – представилась привставшему из-за стола клерку. Тот скользнул взглядом по значку. – Ивидель Астер. Мне нужна новая вексельная книжка.

– Сей момент, леди. – Он с поклоном удалился за конторку.

Через две минуты на стол передо мной легла книжка. На черном кожаном переплете красовался оттиск змеи, раздувающей капюшон, – герб Астеров. Под испытующим взглядом клерка я открыла книжку и коснулась первого листа, на нем тут же проступил зеленоватый отпечаток пальца. В таких делах папенька никогда не экономил. Магически измененная бумага признала меня. На этих листах сможет сделать запись только тот, в ком течет кровь Астеров.

– Лимит? – уточнила с тревогой.

– Без изменений, – учтиво ответил клерк, тщательно скрывая удивление.

Ведь он не знал про спаленный корпус. Я до последнего ждала от отца гневного послания, а когда не дождалась, вместо облегчения почувствовала тревогу. Надеюсь, в Кленовом Саду не случилось ничего, что могло отвлечь папеньку от оплаты счетов?

Привратник выпустил меня из уютного тепла банка на ветреный холод улицы. Снова пошел снег. Я сделала несколько шагов по засыпанной белыми хлопьями мостовой и огляделась.

Кареты Миэров не было.

Вниз по улице проскакал закутавшийся в светлый плащ всадник, на углу фыркнул паром мобиль, две леди, придерживая шляпки, заходили в кафе напротив, молодой джентльмен открыл для них дверь. Двое мужчин постарше, опираясь на трости, разговаривали недалеко от входа в банк, где-то за домами звякнул на повороте трамвай.

Кареты не было. Черной кареты, запряженной лучшими лошадьми Миэров.

– Леди, – позвал привратник, – могу я вам помочь?

– Не знаю, – проговорила растерянно. – Карета... Здесь стоял экипаж?

– Совершенно верно, – кивнул служащий. – В экипаж сел джентльмен, и через минуту девушка велела кучеру трогаться.

– Джентльмен? – растерялась я. Кто мог сесть к подруге? Отес? Мэрдок? Оли? Кто угодно из разгуливающих по городу сокурсников, но тогда они дождались бы меня. Всего несколько минут... Что могло случиться за это время здесь, в центре Льежа? – Какой джентльмен?

– Не могу знать, леди. Поймать вам экипаж?

– Да... Наверное, – пробормотала я, не имея понятия, что делать и куда ехать – по распоряжению мистера Миэра в воздушной гавани нас ждала гондола. Нас, а не меня. Купить билет на другой дирижабль? Или вернуться в особняк и сказать, что Гэли уехала с неизвестным мужчиной? Я представила себе выражение лица ее отца...

Где-то внизу раздался крик. Испуганный женский возглас. Джентльмены на углу обернулись. И тихий день, заполненный ветром и падающими ажурными хлопьями снега, вспорол раскатистый звук. Точно такой же, какой я слышала этой ночью. Грохот выстрела эхом отскочил от стен, прокатился по мостовой и разбился о серые камни домов. Снова закричала женщина, сидящие за широкими окнами кафе посетители возбужденно переглядывались, шофер открыл дверцу мобиля.

– Лошади! Лошади понесли! – с восторгом закричал мальчишка в заломленном на затылок кепи. Он бежал вверх по улице прямо к банку, радостно вопя во все горло. – Белые лошади большой черной кареты!

– Гэли? – спросила я так, словно кто-то мог мне ответить. – Гэли! – закричала я и побежала.

Наверное, я еще никогда так не бегала, разве что в детстве, когда брат сказал мне, что в малинник забрался медведь. Привратник кричал что-то вслед. Но я ничего не слышала, кроме свиста ветра в ушах. Гэли! Девы! Это же Гэли!

Я вспомнила, как увидела ее в первый раз: она стояла на площади Трех факультетов, а наши аристократы старательно обходили дочь торговца стороной, а «неаристократы» пасовали перед благородной кровью и не решались сделать что-то, отличное от общепринятых правил. Никто не решился подойти к ней, никто, кроме дочери графа из провинции, что граничила с Загорьем и находилась настолько близко к Разлому, насколько близко к нему могли жить люди. Правда жизни состояла в том, что поступки обладающих титулами могут быть вызывающими, но их надо принять как данность. Или не принять.

Скользкая мостовая вдруг ушла из-под ног. Краткий миг полета. Я взмахнула руками, «схватилась» за воздух, чувствуя камни мостовой, гладкий лед и подошвы собственных ботинок. Успела представить падение, удар, крик боли. Леди не носятся, словно газели, тем более в такой ситуации, когда ничем не могут помочь. Ну что мне, лошадей на скаку останавливать, что ли?

Мысли куда быстрее магии, я просто ничего не успела придумать, кроме одного – уцепиться за падающий снег и разрушить связи между

частицами льда у себя под ногами. Откатила изменения воды назад, и вместо ледяной корки меня встретило рыхлое крошево. Я упала на спину и несколько секунд глотала холодный воздух, стараясь разогнать цветные пятна перед глазами. Кто-то снова закричал...

– Леди, – склонился ко мне мужчина с седыми бакенбардами, – можете встать?

Я молча ухватилась за протянутую ладонь и с усилием поднялась. Между лопатками поселилась тягучая боль, перед глазами кружились снежинки. По улице снова прокатился далекий ломкий грохот – нераскатистое эхо выстрела, потом другой звук, не менее тревожный и пугающий, словно там, внизу, что-то сломалось.

– Леди, могу я вам помо...

Но я уже не слушала. Вряд ли он мог чем-то мне помочь, отвел бы в ближайшее кафе и напоил чаем, отбил телеграмму отцу... или не отбил бы, у всех разная степень доброты и озабоченности чужими проблемами.

Я услышала перезвон колокольчика: кто-то бил тревогу, призывая патруль. Тревожными арками с подвешенными колоколами заканчивались почти все улицы в крупных городах и выборочно в некрупных, а в селах хватало колоколов на храмах Дев.

Я подхватила юбку и бросилась дальше по улице.

– Леди... – растерянно пролепетал мне вслед мужчина.

Перебежав на другую сторону улицы, я едва разминулась с разразившимся сигналами мобилем, задела женщину в тонком не по погоде плаще, она испуганно охнула, заржали лошади... Выбежала на каменную набережную. Зимнее море тронуло ледяным языком серый гранит и застыло в белоснежной искрящейся неподвижности до самого горизонта. Какая-то женщина все еще тоненько причитала.

Карета лежала на правом боку, заднее колесо продолжало крутиться, переднего не было, как и первой двойки лошадей, оглобля оказалась сломана посередине и примерно на ладонь погружена в белоснежный бок кобылы. Второй паре лошадей не повезло, одной распоролось брюхо, и она совершенно точно была мертва. Другая еще тоненько ржала рядом, пытаясь подняться – передняя нога была сломана, а для лошади это точно такой же приговор, как и оглобля в брюхе. Под белым боком расползлось теплое алое пятно, кровь растопила снег...

Возле распахнутой дверцы кареты на четвереньках стояла Гэли и очумело трясла головой. Прямо напротив подруги застыл толстый молодой человек, которому больше подошли бы белый поварской фартук и колпак пекаря, чем зимняя куртка, отороченная волчьим мехом, делавшая его еще

толще, и выглядывавшая из-под нее кольчуга.

– Слава Девам, – простила я, бросаясь к подруге, и, обхватив ее рукой, помогла подняться.

Гэли шаталась, не переставала всхлипывать и что-то бормотать.

А прямо за ней на снегу темнело тело кучера. Еще вчера он небрежно сплевывал при виде шофера, а сегодня лежал у каменного бортика, за которым начиналась безграничная белая гладь моря. На спине мужчины вокруг рваной раны расплывалось казавшееся черным пятно. Кучер Миэров был мертв.

Мужчина в сером пальто и цилиндре наклонился и погладил живую лошадь по бархатной морде. Женщина в зеленом пальто переступила с ноги на ногу и снова запричитала, молодой человек без головного убора ошеломленно оглядывался. Кряжистый солдат в старой гвардейской форме крикнул и покачал головой.

Со стороны старого пирса к нам бежали еще двое парней в драных плащах неопределенного цвета.

– Итак, я повторяю свой вопрос, – проговорил ледяной голос. – Где оно?

Гэли вздрогнула всем телом, вскинула голову и посмотрела на толстого парня.

Только сейчас я заметила в его похожих на сосиски пальцах метатель. Два метателя, по одному в каждой руке. Из дула первого еще шел дымок, а второй... Второй был заряжен.

– Это он, – прошептала Гэли. – Он сел в карету, угрожал, велел трогаться... велел, я выполнила, а он все равно застрелил Сета прямо сквозь стенку кареты!

– И тебя застрелю, если не скажешь. – Толстая рука, в которой был зажат метатель, поднялась.

– Послушайте, леди нужна помощь, а не ваши... – вмешался молодой человек без головного убора, но договорить не сумел. Ему не дали.

Раздался выстрел. На расстоянии шага метатель грохнул так, что зазвенело в ушах. Как я и сказала жрице, это не легкие и почти бесшумные заряды из магического стекла. Это свинец и порох. Это смерть.

Пуля вошла незнакомцу в шею под кадыком, вышла у основания черепа и зарылась в снег. Стоящую рядом с ним женщину обрызгало кровью, она завизжала и бросилась бежать. Успокаивавший лошадь мужчина в цилиндре вскочил и попятился. Двое оборванцев свернули в переулок, так и не добежав до набережной. Тело парня без звука упало в снег.

Происходящее уже не имело значения. Не имели значения жалобно ржавшая лошадь, две попавшие в беду молоденькие девчонки и даже далекий перезвон нескольких колоколов. Потому что все было неправильно, потому что в наш просвещенный век люди не стреляют ясным днем в прохожих, не угрожают девушкам. Вернее, стреляют, угрожают, грабят и насилуют, но где-то там, далеко за стенами города, скрывая преступные лица платками. А эти, они должны понимать, что такого серые гончие не спустят, вцепятся в холку и будут трепать, пока есть силы, и даже дольше.

Так думала не одна я. Так думали и Гэли, и мужчина в цилиндре, и тот, которому продырявили шею, и убежавшая женщина в зеленом пальто. Все, кроме, может быть, двух портовых бедняков, юркнувших в подворотню, и седого гвардейца, единственного, кто остался стоять неподвижно.

– Итак, леди. – Толстяк произнес это слово с небывалым презрением, Крис о Вирке Ленточке говорил с куда большим уважением. – Отдайте то, что вы забрали у Гикара!

Гэли всхлипнула.

– Леди, будет лучше, если вы ответите, – вежливо сказал старый солдат, в руках которого появился метатель.

Девы, их двое!

– Мы ничего не забирали. – Я выпрямилась. – Мы купили...

– Не надо, – попросил гвардеец. – Будет только хуже.

Толстяк в меховой куртке ухмыльнулся, похоже, его это «хуже» очень даже устраивало. В пухлых руках появилось черное чирийское лезвие. Я не удержалась и коснулась его магией – по клинку прошли голубоватые искры. Заговорено.

– Да пусть поупрямятся. – Толстяк улыбнулся и показал желтые зубы. – Люблю строптивых. – Он угрожающе шагнул вперед.

– Гэли, – позвала я.

– В сумке, – сразу поняла меня подруга. – Оно в сумке.

– Там! Быстрее! – раздался чей-то далекий крик.

Скоро здесь будет патруль, но для нас это «скоро» может и не наступить.

– Сумку, быстро! – скомандовал гвардеец, взводя курок.

Я отпустила покачивающуюся подружку, огляделась. Дуло метателя переместилось с Гэли на меня. Вращающееся колесико сделало последний неспешный оборот и замерло. Сумки нигде не было, разве что...

Подскочив в карете, я ухватилась за приступку, подтянулась, чувствуя, как трещит зацепившаяся за рессору ткань юбки, и заглянула внутрь. Сумка

валялась на противоположной дверце завалившегося набок экипажа. Я дернула подол, кажется, даже разорвала ткань, перегнулась, вытянула руку и попыталась достать до ручки обычного дамского ридикюля. Самыми кончиками пальцев касалась его, но никак не могла ухватить. Каждую секунду ожидала, что кто-то из двоих, скорее всего толстяк, потеряет терпение, и в мою спину полетит пуля или нож. От напряжения магия металась по замкнутому пространству кареты, касаясь светло-бежевой ткани, лакированного дерева, стекла, шелковых занавесок. Я не сдерживала ее, не до того было. Ридикюль удалось ухватить с третьего раза, когда я, пискнув, едва не свалилась внутрь, но с усилием вытащила сумку.

Костяная ручка казалась прохладной и скользкой, при свете дня на ее белой поверхности ярким пятном выделялись красно-кирпичные отпечатки пальцев. Но это не моя кровь...

Я обернулась к Гэли. Из коричневой куртки подруги на боку был вырван кусок, совсем небольшой, но наружу торчали клочки рыжеватого меха, быстро пропитывающиеся кровью.

Девушка зажала рану ладонью и попыталась улыбнуться бледными губами.

– Напоролась на что-то, когда карета опрокинулась...

– Потом поболтаете, – прервал ее гвардеец. – Сумку, живо!

Вдалеке раздался топот. Истекали последние секунды. Вопрос в том, для кого – последние?

– Вам нужны наши покупки у Гикара? – громко спросила я, приподнимая ридикюль.

Вместо ответа толстяк выдвинул тяжелую челюсть. Сейчас нужно отдать ему сумку и наверняка умереть. Но жизнь стоит намного больше десяти золотых.

Все произошло одновременно. В такие моменты все происходит одновременно и быстро, так что ты даже не успеваешь задуматься и действуешь интуитивно...

Я подняла ридикюль и, вместо того чтобы отдать его толстяку, швырнула за каменный парапет набережной. Выходка в стиле двенадцатилетней девчонки, выбросившей в реку кинжал с резной рукоятью только потому, что маменька распорядилась отдать его брату.

– Надо? Забери! – выкрикнула я.

Грохнул метатель, выплевывая в лицо свинцовую пулю. Прав был Отес, слишком быстро, намного быстрее, чем в учебном классе, словно хочешь сбить воробья палицей и понимаешь, что промахнулась... Поэтому

я даже не стала пытаться. Не успела сумка удариться о лед Зимнего моря, как я рассыпала «зерна изменений», пустила их сплошной волной на все, до чего могла дотянуться. Тот же снег, те же камни, волчий мех, огрызающийся голубыми искрами метатель, теплая ткань и... пот. Я немедленно отпрянула. Пот – это почти человек.

Изменения – это не обязательно перенос тепла или холода, иногда это плотность или рассеивание, распад или сжатие, движение или остановка. Изменения коснулись всего вокруг: камень треснул, ткань чуть вытянулась, стала рыхлой, крупные снежинки обернулись мелкой порошей. Вода очень послушное вещество, она сама рада изменяться. А пуля... Свинец – это тоже металл. Пуля просто остановилась, застыла в воздухе в локте от лица, как недавно украденное зеркало Гэли, а потом упала на снег. Металлы неподатливы.

– Сумка! – взвизгнул толстяк.

Старый гвардеец выругался и, не раздумывая, перемахнул через каменное ограждение. Парень бросился ко мне, но снег под его ногами вдруг превратился в лед. И не просто превратился, а захватил тяжелые ботинки в плен, словно палочку в стаканчике мороженого. И грабитель, попытавшись сделать шаг, не удержал равновесия и просто рухнул на колени. Черный нож отлетел сторону.

Я обернулась.

– Я тоже маг, – со злостью сказала Гэли, опуская руку.

Подскочив к пошатывающейся подруге, я подставила плечо, одновременно отбрасывая «зерна изменений» через камень ограждения, разрывая связь между частицами. Лед Зимнего моря треснул с громким, показавшимся мне оглушительным, звуком, словно расколосось само небо.

– Давай, Гэли! – Я потянула подругу к ближайшему дому, к подворотне, в которую нырнули оборванцы. – Сейчас здесь будет патруль, всего несколько минут, несколько шагов...

Не знаю, кому я на самом деле это говорила, ей или себе, а за спиной, ругаясь, поднимался толстяк. Гэли, и так едва переставлявшая ноги, становилась все тяжелее и тяжелее.

– Не вздумай упасть, маг ты или кто? – проговорила я, втаскивая подругу в узкий проулок. – Не вздумай...

Слепые стены домов подступали друг к другу почти вплотную, оставляя узкую тропинку локтя в три шириной. Подруга тяжело дышала, наваливалась на меня все сильнее, звон колокола, наоборот, отдалился. Где носит этот патруль? В таверне они, что ли...

Мой взгляд наткнулся на грубо сколоченную дверь, которую красили,

наверное, еще в те времена, когда моя бабушка маркиза Элие не была знакома с дедом графом Астером. Облупившееся почерневшее дерево, сломанная ручка и замок, безалаберно висящий на открытой дужке. Лохмотья краски слезали с выступающих, словно ребра, поперечных перекладин. Задняя дверь какой-то лавки или мастерской, а может, склада, пошивочного цеха или раздаточной.

Мысль была проста – раз Гэли не может идти, значит, придется дожидаться помощи на месте. И желательно, чтобы это было безопасное место. Или хотя бы укромное.

У самой двери нога неожиданно поехала, и я едва не упала, успела зацепиться за обломок ручки и расцарапала ладонь до крови. А вот Гэли ухнула в снег перед порогом и тихо заплакала.

– Давай. – Я посмотрела на бледное, почти белое лицо подруги и протянула руку. – Давай, еще чуть-чуть.

Я почти втащила ее внутрь. Дверь тут же захлопнулась, оставив нас в уютном полумраке. Груда мусора в углу, обрывки ткани и какой-то жмых в старых разошедшихся ящиках, кадушка, полная тухлой воды. Пахло мокрой шерстью. Валяльный цех?

Я усадила подругу на ящик.

– Они ведь не пойдут за нами? – прошептала Гэли. – Зачем им за нами идти? Мы же отдали зеркало. Отдали все!

Именно так. Старый гвардеец, получив желаемое, вряд ли пошел бы за нами, да и любой другой, но толстяк... Я вспомнила маленькие глазки и то, как он разрядил метатель в горло парню только за то, что тот посмел заговорить... Боюсь, такой попрет, как кабан.

Я легонько коснулась пальцами раны на боку подруги, та всхлипнула. Влажный мех по краям замерз и неприятно царапал кожу. По крайней мере, кровотечение не усилилось. Я подошла к выходу, собирая магию в кулак: сейчас петли так заржавеют, а дверь так срастется с косяком, что потом ее придется выбивать. По ногам дуло, на пороге лежал грязный снег, что мы притащили на сапогах...

Я едва подавила стон. Снег! Сапоги! И выскочила на улицу.

На снегу виднелась четкая цепочка следов, обрывающаяся у двери. Рядом, словно огоньки, атели крупные, размером с золотой, капли крови. Дверь захлопнулась, скрывая от меня измученную, прислонившуюся к стене Гэли.

– Ты чучело, Астер, – отругала я себя, поднимая руку. И снег, повинувшись приказу, тут же превратился в лед, а потом снова в снег. Это было похоже на перекапывание земли в цветочной оранжерее. Следы

сгладились, но... было поздно.

– Тварь! – раздался хриплый голос.

У входа в проулок стоял толстяк в распахнутой куртке и... босиком. Видимо, со страху подруга перестаралась, и он не смог выдрать ботинки из ледяного плена. Но я смотрела не на искаженное яростью лицо, не на трясущийся двойной подбородок, я смотрела на зажатые в обеих руках метатели. Оба – заряженные! Клянусь матушкиными розами, он использовал время, пока мы убегали, с толком!

– Получи. – Толстая рука поднялась.

Я бросилась бежать, молясь Девам лишь об одном: чтобы он не обратил внимания на дверь, рядом с которой я стояла, чтобы Гэли не забыла, что она маг, чтобы... здесь богини наверняка перестали слышать мой лепет.

Шляпка слетела, упала на спину, ленты врезались в шею. Чуть больше десятка шагов до следующего просвета между домами.

Толстяк выстрелил. Я этого не услышала и не увидела – у колдунов и графинь нет глаз на затылке, а магические сферы куда легче и тише свинца. Интересно, кто изготовил для этого человека заряды? Неужели есть маг, согласившийся работать на... А на кого, собственно? На разбойников?

Но все эти вопросы придут мне в голову позже, много позже. Тогда же я побежала к следующему проулку, а заряд лопнул, рассыпая сухие белые кристаллики, похожие на сахар. «Сухой огонь», смешанный с «солью земли». Без катализатора кристаллы полностью безопасны, можно даже в чай положить и выпить, потом, правда, будешь маяться животом.

Именно так я спалила лабораторию. «Сухой огонь» многим кажется безвредным.

Я успела свернуть за угол старого дома. Успела и... не успела. Кристаллы веером осели на стене, болтающейся за спиной шляпке, ткани куртки и вспыхнули буквально за долю секунды.

Взвизгнув, я ударилась о стену, завертелась на месте, слыша, как трещит пламя. Сорвала шляпку и бросила на снег. Если бы не он, огонь уже танцевал бы в моих волосах. Дернула за полу куртки, выдирая пуговицы и сбрасывая горящую ткань с плеч.

– Малышка, – игриво позвал толстяк. – Выходи! – После выстрела его настроение необъяснимым образом улучшилось, и из твари я превратилась в малышку.

Я побежала по очередному проходу между домами, совершенно не представляя, где нахожусь, едва не задела ведро с помоями, миновала заколоченные окна, дернула за ручку запертой двери, а сверху, словно в

насмешку, с бескрайнего серого неба продолжал падать снег.

– Малышка...

Девы, только не тупик! Пожалуйста, только не тупик! Я молилась, минуя еще один поворот, но вместо широкого, ведущего к набережной Зимнего проспекта снова оказалась на перекрестке узких, похожих на коридоры проулков. Я повернула налево и... замерла, словно увидевшая кошку мышь. В двух домах от меня стоял старый гвардеец. С мокрой формы текла вода. В правой руке он держал сумку Гэли.

Выбрался! Девы милосердные, он выбрался и был зол не меньше, чем толстяк, а я-то надеялась...

Он медленно разжал руку, и ридикюль упал на снег. Как замороженная, я смотрела на краткий полет, на взметнувшийся от удара снег, пока очередное «малышка» за спиной не вывело из ступора. Я отшатнулась вправо, поскользнулась, упала, больно ударились ладонями. Будь прокляты эти новомодные сапожки на каблуках, будь проклята гувернантка, с умным видом изрекающая очередную банальную истину: «Каблук высотой пять-семь пальцев, Ивидель. От этого походка леди становится плавной, осанка прямой». Выберусь, куплю себе такие, как у мисс Ильяны, на плоской подошве, и никого слушать не буду. Обещаю, Девы! Выберусь и...

Я поднялась, едва не упала снова, запутавшись в длинной юбке. Оглянулась – старый солдат находился уже в десятке локтей, толстяка пока видно не было, только слышно. Я бросилась бежать. Холодный ветер ударил в лицо, сбил дыхание и принес запах нечистот из выставленной бадьи. Тревожных колоколов я больше не слышала, ничего не слышала, кроме собственного шумного дыхания, и ничего не видела, кроме следующего перекрестка, кроме виднеющегося бока повозки и лошади, обмахивающейся хвостом.

Насколько все-таки паника захватывает разум, просачивается внутрь, пускает в тебя «семена изменений»! Все, на что я была сейчас способна, – это бежать. Бежать всегда проще, чем думать.

Я почти вылетела на широкую улицу, выбралась из лабиринта проулков, заколоченных окон, запертых дверей и помоев. Выбежала, в мгновение ока оказавшись в привычном мире магазинов, фонарей и хорошо одетых прохожих. Будто вынырнула из тьмы. Люди бежали вниз по улице, туда, где лежала перевернутая карета. Обернувшись на ходу, увидела догоняющего меня гвардейца и в тот же миг в кого-то врезалась.

Упасть мне не дали, подхватили за плечи, разворачивая. Я дернулась, готовясь заорать, бросить «зерна изменений», не важно, каких и куда, и встретила взглядом со знакомыми синими глазами.

– Крис... Барон... – На груди рыцаря тускло блеснул овальный жетон патруля – латная перчатка с мечом, и я почувствовала почти осязаемое облегчение. – Они там... помоги... пожалуйста.

– Рыцари, – проговорил, подходя, старый гвардеец, и еще одни тяжелые ладони легли мне на плечи. – Моя дочь вас напугала? Прошу прощения, вы знаете, какими впечатлительными бывают юные леди! – стоя за моей спиной, он сжал руки чуть крепче. – Милая, отпусти ребят, там ведь и в самом деле что-то случилось.

Он потянул меня назад, почти выдернул из рук Криса. Это было настолько неожиданно и неправильно, что я на один краткий миг лишилась дара речи и могла только смотреть на рыцаря, полагаю, походя лицом на древесную лягушку с выпученными глазами.

– Конечно, граф Астер, – спокойно ответил Оуэн, отступая и убирая руки.

Я хотела закричать. Нет, даже не закричать, а завизжать, затопать ногами... Синие глаза утратили спокойствие, стали привычно колючими, я уловила размытое движение сбоку, и давившая на плечи тяжесть исчезла.

– Я видел графа Астера, – услышала голос Жоэла и развернулась.

За старым гвардейцем стоял рыжий рыцарь и прижимал широкий нож к горлу мужчины.

– Цела? – спросил Жоэл.

– Я... да... кажется.

– Думал, он ей нож к спине приставил, – проговорил рыжий, заставляя гвардейца отступить.

– Ты не суди обо всех по себе, – излишне добродушно ответил старик.

– А ты бы думал, прежде чем называться. А то так можно без головы остаться, – попенял рыцарь. – Крис, помнишь графа Астера? – Барон не ответил. – Астеры, как и Оуэны, поставщики первого советника. И этот не чета графу. – Парень мотнул кудрявой головой и скомандовал пленнику: – Шаг в сторону.

– Ребята, а давайте договоримся... – начал гвардеец.

– С серыми поговоришь, – процедил Крис. – Они любят разговорчивых, – и, повернувшись ко мне, отрывисто спросил: – Что случилось?

На улице послышались крики, какая-то женщина заплакала, народ собирался у опрокинутой кареты.

– Малышка, – услышала я вкрадчивый голос, и зимний холод, забравшийся под жакет, ледяными пальцами коснулся позвоночника. На минуту, на одну минуту я забыла о толстяке. Но он не забыл обо мне.

Я повернула голову, и все перестало иметь значение. И бегущие вниз по улице люди, и гвардеец, которому Жоэл заламывал руку, и пробирающийся без куртки холод. Все, кроме горячих пальцев Криса и направленного прямо в лицо дула.

Второй метатель толстяка – второй заряд.

Две секунды, и нас с Оуэном обсыплет «сухим огнем». Кристаллы воспламят все, чего коснутся, все – и камень, и железо, и плоть. Я вспомнила катающегося по земле сквайра и его крики. В голове билась одна мысль – только не это.

Руки Криса сжались, я почувствовала рывок, и в следующий момент уже покатила по земле, загребая грязный снег, вскрикнула, подняла голову, ища глазами парня с метателем и стоящего почти напротив него рыцаря.

Толстый палец коснулся курка.

Девы, только не он! Я не хотела... не могла видеть его смерть. И не могла не смотреть.

Кольчуга, длинный, подбитый мехом плащ, черные высокие сапоги, шпага у пояса, нож, метатель в кожаном креплении на бедре, овальная бляха патрульного у горла, короткие темно-русые волосы, на которые с бездонного серого неба падали снежинки. Крис успел отбросить меня, но не успел уйти с линии прицела сам, остался стоять вполборота к переулку.

Все, что у него было, – это две секунды. Два удара сердца.

Боек ударил по капсулю...

«Сухой огонь», так похожий на песок, легкий и подвижный. Даже если я выпущу навстречу «веер изменений», каждую крупинку перехватить не получится.

Энергия выстрела меняет магическое стекло, превращая его в хрупкую яичную скорлупу, тогда как сферой можно жонглировать. Ломкий, словно снежинка, шарик рассыплется, едва соприкоснувшись с препятствием. Или это не так? Так, но... Энергия – это ведь тоже препятствие, вернее, из нее можно создать препятствие.

Теплое дыхание сорвалось с губ облачком пара.

Бесшумная сфера отправилась в свой последний полет...

Я даже не стала поднимать руку, так и осталась стоять на четвереньках, в неудобной позе – на привычные жесты не было времени. Не было мыслей о неудаче. Был миг и «зерна изменений», которые я бросила не целясь.

Если нельзя воздействовать на оружие, нельзя воздействовать на заряд, нельзя – на держащую его руку, то что остается? Остается цель и мир

вокруг. Воздух, который движется, стоит нам только вдохнуть или выдохнуть. Ничего не возникает из ничего, и это движение можно изменить, почерпнуть силу и...

Крис инстинктивно пригнулся, поднимая руку в неосознанном жесте защиты.

Волосы качнулись от ледяного дуновения. Ветер тоже нельзя поймать в сети. Я вложила в его усиление все – страх, неуверенность, обиду, все, до чего смогла дотянуться, все, что могла найти.

А нашла я много. Порыв ветра едва не опрокинул Жоэла и гвардейца, взметнул плащ Криса и... заставил легкую магическую сферу лопнуть, не долетев до цели. Воздух – это тоже прикосновение, это препятствие, сиюминутное и непостоянное.

Крупинки «сухого огня» освободились и последовали за ветром. Словно я сдула песок с ладони.

Протестующе закричал рыжий. А потом все звуки заглушил визг. «Сухой огонь», что я отбросила ветром назад, вернулся к отправителю, осел на куртке толстого, на его лице, руках и даже черных носках. Толстяк вспыхнул мгновенно, как пропитанный керосином фитиль.

Метатели упали на снег. Пылающая фигура завертелась на месте, беспорядочно махая руками, рассыпая вокруг сверкающие искры. В голове гудело, и сквозь этот оглушающий звук пробивался непрекращающийся вибрирующий визг толстяка. А еще ругательства Жоэла. Я качнулась и с трудом поднялась, не отрывая взгляда от пылающей фигуры.

– Девы милосердные, – прокричал кто-то из прохожих за спиной. – Вызывайте целителей! Да помогите же ему...

Толстяк налетел на стену, ударился об нее, едва не упал, отступил на два шага и ударился снова.

– Астер, – рявкнули над ухом, и я вздрогнула. – Астер, – повторил Оуэн, схватил меня за подбородок и заставил посмотреть в синие глаза. Раньше никто не позволял себе со мной таких вольностей, таких наглых жестов, таких... интимных... – Туши огонь! Немедленно!

– Что? – заморгала я.

Дородная дама в светлом пальто, стоявшая в десяти локтях ниже по улице, прижала руку ко рту.

– Прекрати это, – приказал он. – Сумела начать, сумей и закончить.

Я снова перевела взгляд на мечущегося толстяка, его визг стал выше и утратил всякое сходство с человеческим голосом.

– Ведь он... – растерянно пробормотала я.

Факел из человека снова ударился о стену, на этот раз толстяк упал

навзничь. Огонь продолжал гореть, он будет гореть, пока есть чему, пока... Жоэл подхватил у ближайшей задней двери ведро с помоями и вылил на мужчину. Пламя с шипением погасло. А вот если кристаллы «сухого огня» обработать не «солью земли», а «водным светом», это не помогло бы. Бывает пламя, которое горит и под водой.

Толстяк издал тонкий звук, похожий на кваканье, и затих. Пахло горелой шерстью и шкварками.

– Какого... – Крис сцепил зубы и отпустил мое лицо. – Какого демона ты творишь, Астер?

– Хоть предупреждайте, графиня, – скривился рыжий. – Из-за ваших выкрутасов самозваного графа упустил.

Я огляделась – седовласого гвардейца нигде не было.

– Но... я не хотела... думала, что... – Я никак не могла подобрать слов, никак не могла понять, почему Оуэн смотрит с такой злостью, Жоэл еще и с разочарованием, а люди с испугом.

– Зачем, во имя Разлома? – Рыжий сплюнул в снег. – Мы же патрульные.

– Вы не прошли посвящение, – выкрикнула я.

То, что они говорили, было неправильным и несуразным. Не так благодарят спасителя. Не так! Хуже всего был взгляд Криса.

– Это просто невозможно, не на первом потоке, – растерянно говорила я, переводя взгляд с одного хмурого лица на другое.

Поступая в Академикум, ни жрицы, ни рыцари не имеют магической силы. И если жрицы принимали благословение богинь в начале обучения, отрекаясь от всего, вручая жизнь Девам и получая взамен силу, то рыцари приходят к посвящению лишь в конце. Лишь достойнейшие из достойнейших решаются на ритуал. Им не надо учиться управлять силой, они получают иное. Неподвластность. Посвященные неподвластны магии, ни нашей, ни ментальной. Они гасят ее одним прикосновением. Вы можете облить посвященного рыцаря керосином и чиркнуть спичкой, если он будет столь любезен позволить вам это, но вы не сможете спалить ни волоска на его коже, ни ниточки на его одежде с помощью «сухого огня».

– Графиня, – попенял Жоэл. – Мы не посвящены, но это, – он щелкнул пальцем по овальной бляхе патрульного, – защищает ничуть не хуже. Или, думаете, нас на убой отправили?

Я ничего такого не думала. Вообще. Да и другого тоже. Голова казалась пустой и легкой, а тело, наоборот, тяжелым и неповоротливым.

– Стал бы я иначе живой щит изображать. – Крис посмотрел на рыжего, тот склонился к толстяку... вернее, к тому, что от него осталось, и,

не глядя на меня, приказал: – Рассказывай, Астер, что там у вас произошло? Есть еще пострадавшие?

Тревожный колокол затих и тут же зазвенел вновь. Над одним из складов поднимался темно-серый дым. Там, где толстяк едва не задел меня, там, где...

– Гэли! – выдохнула я и, подхватив юбку, бросилась обратно в переулок.

За спиной в очередной раз Оуэн помянул демонов и, кажется, моих родителей. Надеюсь, он это несерьезно, папенька очень трепетно относится к родословной.

Запись шестая

О правилах преподнесения даров

Две половинки сферы из магического стекла укоризненно взирали на меня с гладкой поверхности стола. Пробирки с компонентами уныло теснились на подставке, и даже «сухой огонь», казалось, утратил блеск. Идей было на одну меньше, чем надо. То есть ни одной.

– У вас осталось полчаса. – Ирнан Маннок прошел мимо меня, не сказав ни слова, хотя раньше обязательно спросил бы, в чем загвоздка.

Я огляделась. Экзамен по механизации веществ проходил в третьем корпусе вместо пятого. Пятый сгорел. По моей вине. С тех самых пор графиню Астер исключили из списка любимых учеников. Хорошо хоть не выгнали.

Магистр прошел мимо, не удостоив меня взглядом. В конце концов, отец заплатит, будет построен новый корпус, закуплено новое оборудование, мебель, реактивы... Сказал бы спасибо.

Я вздохнула. Вьер за соседним столом ответил не менее тяжким вздохом. Перед парнем лежала только одна половинка сферы, вторая играла с сокурсником в прятки. Да и немудрено, его пробирки валялись как попало, в ступке для перетирания булькала болотная жижа, пестик покрывали алые разводы, словно он им варенье мешал...

Сорок минут экзамена прошли в мучительных раздумьях, что именно надо делать. Я снова коснулась пузырьков на поясе, вдобавок к стандартному набору ингредиентов у меня были «едкая слюна тритона» и «нить правды», годная на то, чтобы проявлять магические изменения. Понадобится что-то еще, можно взять из учительских запасов. Задание дали простое – собрать магический заряд для метателя. Рабочий заряд. Новый заряд, а не стандартную сферу с сухой краской или «сгущенной водой». Создать что-то свое, не обязательно сложное, не обязательно боевое. Но оно должно быть создано лично тобой, учеником первого потока.

Сложнее придумать, чем воплотить. Из чего собрать заряд? Из «сухого огня»? Простой компонент, простое использование, и такая нестабильная основа, которая воспламеняется от первого контакта. А мне хватит одной спаленной лаборатории. Что еще? Вода? Камень? Этими вопросами я задавалась уже почти час... Девы!!! Я никак не могла решиться, совсем как

в Кленовом Саду, когда мне принесли два муслиновых платья. Розовое было чудо как хорошо, а в голубом я становилась похожа на ангела, если верить кормилице. В итоге закончилось истерикой. Мне было двенадцать.

Третий день экзаменов. Уверенность в собственных знаниях таяла на глазах. Сейчас в аудитории снова стояла нерешительная девчонка. Вчера вымучивали классификацию веществ и вычисление степени изменчивости. Удалось удивить не только себя, но и магистра, отчитавшись по таблице лишь с одной ошибкой. Отец заслужил максимальный балл – десятку, Мэри – девятку, остальные едва дотянули до проходного балла – четверки. Семь человек идут на пересдачу, в случае неудачи – на отчисление.

– Пятнадцать минут, – объявил магистр.

Показалось или в его голосе действительно звучало облегчение? Экзамен почти закончился, а никто даже на стол кислоты не пролил.

Я перебирала ингредиенты: «кость земли», «летучая вода», «пригоршня тумана», «лунный свет»... Свет?! А ведь это идея, не огонь, но полыхнуть должно красиво. Я подскочила к учительскому столу, ища глазами колбу с пылью. Магистр Маннок выразительно посмотрел на часы.

Пузырьки с известью, мукой, крахмалом, словно я в кладовой Кленового Сада. Бутыли с уксусом, «желтянкой» и вываренным и расслоенным соком дерева Ро... Не то, все не то.

Десять минут.

Стеклянная коробочка, не больше ногтя, не бросалась в глаза. У меня маменька в похожей белила для лица хранит. Желтоватый, будто грязный порошок перекатился от одной прозрачной стенки к другой. Я бегом вернулась к своему столу.

«Осколок солнца» – так называли пыльцу цветка Элии, совершенно безвредную в соцветии, высушенную под жарким южным солнцем и вобравшую в себя его лучи. Спрятанная под магическое стекло пыльца мягко светилась ночью и гасла днем, вернее, так только казалось. Стоило крупинкам вырваться из закупоренного сосуда, как каждая из них взрывалась яркой ослепляющей вспышкой, сгорая под лучами светила, от которого получила силу. «Осколок солнца»...

Я торопливо вложила коробок в полусферу, прижала пальцем и присыпала обтекателем. Через несколько секунд после закрытия сферы он активизируется и, не меняя вещества, взятого за основу, склеит две половинки заряда. Я взялась за вторую половинку и замерла. Ошибка, грубая и очевидная. Магическое стекло, повинувшись изменениям, заложенным в капсуле, после выстрела станет хрупким, разрушится, но

коробочка, в которой заперта пыльца, – нет.

– Пять минут, – возвестил учитель, – готовим заряды к сдаче. Ваш, Мэрдок я уже принял, так что сидите, ваш, Отес, – тоже. Леди Альвон, Мэри Коэн...

Магистр Маннок принимал из рук студентов прозрачные сферы и расставлял в ячейках, напротив каждой было выведено имя.

Как быть? Ответ прост – сделать так, чтобы второе стекло тоже лопнуло, «осколок света» должен выйти на... свет. Посадить «зерна изменений» на коробок? Но мы еще не проходили отсроченную во времени магию... А если посадить их на что-то... что-то, способное отсрочить изменения? Фитиль! Я торопливо перебирала мешочки на столе.

– Что это за пакость, Вьер? – спросил учитель, принимая у парня сферу с булькающей грязью.

– Э-э-э... заряд, – растерявшись, ответил тот.

– Ну, если ты так уверен.

Первый капсюль на коробочку с пылью, протянуть короткий фитиль, его длины хватит на пару секунд, но больше и не надо, закрыть сферу, щелчок. Второй капсюль на внешнюю стенку. Два капсюля, два заряда, один внутри другого. Сработает ли? Мы не изучали сложные заряды...

– Две минуты. Кто еще не сдал? Астер? Рут? Давайте. Коррин, – магистр посмотрел на маслянистую, вяло перекачиваемую жидкость внутри сферы и определил заряд в нужную ячейку.

Я положила перед мастером Манноком свое «изобретение», уже понимая, что нарушила как минимум пару законов магической механики, и молясь Девам лишь об одном: чтобы этого хватило на проходной балл. Пусть Отес подавится своей заслуженной десяткой. Ядро его заряда плавало в центре прозрачного шара, и по нему то и дело пробегали искорки. Смотрелось очень красиво. И правильно.

– Время истекло, – скомандовал учитель как раз в тот момент, когда кучерявая и смуглая Рут Ильсеннинг принесла пустую с виду сферу. Дженнет зашептала что-то на ухо Мерьем, та захихикала. Но учитель принял заряд, позволив себе лишь легкое удивление.

– Тишина в аудитории! – сказала вошедшая в класс мисс Ильяна.

За ней следовал магистр Йен.

– Сели на свои места, – распорядился Маннок.

– Об экзамене лучше думайте. Молча думайте, – добавил милорд Виттерн, разглядывая заряды.

– Так мы же только что... – начал Коррин и замолк на полуслове.

– Мы решили провести экзамен в два этапа, – начала объяснять

магесса. – Первый – создание заряда, второй – его использование на противнике. – Кто-то засмеялся, парни начали переглядываться, предвкушая веселье. – И этот противник – вы сами.

В аудитории установилась оглушающая тишина. Я схватила лежащий на столе карандаш, чтобы хоть чем-то занять руки. На что я там рассчитывала? На четыре балла? Вот теперь мне на самом деле смешно. Бумага неприятно скрипнула под грифелем.

– Милорд Виттерн, вы сказали, что назначите нам соперников! – недовольно протянула Дженнет.

– Я и назначил, – ответил тот, не поднимая головы от стола, где раскладывал метатели.

– Что? – закричал, вскакивая, Оли. – Мы мишени из себя изображать не будем!

– Дверь там, мистер Ревьен, – невозмутимо заметил Ирнан Маннок, пододвигая стойку с зарядами.

– Что? – не понял парень.

– А то, – пояснила Ильяна. – Кто не сдаст или откажется экзаменоваться, может прямо сейчас собирать вещи.

– Но... – снова хотел возразить Оли.

– Разве это не опасно? – воплотил в слова сомнения остальных Мэрдок.

– Опасно, – согласился милорд Виттерн. – Если заряд боевой. А кто из вас, неучей, сумел создать такой? Молчите? Правильно, в теории-то все сильны. Еще поубиваете друг друга.

– Или нас, – добавила с усмешкой глава Магиуса.

Я опустила голову к листу бумаги, на котором бессознательно что-то чиркала. Линии пересекались, объединялись или обрывались на середине, постепенно складываясь в скупой резковатый портрет.

В свое время матушка, обнаружив у дочери полное отсутствие слуха, схватилась за голову. Помню ее жалобы папеньке: «Кому нужна жена, не способная сыграть на рояле или спеть сонет во славу князя?» Граф Астер смеялся, резонно замечая, что с таким именем и приданым его дочери совершенно нет нужды выть под непонятное брнчание – так он называл музыкальные вечера в Кленовом Саду. Видимо, слух и голос мне достались от него. Переживания и споры улеглись, только после того как маменька увидела мой рисунок углем на стене кухни. Тогда учителей музыки сменили художники, живописцы, портретисты, даже кубист, которого графиня Астер выставила с позором после первого же эскиза. Да, мягко говоря, я не блистала ни пением, ни игрой на инструментах, неважно

танцевала, то и дело сбивалась с ритма, но рисовать умела. И сердце матери успокоилось: вместо музыкальных вечеров я смогу устраивать художественные. Она, во всяком случае, свой долг выполнила, привив дочери любовь к прекрасному.

С белой поверхности листка на меня смотрел толстяк, его оплывшие черты легко узнавались в легких, почти небрежных росчерках карандаша. Я повернула голову – стол Гэли пустовал. Слава Девам, она осталась жива. Как и толстяк, но допросить последнего пока не представлялось возможным, несмотря на все усилия целителей.

Я перевернула листок.

– Вы же сказали, что тот, кто сможет обезвредить учебный заряд с краской, будет сам выбирать себе противника, – высказался Коррин.

– Ты хочешь попробовать? – удивился Виттерн.

Парень смущенно хмыкнул.

– Я бы хотел, – встал Отес.

Я выпрямилась, сжала карандаш. А ведь если кто-то и мог найти ответ на этот вопрос, так именно наш умник.

– Что ж, мистер Отес Гиро. – Магистр приглашающе взмахнул рукой, мисс Ильяна зарядила метатель стандартным шариком с сухой краской и подала мужчине. – Покажите мне ваши умения.

Отес вышел вперед и замер, сосредоточенно глядя на мастера Йена. Худой и немного нескладный, со взъерошенными черными волосами и излишне серьезным выражением лица. Дженнет фыркнула, Мерьем закатила глаза.

Учитель поднял метатель. На этот раз не было никакого счета, никакого предупреждения, только сфера с краской и тихий, почти бесшумный хлопок. Еще до того как боек вытолкнул заряд, за мгновение до выстрела, Отес применил магию, воплощая расхожую истину, что лучшая защита – это нападение. Рукав рубашки магистра сжался, уменьшился в размере, перетянул запястье, и рука дернулась. Сфера с порошком прошла выше, ударилась о потолок у противоположной стены, сухая краска посыпалась вниз, двое, сидевших за последними столами, Вьер и хохотушка Тара, едва успели отскочить в сторону.

Если нельзя воздействовать на метатель, опасно на заряд, то остается только цель. Но теперь я видела, что это неверно. Есть еще рука, держащая оружие.

– Незачет, – сказал магистр, и в аудитории поднялся гам.

– Почему? – Оли переживал так, словно его попытка провалилась, Мэрдок хмурился, Мэри о чем-то сосредоточенно размышляла, герцогиня

открыто смеялась.

– Первое, ты почти нарушил запрет воздействовать на живой организм, – пояснила мисс Ильяна.

– Но я затронул только ткань, – не согласился Отес. – Эффективнее всего было бы разогнать частицы, будь у вас запонка, кольцо или часы, и обжечь кожу...

– И металл бы застопорило, – покачал головой Виттерн. – В итоге он сработал бы как якорь, удерживая руку на месте. Твое счастье, что маги не носят металла и ты сжал частицы, воздействуя на ткань, – резюмировал магистр. – Но незачет тебе не поэтому, а потому, что ты построил защиту на случайности. Рука могла дернуться совсем в другом направлении.

Отес чуть покраснел и кивнул, возвращаясь на место.

– Кто-то еще? – спросил магистр Маннок, держа в руках новую сферу. – Или перейдем к экзамену?

– Милорд. – Я поднялась, глядя в прищуренные глаза учителя, тот взмахнул рукой. Смех Дженнет смолк.

Использованный метатель сменился заряженным, я встала напротив показавшегося слишком широким дула. Сердце забило, но я заставила себя смотреть. Мы в учебном классе, а не в переулке у портовых складов.

Щелчок. Тихий и почти оглушающий. Краткий полет прозрачной сферы. Дыхание сорвалось с губ и ускорило, перерастая в порыв. Усилить его во второй раз оказалось легче первого, разогнать до ветра, что ломает деревья во время гроз и бурь, гуляющих по берегам Зимнего моря...

Вот только результат отличался. Сфера разлетелась. Зеленые песчинки вместо того, чтобы осесть на магистре и перекрасить мужчину в тошнотворный болотный цвет, зависли в воздухе и тут же осели на пол в шаге от учителя.

– Ну, даешь... – начал Оли, но схлопотал удар в бок от Мэрдока и замолк.

– Интересно, – прокомментировала молчаливая Мэри.

– Принято, – усмехнулся милорд Виттерн, и Оли заулыбался. – Выбирай противника.

Я растерянно перевела взгляд на сокурсников. Честно говоря, ожидала не этого, а вопросов, возможно, обсуждения ошибок, чего-то в духе «ваша защита построена на знании, что выстрел произведен, а что вы будете делать, если заряд выпустят в спину?» И мне пришлось бы согласиться с этим, но...

– На ком будешь экспериментировать? – Магистр улыбался, вернее, даже усмехался, хотя с его изуродованным лицом толком не поймешь.

Я переводила взгляд с одного лица на другое – с хмурого Отеса на веселого Оли, с Мэрдока, от спокойствия которого захватывало дух, на высокомерную герцогиню. Дженнет... как заманчиво было бы выбрать ее и бросить в лицо «осколки света». Клянусь Девами, она поняла это по моему взгляду. Очень заманчиво. И очень недальновидно: нельзя позволить эмоциям взять верх над разумом. Я знала, кого надо выбрать.

– Я выбрала, милорд.

– Отлично. Поведай нам, кто этот счастливчик.

– Вы, милорд.

– Прости?

– Вы сказали, что я могу выбрать любого противника. Я выбрала. Вас.

– Подхалимка, – скривилась Дженнет и тихо добавила: – Чего еще ждать от змеиного рода^[4]... – наткнулась на яростный взгляд Мэрдока и замолчала.

Что ж, я этого не забуду, мы, из змеиного рода, такие злопамятные!

– Иви на мелочи не разменивается, – заметил Вьер, и они с Тарой рассмеялись.

– Время на подготовку уже пошло, – невозмутимо сказал милорд Виттерн. – У вас, Вьер Тили, осталось пятнадцать минут.

– У меня? Почему у меня?

– Потому что вы идете первым и, предваряя очередное ваше «почему»... – учитель поднял руку, – вы слишком веселитесь, следовательно, все знаете и во всем уверены. Вы, Альвон Трид, вторая, посмотрим, так же ли вы находчивы на деле, как и на словах.

Коррин и Оли переглянулись, Мерьем стала что-то капризно выговаривать. Отес листал книгу. Мэри показала мне большой палец.

– А ну-ка тихо! – скомандовал милорд Маннок, раскладывая на столе метатели.

– Мисс Кэррок, – обратился милорд Йен к магессе, – зарядите метатель для леди Астер у меня за спиной. Будем честными до конца.

Мисс Ильяна невозмутимо зарядила оружие... почти невозмутимо. Ее выдал взгляд, брошенный на Виттерна, быстрый и полный беспокойства.

– И отдайте Ивидель. – Она протянула мне рукоять. – Берите, Астер, берите. Вас мы отложим на потом. Не возражаете? – Я замотала головой. – Не дай Девы, отправите меня к целителям. Предпочитаю болеть с чистой совестью, а не гадать, что там придумал Отес.

Упомянутый ученик поднял голову от книги и попытался улыбнуться. Неудачно, парень сам это понял и стал яростно листать страницы. В глазах была паника. Что же он там придумал с зарядом?

– Садитесь, Астер, – разрешил учитель, переводя взгляд с одного ученика на другого. Мало кто мог смотреть на его изуродованное лицо без смущения, может, только герцогиня, высокомерная и надменная, или очень старающаяся казаться такой.

За оставшееся время Вьер так ничего и не придумал. Я поняла это по тому, как обреченно он выходил, как трагически замер напротив магистра. Зеленая жижа в метателе булькнула, жизнерадостно поприветствовав своего создателя. Ан нет, защиту он все-таки разработал, надел капюшон за миг до того, как клякса приземлилась ему на голову и с нежностью обняла чело создателя.

– Пересдача через три дня, – порадовал ученика магистр Маннок, трагично черкая в ведомости.

Парень ответил не менее трагичным кивком. Жижка покаянно вздохнула, и сидевшие за первыми столами зажали носы.

Дженнет выходила, лучась уверенностью. Ее настрой стал понятен, когда россыпь малых зимних^[5] жемчужин из заряда окружила ее ровным полукругом.

– Хорошо. Для предложения руки и сердца, – скривился магистр Виттерн.

– Родовая магия, – процедила мисс Ильяна, и герцогиня улыбнулась.

Да, все мы разные, и простолюдины, и родовитые дворяне, да что там, даже князья. У каждого свои особенности вроде формы носа, разреза глаз и цвета волос. Прадед нынешнего правителя очень любил работать с металлами, и они охотно отвечали ему взаимностью. Мой дед играл с огнем и холодом, в юности спалил конюшню, заморозил две деревни и завалил штрек вместе с рабочими. И теперь, когда я злюсь, частицы веществ начинают ускоряться, а когда успокаиваюсь, наоборот, замедляются. Не сказать, что редкий дар, в отличие от того, что передается по герцогской ветви Тридов. Они любят драгоценности, и те отвечают им взаимностью. Как-то раз папенька назвал блестящий^[6] род ювелирами-ремесленниками. А маменька зашипела на него, потому что, следуя логике графа Астера, князей Аэры можно именовать кузнецами и ковалями.

– Запрета на родовую магию не было, – возразила Дженнет.

Магистр Маннок кивнул и поставил в ведомости размашистую роспись.

– Хотел бы я посмотреть на атакованного жемчугом рыцаря, – скривился учитель Йен. – Ты, Альвон, произвела бы фурор.

– Так и задачи создать боевой заряд не ставилось, – неожиданно

пришел на помощь Дженнет Мэрдок и получил в благодарность улыбку.

– Мэри Коэн, – назвала имя следующей «счастливицы» мисс Ильяна, и дочь травника вышла вперед.

Вышла и сдала экзамен, развеяв пылевой заряд из жгучеядки.

Сдал и Мэрдок, он, припав к земле, пропустил над собой веер игл. Хотя приняли его работу не без возражений: защита была основана на знании, а не на анализе ситуации... И тем не менее напротив его имени появилась галочка.

Когда вышла Рут, однокурсники оживились, потому что ее шар был пустым. Я, как и все вокруг, попыталась прощупать содержимое сферы – метатель огрызнулся искрами. Мисс Ильяна предупреждающе подняла руку, и магия вернулась к нам, принеся пустоту.

– Такую бы любознательность на занятиях! – попенял магистр Виттерн, поднимая метатель.

Едва заметное движение пальцев. Боек, удар по капсулю, воспламенение – и энергия толкнула сферу вперед по нарезке ствола. Пустой заряд лопнул. С виду пустой...

А в следующий миг все зажали уши. Звук, невидимый и неосязаемый, прокатился по аудитории вибрирующей визгливой волной. словно крик торговли с рыбного рынка, которой задрали юбку, поймали в ловушку, несколько раз усилили ее вопли, а потом выпустили.

– Девы! – простонал Коррин, когда визг утих. Его голос показался мне слишком громким.

Смуглянка Рут невозмутимо вытащила из ушей хлопковые пробки.

– Десятка! – оценил старания девушки магистр, совсем неэлегантно ковыряясь в ухе.

Сдал экзамен Коррин, применив тот же способ, что и я, и не позволив чесоточному порошку осесть на коже. Сдал Оли. А вот заряд Тары отказался покидать метатель. Когда его извлекли, оказалось, что она забыла присоединить капсулю. Теперь девушка на пересдаче составит пару Вьеру. Мерьем умудрилась запихнуть в сферу запах роз, демонстративно зажала нос пальчиками и получила проходные четыре балла.

К учительскому столу шагнул Отес. Слишком серьезный и слишком задумчивый. Магистр Виттерн принял из рук мисс Ильяны заряженный метатель. Парень выдернул из петли на поясе маленький пузырек.

Замерла даже высокомерная Дженнет, замолкла Мерьем, подался вперед Коррин. Я слишком сильно нажала на карандаш, и грифель порвал бумагу на носу седовласого, портрет которого уже появился на обороте листа. Образовалась дырка.

Учитель выстрелил. Пузырек в руках парня лопнул, осыпался крошечками на пол, но Отес не послал никаких изменений навстречу заряду – он дождался, когда заклинание вырвется на свободу. И лишит свободы его.

Парня окутала сверкающая сеть. «Водная паутина». Ее применяют, когда нужно взять какого-то зверя живым. Или мертвым, если чуть изменить основу.

Я слышала о ней, а один раз даже видела, когда из княжеского зверинца поступил заказ на аванийского горного волка. Граф Астер именно с таким заклинанием отправился на охоту к перевалу. Не думала, что Отес сможет создать что-то подобное. Никто не думал.

Изменение воды третьего порядка из известных семи – придание инертной формы. Мы начнем изучать такое только в следующем году. Вода – податливая структура, но у податливости есть и обратная сторона. Тугоплавкое железо застынет раз и навсегда, а вот влага очень нестабильна. Отес не только посеял в нее правильные «зерна изменений» и отсрочил их рост во времени, но и уложил все это в работающий заряд.

Магическое стекло разрушилось, вырвавшиеся струи «паутины» опутали парня. Он разжал руку – на ладони лежала горстка серого песка. Прозрачные нити ловушки вдруг стали стремительно темнеть, словно в водяной поток плюхнули ведро грязи. «Паутина» утратила чистоту и мягкость, застыла на его плечах, шее, лице и одежде грязными полосами. Отес шевельнул руками, и сеть осыпалась к его ногам серыми комками.

– Серая соль – универсальный сорбент, – прокомментировал магистр Йен. – Мистер Гиро, кто научил вас изменениям третьего порядка?

– Я... – Парень отряхнулся. – Много читал.

– Продолжайте и дальше читать, – учитель выделил последнее слово, – мистер Гиро. Лучший результат из всего потока не только за этот год, но и за два предыдущих. И что, из вас, неучей, никто больше читать не умеет?

– Пока – лучший, – сказал Мэрдок и выразительно посмотрел на меня.

Не успевший погреться в лучах славы Отес вернулся за стол, а я поднялась. Что-то холодное шевельнулось в животе. Я нервно скомкала листок с каракулями и сунула в карман. Отес улыбнулся, его экзамен уже позади, так что он мог позволить себе улыбку.

Магистр скинул сюртук и закатал рукава белой хлопковой рубашки. Почему-то эти приготовления ввергли меня в панику.

– Милорд, мой заряд...

– Не портите мне удовольствие, Астер. – Полные губы скривила усмешка. – В кои-то веки что-то интересное.

Мисс Ильяна покачала головой, совсем как моя матушка, когда Илберт

заявил, что будет участвовать в очередном турнире.

Я подняла метатель. Учитель смотрел прямо на меня, улыбка еще больше кривила его изуродованное лицо.

– Долго мы будем ждать? – Дженнет постучала пальцами по столу.

Выстрелить в человека оказалось едва ли не сложнее, чем встать по другую сторону метателя и заглянуть в черное дуло.

– Незачет? – спросил Маннок, когда пауза затянулась, а заряженный метатель все еще был в моих руках.

– Ивидель, – рявкнул Йен Виттерн, и я все-таки нажала на спусковой крючок, едва подавив желание зажмуриться.

Раздался тихий щелчок, и... ничего не произошло. Совсем. Мисс Ильяна нахмурилась, милорд Виттерн наклонил голову, будто к чему-то прислушивался. Магистр Маннок отвлекся от ведомости.

Ладонь кольнуло теплом раз, второй, третий. Рукоять метателя стремительно нагревалась, но сейчас я точно могла сказать, что моя сила тут ни при чем.

– Бросай! – закричал вдруг магистр.

Пальцы разжались, метатель кувыркнулся в воздухе, из дула полыхнул ослепительно-яркий свет. Кажется, тоненько вскрикнула Мэри, а может, это был Оли. В следующий миг меня толкнули в сторону, чужие «зерна изменений» полетели вниз. Я упала, ударившись ладонями о плитки пола. Воздух сгустился, словно металл, попавший под кузнечный пресс. Мисс Ильяна выругалась теми особенными словами, которые не должна произносить леди. Метатель ударился об пол, задрожал, полыхнувшее светом дуло раскрылось, словно диковинный цветок с железными лепестками.

Жар лизнул пласт уплотнившегося воздуха и откатился обратно. Свет, запертый в разрушающемся метателе, погас. Магесса опустила руки. Воздух снова стал воздухом, а не барьером против чужой стихии.

Кто-то засмеялся, кажется, Мерьем. Я не хотела поворачиваться и смотреть, кто именно. Мой заряд так и не вылетел, взорвался внутри метателя. Сработали сразу оба капсуля, и вместо того чтобы вытолкнуть сферу, разрушили ее внутри ствола. «Осколки света» вырвались наружу сразу.

Магистр Виттерн протянул мне руку, опередив вскочивших Мэрдока и Оли, и скомандовал:

– Поднимайтесь, Астер.

Я вложила пальцы в его ладонь и встала, избегая взгляда серых глаз. Что в них? Разочарование? Злость?

– Пересдача, – резюмировал Ирнан Маннок.

– Свободны. – Голос мисс Ильяны чуть дрогнул.

Все заговорили разом, заскрипели отодвигаемые стулья. Мэрдок, как всегда казавшийся почти равнодушным, пошел к выходу.

– Пересдача через три дня. – Учитель выпустил мою руку.

Направившийся к выходу Вьер весело подмигнул. Ни свои, ни чужие неудачи его не расстраивали, зеленая жижа перекочевала с макушки на его ладонь и продолжала сочувственно ухать. Магистр Маннок закрыл ведомость. Мэри, кажется, хотела подойти, но сдержала порыв. А вот будь на ее месте Гэли...

– Леди Астер? Леди Ивидель Астер? – В класс заглянул молодой человек в сером костюме без значка, скорее всего, чей-то помощник или разнорабочий.

– Вон она, наша счастливица, – указал на меня выходящий в коридор Коррин.

– На ваше имя получен пакет из лавки, – отрапортовал посыльный и, дождавшись кивка, исчез.

Внутри все подрагивало.

– Прощай, Астер, – улыбнулась герцогиня.

– Я еще здесь, Альвон, – непослушными губами ответила я, но так тихо, что она не услышала или сделала вид, что не услышала, аристократы вообще мастера делать вид. Я держала голову так прямо, что сейчас ко мне не могла бы придраться ни матушка, ни самая строгая гувернантка.

Милорд Йен коснулся плеча, заставив остановиться.

– И помните, нет ничего страшного в падении. – Мужчина опустил руку. – Если потом вы нашли в себе силы подняться.

Посылки на Остров прибывали утренним дирижаблем. Свертки из лавок, промасленные кульки с домашней чесночной колбасой и слезливые письма родителей тихо-мирно дожидались адресатов на почтовой станции Академикума. Широкий зал, уставленный стеллажами, полки, поделенные на ячейки, где каждой присвоен порядковый номер. Узкие окна под потолком частично замело снегом, отчего казалось, что полдень давно миновал. Широкие столы, стопки писчей и упаковочной бумаги, проявляющиеся карандаши, чернильницы, конверты, мотки бечевки, палочки воска и почтовые печати Академикума. В углу стояли весы, одни – широкие, способные вместить сундук, другие – поменьше, на них вполне могла забраться и я, приди в голову такая блажь, и на столе третьи, совсем маленькие, с чуть покачивающимися чашечками. На станции всегда было

жарко натоплено, пахло сургучом, чернилами и бумагой.

Я плохо помню, как дошла до вытянутого, похожего на лодочный сарай здания почты. Делала шаг за шагом, проигрывая в голове эпизоды неудавшегося экзамена. Где я ошиблась? Короткий фитиль? Или капсули располагались слишком близко друг от друга? Энергия одного перекинулась на второй и сфера просто не успела вылететь, разрушившись внутри? Надо еще раз пролистать схемы построения усложненных магических зарядов и еще придумать новый для пересдачи, защиту от него и...

Раздался тихий смех, мягкий, подленький, меня окатило холодом. Я никогда не думала, что чужой смех может быть столь болезненным. Кровь прилила к щекам. Раньше мало кто мог позволить себе смеяться над графиней Астер. Больше всего хотелось закрыться в своей комнате и нарветься всласть. Роскошь, которую нельзя себе позволить. Но ни сегодня, ни завтра, ни в другой день я не буду прятаться. А для слез впереди целая ночь.

– Милая, тебе помочь? – спросила миссис Улен, дородная дама, хозяйничающая на почтовой станции, отставила чашку с чаем, а я поняла, что уже несколько минут стою посреди зала и пялюсь на полки.

– Благодарю, на мое имя поступила посылка из лавки. – Женщина раскрыла толстую потрепанную книгу. – Астер, – назвала я имя и сняла перчатки. – Ивидель Астер.

Миссис Улен обслонявила карандаш, отчего на губах остался черный след, и поставила в нужной графе жирный плюстик.

– Третья полка, одиннадцатая ячейка, – пухлой рукой указала на стеллаж напротив стола и снова ухватилась за чашку.

Посылка оказалась вытянутым свертком, замотанным в хрустящую, чуть маслянистую бумагу, несколько раз обмотанную бечевкой. Честно говоря, я не смогла вспомнить ни одной покупки такой формы. Вытащив сверток, подошла к упаковочным столам, взяла нож для писем и срезала веревку. Открылась и закрылась дверь, впуская в зал холодный воздух и ворох кружащихся снежинок. Встрепенулась миссис Улен, снова отставила чашку. Все еще думая о зарядах и капсулях, я развернула хрустящую бумагу и коснулась...

Руку окутало голубоватое свечение, по коже пробежали мурашки. Я вскрикнула, отдергивая пальцы, но, увы, поздно. Изменения были записаны. Теперь укороченная шпага из черного чирийского металла будет служить только одной руке. Моей.

– Милая? – вопросительно позвала миссис Улен. – Что-то не так? Если

товар повредили, мы его вернем.

– Все... все в порядке, – сказала я, отступая от стола. – Вы не подскажите, из какой лавки это прислали?

Женщина зашуршала страницами. Конечно, я уже знала ответ. Знала, но хотела услышать его из других уст.

– Оружейная лавка мастера Гикара, – растерянно проговорила женщина. – Уверена, что все в порядке?

– Да. Это просто... просто... сюрприз. Я не ожидала...

А чего не ожидала? Что кто-то преподнесет мне подарок в тысячу золотых? Если об этом узнает отец... или брат... Девы, такие подарки раз и навсегда губят репутацию. А с другой стороны, это же не кольцо, не лошади, не дом, не... всего лишь шпага. Шпага, стоящая как поместье.

– Знамо дело, сюрприз, – раздался голос за спиной, и я обернулась. – Это был крик радости?

– Барон, – выдохнула я.

Сегодня Оуэн совсем не походил на рыцаря, коим я привыкла его видеть. Никакой кольчуги, шпаги, плаща. Пальто из добротного сукна, шейный платок, перчатки, шляпа... Встретила бы я его в городе, назвала бы джентльменом, только вот еще недавно этот «джентльмен» с остервенением срезал волосы с головы южанина.

– Да, я рада, – вернувшись к столу, стала заворачивать шпагу в бумагу.

– Я так и подумал, – проговорил он, продолжая меня разглядывать.

Ну почему мне так неудобно? Почему хочется обернуться и показать ему язык? Детство какое-то.

– Графиня Астер.

– Слушаю вас, барон. – Я торопливо намотала на бумагу веревку.

– У меня приказ: отправить вас в третью дознавательную для допроса.

– К-к-куда? – Я обернулась и едва не уткнулась носом в грудь Оуэна, так близко он подошел.

– В третью дознавательную, где будет проведен допрос по форме и сделаны соответствующие записи в реестр...

Я отступила, стукнулась о стол и едва не уронила сверток. Он продолжал разглядывать меня синими глазами. Уголки губ чуть подрагивали.

– Крис, я вас сейчас ударю, – слабым голосом проговорила я.

– Сюрпризом? – Он поднял брови.

– Им самым.

– Только быстро. – Крис совершенно бесцеремонно взял меня за руку. – Нас ждут.

– Вы не шутите?

– Я не шут, – он потянул меня к выходу, – и не посыльный, чтобы бегать за вами просто так.

– Но... – Я споткнулась на ровном месте.

– Нас действительно вызвали в третью дознавательную Отречения. Нас, Ивидель, меня, тебя и Жоэла. У серой жрицы есть вопросы о происшествии.

Раньше мне не доводилось бывать в Отречении, и, думаю, оно от этого не страдало. Я шла рядом с Крисом, не понимая, отчего сердце бьется так часто. От странного подарка? От предстоящего допроса? Или оттого, что его рука сжимает мои пальцы, а мне совершенно не хочется вырваться?

Замок жриц отличался от башен Ордена острыми шпилями и был этажей на семь выше Магиуса. Белый, с алыми прожилками камень стен, узкие винтовые лестницы и коридоры, где двум рыцарям не разминуться. Может, на случай штурма, чтобы без труда сдерживать нападающих?

Мы поднялись на второй этаж. Шедшая нам навстречу жрица в алом плаще настороженно покосилась на Криса, но ничего не сказала.

Двери с медной кованой цифрой «три» распахнулись, и в коридор, на ходу осенив себя знаком Дев, выскочил Жоэл.

– Уже отстрелялся? – спросил барон.

– Э-э-э... Крис, я не стрелял в нее, еще чего не хватало, – ответил бледный Жоэл и, увидев кривую улыбку друга, натянуто рассмеялся. – Все бы вам, варварам, над простым человеком насмеяться. Графиня. – Он склонил голову и на всякий случай еще раз осенил себя знаком Дев.

– Так плохо?

– Не баба, а демон Разлома, – пожаловался рыжий. – Рассказал все как есть и тебе советую, а то мозги наизнанку вывернет.

– Я уже в предвкушении, – ответил Оуэн, открыл передо мной дверь, посмотрел на стоящую у окна женщину и учтиво проговорил: – Приветствую, баронесса.

– И я вас приветствую, барон, – кивнула Аннабэль Криэ.

Она выглядела точно так же, как и несколько дней назад в доме Миэров: тот же цепкий взгляд, гладкая прическа и, кажется, даже та же одежда.

– Приятно снова видеть вас, леди Астер. Присаживайтесь, молодые люди.

Комната больше походила на кабинет, чем на допросную, хотя я уже успела подумать о цепях, каленом железе и полуголом палаче. Последнее почему-то смущало больше всего.

Массивный письменный стол, вытертый ковер под ногами, три стула с резными ножками и обивкой невнятного цвета, один для хозяина и два для посетителей. И все, ни вышитых картин, ни портьер на окнах, лишь светлый камень стен. Из-за алых вкраплений казалось: они плачут кровью. Скучно, тускло, уныло.

Оуэн подвел меня к стулу, а сам сел на второй и не спускал пронзительных синих глаз со жрицы. Та скупно улыбнулась.

– У вас сегодня больше нет экзаменов, и я взяла на себя смелость вызвать вас для беседы. Это ненадолго, обещаю. – Она села за стол. – Вы ведь не против?

– А у нас есть выбор? – спросил барон.

– Боюсь, нет. – Жрица открыла блокнот, постучала карандашом по столу и попросила: – Леди Астер, расскажите все, с того момента, как покинули дом Миэров вместе с вашей подругой.

– Как Гэли?

– Хорошо, скоро снова будет рядом с вами. Ее мы уже допросили...

– Сомневаюсь, – вставил Крис.

Но серая, не обратив на него внимания, продолжала:

– А теперь мы хотим послушать вас, леди Астер.

Я пожала плечами, поерзала на неудобном стуле, положила сверток со шпагой на колени и стала рассказывать. Если хотят слушать, значит, пусть слушают. Как мы приехали в банк, как исчезла карета, как толстяк поднял метатель, как я бежала по лабиринту узких улиц. Вспомнился холод. И страх. И беспомощность. Наверное, в моем лице что-то изменилось, потому что, подняв голову и посмотрев в лицо жрице, я увидела на нем сочувствие и каплю жалости.

– То есть вы подтверждаете, что разбойники пытались похитить мисс Миэр? – спросила по окончании рассказа жрица, сделав несколько пометок в блокноте.

– Я?

– Вы, мисс Астер. Подумайте сами. Ночью неизвестные забираются в особняк мэтра, а на следующий день увозят его дочь. Все очевидно. Думаю, Алесандр Миэр обменял бы «Око Девы» на единственную дочь.

– Но они требовали то, что мы купили в лавке у Гикара, – растерянно проговорила я, опуская руки на хрустящий сверток. Показать или нет? Чего же на самом деле хотели разбойники? «Око Девы»? Зеркало? Шпагу? Но откуда они узнали, что я ее «купила», если этого не знала даже я?

– Ничего удивительного, – ответила жрица, скупно улыбнувшись. – Если за Миэра взялись воры, что работают по артефактам, думаю, за его

дочерью тоже следили. Такие люди отлично знают, чем торгует Гикар, они вряд ли откажутся еще от одного артефакта. Они ведь не просили конкретно зеркало? Не называли предмет?

– Не... нет...

– Потому что им все равно, кража магических предметов – это работа. – Она вздохнула. – Не было печали. В Льеже появилась новая банда.

– Наверное. – Мой голос звучал растерянно. – Я не очень разбираюсь в бандах.

Стоило сжать пальцы, как бумага зашуршала. Ведь если она права, то... То эта шпага не имеет никакого отношения к грабителям. И ее покупатель тоже. Отчего же так тревожно на душе? Я опустила руку. Раз не имеет значения, какой артефакт они требовали, значит, посылка тоже не имеет значения для расследования. Мало ли кто мне такие подарки делает. И не важно, чем я могла их заслужить.

– Зато в них разбираюсь я, – удовлетворенно сказала Аннабэль Криэ и повернулась к Крису: – Теперь вопрос к вам, барон. Жоэл Трит был так любезен, что рассказал мне почти все. И это «почти» меня очень удручает. Он не смог внятно объяснить, как вы оказались на набережной. Это в стороне от вашего обычного маршрута, я уточняла у капитана. Может быть, это объясните вы?

– Нам запрещено гулять по городу? – вопросом на вопрос ответил Оуэн.

– Нет, но я не люблю совпадения.

– Ваше дело.

– Смотрите, какая интересная картина вырисовывается. – Серая жрица вернула рыцарю высокомерную улыбку. – У бандитов точно был информатор из личного круга Миэров. Откуда они узнали об «Оке»? О доме? О маршруте девушек?

– Вы мне льстите, – ответил Крис. – Я не вхожу в ближний круг Миэров.

– Ой ли? – Она подняла брови. – А у меня сведения, что Гэли Миэр одно время очень активно пыталась завязать с вами... хм... дружбу.

– Так спросите у нее, а не у меня.

– Что вы там делали, барон? – с нажимом переспросила Аннабэль. – И как так получилось, что вы упустили подозреваемого? Два рыцаря не смогли справиться со стариком?

– Во-первых, я не подозревал, что у Миэров есть «Око Девы»...

– Всего лишь слова. – Жрица демонстративно стянула перчатки. – Но я

знаю, как их подтвердить. – Она положила руку на стол ладонью вверх. – Одно прикосновение, барон, и все подозрения будут сняты.

Крис продолжал рассматривать женщину, и от этого взгляда мне стало неудобно. Что это? Презрение? Заинтересованность? Злость – из тех, что долго тлеет, а потом вспыхивает подобно пожару? Или что-то другое, не менее обжигающее?

– Я позволю вам коснуться себя, – медленно проговорил он, протягивая руку. – И мало того, даже отвечу взаимностью. – Рыцарь постучал пальцами по столу рядом с ладонью жрицы. – Но вам придется повторить свое предложение в более приватной обстановке.

Оуэн улыбнулся женщине так, что у меня кровь прилила к щекам. И одновременно с этим я ощутила новое, до сего дня не испытанное чувство, жгучее, словно стебли крапивы под окнами. Я вдруг поняла, что хочу, чтобы Крис повторил эти слова для меня. И только для меня. Хочу и очень боюсь их услышать.

– Самоуверенный мальчишка, – нисколько не смутилась серая. Ее пальцы шевельнулись. – Я все равно получу ответы. – Она приподняла ладонь.

– Нет, не получите. Если не хотите быть отлученной от дара богинь. Закон князя Имерта Третьего запрещает жрицам применять силу к наследникам рода без согласия оных, если только они не подозреваются в измене. Меня подозревают в нарушении вассальной клятвы князю? – Рыцарь нарочито медленно провел пальцем по столу вдоль ладони серой. Жжение внутри усилилось.

– Нет.

Оуэн убрал руку и откинулся обратно на спинку стула.

– Но это не единственное исключение. Проверка наследника может быть проведена, если получено разрешение действующего главы рода. – Теперь пришел черед жрицы улыбаться. – Аристократы подстраховались, внесли в закон поправку – слишком часто нетерпеливые отпрыски отправляли их на тот свет. Как думаешь, разрешит ли нам барон Вейлир Оуэн, – она надела перчатку, – допросить наследника, которого он сослал в Академикум с глаз долой?

– Занятная формулировка.

– Точная. Думаешь, мы не знаем, что произошло в Совином Лабиринте?^[7]

Крис не ответил, улыбка стала жесткой, почти злой.

– Отец лишил тебя содержания и сослал в Орден, потому что испугался за жизнь младшего сына. Сколько ему сейчас? Полтора года или

около того. Твоя мать, Крис, умерла десять лет назад. Вейлир взял любовницу из неблагородных, потом еще одну и еще. Твой брат Аарон – бастард, барон его признал. Насколько я знаю, по законам западных провинций незаконнорожденные дети могут наследовать титул при отсутствии законных. Ты увидел в нем угрозу, поэтому попытался убить? Натравить собак на годовалого ребенка – это чересчур жестоко даже для западных земель. Представляю твое разочарование, когда мальчика спасли, пусть он на всю жизнь остался калекой. – Жрица встала. – Я не говорю уже о том, что предыдущую любовницу отца, когда та понесла, ты собственноручно заперол кнутом.

– Вы смущаете графиню, – проговорил Крис. Его акцент, почти незаметный в обычное время, стал еще более явным, согласные тверже, а гласные короче.

– О да. – Серая посмотрела на меня. – Но она должна ужасаться, а не смущаться.

– Готов примерить кандалы. – Оуэн тоже встал. – Всеблагороднейший барон дал разрешение на проверку?

– Нет, – с сожалением проговорила Аннабэль Криэ. – Но если у нас появятся новые основания, я лично вызову вашего отца в Льеж.

– Желаю удачи. – Рыцарь развернулся, задел ногой стул, отчего тот опрокинулся. Крис вышел, не оглянувшись ни на меня, ни на жрицу.

– Я... я... – понятия не имею, что я хотела сказать, и оттого повторяла бессмысленно одно и то же.

– Напугала вас? – проникательно спросила серая. – Это хорошо. Поверьте, барон Кристофер Оуэн – совсем не тот человек, общение с которым принесет пользу юной леди.

– Я могу идти?

– Посмотрите на меня, Ивидель. Я не врала, отец оплатил его обучение в Ордене, но лишил содержания. Вы слышали, младший Оуэн ничего не отрицал. – Я хотела возразить, но она подняла руку и продолжила: – Только на прошлой неделе Кристофер приобрел два меховых плаща и заказал парные клинки оружейнику, не из чирийского железа, но тоже удовольствие недешевое. Я уж не говорю об их с Жоэлом прогулках по кабакам и борделям, и платит всегда Оуэн. Откуда у него деньги? Из-за него у нас пропал один подозреваемый. Второй при смерти. И мы даже не знаем, как они выглядели. – Она вздохнула. – Идите, леди Астер, но не забывайте того, что услышали.

– Лицо толстяку сжег не он, – проговорила я, наверное, из чувства противоречия. Мне не хотелось слышать то, что говорила жрица. Не

хотелось верить, не хотелось представлять себе жестокости Криса. Я прижала к груди сверток, вытащила из кармана скомканный лист бумаги – единственный результат прошедшего экзамена – и положила на стол. – Вот так они выглядели.

Потом поднялась и пошла к выходу, спиной чувствуя напряженный взгляд серой жрицы, разворачивающей бумажный набросок. И ее изумление.

На улице ни Криса, ни Жоэла уже не было. Пошел снег, мелкий, словно крупа, и колючий, словно битое стекло. Пальцы тут же стали замерзать. Одно хорошо, разговор с бывшей баронессой заставил меня хоть на время забыть про экзамен, и желание спрятаться тоже испарилось.

– Будем решать проблемы по мере их поступления, – произнесла я вслух, заслужив недоуменный взгляд жрицы в алом плаще.

Шпили замка заносило снегом, ветер гудел на крышах, вращая флюгер на ближайшей башне, погода ухудшалась с каждой минутой.

– А первая проблема у меня в руках. – Я посмотрела на сверток и торопливо натянула перчатки.

В одном серая была права: экзаменов сегодня больше не планировалось и мы могли использовать вторую половину дня по собственному усмотрению. То есть готовиться.

Я снова посмотрела на небо и зашагала к воздушной гавани.

– Это последняя гондола, – предупредил стюард, выдавая билет. – Воздушное сообщение будет возобновлено только после прекращения снегопада.

– Благодарю, – кивнула я, усаживаясь на лавку. – Будем надеяться, что это ненадолго.

– Будем, леди. – Он подал мне сверток со шпагой. – Но если нет, списки застрывших на земле учеников сразу же отправят главам факультетов.

Он коснулся фуражки и отошел, проверяя запорные механизмы двери.

Очень надеюсь, что много времени мне не потребуется. Доберусь до лавки Гикара и верну подарок. Конечно, клинок уже настроен, останется только выбросить его в Разлом, но это уже не мои проблемы.

Рука дрогнула, я вспомнила, как удобно рукоять этой шпаги ложилась в ладонь, как порхало острое клинка. Кольнуло сожаление. Но иногда, чтобы поступить правильно, нужно чем-то поступиться. Я не платила за покупку и требовать деньги не вправе. Если Гикар не захочет назвать мне имя покупателя, что ж... Не беда, пусть сами разбираются. Без меня.

Я сыта этим по горло.

«Если леди не желает принимать подарок, она его не примет», – как говаривала матушка, когда Илберт в очередной раз спускал содержание на сережки для очередной красавицы-хохотушки.

Корзина гондолы качнулась, и я вцепилась в лавку. В животе появилась первая льдинка страха.

Дирижабль три раза заходил на посадку, но что-то не получалось, и когда корзина наконец коснулась шершавых камней пирса, внутри перекатывался целый снежный ком, а жрица на соседней лавке монотонно бубнила молитву Девам, то и дело сбивалась и забывала слова. Стюарды открыли двери, объявили о прекращении полетов и пожелали нам приятного дня. День был с этим категорически не согласен.

Поймать извозчика удалось не сразу. Метель усилилась, в лицо летели колючие хлопья. Из кареты я почти не видела сменяющих друг друга улиц, свет фонарей и витрин казался матовым и тусклым, словно на город накинули белую вуаль. Мысли поминутно возвращались к Кристоферу Оуэну, к тому, что сказала жрица. Вряд ли она врала, тогда почему же мне до боли хотелось обвинить ее во лжи?

Карета остановилась, возница повысил голос, что-то кому-то выговаривая. Я открыла дверь и выглянула. Извозчик ругался с мужчиной с нашивками десятника. Дорогу перегораживала телега, на которой стояла бочка – такие держали рядом с управами на случай пожаров. В воздухе чувствовался сильный запах гари. С десятков жестяных ведер валялось в истоптанном снегу рядом с колесами. Усталые лица патрульных рыцарей были перемазаны копотью.

Я вышла из кареты и постаралась рассмотреть из-за спин собравшихся людей, что же именно горело. Обглоданные пламенем стены еще тлели и тихо шипели. Кучер продолжал спорить с десятником, не обращая внимания на то, что пассажир уже покинул карету. Владельцы соседних лавок, их покупатели, разносчики, подмастерья, просто уличные мальчишки, случайные и не очень случайные прохожие – все переговаривались, поминутно поминая Дев. Одному из них сегодня не повезло – лавка сгорела.

Я сделала несколько осторожных шагов вперед, холод пробрался под куртку. Сгорела не просто лавка, а мастерская Гикара.

Остальные постройки удалось отстоять. Южная стена оружейной, кажется, та, где висела карта, частично уцелела. Остальное превратилось в пепел, смешавшийся с тающим снегом. Рыцари пытались очистить остатки товара, больше похожего на груды черного металла. На дороге лежал...

лежало прикрытое мешком тело. На него смотреть не хотелось, но взгляд снова и снова возвращался к торчащим из-под ткани черным ногам.

– Ужаси какие, – покачала головой стоящая рядом женщина в пуховом платке.

– И не говори, – ответила вторая с корзинкой в руках. Капюшон ее куртки упал, волосы выбились из пучка. – И как полыхнуло! В одночасье! Я уж думала, Девы по наши души явились.

– По чью-то точно явились, – хмуро сказал дородный мужчина с пятнами на фартуке. Снег падал на его лицо и тут же таял, заставляя кожу блестеть. – Кто-то очень хотел отправить бедолагу к богиням, даже дверь поленом подперли, чтобы не выбрался.

Мы все посмотрели на лежащее на земле черное тело.

– А ну-ка хватит! – рявкнул рыцарь с серой эмблемой на плаще и отрывисто спросил мужчину: – Кто такой? Откуда?

– Так мясник я, Ганс из лавки «У Ганса. Отборная вырезка и корейка», – с готовностью ответил он. – Ежели не верите, то у любого спросите. – Мужчина оглянулся, но словоохотливые женщины уже уходили, а мальчишка-разносчик еще раньше юркнул в подворотню.

– Спросим, – сказал серый. – Видели, как занялось?

– Э... нет, – с неохотой признал мясник. – Выскочил, когда уже всюю полыхало да колокол звонил. Помочь хотел Гикару, тут ведь такое дело, не поможешь – вся улица займетса, что чужое, что свое. Не сразу увидел, что дверь поленом подперта, а когда увидел, поздно было, крыша рухнула. Эх, жалко мастера, такую душу загубили. – Он показал пудовый кулак пепелищу.

– Уверены, что это Гикар? – Рыцарь указал на тело.

– А кто ж еще? – выпучил глаза Ганс.

– Значит, не уверены, – констатировал серый.

– А вы, леди? – Моего рукава коснулся десятник, что еще недавно препирался с извозчиком.

Тот, кстати, стоял позади служивого и нервно мял в руках шапку. Думаю, он уже просветил солдата, куда я направлялась, но не смог сказать зачем.

– А я только что приехала, – холодно ответила, прижимая к животу сверток. – И видеть при всем желании ничего не могла.

Извозчик согласно закивал.

– Вы ехали в оружейную лавку? – поднял бровь десятник, совсем другому оглядывая продолговатый сверток.

– Да, – ответила я. – Хотела...

– Простите, леди Астер, я опоздал.

Мне на плечи легли тяжелые руки, сердце подкатило к горлу. Голос оказался знакомым. То ли от испуга, то ли от радости сердце забилось как сумасшедшее.

– Вы с этой леди по оружейным лавкам ходите? – усмехнулся серый.

– Почти. – Кристофер Оуэн сделал шаг вперед, ненароком оттеснив меня в сторону. – Она со мной. А потом к модистке. Так? – Он, улыбаясь, посмотрел на меня, западный выговор исчез, уступив столичному, с чуть капризным растягиванием гласных. Перед серыми сейчас стоял не рыцарь патруля. Пальто, шейный платок, шляпа – Оуэн казался избалованным столичным франтом, покупающим девочке ленточки и решившим между посещением портного и кофейни прикупить ножичек для писем. – А что здесь... – Барон растерянно оглядел пепелище.

Только я заметила, как гневно сверкнули его синие глаза?

– Не судьба вам, господа хорошие, – сказал десятник, а серый отвернулся, теряя всякий интерес к франту. – Ищите другую оружейную лавку.

– Найдем, – неуверенно ответил Оуэн и добавил: – Наверное... – заслужив еще один презрительный взгляд десятника. Барон взял у меня сверток, подал руку и, почти выпадая из образа, приказал топтавшемуся рядом извозчику: – Разворачивай карету.

– Барон...

– Подожди минуту с вопросами, – сквозь зубы проговорил он. Улыбка на лице застыла.

Я оглянулась на пепелище, на тело на дороге. В ушах звучал голос мясника: «Поленом дверь подперли». И слова серой жрицы о том, что Оуэн совсем не такой, каким кажется. Что он здесь делал? Когда пришел? А что, если раньше? А что, если... это он устроил пожар? Но зачем?

– Не нуждаюсь в вашей помощи, барон, – резче, чем намеревалась, сказала я, усаживаясь на сиденье.

Дверца хлопнула, Оуэн устроился напротив, в его руках все еще был мой сверток. Раздалась отрывистая команда кучера, и карета стала набирать ход.

– Я ничего не сделала и вполне могу...

Крис усмехнулся, стянул и бросил на сиденье перчатки, а потом стал разворачивать хрустящую бумагу.

– Что... что вы себе позволяете? – Я потянулась к свертку, но Оуэн оттолкнул мои руки и сдернул упаковку.

Укороченная шпага ответила на чужое прикосновение россыпью искр.

Оуэн зашипел и затряс пальцами. Клинок упал на пол кареты между нами.

– Из лавки Гикара? Семейная железка? – Он нагнулся, с интересом разглядывая черное лезвие. – Астеры настолько богаты? – Крис на минуту задумался и сам же себе ответил: – Нет, тут что-то другое, иначе ты не перепугалась бы так на почте. И те два недоумка тоже спрашивали об оружейной лавке?

Не дожидаясь ответа, Крис схватил меня за плечо и рванул на себя, почти заставив упасть. Синие глаза оказались слишком близко. Я уперлась руками ему в грудь, проглотив гневные слова. Им на смену пришел страх. Наверное, так же он разговаривал с той женщиной, которую высек кнудом. И не просто высек – заporол насмерть. Или с улыбающимся младшим братом, на которого спустил собак. Холодный тон, пренебрежительная усмешка, злой взгляд...

– Спрашивали? – уже тише переспросил он.

– Вы же слышали мой рассказ, – прошептала я.

– Ты слышал, – поправил он меня. – Со мной можно на «ты», не обижусь. Так откуда у тебя этот клинок и почему ты боишься его больше, чем меня?

– Потому что я не знаю, кто мне его подарил. А я не люблю неизвестность. Неизвестно, когда и чем придется за такой подарок расплачиваться.

– Логично. – Он отпустил мое плечо.

– А вы... ты... что там делал? – Я медленно отстранилась.

– Где?

– У лавки Гикара?

– Тебя ждал.

– Но как вы... ты... узнал?

– Ты слишком предсказуема. Я еще на почтовой станции понял, куда ты первым делом побежишь. Да я и сам давно хотел посмотреть на известного мастера Гикара вживую. А получилось – вмертвую.

– То есть ты здесь никогда раньше не был?

– Нет. Еще вопросы?

Карета набирала ход. Я откинулась на спинку сиденья и вдруг поняла, что совершенно не представляю, где мы находимся.

– Куда мы едем?

– В дом целителей, – ответил Оуэн. – У тебя там, кажется, подруга?

– Да, Гэли Миэр, – ответила я и не удержалась от вопроса: – Вы и в самом деле знакомы? – и тут же дала себе мысленную затрещину. Об этом не спрашивают, можно поинтересоваться, «представлены ли вы друг

другу», но не у случайного знакомого. Не у него. Не мне. Не сейчас.

– Да. – Крис взял упаковочную бумагу, наклонился, подхватил шпагу и как ни в чем не бывало подал мне. Никаких извинений или запоздалых сожалений. Заговоренное железо ответило на прикосновение едва слышным гудением. Будь на нем перчатки, он бы не обжегся, но даже в этом случае клинок отказался бы служить ему. Чирийское железо уже обрело хозяина. – Она очень хочет выйти замуж, как и любая другая девушка. Пришлось объяснить мисс Миэр, что я не самая подходящая партия. Она мне поверила, что пошло ей в плюс. Все, конец знакомству.

– Тогда зачем вы... ты... мы туда едем? – Я немного неловко схватила шпагу и опять едва не выронила.

– Там не только твоя подруга, но еще и один случайно обожженный толстяк. Хочу удостовериться, что он и в самом деле не может говорить.

– Но...

– Я знаю, что его охраняют, – перебил Крис.

– Но, – с упорством повторила я и стала заворачивать шпагу. – Зачем это тебе? Серые во всем разберутся, а у нас экзамены.

Карета стала притормаживать.

– Видел я, как они разбираются. Да и ты, кстати, тоже.

– Не понимаю. – Я нахмурилась.

– А жаль, серая так рассчитывала, – снова эта усмешка, – так старалась, устраивая совместный допрос. Я должен был услышать твою историю, а ты мою.

– Зачем?

– Давай пофантазируем. Может, для того, чтобы открыть глаза одной молоденькой графине на то, какой я на самом деле плохой?

Карета остановилась. Оуэн повернулся к дверце.

– А ты... – Голос дрогнул, я наконец спросила о том, о чем давно хотела спросить, и плевать на приличия. – Ты и в самом деле натравил на младшего брата собак?

– Да. – Он спрыгнул на снег и подал руку, которую я проигнорировала, просто не смогла принять ту самую ладонь, что держала кнут или поводок матерого пса.

– Почему? – прошептала, ступая на снег.

Но он услышал, опустил руку и ответил, хотя я и не ожидала:

– Не помню точно, он постоянно орал, вечно путался под ногами, надоедал.

– А та... – голос звучал хрипло, как после простуды, – девушка? – Я не знала, как правильно назвать любовницу его отца, я вообще не верила, что

стою тут и веду подобные разговоры, а Крис не только не останавливает меня, но и отвечает на вопросы.

– Ее тоже я запорол, – не стал отрицать Оуэн. – За то, что перед отцом подолом мела, а передо мной задрать отказалась.

Я отшатнулась, споткнулась о ступени крыльца, большие, каменные, с коваными перилами. Высокие окна дома целителей приветливо светились сквозь метель, бросающую в глаза снег.

– Я не рыцарь, – четко проговорил он и тут же исправился: – Вернее, рыцарь, но отнюдь не такой, о котором мечтают юные девы. До тебя это постарались донести как можно яснее.

– Зачем это серой?

– Возможно, это нужно не ей. – Крис прищурился. – Кому-то не нравится наше знакомство. Может, твоему отцу?

– Нет. – Я отвернулась. – Папеньке достаточно отдать приказ. Или забрать меня из Академикума. Или и то и другое вместе.

– Тогда это нужно кому-то другому. – Барон поднялся на крыльцо. – Тому, кто не может отдавать тебе прямые приказы.

Я помедлила, сжала сверток. Бумага громко хрустнула. Но я все-таки поднялась на крыльцо, чувствуя, как внутри шевелится страх. Не испуг, как при виде мохнатого паука, заставивший меня замереть на месте, а потом взвизгнуть. И не тот отчаянный, парализующий ужас, когда Илберт слег с лихорадкой, а лекари разводили руками. Другой, доселе неизвестный, такой, словно я делала что-то неправильное, запретное. По-хорошему надо было развернуться и уйти. Так поступила бы каждая леди. Так должна была поступить и я.

Страшили неизвестность и этот неправильный рыцарь, совершенно не стыдившийся собственной неправильности.

– Ты идешь? – Он приоткрыл дверь, но не обернулся.

Если я сейчас откажусь, дверь закроется. Навсегда. Я говорю отнюдь не о доме целителей.

– Если до меня хотели донести твою историю, то до тебя хотели донести мою. Зачем?

– Вот ты и начала думать. – Крис посмотрел на меня и снова протянул руку.

На этот раз я не без дрожи вложила в нее свои пальцы. До сих пор не знаю почему.

Все дома целителей строили по одному образцу, даже тот, что под патронатом матушки в Сиоли, рядом с Кленовым Садам. Большое здание:

центральный фасад соединяет два крыла, женское и мужское.

– Могу я вам помочь? – Дежурившая в приемной девушка в белоснежном платье устало улыбнулась.

– Можете, – согласилась я и представилась: – Леди Ивидель Астер к Гэли Миэр. Ей разрешены посещения?

– Да, леди. – Она перевела взгляд на Крису. – А господин?

– А господин подождет здесь, – ответил барон, снимая шляпу и улыбаясь. Совсем не так, как серой, совсем не так, как мне.

Он смотрел на девушку тепло, словно на старого друга. И меня снова окатило жгучей волной зависти, странным, вскипающим внутри чувством. Разве может быть чудовищем тот, кто умеет так улыбаться?

– Первый этаж, комната одиннадцать «А», – сверившись с записями в толстой тетради, сказала дежурная. – Проходите, леди, но ненадолго. Больной нужен покой.

Я немного нервно сдернула перчатки и направилась в просторный коридор женского крыла. Но все-таки не выдержала, обернулась и неловко прижала к себе бумажный сверток с посылкой, будь она неладна. Кристофер продолжал улыбаться. Вероятно, в этом и состоял план: отправить меня к Гэли, а самому в это время... Что? Будет расточать улыбки? И Девы с ним. Пусть расточает.

Тогда почему жжет внутри?

Одиннадцатая комната под литерой «А» оказалась почти в самом конце крыла. Сначала шли сдвоенные двери общих палат, где лечились зажиточные горожане. Впрочем, не настолько зажиточные, чтобы позволить себе отдельную комнату и личного целителя. Потом следовали апартаменты богатых купцов и дворян. Бедняков принимали бесплатно с черного хода, там обычно было оборудовано несколько кабинетов первой, а зачастую и последней помощи, ибо, когда неимущие надумывали обращаться за лечением, как правило, оказывалось уже поздно. Дома целителей строили так, чтобы два мира – богатых и бедных – никогда не пересекались. В этих коридорах никогда не встретишь больную проказой попрошайку или подцепившего лишай лесоруба.

Миэры не относились ни к тем ни к другим, они принадлежали к тем, кто мог купить этот и еще дюжину других домов целителей. Я постучала по двери и, дождавшись раздраженного «кто там еще», вошла в комнату. Гэли в домашнем светлом платье сидела на кровати. Недовольная, простоволосая и надутая на весь мир, совсем как я, когда отец запретил мне идти на деревенскую ярмарку. Видимо, покой, который ей предписали, шел не впрок.

– Привет, – поздоровалась я. – Надеюсь, ты тут не умирать собралась?

– Если только от скуки, – расцвела улыбкой подруга, вскочила с кровати, в нарушение всех приличий обхватила меня руками и закружила по комнате, нараспев приговаривая: – Иви-Иви-Иви!

– Отпусти, ненормальная, – рассмеялась я, едва не выронив сверток со шпагой.

– Думала, ты не выберешься. В Магиусе же экзамены?

– Я тоже так думала.

– Рассказывай, – потребовала она и снова забралась на кровать.

– Ну уж нет. Сначала ты.

– Да все хорошо. – Она махнула рукой. – Бок распорол, крови было море. – Она даже зажмурилась. – Пять стежков наложили. Я в обморок упала, папеньку перепугала так, что он теперь отказывается меня забирать, хотя могла бы спокойно сидеть дома под присмотром Милы. – Она вздохнула. – Скоро снимать швы. Вот готовлюсь опять... падать в обморок. – Она поморщилась. – Думала, меня от экзаменов освободят по случаю ранения, но куда там. В виде исключения разрешили сдать позже, а папенька им пока магическую оружейную постройит. – Гэли хихикнула. – Я вот думаю, может, сразу новый замок заложить, а я пару лет погуляю?

Я качала головой, слушая болтовню подруги. Один из узелков, затянутых где-то внутри меня, сначала ослаб, а потом и вовсе исчез. Я и не представляла, как соскучилась.

– Теперь рассказывай ты. Поймали лиходеев, что за моим зеркалом охотились? Серая сказала, что уже скоро.

– Ну, – протянула я, положив сверток на стол, – ловят. Один из них, кстати, здесь.

– Знаю, папенька грозился ему лично голову снести, но его уверили, что лиходея в тюремной палате, ну знаешь, для опальных дворян, и с ним неотлучно двое серых. А в тюрьму нельзя, говорят, сразу окочуриться может... Эх, сама бы зеркалом треснула, чтобы получил наконец желаемое. – Подруга покосилась на сверток, но ничего не сказала.

– Думаю, ему не зеркало было нужно, – сказала я, отходя к окну.

Сказала и почувствовала облегчение. Развязался второй узелок, будто что-то, исподволь не дававшее спать по ночам... нет, не исчезло, просто... Я ведь с самого начала знала, что это так, но предпочитала отмахиваться, а вот сейчас произнесла.

– Не зеркало? – удивилась Гэли.

– Нет. – Я коснулась светлой портьеры. За стеклами беспорядочно летел снег. – Тот гвардеец получил твою сумку, за которой не побоялся

спрыгнуть на лед Зимнего моря. – Я вспомнила, как бежала сквозь лабиринт улочек, как увидела гвардейца, как он бросил саквояж на снег, словно ненужную вещь. А потом все равно бросился за мной. Но если гвардеец уже получил желаемое – это лишено смысла. – Получил и не ушел. А сейчас еще лавку Гикара сожгли.

– Кто сжег? Зачем? – подошла ко мне подруга.

– Не знаю, но Оуэн думает, что все связано.

Свет в лампах едва заметно колыхнулся.

– Оуэн? Крис? – переспросила она.

– Вы ведь знакомы?

– С «жестоким бароном»? Да, – не смущаясь, ответила подруга.

– Расскажи, – схватив ее за руку, попросила я.

– Да нечего рассказывать. Папенька одно время рассматривал его кандидатуру на пост зятя. – Она дернула плечом. – Но потом раскопал одну неприятную историю...

– Про кнут и собак? – шепотом спросила я.

– Ты уже знаешь? – грустно улыбнулась подруга. – Да. Отец велел мне о нем забыть. Хотя, конечно, Кристофер красив и богат. – Голос Гэли стал мечтательным. – Высокий, а плечи какие, как представляю, что он несет меня на руках... мм. Ай! Иви! Мне больно!

Она дернулась, вырывая свою руку из моих.

– Прости, – пробормотала я. – Не знаю, что на меня нашло.

Гэли внимательно посмотрела мне в глаза, и лукавая улыбка осветила ее лицо.

– А по-моему, знаешь. По-моему, все очень просто. Ты...

– Не произноси этого. – Кровь бросилась мне в лицо.

– Влюбилась, – закончила подруга.

– Нет, – слабо возразила я.

– А судя вот по этому, – она подняла руку, где проступал красноватый отпечаток ладони, – да. Рассуждаешь об артефактах, пожарах, а очевидного не замечаешь. – Гэли опустила руку и с интересом спросила: – И каково оно? Как в романах, да? Сердце выскакивает из груди, а душа томится, словно в клетке, желая улететь к любимому?

– О Девы, – едва не рассмеялась я. – Моя пока никуда не хочет улетать. Ей и со мной неплохо. Так что понятия не имею. – Я отступила к столу, на котором стояло блюдо с фруктами, сердце, надо сказать, действительно колотилось, но не от любви, а от ужаса. Что это за любовь такая?

– Это же так здорово, – воскликнула Гэли. – Вечно я пропускаю самое интересное. Рассказывай, – потребовала она. – Он тебе уже признался?

Стихи читал? Или серенады пел? Цветы? Подарки? Вы... вы целовались? – Последний вопрос она произнесла шепотом, замирая от страха и восторга одновременно.

– Нет. Нет. И нет! – ответила я на все разом. – Только серенад мне не хватает, чтобы Магиус потешался, а отец запер в четырех стенах.

– То есть ты даже не знаешь, любит ли он тебя? А если нет? – Гэли совсем не нравилось то, что она говорила.

– Скажу тебе точно, что нет, – вздохнула я.

– Но... но это неправильно, – всплеснула руками подруга. – Все должно быть не так. Любовь, она совсем не такая, она такая... такая...

– Какая? – Мне и вправду было интересно.

Но ответа я не услышала, потому что закричала женщина. Тонко и испуганно. Гэли замерла с открытым ртом.

– Часто тут так?

– В первый раз, – замотала головой подруга. – Операционные маги экранировали, там можно пиццать в свое удовольствие.

Она еще не договорила, а я уже бросилась к двери. Потому что перед глазами встала картинка – как Крис улыбался той девушке. И слова, произнесенные подругой, но почему-то с интонациями матушки: «Жестокий барон». Жестокий, но не сумасшедший же? А если и сумасшедший, то, может, когда я увижу это собственными глазами, наваждение, которое Гэли назвала любовью, пройдет?

Я выскочила в коридор. Одна из дверей приоткрылась, на нас испуганно посмотрела женщина с растрепанными темными волосами. Скрипнула еще одна дверь, и из-за нее выглянула седовласая старушка в белоснежном чепце.

Снова крик, на этот раз краткий и острый, словно укол шпаягой.

– Это в мужском крыле, – предположила темноволосая.

Я подхватила юбки и бросилась бежать по коридору. Глупо и недостойно леди, но я уже поняла, что иногда куда важнее быть не графиней, а магом. Защитником. Кому-то, возможно... только бы не Крису, только не Крису... может понадобится помощь. Я уже успела побывать в роли жертвы, совсем недавно, на набережной. И знала цену помощи. Надо позвать целителей, надо...

Приемная пустовала.

– Иви, стой, – меня догнала Гэли.

Женский крик сменился всхлипами.

– Второй этаж, – пробормотала я, поняв, откуда доносится плач.

Я взбежала по лестнице, навстречу мне спускался светловолосый

мужчина в домашних брюках и расстегнутом сюртуке. Правая рука в бинтах висела на перевязи. Он проводил меня удивленным взглядом, но ничего не сказал. Не думаю, что кто-то запрещал девушкам находиться в мужском крыле, просто они сами туда не стремились.

Я свернула в коридор, который являлся почти зеркальным отражением женского, и остановилась, словно налетела на невидимую стену.

Тюремная палата отличалась от обычной окованными сталью дверьми и постом охраны, только вот сейчас эта охрана, два рыцаря с эмблемами серых, лежали на полу без движения. Слава Девам, крови нигде не было видно, но их неподвижность пугала. Девушка в белоснежном платье зажимала рот рукой, стараясь заглушить всхлипы. Получалось не очень. Она никак не могла оторвать испуганный взгляд от распахнутой железной двери. Из крайней комнаты в коридор вышел пожилой мужчина с красной блестящей лысиной на макушке и пучками седых волос по бокам. Он тяжело опирался на костыль и нервно вертел головой.

Я медленно подходила к открытой двери, у которой лежали серые. Женщина всхлипывала, мужчина с костылем гнусаво спрашивал, что происходит.

Я ничего не спрашивала, я уже видела.

Толстяку тоже выделили отдельные апартаменты, правда, он не собирался за них платить. Он лежал на кровати, похожий на тюленя из Зимнего моря, что приплывали к нашим берегам по весне. Тело и лицо замотано бинтами, некогда белыми, а сейчас густо заляпанными кровью, льющейся из перерезанного горла. Кровь растекалась по простыням, одеялу, капала на пол. Я ощутила настоятельную потребность закричать, а возможно, тоже зажать рот рукой, как девушка в белом, ну или, на худой конец, упасть в обморок.

Крис стоял у изголовья и смотрел на труп, который теперь уже точно не сможет говорить.

– Иви, – неуверенно позвала Гэли, и Оуэн обернулся.

Не знаю, что он увидел в моих глазах, но его синие потемнели от гнева. Я почувствовала движение за спиной, но была уверена, что это подруга. Сейчас она точно закричит, и сюда сбегутся не только все обитатели дома целителей, но и двух соседних домов. Даже не знаю, почему я возложила на нее эту почетную обязанность.

Но вместо подруги кто-то другой схватил меня за талию, дернул назад. Перед глазами появилась обмотанная бинтами рука, из которой медленно, как мне показалось, даже неспешно, выехало лезвие.

«Тот парень на лестнице, – мелькнула запоздалая мысль, – тот парень

шел вниз, несмотря на то что девушка кричала».

Тонкая стальная пластина, одно движение которой пресечет все вопросы разом, приблизилась к лицу.

– Не шевелитесь, графиня – прошептал кто-то на ухо, хотя я, замороженная стальным блеском, и так замерла.

Щелкнул взводимый курок, Крис направил на меня метатель. Поправка, не на меня, а на того, кто за мной прятался, чье дыхание шевелило мои волосы. Пальто барона было расстегнуто, к ремню крепилась пустая кобура. Женщина снова запричитала, мужчина перестал задавать бесполезные вопросы.

– Отпусти ее, – потребовал Оуэн. – И поговорим.

– Я пришел не разговаривать, – пакостным тоном ответил незнакомец с ножом. – Я пришел делать дело, – чужая рука стала шарить по талии, – с маленькой графиней.

Я испугалась так, что не могла вымолвить ни слова. А когда я пугаюсь, происходит одно. Пламя ближайшего светильника трепыхнулось, словно живое.

На самом деле это неправильно, эти спонтанные выбросы силы, спровоцированные сильными эмоциями. Нас для этого и отправляют в Магиус, чтобы учились не вредить себе и другим.

Иногда я задумывалась о судьбе тех, кто не попал в Академикум. Из нашего потока только семеро не платили за обучение. Семь счастливчиков, отобранных советом магов. Из нашей группы – смуглянка Рут, отчисленный Леон и Коррин. Еще четверо из второй группы. Самые яркие таланты. Думаю, на бесплатное место вполне мог претендовать и умник Отес, но его отец, промышленник, владевший львиной долей завода по производству мобилей, не стал рисковать и сразу оплатил обучение.

А что происходит с теми, кого отсеяли? С теми, кто предоставлен собственной судьбе?

Такие зачастую идут в услужение к магам, не за золото, не за серебро, а за науку, за шанс научиться контролировать свой дар. Но всегда остаются те, кто уповает на Дев и пытается жить обычной жизнью, женится, заводит детей, торгует и даже начинает верить, что все обойдется. Но не обходится. Никогда. Что-то случится – заболит ребенок, муж зачистит к пышке-булочнице или убежит молоко в очаге – сила вырвется и ударит по первому, что попадется под руку. Дай богини, отделаешься малой кровью, и расколется лишь точильный камень, с которого соскользнул нож, поранивший мага руку. А если нет? Если расколется камень, положенный в фундамент, и дом рухнет, погребая под собой и хозяев, и гостей,

и случайных прохожих?

Одна из самых известных вспышек силы привела к наводнению в провинции Литье и гибели двух сел. Вот в таких случаях в дело и вступают жрицы. Те, кто приносит вред своей магией, попадают в Отречение и очень редко возвращаются. Их наказание – рабский ошейник и полная изоляция от магии. Их жизнь – это работа во искупление. И тогда может быть, всего лишь может быть, через несколько лет они смогут вернуться в мир.

Бывает, не попав в Магиус, бедняки идут напрямик к жрицам и просят отрезать их от силы. Лучше жить обычным человеком, чем рабом.

Ходили слухи, что мисс Ильяна давно просит князя расширить факультет и объявить дополнительный набор. Но пока, судя по всему, Затворник хранит молчание.

То, что произошло в доме целителей, никак нельзя назвать правильным. Я не контролировала изменения, они происходили стихийно. Частицы разогнались, огонь вспыхнул прямо перед моим лицом, опалив брови и ресницы. Белые бинты на руке у незнакомца занялись буквально за секунду.

Но то, что случилось потом, произошло еще быстрее. Я уловила эхо чужих беспорядочных изменений, и лезвие, которое должно было вспороть щеку, замерло в пространстве, как и любой другой металл, когда кто-то пытается изменить его свойства. Грохнул выстрел, но свинцовый шар (я не хотела гадать, в кого из нас он должен был попасть) тоже завис в воздухе, подчиняясь беспорядочной хаотичной магии. Не моей.

Мужчина за спиной, вместо того чтобы бросить раскалившееся лезвие, заорал. Я подалась назад, уходя от его горячей руки, всем телом отталкивая белобрысого. Шляпка слетела с головы и покатила по полу. Я вырвалась и едва не налетела на стену. Незнакомец тряс горячей рукой, пытаясь сбить пламя. Раскаленный нож он так и не бросил, хотя ему наверняка было очень больно.

Свинцовая пуля, потеряв энергию, упала. Гэли стояла рядом с девушкой в белом, напуганная, но вместе с тем решительная – рука вытянута, на кончиках пальцев ощущалось остаточное эхо изменений, словно нити невесомой паутины, повисшей в воздухе.

Кристофер перехватил метатель, как дубинку, и бросился на белобрысого. Но тот взмахнул горячей рукой и едва не ткнул этим факелом рыцарю в лицо. Оуэн отпрянул. Старик с пучками седых волос крикнул и огрел душегуба костылем по загривку. Незнакомец издал сдавленный вскрик, затравленно оглянулся и... с утробным криком бросился к широкому окну в конце коридора. Наверное, этого не ожидал никто, даже

Крис, бросившийся следом.

Короткий, всего три шага, разбег, и неизвестный врезался в стекло, словно бык – наклонив голову, закрывая рукой лицо от летящих во все стороны осколков. Его забинтованная рука все еще горела.

В коридор ворвался холодный ветер, принесший с собой ворох ледяных снежинок. Пламя в светильниках заметалось за матовыми стеклами и погасло.

Оуэн выглянул в разбитое окно, помянул демонов Разлома и почему-то первого князя и бросился бежать по коридору к лестнице.

На негнущихся ногах я подошла к окну. Белобрысый неловко выбирался из невысокого сугроба. Рука больше не горела, бинты сменили цвет с белого на черный. Я погасила бушующее внутри пламя испуга, погасила, как учила мисс Ильяна, переключившись на противоположную стихию. Скорость – на предельный покой, пламя – на лед. Если твой камень преткновения, твой вылетающий без спроса снаряд – огонь, всегда хватайся за воду.

И снег вокруг беглеца растаял и застыл, обернувшись ледяной ловушкой.

– Так тебе! – выкрикнула подошедшая к окну Гэли.

Тот словно услышал, хотя ветер был такой, что отбрасывал занавески под потолок, а хлопья снега далеко в небо. Незнакомец задрал голову и оскалился, как зверь.

Я даже не поняла, что произошло потом. Одна нога белобрысого была скована льдом по бедро, вторая по колено, но он, продолжая безумно улыбаться, достал из кармана маленький цилиндр, похожий на тюбик губной помады, которой матушка запретила мне пользоваться под угрозой монастыря. Достал, посмотрел на Гэли и уронил под ноги, будто бы случайно...

Бумкнуло так, что оставшиеся в раме стекла посыпались на пол. Снова закричала девушка из приемной. Казалось, стены вздрогнули от проникающего в каждую клеточку тела вибрирующего звука.

Лед разлетелся на тысячи кусочков, и освобожденный незнакомец бросился бежать, подворачивая ногу – прыжок со второго этажа не прошел для него бесследно. Немного нелепый в обгоревших бинтах, в домашней одежде посреди зимы, хромающий... Задержать такого будет очень просто... Как же я тогда ошибалась!

– Все еще расстраиваешься, что пропускаешь самое интересное? – спросила у Гэли.

– Не дом целителей, а злачный притон, – высказался старик, пытаюсь

опереться на костыль.

– Именно так я и напишу отцу, – кивнула подруга. – Ни минуты не останусь в этой богадельне!

А на лестнице уже слышались торопливые шаги и громкие голоса. К сугробу под окнами выбежал Крис, оглянулся и зло пнул ледяную крошку. А я попыталась представить, насколько наш вояж понравится серой. Выходило, что ни насколько.

Сцепив подрагивающие руки, я прошлась из одного угла комнаты в другой. Крис сидел на стуле и возмутительно спокойно следил за мной, заставляя еще больше нервничать. Дверь открылась, и вошедшая Гэли трагичным голосом проговорила:

– Все, приехали серые.

Оуэн тут же встал, подошел к широкому окну, отодвинул портьеру, взглядываясь в снежную круговерть. Я остановилась за его спиной. Напротив крыльца дома целителей стояла закрытая черная карета, обшарпанная и немного просевшая, казалось просто кричавшая о принадлежности к чиновничьей конторе средней руки.

– Смертная служба, – проговорил барон. – За телом. Лучший дом целителей в Льеже – и убийство. Серые просто взвоют. А вот думать надо было, прежде чем помещать сюда опасного преступника! – с нескрываемым злорадством добавил он.

– Так потому и поместили, что лучший, – ответила Гэли. – В другом он бы сразу умер.

– Откуда знаешь? – Рыцарь опустил ткань, закрывая окно.

– Упала в обморок. – Подруга пожалала плечами. – Ну почти упала, когда они попытались допросить. Пока целители возились, слышала их разговор. Серые злятся, та девушка из приемной плачет. От меня отстали, но это ненадолго.

– Что-нибудь еще слышала? – Парень шагнул к подруге. – Как нейтрализовали охрану? Как белобрысый вообще попал в дом целителей?

– Мне-то откуда знать? – фыркнула девушка.

– Гэли, что ты слышала? – спросила я.

– Не притворяйся глупее, чем ты есть, Миэр, – сквозь зубы проговорил Крис. – У нас всего несколько минут до того, как они придут сюда – допрашивать одну не в меру резвую обморочную. И тут мы... Такой подарок. Так что говори, если хочешь помочь.

– Иви, – подруга повернулась ко мне, – он совершенно несносен. Каким был, таким и остался. – Девушка отступила к столу. – Вас ищут,

особенно его. – Она указала пальцем на барона.

– Раз ищут, значит, скоро найдут. Ивидель представилась, так что прятаться не имеет смысла, – резюмировал Оуэн. – Слышала что-нибудь еще?

– Они напуганы. – Она замялась. – Ну, мне так показалось.

– Чем?

– Охрану оглушили, и... Серый ругался... тут я не очень поняла. – Она закусила губу. – Оглушили какими-то волнами... или каким-то фруктом... гранатом, кажется. Но это же чушь? – Подруга сморщила носик.

– Волновая граната? – прошептал Оуэн.

– Точно, – просияла подруга.

– Это так страшно? – в свою очередь спросила я, глядя в напряженное лицо барона. – Охрана жива?

– Да, – ответила подруга, – точно жива.

– Волновая граната – это механизм, – задумчиво проговорил Крис. – При активации испускает высокие волны... это как крик.

– Магия? – спросила я, вспомнив заряд Рут, которая смогла заключить в сферу визг.

– Не магия. Механизм. Инженеры в Ордене давно пытаются создать альтернативу магическим зарядам, но каждый раз получается что-то громоздкое. – Он побарабанил пальцами по столу. – Только на телеге возить.

Я вспомнила маленький цилиндрик, что уронил к ногам белобрысый, выбираясь из ледяного плена.

– Но откуда тогда у кого-то такой механи... – Гэли не договорила, не смогла, потому что ответ был очевиден. Если такого механизма нет на Аэре...

– Тиэра, – прошептала я и замотала головой. – Очередной зверь прошел через барьер? Нет, не верю.

– Важно, не во что верим мы, а во что поверят серые, – сказал Крис, смотря куда-то в пространство. – Демоны Разлома!

– Не хочу иметь с этим ничего общего! – заявила Гэли.

– Я тоже не хочу, но кто ж нас спросит. С серых псов действительно станется притащить в Льеж отца. – Оуэн скривился. – А он нужен мне здесь, как собаке пятая нога. – Парень стукнул кулаком по столу. – Старик все испортит. Вспоминайте! – потребовал он так, что я отпрянула. – Вспоминайте, что вынесли из лавки Гикара? Все, даже если это медяки на сдачу.

В коридоре послышался шум шагов.

– Я купила зеркало, – быстро сказал Гэли, а я покосилась на лежащий на столе сверток в хрустящей бумаге. С этой чехардой едва не забыла про свой подарок. – Расплатилась без сдачи, а Иви... – Подруга повернулась ко мне.

Я опустила голову и посмотрела на рабочий пояс, где в кожаной петле висела коробочка инструментариума. А ведь светловолосый, схватив меня, провел рукой как раз по талии. А если не в зеркале дело? Если дело, ради которого он пришел, это вовсе не я, а... Отцепив коробочку, я положила ее на стол перед Крисом.

– Это и еще линзы. – Рядом появились три прозрачных кругляшка.

– Такой есть у каждого рыцаря, – фыркнула Гэли. – Даже у тебя, глупо думать...

– Тихо! – рывкнул Оуэн и взял в руки инструментариум.

– Крис, ты самый несносный и невоспитанный рыцарь. И я не понимаю, за что ты, Иви...

– Замолчи, Гэли, – приказала я. – Просто помолчи.

Шаги замолкли прямо напротив нашей двери. Раздался размеренный стук. Незнакомый голос уточнил:

– Мисс Миэр?

Гэли сделала большие глаза, я ответила ей точно таким же «выразительным» взглядом.

Крис нажал первую кнопку на коробочке, выщелкнул стержень с двумя перекрещивающимися насечками на округлом кончике, которым так удобно откручивать крепежи. Отвертка. Посмотрел и убрал обратно.

– Мисс Миэр?

– Да.

– С вами хотят поговорить.

– Хорошо, чуть позже, – голосом умирающей ответила Гэли.

– Мисс, вы не понимаете, это серые, мне приказали...

– Я же сказала, потом. Я... – Она закусила губу. – Не могу сейчас, я не одета.

Плохая отговорка, вернее, станет таковой, когда в ее спальне обнаружат Криса.

– Скажите, что я приду через несколько минут.

– Хорошо, мисс Миэр. – Звук шагов стал отдаляться.

– В следующий раз придет кто-то другой, – прошептала я. – Не столь деликатный.

– У серых дел и без меня по горло. – Гэли дернула плечом. – Успеют еще на мои обмороки насмотреться.

Оуэн нажал на второй выступ. Из коробочки выскочил стержень с плоским скошенным краем. Рыцарь осмотрел стержень со всех сторон и разочарованно убрал обратно. Третья кнопка, и из корпуса появилось тонкое шило. Крис провел по железу пальцами, нахмурился, вдруг поставил острие иглы на одно из увеличительных стекол и нажал.

Я думала, что игла сломается или треснет стекло, но... ничего из этого не произошло. Тонкий стержень с едва слышным щелчком на четверть ушел в корпус и выехал обратно. По прозрачному стеклу линзы разлилась капля жидкости, по цвету напоминающая чай.

– Игла полая, – проговорил Оуэн.

– Что? – переспросила я.

– Игла полая, как у шприца. Так делают, когда надо ввести внутрь лекарство, – стал объяснять Оуэн.

– Знаю, что такое шприц, – перебила его я. Гэли согласно кивнула. – Почему он такой странный? Зачем кому-то прятать шприц в инструментариум? Это смазка? – Я указала на темную каплю.

– Не похоже. – Барон коснулся жидкости пальцами, чуть растер и понюхал.

Я потянулась к стеклу всеми чувствами. «Распознавание веществ» у нас должно начаться только в следующем полугодии, но основные составляющие мы определять уже могли, хотя и часто ошибались.

– Настойка, – сказала я, – растительного происхождения. Судя по концентрации питательных веществ, из какого-то семени.

– Я не знаю такого растения, – озвучила мои мысли Гэли. – Но это явно лекарство, только неясно от чего.

Мы снова услышали шаги в коридоре, на этот раз к нам приближалось два человека. Серые наверняка уже поговорили с девушкой из приемного, и та рассказала, к кому приходили странные посетители.

– Лекарство? – поднял бровь Крис. – Не могу придумать ни одной причины, зачем вводить настойку таким странным способом.

– Целители делали мне укол, чтобы не было воспаления, – сказала Гэли. – Чтобы не получить заражение крови. Но я никогда не слышала о том, чтобы кого-то лечили тайком, исподтишка. Представляю, как целитель подкрадывается к больному. – Она изобразила то ли крадущегося и больного на всю голову медведя, то ли пьяницу в вечер пятницы, и вдруг замерла, вытаращив глаза. – Иви, а что, если... если так лечили их? Софи, дочка ювелира...

– Безногий Кэрри с рынка, – припомнила я. – Кто-то еще?

– О чем вы? – потребовал ответа барон.

– Мисс Миэр? – позвал совсем другой голос. Раздался стук. – Вы позволите?

– О том, каким волшебным способом излечивали коросту на местном рынке. – Шепотом ответила я.

– Мисс Миэр? – В голосе за дверью слышалось раздражение.

– Нет, – слабо проговорила подруга. – Уходите.

– Орден серых, – представился посетитель. – Мне необходимо поговорить с вами. Немедленно.

– Минуту. – Девушка скорчила разочарованную мину и развела руками.

– Немедленно!

– Я сказала, минуту. Не дадите мне привести себя в порядок, вообще ни слова не скажу, – обиженным голосом отрезала Гэли.

– Хорошо, у вас минута, – недовольно ответили из-за двери.

Воцарилась тишина. Тот, кто ждал с другой стороны, явно не собирался уходить. Хорошо дверь не вынесли. Хотя с чего бы, Гэли не подозреваемая, в лучшем случае свидетель.

– Как говорили девушки, – стала вспоминать я, – Софи поранили шею, и с того безногого срезали воротник... раны и нападение, от которого все поправляются.

– Их били по голове и вводили лекарство? – воскликнула Гэли и тут же перешла на шепот: – Это оно, да? Оно!

– Стоп, – скомандовал Крис. – С чего вы взяли? Кто-то видел, что больным делали укол этим?

– Нет, – покачала я головой.

– Вы не знаете, что за жидкость внутри?

– Нет, – повторила я.

– Так какого демона сочиняете?

– Ну за это убивают. Значит, это что-то очень важное и нужное, – обиделась Гэли.

– Действительно. – Оуэн посмотрел на подругу так, как моя матушка смотрела на кормилицу Туйму, когда та начала чудить под старость. – Откуда такая вещь у Гикара?

– С Тиэры? – задумалась Гэли. – Там лысое дерево еще осталось?

– Не знаю, – ответила я. – Но Гикар болел коростой.

– И продал единственный шанс на спасение вам? – издевательски спросил Крис.

– А что? – фыркнула подруга. – Может, он уже сделал укол.

– Точно, а потом сгорел. Счастливое спасение. – Рыцарь нажал на

шило сбоку, заставляя его уйти в корпус.

– У Гикара уже не спросишь, – напомнила я.

– И толстяку очень вовремя закрыли рот, – вынужден был согласиться Крис, убирая инструментариум во внутренний карман пальто. – Значит, поступим так: я отдам эту безделушку мэтру Тиболту, лучше него в травах никто не разбирается. И пусть серая с ним бодается, а не со мной.

– А мы? – спросила Гэли.

– А вы сидите тихо и улыбайтесь. Справитесь?

– Мисс Миэр, – раздраженно позвал голос, – не откроете, мы выломаем двери.

– Одна просьба, серым до поры до времени об этом, – Крис похлопал по карману, – знать необязательно.

– Почему? – проявила любопытство подруга.

– Отберут, – не стал кривить душой Оуэн. – Еще скажут, что это я всех порешил.

– Мисс Миэр. – Доски двери тихонько затрещали.

– Иду. – Гэли направилась к выходу.

– Ивидель, – позвал Крис, и я повернулась, – если кто-то другой, кроме серых, кто-то вроде белобрысого будет спрашивать об инструментариуме, ты со всей охотой и старательностью расскажешь, как отдала его мне. Расскажешь, не дожидаясь, пока тебе для убедительности покажут что-то острое и опасное. Все стрелки переводы на меня, ясно?

– Что сделать, прости? – Я совсем не понимала, как перевод карманных часов может нам помочь.

– Все валишь на меня и изображаешь дурочку.

– А ты? – Я посмотрела в синие глаза.

– Разберусь.

– Но как же... Так нечестно! Нападали на меня, и я хочу знать, что происходит! И если ты... тогда я сейчас... – я судорожно изобретала угрозу, которая показалась бы рыцарю весомой, – расскажу все серым.

– Давай, – усмехнулся Крис, и от этой его всезнающей усмешки у меня мурашки побежали по коже. – Они тебя по головке погладят и, конечно, в благодарность все расскажут. И покажут.

– Крис, – попросила я, – пожалуйста. Мне уже на улицу страшно выходить, я в каждом прохожем врага вижу. Я должна знать, что все закончилось. Прошу.

Гэли щелкнула замком.

– Узнаешь. Через день, максимум два, я сам тебя найду и все расскажу. Даю слово. К тому же, если наставник не разберется в растворе, все равно

придется привлекать магов, да и с тобой наверняка захотят поговорить...

В комнату вошли два рыцаря с эмблемами серых, и то, что они увидели, им очень не понравилось. Вернее, не понравился широко улыбающийся Крис.

– Мэтры, – поприветствовал он их и, не дожидаясь вопроса, представился: – Барон Кристофер Оуэн, к вашим услугам. Леди очень испугались, и я счел своим долгом побыть с ними до вашего прихода. – Потом, повернувшись ко мне и коснувшись шляпы, проговорил. – Леди Астер, буду рад новой встрече.

Я в ответ вежливо склонила голову.

Но мы не встретились. Ни через день, ни через два. Оуэн не пришел.

Запись седьмая

О библиотеке и методах сбора информации

«Какова степень изменения древесины при перекрытии воздействия двумя кольцами из золота весом до трех грамм, кольца – на указательном и безымянном пальцах?»

Я перечитала задание три раза, понимая одно слово из двух. Взгляд то и дело возвращался к широкому стрельчатому окну аудитории. Погибающей замок дороге только что прошел десяток рыцарей. Криса я среди них не разглядела, а вот рыжую шевелюру Жоэла заметила.

Оуэн не сдержал слово и не нашел меня вчера, и что-то мне подсказывало – не найдет и сегодня. Не тот он человек, чтобы забыть о данном обещании. Ох не тот. Барону проще было бы сразу сказать «нет». Но он пообещал.

Целый день я сидела как на иголках, едва не провалила зачет по изменениям, три раза проходила мимо замка Ордена. Впору посмеяться. Дженнет точно посмеялась бы, но сейчас мне было не до нее. Последний день экзаменов, еще через день передача магических сфер, и все. Если я не завалю сегодня расчеты и фехтование. Отчего же я думаю о чем угодно, кроме этих скачущих цифр и линий? Так и представляю, как в лицо тыкают метателем, а я вместо того чтобы швырнуть «зерна изменений», начинаю рассчитывать их степень. Слава Девам, во втором полугодии начнутся предметы поинтереснее, вроде строения земли и магии механизмов.

Я не удержалась от смешка.

– Увидели что-то веселое в задании, Астер? – спросил Луис Дроне.

Магистр был невысок ростом, лыс и желчен, уважал цифры, эллипсы и звезды куда сильнее людей, а уж учеников вообще не считал за оных.

– Нет, мэтр.

– Решили?

– Нет, мэтр.

– Так решайте, а глупо хихикать будете в другом месте, там, где это оценят по достоинству. – Он отошел от стола, и я снова перечитала задание.

Степень изменяемости дерева двойка, с помехами, естественно, меньше, но вот насколько? Вес колец до трех граммов. Тонкие, женские, но перекроют крайние линии, то есть степень изменений уменьшится на ноль целых, три... две... незнамо сколько десятых.

Я вздохнула, никогда не любила цифры. А с другой стороны, маменькины расчеты расходов и доходов Кленового Сада никогда не выглядели как символы древнего языка, смысл которых упорно ускользал. Надо просто сосредоточиться, иначе действительно скоро вернусь к амбарным книгам родного дома.

У золота степень изменения пятерка, как и у всех металлов, вес каждого до трех грамм, значит, коэффициент препятствия ноль целых пятнадцать сотых, кольца два... Девы, все же просто. Стоило вспомнить, как я помогала матушке в замке, и все сразу встало на свои места. Права была нянька – не о мальчиках надо думать, а об учении. Два минус три десятых. Одна целая семь десятых. Это даже не математика, а так, очевидность.

Я быстро написала на листке расчеты столбиком, выдохнула и, откинувшись на спинку стула, оглядела аудиторию. Отес уже давно выполнил задание и скучающе смотрел в окно, Рут улыбалась, вечно растрепанные волосы Вьера торчали в разные стороны еще сильнее, чем обычно, видимо, от изнурительных умственных усилий.

– Если закончили, сдавайте работы. Остальным надо поторопиться. Осталось десять минут, это и так чересчур много для пары задач.

Судя по непривычно растерянному лицу Дженнет, она явно не считала, что это много. Я быстро положила листок на учительский стол и направилась к двери, спиной чувствуя любопытный взгляд Отеса. В отличие от него я не собиралась дожидаться, пока магистр возьмет бумагу, почти уткнувшись длинным носом в текст, пробежит глазами по строчкам, поставит закорючку, которая обозначает плюс или минус. Результаты станут известны и так. Если пересдача, значит, пересдача, а сейчас надо найти Крису. Вот правильно говорила нянюшка, не доведут парни девку до добра, еще никого не доводили.

На ходу застегивая куртку, я выбежала из замка, рыцари прошли вот по той дороге, скорее всего, на тренировочные площадки. День был на удивление солнечным и теплым для зимы, снег искрился и играл бликами. В Кленовом Саду мы с Илбертом в такую погоду кидались снежками, пока не выросли и пока матушка нам не запретила.

Свернув за высокую башню библиотеки, я подошла к ограждению, что отделяло полосы препятствий. Всего три жерди на вкопанных в землю столбах. Я коснулась темного дерева и стала разглядывать тренирующихся рыцарей. Меня интересовали отнюдь не обнаженные торсы тех, что заканчивали полосу препятствий, меня интересовал рыжий простоволосый парень, что разговаривал с посвященным рыцарем в черном плаще. Еще

трое готовились пройти полосу препятствий, двое болтали неподалеку, один запустил снежком в спину товарища. И ни один из них не был Оуэном.

Я стояла и смотрела на Жоэла, стояла и смотрела. Так всегда поступал отец – он никогда не кричал, не махал руками, но тяжесть его взгляда ощущали все.

– Если долго смотреть на человека, он обязательно это почувствует, – объяснил он как-то нам с братом. – Взгляд подобен прикосновению.

– Это магия? – переспросила я.

– Почти, – засмеялся он, целуя маленькую меня в макушку.

Как давно это было...

Рыжий оказался на удивление толстокожим. Или просто был не в курсе методов графа Астера. Парень продолжал разговаривать с наставником и даже пару раз для убедительности взмахнул мечом. Потом отошел к деревянному чурбаку и потряс головой, прежде чем поднять оную и посмотреть на меня.

Жоэл постоял несколько секунд, видимо ожидая моего исчезновения или хотя бы смущения. Не дождался.

– Смотри-ка, Жоэл нашел себе девушку, – засмеялся один из рыцарей, уже стягивающий нательную рубашку. – Зачем тебе этот недоросль, красавица? Давай к нам.

Я не шевельнулась, продолжала смотреть на приближающегося парня. Слишком недовольного для «нашедшего девушку». Такое лицо у тех, кто очень хочет эту девушку потерять и никогда больше не находить.

– Чего тебе? – совершенно невежливо спросил рыжий, приблизившись, и, словно спохватившись, добавил: – Графиня.

– Книгу пришла вернуть, – сказала я.

– Правда? – оживился рыцарь, разглядывая мои пустые руки. – Она у тебя? Отдашь?

– Да, но не сейчас. – Он разочарованно скривился. – Где Крис?

– Красотка, – снова позвал рыцарь без рубашки.

– Забудь о нем, – ответил рыжий, оглядываясь и показывая кулак говорливому сокурснику.

– Я не совета просила, а ответа на вопрос. Где барон?

Жоэл молча хмурился.

– Он рассказал магистру о... об инструментариуме?

– Тсс. – Парень едва не подпрыгнул и мгновенно шагнул ближе к ограждению. – Спятила, так орать. Забудь, я сказал. И о Крисе, и об инструментариуме. Поняла?

– Нет, – честно ответила я. – Умом слаба, с детства.

– Это заметно.

– Не забывайся!

– Прошу прощения, – проговорил он таким тоном, что я сразу поняла – нисколечко не просит.

– Значит, не скажешь?

– Нет.

– Очень хорошо. – Я развернулась и пошла обратно. – Тогда сама у магистра узнаю.

– Ку... куда? – рявкнул он.

– В башню Ордена, к вашему... который травы чует этим... чем бы там ни было.

– Рыжему дали от ворот поворот! – засмеялись за спиной парни.

– Астер! Графиня! Да стой же ты. – Жоэл догнал меня. – Правда, что ли, пойдешь к мастеру Родригу? – спросил рыцарь и сам же себе ответил: – Пойдешь, как пить дать, пойдешь. Эх... – Он оглянулся, стал серьезным и проговорил: – Найди трактир «Пьяный кучер» и оставь хозяину записку для Шелеста. Все. Если Крис захочет, сам с тобой свяжется. Ясно?

– Что? – не поняла я. – Какой трактир? Где? – Я указала пальцем вниз. – В Льеже? Что Оуэн делает в городе, у вас же экзамены?

– Ну, скажем так, магистры их для него отменили.

– Как отменили? Это же прямой путь домой...

– Не мое дело, ясно? Да и не твое, если честно. Послушай доброго совета, не лезь ты в это. Только хуже сделаешь. И ему, и себе.

– А почему для Шелеста? Кто это? Что за игра? – спросила я, думая о своем.

– Не знаю, – медленно, по слогам, проговорил рыжий. – Что мне Крис сказал, то и повторяю. Он как знал, что ты не усидишь на месте, – покачал парень головой.

– Благодарю, – проговорила я, разворачиваясь.

– Вас этому где-то учат? – крикнул рыжий мне в спину. – Произносить «благодарю» с таким видом, словно подарили человеку весь мир?

– Да, – не оборачиваясь, ответила ему.

– Эй, Астер, только этот трактир совсем не то место, где стоит появляться... леди... если она хочет остаться таковой, – сказал рыжий напоследок и, сочтя свой долг выполненным, пошел обратно на тренировочную площадку.

На фехтование я опоздала, на пару минут, не больше, но, когда,

переодевшись, зашла в тренировочный зал, все уже разбились на пары и стояли, изготовившись к бою.

– Леди Астер, я рад, что вы почтили нас своим вниманием, – с насмешкой произнес милорд Виттерн. Он очень не любил опоздания. Буквально через секунду я поняла, насколько. – Хоторн, – позвал он.

Стоящий напротив Вьера Мэрдок опустил рапиру и подошел к учителю.

– Астер твой партнер на экзамене.

В полной тишине было слышно, как облегченно выдохнул Вьер. Граф Хоторн был лучшим по фехтованию среди всего потока, гибкая Дженнет уступала ему в силе и выносливости, не говоря уже о длине рук и ширине шагов. Самый невозмутимый из всех студентов, самый знатный из парней, самый молчаливый. И красивый, хотя... Что-то изменилось. Я смотрела на безупречные черты лица, которые заставляли замереть на месте не одну ученицу, включая и меня, смотрела и не испытывала ничего. Да, красив. Как статуя, но не более.

– Рано радуетесь, мистер Гилон, – сказал магистр, подходя к Вьеру. – Вашим партнером буду я. Готовы? – Никто не ответил, и учитель скомандовал. – Ангард.

Рапиры скрестились. Черная Хоторна и моя стальная. Вернее, матушкина.

– Твой клинок никуда не годится, – тихо констатировал Мэрдок и провел серию быстрых ударов, словно пробуя мою оборону на прочность.

– Знаю, – ответила я, стараясь не провалить защиту.

– Выбрось эту рухлядь, – посоветовал Мэрдок и сделал выпад. Закрытое наконечником острие клинка едва не коснулось плеча.

– Обязательно передам твой совет матушке, эта железка ей дорога как память. – Я успела отпрянуть, отбила выпад.

– Прошу прощения, – проговорил граф и снова стал самим собой, холодным и отстраненным.

Больше мы не разговаривали. Рапиры скрестились. Удар, еще удар. Я ушла вправо, и Мэрдок едва не достал меня с разворота. Выпад, блок и кажущееся бесконечным кружение. Я приняла удар на клинок, и оружие завибрировало в руке от силы противника.

Я вскрикнула, но рапиру не выронила, а значит, бой продолжался.

Укол из низкой стойки. Не пытаюсь блокировать, отпрянула назад, и тут же едва не пропустила второй удар – уже из высокой стойки. Клинки со звоном столкнулись. Никакой контратаки, только защита. Мэрдока, в отличие от Дженнет, так просто не вывести из себя. Все, что мне

оставалось, – это глухая оборона. Предугадать удар противника за миг до того, как он будет нанесен, увидеть возможное направление движения гибкого тела, и тогда исход станет предсказуемым.

Я даже немного разозлилась. На себя и на совершенного Хоторна, который никогда не допускал ошибок. Еще одна пересдача? Как же не хочется-то...

Не раздумывая, я сбила в сторону черное лезвие, сделала шаг к парню, улыбнулась, как улыбалась бы Крису, и нанесла восходящий удар. Хоторн блокировал его без труда.

Я ушла вбок, едва избежав возвратного движения клинка сокурсника, и попыталась нанести укол в плечо, не достала, но вместо того чтобы отступить, провалила шпагу и ударила в корпус. Настал черед Мэрдока уклоняться, в серых глазах зажглись веселые искорки.

Он ушел с линии выпада... вдруг перекинул шпагу из одной руки в другую и нанес почти горизонтальный, рассекающий воздух удар. Неправильный удар, так машут секирой, а не шпагой. Если бы у него в руках и вправду был топор, он бы меня разрубил пополам, от правого бока до левого. Но у него была шпага. Тоже ничего хорошего, но это скорее колющее, чем режущее оружие. Все, что я успела, это поднять вертикально свой клинок. Его черное железо ударило о старую рапиру. В самый последний миг, увидев что-то на моем лице, Хоторн сдержал атаку, но ее силы все равно хватило не только чтобы выбить шпагу из руки, но и чтобы опрокинуть меня на пол. Или, что еще вернее, я не удержала равновесия, а удар всего лишь завершил дело. Собственный клинок лязгнул, отскочил и покатился по полу. Сломанное у основания лезвие полетело в одну сторону. Эфес – в другую.

Я упала на пол, ударилась боком. Рапира Мэрдока из левой руки снова вернулась в правую. На лице сокурсника ноль эмоций – ни торжества, ни злорадства. Он невозмутимо подошел и подал мне руку, помогая подняться.

Вскрикнула Мэри, но не потому, что проиграла бой Коррину. Почти все поединки остановились. Не по команде, а потому, что все взгляды были прикованы к одной паре. Милорд Виттерн как раз пошатнулся, и рапира Вьера ринулась к горлу учителя. Магистр остановил ее рукой, ухватив за наконечник.

Ученик отступил. Дженнет картинно похлопала в ладоши.

– Bravo, мистер Гилон, – прокомментировал произошедшее милорд Йен.

– Он вас победил, – выкрикнул Отес.

– И получил зачет, – кивнул учитель. – Напомните мне в следующий

раз, что фехтовать и одновременно пытаться уследить за кучей неумех – не очень хорошая идея.

Коррин хмыкнул, но сказанное нисколько не смутило улыбающегося Вьера.

– А вам урок на будущее, мистер Гилон: не полагайтесь только на железо, когда смерть нацелилась в лицо, противник может попытаться остановить ее голыми руками. – Магистр опустил рапиру и продолжил: – Дженнет, вам тоже зачет, Мэрдок, – он посмотрел на парня. – зачет, но... Я понял, почему ты сдержал удар. Здесь и сейчас, в ученическом поединке против Астер. Понял, но, если бы ты сражался против герцогини, получил бы неуд.

Хоторн нахмурился.

– Ты должен помнить, что в бою не бывает мужчин и женщин, не бывает леди и джентльменов. Бывают лишь противники. Запомни и оставь рыцарство для бала. Или однажды лишишься головы.

Парень подумал и кивнул, принимая критику.

– Астер, – магистр прищурился, – а знаешь, тебе тоже зачет. Техника хромает на обе ноги, но, – он оглядел зал, – теперь я вижу, что ты хочешь драться. Что хочешь победить. Возможно, из тебя еще и выйдет толк, если заменишь оружие. Остальные – на второй круг.

– Как интересно, – хмыкнула направляющаяся к выходу Дженнет. – Одной проигравшей поставили зачет, остальных заставили потеть дальше. Ничего нигде не жмет, Астер?

– Нет, Альвон, – ответила я, подбирая сломанную рапиру. – Но благодарю за беспокойство.

– Кстати, – сказал подошедший Вьер, – расчеты ты тоже сдала. Это я так, к слову... если тебя интересует.

Я склонила голову в знак признательности и направилась к выходу. За спиной со звоном скрестились клинки.

Моя комната на втором этаже жилого крыла выглядела, как и должна выглядеть спальня леди. Чистая, опрятная и немного холодная. В холоде было виновато приоткрытое окно – в комнату дуло, и подоконник покрывал слой подтаявшего снега. Камин давно остыл, надеюсь, его не забудут разжечь к вечеру. Девы, как же я скучала по Лиди, моей камеристке в Кленовом Саду! Там мне не приходилось задумываться ни о прическе, ни о чистоте платьев. Но в Академикуме другие правила. Хочешь учиться магии, научись заправлять кровать сам. Помню, как стонала в первый день герцогиня. Хотя растапливать камин нам не доверяли, что не могло не

радовать.

Я вытащила из сундука пальто, пояс, развернула черную рапиру, кошелек с мелкими монетами, ученический значок, перчатки. Спрятав локоны под шляпку, проверила наличие ингредиентов. «Сухая вода», «ржа», «семена пустоты», «земляной настой», «горошинки тьмы», «проявитель», «куриная слепота» – все на месте. Я закрыла окно и оглянулась. Теперь комната не была столь безукоризненно прибрана: сундук чуть сдвинут, шкаф со шляпками открыт, на смятом покрывале лежала скомканная упаковочная бумага, рядом сломанный матушкин клинок.

Почему у меня такое чувство, что я собралась на бой?

Всего лишь спущусь в город, выслушаю Крису, если он, конечно, захочет говорить, и вернусь в Академикум.

– Вот только себе не ври, – проговорила я. – Выслушать-то ты выслушаешь, но вот вернешься ли? – и, словно боясь передумать, быстро вышла из комнаты.

Дирижабль не трясло, он спускался плавно и почти неосяземо. Не надо только смотреть в окно, не надо думать о том, что под ногами у тебя пустота. Много-много пустоты.

На этот раз тревожное ожидание было скрашено мыслями и сомнениями. Я живо представляла себе вариации предстоящего разговора с Крисом, но почему-то упорно скатывалась к сценам из бульварных романов. Он возьмет меня за руку, посмотрит в глаза и скажет... Тут фантазия выдыхалась, потому что я представляла, что он может сказать, и это совсем не сочеталось с романтикой.

Я даже покраснела от злости и поймала внимательный взгляд стоящего у окна мужчины в длинном пальто и круглых очках. Но тут же поняла, что мое смущение интересует его в последнюю очередь. Внимание привлекла висевшая у пояса рапира из чирийского железа. Еще лет десять назад это смотрелось бы крайне вызывающе, даже матушка всегда выступала против сочетания юбки и клинка. Одно дело заниматься с домашними учителями и другое – выставлять это на всеобщее обозрение. Но времена изменились. Например, мисс Ильяну такие тонкости вовсе не заботили. Хотя до сих пор можно было услышать рассуждения того или иного ретрограда о том, что оружие и женщины – не лучшее сочетание. Слава Девам, князь не особо прислушивался к выкрикам подданных, требующих вернуть Аэру в каменный век. Он вообще мало к кому прислушивался.

Кольнуло беспокойство: а не совершила ли я ошибку, взяв рапиру? Гикар мертв, его лавка сгорела, и теперь никто не сможет подтвердить факт

покупки клинка.

Я положила руку на эфес, мужчина учтиво коснулся наверху трости шляпы, словно извиняясь за излишний интерес, и отвернулся к окну.

Мысли побежали по кругу. Перед глазами снова встала сцена: мы с Крисом в кафе, он улыбается и уверяет, что все будет хорошо... Нет, это какая-то особо опасная болезнь, а не любовь! Я вздохнула. Если барон в чем-то меня и уверит, так это в том, что зря сюда явилась.

Далеко от воздушной гавани я не ушла, миновала зал ожидания, кассы и устроилась за столиком кафе, как раз напротив широкого окна. Долго ждать не пришлось: через четверть часа у парапета, с которого открывался головокружительный вид на Льеж, появилась компания мальчишек в куртках разной степени потертости. Они громко смеялись, косясь на витрину с пирожными. Я демонстративно подняла серебряную монету. Стоявший ближе всех к окну мальчишка быстро сообразил, что сулит ему ее блеск, и, с опаской покосившись на остальных, юркнул внутрь.

– Отнесешь эту записку в трактир «Пьяный кучер». – Монета исчезла в одной грязной ладони, сложенный вчетверо листок – в другой. – А если принесешь ответ, получишь вдвое больше.

Паренек согласно шмыгнул носом и, выскочив за дверь, бросился сначала к своей ватаге, а потом уже они все вместе с шумом и гиканьем сбежали по ступеням вниз, к улице.

– Леди желает что-нибудь еще? – Подошедший официант проводил неодобрительным взглядом моего посыльного и посмотрел на стол, где в одиночестве томилась чашка чая.

– Леди желает побыть в одиночестве. – Вторая монета исчезла в чистых холеных ладонях.

А потом потянулись часы ожидания. Приземлялись и взлетали в чистое небо дирижабли. Скрипели платформы и телеги с грузами. Спускались и поднимались пассажиры. То шумное семейство с пятью детьми, то чопорные матроны в черных чепцах. Мимо проехала нагруженная вином телега, на каждом бочонке было выжжено клеймо: расправившая крылья сова. Клеймо дома Оуэнов. Они поставщики вин двора первого советника. Хотя эти бочки, судя по количеству и свежему дереву, предназначались кому-то рангом ниже, молодое вино аристократы не особо жалуют. Скорей всего, заказали на народные гуляния по случаю Дня Рождающихся Дев.

Рождение богинь отмечали все. Знать – балами и щедрыми пожертвованиями, простой люд – угощениями и танцами на площади у ратуши. Обещали ночной фейерверк и традиционный «золотой дождь»

с дирижабля для тех, кто не нашел в себе силы окунуться в купель.

Не знаю, откуда пошла эта традиция, но в ночь рождения первой Девы Одарительницы было принято вырезать в Зимнем море прорубь и с благословения жриц окунуться в нее с головой. В знак уважения к богине, которая была рождена в воде. Люди следовали этой традиции ровно до тех пор, пока в одну из зим лед не треснул и на свидание с Девами не отправилось разом пять десятков человек. На следующий год жрицы установили на главной площади что-то вроде большой каменной чаши, в которую заливали благословенную воду, и народ с радостью дрызгался, не боясь утонуть. Или замерзнуть насмерть. Но все-таки большинство предпочитало оставаться в сухой и теплой одежде. Такое наверняка не нравилось богиням, и с развитием воздухоплавания было положено начало новой традиции. Теперь благословенную воду во время праздника разбрызгивали с дирижабля, чтобы никто не ушел обделенным. Смысл названия «золотой дождь» от меня ускользал, как сказал однажды папенька, видимо, когда его придумывали, ориентировались на стоимость действия.

Мимо окна проехала еще одна телега, на этот раз с ящиками с неизменным свиным знаком. Это уже товар в бутылках, явно не для простого народа.

По стеклу постучали, я вздрогнула и сфокусировала взгляд на окне. На улице стоял мальчишка в стоптанных башмаках и призывно хлюпал носом. Чай давно и безнадежно остыл, солнце сместилось вправо и начало обратный путь к горизонту. Я вышла из кафе, и парнишка передал мне неопрятный клочок бумаги, словно второпях вырванный из книги, где на полях кто-то коряво написал два слова: «сгоревшая библиотека».

– Держи. – Я бросила посыльному на ладошку еще две монеты, увидела, как на усталой физиономии появляется улыбка, и поспешила по ступеням вниз, на ходу надевая перчатки. Крис все-таки ответил.

– Спасибо, леди-маг, – прокричал мне в спину парнишка.

Мимо библиотеки, прозванной в народе «сгоревшей», я как-то раз проезжала с родителями. В Академикуме была своя, так что ученики не испытывали потребности в дополнительных источниках знаний. Да и не помогут Академикуму все библиотеки Аэры: сегодня летающий Остров над Льежем, а завтра? В Чирийских горах? Над Зимним морем или Ирийской равниной?

Раньше самая крупная библиотека Аэры располагалась в столице, но после крушения дирижаблей десять лет назад прямо на городские кварталы Эрнесталя то, что удалось спасти от огня, перевезли в Льеж. Говорят, вонь от пропитанных запахом гари фолиантов стояла на улице не одну неделю.

И первая библиотека Аэры стала известна как «сгоревшая».

Извозчик высадил меня прямо напротив высоких дверей из темного дерева, открывшихся без единого скрипа. Внутри, что бы ни говорили злые языки, пахло пылью и лавандой. Дремавший за столом смотритель приоткрыл глаза, увидел ученический знак у меня на пальто и снова погрузился в сонное оцепенение. Во все библиотеки Аэры учеников пускают бесплатно. Приказ первого князя.

Сгоревшая библиотека занимала три этажа. На первом я Крису не нашла, только пару девушек в светлых платьях. Они ожесточенно о чем-то спорили, тыкая пальцами в книгу. Увидев меня, замолкли и склонили головы в приветствии. Еще один молодой человек грыз бублик и неторопливо листал книгу, больше похожую на журнал расходов какого-нибудь поместья, настолько том раздулся от пожелтевших и неровно вклеенных страниц.

Поднявшись на второй этаж, я долго ходила между стеллажами, и стук моих шагов подхватывало эхо. В преддверии праздников люди предпочитали заказывать новые платья и сладости, а не тратить время на библиотеки. Крис сидел за самым дальним столом. Перед рыцарем возвышалась стопка книг, еще три тома лежали справа и, видимо, ждали своей очереди. Барон переворачивал страницу, пробегал глазами текст, иногда шевелил губами, что-то шептал, а потом снова перелистывал и снова...

– Крис, – позвала я, садясь напротив.

Он поднял голову, и я поразились произошедшей в нем перемене. Сколько он спал с того момента, когда мы расстались у дома целителей? Час? Два? Не знаю, но выглядел рыцарь неважно. Бледная кожа, грязные взлохмаченные волосы, запавшие покрасневшие глаза, под которыми залегли тени, жесткая складка у рта. Отец выглядел так же, вернувшись после недельной охоты на иларского волка, что повадился закусывать крестьянами из ближайших деревень. Волка он, кстати, так и не убил.

– Прив... – начал Крис хриплым голосом, потом закашлялся и уже четче повторил. – Приветствую, леди Астер. Что привело вас сюда в такое время?

– Перестаньте издеваться, барон, – вышло резче, чем я хотела. – Вы дали мне слово, извольте сдержаться.

Он смотрел на меня усталыми синими глазами, и было в его взгляде что-то... что-то такое... Так отец смотрел на Илберта, когда тот в очередной раз возвращался из города, воняя пивом, с рукой на перевязи, ибо успел заступиться за честь дамы, которая весьма смутно представляла

себе, что это такое. В его взгляде сквозили усталость и извечный вопрос: да, когда же ты образумишься-то? И, надо сказать, брат образумился. Теперь я понимала, что отец тогда чувствовал.

– И ты не дала себе труда задуматься, что обстоятельства могли сильно измениться?

– Настолько, чтобы не найти минуты на разговор?

– Настолько.

Вот и все, Иви, можешь уходить. Или начинай умолять, совсем как побирушка у ратуши. Когда в следующий раз буду смотреться в зеркало, кого увижу? Леди или готовую унижаться влюбленную дурочку?

«Спокойно, – уговаривала я себя. – Ты пока ничего не сделала, всего лишь приехала в библиотеку. Наверное, так и начинается падение, с таких вот маленьких «всего лишь».

– Но теперь, – мой голос был холоден, – здесь и сейчас, вы можете уделить мне время, барон?

– Время... – протянул он, переводя взгляд куда-то за мое плечо, и я едва подавила желание обернуться.

– За чем охотились воры? Что было в инструментариуме? Вытяжка из семян лысого дерева? Лекарство от коросты?

Я ведь не умоляю? Нет, я просто спрашиваю.

– Мы вроде перешли на ты? Или уже нет? – усмехнулся он.

– Перешли, – подтвердила я, – наедине.

– Наедине, – повторил Крис, словно пробуя слово на вкус, и от ноток, прозвучавших в его голосе, у меня закололо кончики пальцев.

– Крис, там было лекарство от коросты?

– Нет. – Его рука медленно скользнула в карман, и он выложил на стол знакомый инструментариум.

– Нет? – Я заморгала.

– Нет.

– А что же...

Он вздохнул, закрыл книгу и положил ее к уже просмотренным фолиантам. Стопка угрожающе зашаталась.

– От черта молитвой, от тебя ничем. Что ты знаешь о ветреной коросте? – Оуэн пододвинул к себе один из трех отложенных томов. – Когда она появилась?

– Точно неизвестно, но говорят, болезнь бродила по земле еще во времена единой Эры.

– Правильно говорят, – кивнул рыцарь, перелистывая страницы. – Что еще?

– Она поражает только одного представителя рода, – продолжала перечислять я.

– Какая умная болезнь.

– Маги придумали амулеты для защиты от заражения.

Крис коснулся шейного платка, расстегнул верхнюю пуговицу камзола и вытащил из-за ворота круглый медальон на цепочке. Я почувствовала дремавшую в нем магию, она была похожа на гудящее насекомое, невидимое и неслышимое насекомое. Защитный амулет.

– Какие умные маги. – Он наконец нашел нужную страницу и повернул книгу, придвигая ко мне. – Лысое дерево.

На развороте было нарисовано небольшое крючковатое растение с изломанным стволом, которое так и хотелось назвать не деревом, а уродцем. Оно на самом деле было лысым – толстые изогнутые ветки венчали метелки с семенами.

Я посмотрела на рыцаря.

– Ты никогда не задумывалась, почему болезнь назвали коростой? – Крис уже листал второй том.

– Нет, – честно ответила я и тут же задумалась. – Наверное, из-за того, что органы покрываются панцирем... мм... коростой?

– Неправильный ответ, Ивидель. Как оказалось, никакого секрета тут нет, стоит только поискать.

Он положил вторую книгу прямо поверх первой и указал пальцем на потускневшие строки. По хрусткому и ломкому переплету было видно, что фолиант давно не открывали, от старой кожи едва уловимо несло гарью.

На желтой шершавой странице был написан рецепт. Обычный рецепт с ингредиентами и указаниями, сколько чего и как растереть, покрошить, настоять... Почти обычный, за исключением того, что это был рецепт приготовления яда.

– Всего лишь надо знать, где искать, – покачал головой Крис, и в его голосе послышалась горечь.

Я читала строчку за строчкой, чувствуя, как сердце начинает биться сильнее и сильнее. «Десять грамм коры лысого дерева три ночи настоять на «мертвой воде», посеять «ускоряющее зерно», разделить на восемь частей...»

– На симптомы посмотри.

Я быстро стала читать дальше, не замечая, что делаю это вслух:

– «Впрыснуть в кровь или нанести на рану. Отсроченная смерть, от седмицы до двух – первый и единственный признак отравления». – Дальше шел рисунок в виде чешуи над пораженным органом, который через малое

время будет закован в смертельный непроницаемый панцирь. – «Противоядие – настойка из семян лысого дерева. Впрыснуть в кровь не позднее...» Но это значит... Это значит... – Я подняла голову.

– Это значит, что короста от слова «кора». Это значит, что короста – это не болезнь, а яд.

– Нет, – не поверила я. – Не может быть. Что это за книга? – Я захлопнула фолиант, но название за давностью лет уже успело стереться, остались лишь отдельные буквы. – Эта болезнь поражает только одного человека в роду. Чтобы избежать этого, маги создали амулеты...

– Чего кричишь? – миролюбиво спросил Оуэн. – От твоего крика ничего не изменится. Всегда думал, что эта болезнь странная, больно привередливая. Знаешь, что она мне напомнила? – Он взялся за третий, последний том. – Заклинание на чирийских клинках. Немного другое, но суть та же: идет опознание по крови. – Передо мной легла третья книга.

Сухие строчки из какого-то научного труда какого-то заумного мага какого-то бородатого года...

«...наделить вещь способностью распознавать кровь нетрудно, трудно заставить ее выбрать одного носителя и остаться слепой к остальным. Мы смогли восстановить это свойство для твердых веществ и полностью утратили для жидких. Многое осталось по ту сторону Разлома...»

– Думаю, маги усовершенствовали этот яд.

– Нет, – возразила я. – Маги придумали артефакты для защиты!

– Конечно, придумали, – устало сказал барон. – Посадить на такой крючок всю Эру – это гениально. Не хочешь болеть – плати, даже завидно, что не сам придумал.

Я оттолкнула от себя книги.

– Ты ведь это хотела знать? Какая жидкость в инструментариуме?

Ответить у меня не получилось, да это было бы излишне.

– Милорд Тиболт опознал раствор, не сразу, конечно. – Оуэн скривился. – В нем был яд из коры лысого дерева.

– Но...

– Да-да, тот самый первоначальный вариант яда, рецепт которого ты видела в книге.

– Но это значит...

– Да.

Крис снова коснулся шейного платка, а я вцепилась пальцами в столешницу. Мир вокруг вдруг стал очень неустойчивым. Девы, умоляю!

– Это значит...

Все, что хотите, любой обет, деньги, обещание, только прошу вас!

– ... что против него защитные амулеты бесполезны. Наверное, у меня на пальце была ранка, может, заноза, царапина. Этого хватило.

Шейный платок упал на стол. Я подняла взгляд, уже зная, что увижу, уже понимая, почему сердце стучит, словно сумасшедшее. Богини не услышали. На шее Криса расцвел тот самый первый и последний признак ветреной коросты, рисунок, напоминающий чешую.

Я вскочила, опрокинутый стул с громким стуком упал. Хотелось кричать. Топать ногами. Смахнуть со стола все эти книги!

– У меня осталось чуть меньше двух недель, – Оуэн встал и устало растер шею. – Поэтому мне наплевать на все обещания, экзамены и истерики юных графинь. – Он сделал шаг вперед, подошел почти вплотную. – Это тебе понятно, И-ви-дель?

Он произнес мое имя по слогам, будто впервые. А я словно впервые его услышала. Просто имя, без насмешки и горечи. Я перевела взгляд с шеи на подбородок, а потом на губы, которые оказалась слишком близко.

Вот так и падают в бездну. Только для меня наверняка уже поздно, потому что я бегу к ней изо всех сил, торопясь узнать, так ли притягательна ее темнота, как говорят люди.

Не знаю, кто из нас сделал первое движение, он нагнулся или я сама подалась вперед, но... Девы, когда его губы коснулись моих, теплые, сухие и невероятно мягкие, весь мир исчез. И библиотека, и книги на столе, и даже короста. Руки Криса скользнули мне на талию, рывком придвинули к себе, а я, сама того не замечая, тянулась и тянулась к нему, ловя дыхание и каждое движение, пусть мимолетное и слишком быстрое, чтобы запомнить. Слишком сладкое, чтобы забыть.

Он поднял голову, разглядывая меня как какую-то диковинную зверушку, больше удивленный, чем недовольный.

– Я вижу в твоих глазах жалость, Ивидель? – Губы, только что касавшиеся моих, скривились. – Даже интересно, насколько далеко ты позволишь мне зайти во имя сострадания?

Иногда слова причиняют не меньшую боль, чем поступки. Я вздрогнула и замахнулась, желая вlepить пощечину, словно кухаркина девка настырному конюху. Но Оуэн легко перехватил мою ладонь.

– Я не позволю ни одной женщине бить себя, – заявил рыцарь. – Запомни это, – и совсем не по-рыцарски оттолкнул мою руку.

Я отпрянула и ударилась спиной о стол, злополучная стопка все-таки упала, книги рассыпались по полу. Я этого не забуду. И ему не позволю. Потому что Ивидель Астер не кухаркина дочка.

– Уходи. – Он оглядел пустой зал. – Ты узнала, что хотела.

– А ты нет. – Голос дрожал, но я заставила себя говорить. – Есть случаи излечения от коросты. На городском рынке Льежа...

– Знаю, уже две ночи там брожу, даже кошельком с золотом светил, но охотников ударить меня по голове целительской дубинкой так и не нашлось.

– Надо найти излечившихся. – Я говорила слишком торопливо, потому что меня снова захлестнуло отчаяние, густо замешенное на стыде. Или стыд, замешенный на отчаянии. И ненависти. Я ненавидела себя за то, что продолжала стоять здесь.

– Искал я этих выздоровевших. – Оуэн взял со стола инструментариум, снял со спинки стола пальто. – Они неуловимы, как видения Дев. Кто-то слышал, что у его соседа третья жена четвертого сына совершенно точно излечилась, но, – рыцарь развел руками, – этих людей невозможно найти.

– Я знаю одного. – Я скорее почувствовала, чем увидела, как он замер, как равнодушие сменилось интересом. – Я знаю модистку, у одного из ее соседей излечилась дочь.

– Опять третий знакомый четвертого пекаря?

– Может быть, но ты не в том положении, чтобы разбрасываться даже ничтожными шансами.

– Я поговорю с ней. – Он поднял книги и небрежно побросал их на стол.

– Поговоришь с модисткой? – Настал мой черед усмехаться. – С какой из десятка? О чем? О шляпках? Или о последней модели корсета? – Я все-таки нашла в себе силы поднять голову и посмотреть в лицо Криса. – Это стоит твоей жизни? Желание отправить меня восвояси? Неужели так трудно принять помощь?

– Почти так же трудно, как тебе посмотреть мне в глаза. – Он обернулся и тихо проговорил: – Идемте, леди Астер. – Я продолжала стоять. – Забудьте о том, что случилось. Я больше никогда вас не коснусь. Даю слово. – Я выпрямилась, и он устало добавил: – Идемте же. Вы сами предложили помощь.

Модистка равномерно постукивала по столу пальцами, я не отводила взгляда от ее рук, тщетно стараясь вспомнить имя женщины, это внесло бы в разговор нечто личное, что немаловажно, когда просишь об одолжении. А беседа была именно личной, я спрашивала, но она не обязана была отвечать. Но имя упорно продолжало ускользать, как нечто незначительное. Мадам Мьек? Сьек?

– Леди Астер, позвольте узнать, чем вызвано ваше любопытство?

– Увы, не могу. – Я повернула голову, глядя сквозь приоткрытую дверь кабинета на оставшегося в общем зале Оуэна.

Одна из мастериц что-то спрашивала у рыцаря, он, улыбаясь, отвечал. Почему бы и нет? Рисунок на шее был надежно скрыт под шелковым платком, а все остальное девушке очень нравилось.

– Это он? – спросила, проследив за моим взглядом, модистка. – Он болен? – Я не ответила. – Такие, как он, просто ходячая неприятность для юных леди. Поверьте той, что в свое время сильно обожглась.

– Верю. Но вы не ответили на вопрос. Об излечившихся от коросты.

– Вы уже все знаете, леди Астер, у моих девчонок языки без костей. Чего вам еще? Они же рассказали вам про безногого Кэрри с рынка?

– А также про безликих Грена и Труна. – Я перевела взгляд на ее немного некрасивое, тонкое лицо, на уложенные каштановые волосы и тут же вспомнила имя. – Мадам Кьет, если бы вы сразу ответили на вопрос, я бы уже ушла. Это ведь так просто, бросить пару имен и выпроводить навязчивую клиентку. Но вы так старательно уходите от ответа, что...

Она взмахнула рукой, прерывая меня.

– Вы надеетесь, что у меня есть еще что-то. Что-то иное...

– А оно есть?

– Не знаю. – Она сложила подрагивающие пальцы в замок и несколько минут молчала, а потом начала рассказывать, но совсем не то, на что я надеялась: – Вы знаете, что иногда, заказывая платье, леди может отказаться от него. По разным причинам: деньги, минутный каприз, неосторожные слова мужчины, что лавандовый цвет ее бледнит? – Она посмотрела на приоткрытую дверь. Теперь Крис стоял, повернувшись к нам спиной. – Мало кого при этом волнует внесенный задаток, хотя встречаются и такие. Впоследствии я продаю эти платья значительно дешевле. Конечно, леди никогда не купит готовое, но «не леди»... Софи понравилось одно из них.

– Софи? – Я подалась вперед. – Ваши мастерицы болтали о ней, как и об остальных.

– Да, но они не знали всего. И, надеюсь, не узнают. – Она откинулась на спинку стула. – Месяц назад Софи примеряла одно из отказных платьев. В мастерской были я да Оливия, но та была занята с срочным заказом... К чему все это... – Она вздохнула. – Я помогала Софи с примеркой. Не столько помогала, сколько смотрела, чтобы она чего-то не порвала, девушка несколько неуклюжа. И когда шнуровала корсет, увидела... увидела рисунок. Совсем небольшой, но он почти уже дошел до шеи. Я видела

коросту. Видела близко, мой отец от нее умер, оставив долги и залоговые векселя, поверьте, это была именно она, кто бы и что бы ни говорил впоследствии.

– А кто-то что-то говорил? – Я подняла брови. – Дочь Киши была больна?

– Через два дня над дверью ювелирной лавки появился желтый крест, – сказала мадам Къет вместо ответа.

– На Софи и в самом деле напали на рынке, как и на всех остальных? – не выдержав, спросила я.

– Я этого не знаю, – развела руками женщина. – Может, напали, а может, нет, может, она поцапалась с птичницей. Я даже не знаю, излечились ли остальные люди, но могу сказать, что пару раз видела на рынке безногого попрошайку. А как его зовут и болен ли он коростой, мне не ведомо.

– Как он и предполагал, никакой определенности, – пробормотала я, поднимаясь. – Слухи и сплетни.

– Именно так я и сказала серым, – модистка отвела взгляд, – когда они начали интересоваться случаями исцеления...

– А чего вы им не сказали? – спросила, чувствуя, как сердце сжимается в предчувствии удачи.

– Я не сказала им, что три недели спустя Софи забрала свое платье.

– Вы не могли ошибиться?

– Иногда я очень хочу себя в этом уверить, и знаете, почти получается. – Она тоже встала. – Если сюда вернутся серые, у меня снова это получится.

– Лавка Киши далеко от вашей?

– Вы хотите купить украшения к новому платью, которое, несомненно, закажете у меня?

– Несомненно, – подтвердила я, улыбаясь.

В ювелирной лавке Киши было немного сумрачно, скудное освещение с лихвой компенсировалось яркими настольными лампами с магическими «зернами» внутри, освещавшими витрину так, что камни переливались, словно живые. Серезки, кольца, колье и яркая, как созвездие, диадема.

– У леди превосходный вкус.

Услышав вкрадчивый голос, я подняла голову от витрины и увидела сухощавого старика с седыми волосами. Они напоминали пух, окруживший его сморщенную голову полупрозрачным ореолом.

– Леди вообще превосходная, – вставил Крис, и я с трудом сохранила

невозмутимое выражение лица. Что это? Первый комплимент? Или издевка? – Мистер... – Барон многозначительно замолчал.

– Киши. – Мужчина приглашающе взмахнул рукой. – Мастер Киши, это моя лавка. Могу я предложить вам...

– Можете, но меня гораздо больше интересует ваша дочь и ее чудесное исцеление от коросты, – сказал Оуэн прямо.

Ювелир остался невозмутим, лишь немного встревоженная улыбка тронула тонкие старческие губы.

– Господин ошибается, моя дочь, слава Девам, здорова.

– Именно это я и хотел обсудить. И, боюсь, у меня нет времени на расшаркивания. – С этими словами Крис выложил на прилавок инструментариум, прямо напротив диадемы.

Тут бы ювелиру самое время снисходительно улыбнуться, мало ли какие тараканы водятся в голове у покупателей, выразить вялый интерес к коробочке... так поступил бы любой. Любой, кто видел эту игрушку в первый раз. Так поступили и я, и Крис. Но вместо этого мастер Киши побледнел, словно рыцарь выложил на прилавок не коробочку, а змею.

Для Оуэна этого оказалось достаточно. Он оперся о витрину и одним движением перепрыгнул через прилавок. Стекло жалобно хрупнуло, и несколько трещин пересекли спрятавшуюся под ним яркую диадему. Старый мастер отшатнулся, приподнял руку в жесте защиты или отрицания, от улыбки не осталось и следа.

– Кто вы такие? – прохрипел старик. – Чего вы хотите? Я подам жалобу серым... я...

Слова звучали слишком беспомощно, слишком явно в них слышался страх. И поражение.

Крис схватил старика за грудки и без всякого уважения к его возрасту швырнул на витрину. Стекло разлетелось на кучу мелких, жалящих, словно насекомые, осколков.

– Закрой лавку, Ивидель, – приказал Оуэн.

– Но...

– Закрой! Или убирайся вон. У меня нет времени деликатничать ни с тобой, ни с ним.

Я бросилась к двери, слыша за спиной голос, в котором было слишком много льда.

– Меня зовут жестоким бароном, и сейчас я продемонстрирую почему.

Это было обещание, от которого у меня разом ослабели колени, а руки соскользнули с железной ручки.

– Пожалуйста... – послышался всхлип. – Я ничего не...

– Неправильный ответ.

До меня долетел звук удара. Страшный звук. Смачный и гадкий. Старик завыл.

Я коснулась засова, задвинула его, сменила табличку с надписью «открыто» на «закрыто» и повернулась к разбитой витрине. Около нее, среди стеклянного крошева и россыпи драгоценных камней, лежал ювелир. Вернее, уже не совсем лежал, он приподнялся, пытаясь отползти от Криса, по лицу мастера текла кровь.

Барон с невозмутимым лицом наступил ботинком старику на лодыжку. Кость хрупнула. Бабушка всегда говорила, что у пожилых людей тонкие кости, птичьи, поэтому они так легко мерзнут. И еще кости легко ломаются, иногда даже от простого падения.

Ювелир закричал. Скоро здесь будет уйма народа в компании с серыми гончими. Кошунство так думать, глядя на человека, пытающегося стереть кровь с лица, но именно так я и думала. А вот Крису было не до моральных дилемм.

– Как ты вылечил дочь? – спросил барон, убирая ногу.

– Прошу вас, – снова взвыл старик.

Я вспомнила Рут и ее шар, в который она спрятала тот пронзительный вой.

– Неправильный ответ. – Еще один удар, и приподнявшийся ювелир упал на спину, захлебнувшись криком.

– Крис, пожалуйста, – попросила я, с трудом отводя взгляд от ползающего по осколкам стекла старика, пачкающего все вокруг кровью. – Наверняка есть другой способ. Должен быть.

– А знаете что, мистер Киши, – Крис присел рядом с ювелиром, – леди совершенно права, такой способ есть. – Рыцарь поднял инструментариум и нажал на выступ. Из коробочки выскочило шило.

Оно испугало старика гораздо больше, чем переломы и удары. Тонкогубый рот захлопнулся, вой прекратился, выцветшие серые глаза завороченно наблюдали за приближением иглы.

– Нет, – взвизгнул Киши. – Я расскажу! Во имя Дев, я все расскажу.

– Вот видишь, какой полезной ты можешь быть, – назидательно проговорил мне рыцарь и снова посмотрел на ювелира. – Как ты вылечил дочь?

– Я не лечил. – Жало качнулось, снова приблизилось, и Киши торопливо заговорил, то и дело сплевывая кровь. – Это не я. Софка заболела, а через два дня пришел человек, он сказал, что может вылечить, что у него есть семена лысого дерева. Я предложил хорошую цену, но...

– Хорошую цену за то, что давно исчезло с Аэры? – удивился Крис. – Очень сомневаюсь, что такое возможно. Дальше.

– Деньги его не интересовали. За лекарство он требовал услугу.

– Какую услугу?

– Поймите, Софа все, что у меня осталось. Она все, что у меня есть. Она и эта лавка...

– Что он потребовал? – жестко спросил барон.

– Я должен был уколоть шилом... – он посмотрел на инструментариум, – сапожника Грена, что живет через улицу от нас. Послушайте, я не знал тогда... не думал...

– И ты уколол.

– Да, но поймите, я не знал, что он заболит. Девы, короста не распространяется так, она... она...

– Как вылечили твою дочь?

– Не знаю, клянусь, – взвизгнул старик, глядя на шило. – То нападение на рынке, с нее сорвали цепочку...

– Почему ты уверен, что нападение и излечение связаны?

– Почему? Потому что... – Старик стал задыхаться. – Потому что у нее на шее был след от укола, точно такой же, какой я оставил Грену, наврал, что случайно оцарапал его кольцом, но...

– Куда ты дел инструментариум?

– Грену отдал, как велел незнакомец, он же сапожник, всяко пригодится.

– Отдал? – не поверил Крис.

– Продал за десяток медяков.

– Что это за незнакомец? Описать можешь? Видел раньше?

– Нет, он был в капюшоне, я еще в первый момент подумал, может, паломник. Я его не видел. Клянусь дочерью, больше никогда не видел.

Барон опустил руку, ювелир судорожно дышал.

– Где лавка этого Грена? – Оуэн поднялся.

– Я скажу, – шепотом пообещал старик, – только уходите.

И мы ушли, оставив его лежать среди битого стекла и драгоценных камней, перемазанных кровью.

Оуэн шагал слишком быстро, слишком широко. Цепляясь за его локоть, я почти бежала, стараясь не отстать. Барон был сосредоточенно спокойным или казался таковым.

– Крис, помедленней, пожалуйста, – проговорила я, почти повиснув на его руке.

Он тут же остановился, огляделся, словно старался припомнить, как

здесь оказался, оглянулся на дверь ювелирной лавки, где все еще покачивалась табличка «закрито».

– С ним ведь все будет нормально? – не удержалась я от вопроса.

– Мне все равно.

На противоположной стороне улицы мальчишка в голубом пальто с восторгом указал на проезжающий по дороге мобиль. Няня, отнюдь не разделявшая его чувств, поджала губы и потянула юного любителя механизмов дальше.

– А ты заметила, что все ограничилось одним кварталом?

Я посмотрела на уходящую к портовым складам улицу. На соседней, громко звякнув, проехал трамвай, клубы дыма от парового двигателя поднимались высоко в небо. Вагон скрылся за поворотом, скоро он минует ратушу, обогнет Круглую площадь, вернется назад и заберет пассажиров из воздушной гавани. Говорят, этой весной откроют еще одну ветку и маршрут пройдет мимо дворца первого советника, мимо главного парка. Трамвай будет доставлять пассажиров к железнодорожному вокзалу. Это если верить речам мэра Льежа. А кто ж им не верит?

– Лавка ювелира, – указал на дверь, из которой мы вышли, Крис. – Кожевенная мастерская Грена за углом.

– Рынок и безногий Кэрри?

– Если он был, этот безногий. – Парень прищурился. – Рынок с севера примыкает к складам, так что все рядом, даже лавка этого Гикара.

– Но при чем здесь... – Пришедшая в голову мысль была неожиданной. – Он тоже болел коростой! – выкрикнула я, и проходящий мимо джентльмен бросил обеспокоенный взгляд сначала на меня, потом на барона, но не увидел ничего угрожающего и прибавил шаг. – Он продал мне инструментариум, совсем как...

– Как Киши, – закончил Оуэн. – Только ювелир сначала уколол сапожника. – Он положил мне руки на плечи. – Ивидель, – голос барона был мягким, слишком мягким, – он тебя не колот? Или кто-то другой? Ты не обнаруживала ран, происхождения которых не помнишь? Царапин, от которых просто отмахнулась?

Его пальцы коснулись моего подбородка, потом шеи. В его жесте не было ни ласки, ни нежности, только деловитость и... неужели испуг?

– Барон Оуэн! – Я возмущенно отпрянула, поймав любопытный взгляд дородной дамы в шубе, что стояла на углу в ожидании извозчика. – Маги не болеют коростой!

– Обычной коростой, – деловито поправил он, – меня ваши магические штучки не защитили. Но мы говорим о яде! – Крис снова поднял руки.

Я была почти готова рассмеяться или заплакать. Столько раз представлять, что он коснется меня. Придумывать, как это будет... И он коснулся, прямо посреди улицы, с деловитостью и равнодушием целителя.

– Во-первых, – я возмущенно выдохнула, – инструментариум попал ко мне раньше, чем к тебе, а значит, и заболеть я должна была раньше.

– Ты пользовалась шилом?

– Нет, я только один раз разбирала метатель, – ладонь на моем предплечье чуть расслабилась, – и шило мне не понадобилось.

– Хорошо, а что во-вторых?

– Во-вторых, разве тебе не все равно?

– Как раз думал об этом. – Его взгляд скользнул по моим губам, и я тут же поняла, о чем на самом деле он думал. О том, что произошло в библиотеке, но самое ужасное, что мне нравилось направление его мыслей. – Мне все равно, но одно дело заразить человека, совсем другое – мага. Весь Академикум на уши встанет.

– Удивляюсь, почему он до сих пор не на ушах? – пробормотала я.

– Потому что они всегда могут заявить, что я забыл надеть защитный амулет. А посему сам виноват.

– Но это нечестно!

– И что?

Я не нашлась что ответить. Звякнул колокольчик, и пожилой мужчина в цилиндре вошел в ювелирную лавку. Оуэн схватил меня за локоть и потащил к углу здания – сейчас здесь станет очень шумно.

– Если Киши не дурак, а он не похож на дурака, то расскажет серым красивую историю о безликих хулиганах.

Со стороны лавки послышался шум, кажется, кто-то крикнул, чтобы вызвали целителей.

– Потому что, рассказав о нас, ему придется рассказать и о дочери, – поняла я.

– Да, произнеся «а», произноси и «б». – Барон пошел по параллельной улице в обратном направлении, крики за спиной становились все громче.

– Надеюсь, с ним все будет в порядке. – Мысли снова вернулись к старому ювелиру. – Он, конечно, злодей, но...

– Злодей? – хохотнул Крис, указывая на вывеску кожевенной мастерской. – С чего вдруг такое клеймо?

– Но как же... – растерялась я. – Он же заразил другого человека, считай, убил, без лекарства короста смертельна.

– То есть... – Крис остановился напротив мастерской и проводил взглядом проезжающий трамвай. Пара мальчишек скользила за вагоном на

обрывке картонной коробки, рискуя свалиться на рельсы и свернуть шею. Настоящие поезда развивали сумасшедшую скорость для такого баловства, поэтому вагончики трамваев нравились городской ребятне гораздо больше, а о сломанных шеях они не думали. – Если леди Астер предложат обменять жизнь безликого сапожника на жизнь отца или матери, леди откажется? Серьезно?

– Но... – Я закусила губу, он только что положил на одну чашу весов жизнь любимых людей и какого-то мастерового. Неправильно положил. И теперь ждал ответа. – Мне не нравятся такие вопросы, – в конце концов, ответила я чистую правду.

– На самом деле тебе не нравятся не вопросы, тебе не нравятся ответы, – сказал Крис и взялся за ручку двери.

– А ты сам, – спросила я, машинально отмечая, что над входом в лавку нет желтого креста, обозначающего, что в дом пришла короста, – что сделаешь, если сейчас придет человек в капюшоне и предложит выкупить лекарство за ту же цену?

Оуэн открыл предо мной дверь и пропустил в мастерскую, оставив вопрос без ответа. Но мы оба его знали, не так ли?

Кожевенная мастерская воняла... кожей. Терпкий, словно скрипучий запах смешивался с резким ароматом краски и сухих трав. Большое помещение, казалось, было заставлено обувью. Полки и стеллажи от пола до потолка, на которых красовались сапожки, ботинки, тапочки и элегантные туфельки из кремовой кожи, к ним мой взгляд то и дело возвращался. На верхних полках были выставлены седла, на вбитых в стены крючьях висели сумочки и торбы, лежали кошельки. Двое молодых людей азартно торговались с высоким парнем с копной растрепанных каштановых волос.

Колокольчик звякнул, и из подсобки выскочила не менее растрепанная девушка. Такая же кареглазая и кудрявая, сразу видно, что лавка – семейное предприятие.

– Одну минутку, леди, – запыхавшись, сказала она, отбрасывая со лба влажные волосы. – Я сейчас, – обогнула кучу коробок, задела крайнюю, удержала от падения и пробормотала: – Извините, сегодня у нас... – она беспомощно развела руками. – Показать вам кремовые туфельки?

– А вы наблюдательны, – рассмеялся за моей спиной Крис и разрешил: – Покажите.

Девушка устало ему улыбнулась и стала пробираться, другого слова не подберешь, к полке.

– Что ты делаешь? – шепотом спросила я.

– А ты предпочитаешь, чтобы я сразу стал ее бить?

– Девы, не вздумай.

– Интересно, как ты меня остановишь? – Он посмотрел, как молодой человек, подволакивая правую ногу, провожает покупателей до двери.

– Вот. – Девушка поставила на прилавок ту пару, что сразу привлекла мое внимание.

– Могу я видеть мастера Грена? – спросил Оуэн, бросая испытующий взгляд на парня.

– Зачем он вам? – нахмурилась девушка. – Если насчет заказа, то...

– То можно переговорить со мной, – добавил парень.

– Насчет заказа, – согласился барон.

Я провела пальцем по мягкой коже туфельки, около пряжки был едва различим витиеватый оттиск, переплетенные буквы «У» и «Г», скорее всего, фирменное клеймо мастера.

– Понимаете... – Они переглянулись, а потом плечи девушки поникли, и она с грустью продолжила: – Отец умер три дня назад.

– Позавчера схоронили, – добавил парень. – Поэтому у нас сегодня такой... такой...

– Бардак, – помог ему подобрать правильное слово барон, но благодарности не дождался.

– Мы стараемся, – обиженно вставила девушка. – Но все так неожиданно... – Она прижала руки к груди и тут же без паузы спросила: – Хотите примерить туфельки?

– Смерть от коросты неожиданной не назовешь, – не дал мне ответить Крис, и они снова переглянулись.

– Отец умер не от коросты, – покачал головой парень. – Он напился и повесился на балке в мастерской.

– Войт! – укоризненно воскликнула девушка.

– Брось, об этом знают все соседи, а если был сделан заказ...

И они в третий раз обменялись взволнованными взглядами.

– Да скажите уже, – потребовал Крис.

– Поговорите лучше с дядькой Ули, – приняла решение девушка. – Если кто-то знает о заказе, то только он, но...

– Но он пьет с самых похорон.

– И не собирается останавливаться, – нахмурилась девушка. – Так что насчет туфелек?

С туфельками решили подождать, хотя, оставляя их в лавке, я испытывала некоторое сожаление. Парень шел впереди, неловко прихрамывая, его правая нога совсем не гнула и напоминала деревяшку.

– Сестра права, вряд ли вы чего-то добьетесь от дяди, он сильно сдал после того как отец... – Парень остановился перед помещением, что примыкало с торца прямо к лавке, и открыл дверь. – Поверьте, я выполню ваш заказ на совесть, будет даже дешевле.

Вытянутое помещение мастерской, где запах ощущался еще сильнее, чем в лавке, освещалось дюжиной светильников с магическими «зернами». На самом деле недешевое удовольствие. Отец оборудовал такими главные штреки в шахтах и заменил керосиновые лампы в Кленовом Саду после того, как во мне проснулась сила.

Длинные рабочие столы, натянутые на рамы для просушки шкуры, почерневшие, покрытые копотью рукавицы на полу, чан с жидкостью, воняющий так, что я едва не зажала нос рукой. Инструменты, развешанные по стенам, колодки, мотки ниток... За столом в центре сидел бородатый широкоплечий мужчина. Перед ним стоял штоф с мутной жидкостью и стакан. К вонючей мастерской добавился стойкий запах перегара.

– Дядька Ули, – позвал хромой парень. – Тут к тебе...

– Выйди! – рявкнул мужчина. – И не смей появляться, пока не позову!

– Как угодно, – пожал плечами парень. В его взгляде читались усталость и отчетливое «я же вам говорил».

Дверь захлопнулась, светильники с магическими «зернами» мягко качнулись, тут же выпрямились и засветили ровным ярким светом.

– Ну, – буркнул тот, кого звали Ули.

– Что «ну»? – спросил Крис, присматриваясь к широкоплечему кожевеннику.

Честно говоря, вряд ли у Оуэна получилось бы бросить такого куда бы то ни было, скорее уж наоборот.

– Того. – Бородач хмельно мотнул головой. – Давно жду, когда кто-нибудь из ваших заявится.

– Из наших? – Барон нагнулся и поднял с пола рабочие рукавицы.

– Из больных, – крикнул мужичок и, повернувшись, впервые посмотрел на нас. Глаза были покрасневшими, с полопавшимися сосудами, веки набрякли, словно он не спал уже несколько дней, но... мужчина был скорее зол, чем пьян. – Показывай, куда тебя ударило или ее?

– Нет, не ее, – кратко ответил рыцарь и размотал шарф, показывая смертельный рисунок.

Кожевенник крикнул, взялся за штоф, налил белую мутноватую жидкость в стакан и скомандовал:

– Пей.

Крис бросил рукавицы на стол и, без вопросов подчинившись, разом

ополовинил стакан.

– Добро, – оценил Ули и махнул оставшуюся жидкость сам.

– Девке своей скажи, пусть сходит подарок в лавке выберет, покамест мы поболтаем.

– Нет, – возразила я.

– Ивидель, – покачал головой Крис.

– Нет.

– С характером, – усмехнулся кожевенник, и я уловила в его голосе одобрение. – Марта моя такая же была, как слово поперек скажешь, так и получишь половником промеж глаз. – Он опустил голову. – Нет больше моей Марты. И Грена нет. Лишь эти, – он указал на дверь, – неумехи остались. Хромой и дурочка.

– Так Грен заболел или повесился? – хрипло спросил Крис.

– Все вместе и мешок овса до кучи, – пробормотал кожевенник, снова наливая полный стакан. – Заболел, вылечился, а потом веревку к балке привязал. Дурак!

– Кто к нему приходил, знаете? – Оуэн снова посмотрел на покрытые копотью рукавицы и нахмурился.

– Нет. – Мужчина уставился на свой стакан, словно надеясь увидеть там нечто отличное от того, что наливал сам, выпил и скривился. Никогда не пойму людей: глотать всякую невкусную гадость, потом пытаться собрать мозги в кучу с предсказуемым отрицательным результатом. В чем смысл? – Брат рассказал мне обо всем слишком поздно.

Дышалось с трудом, казалось, если откроешь рот, то просто проглотишь этот кисловатый едкий запах. Так же воняют мобили – еще один повод для матушки поворчать на отца из-за покупки этого механизма.

– Для кого поздно?

– Для всех. – Он с силой поставил стакан на стол. В графине оставалось меньше чем на треть. – Для брата, который пошел у них на поводу, и для Линока, которого он заразил коростой, а потом не смог с этим жить. Девы, кто бы мне раньше сказал, что ею можно заразить! – Мужчина горько рассмеялся.

– У кого «у них»? – спросил, подавшись вперед, Оуэн.

– Да если б я знал! – Ули стукнул кулаком по столу с такой силой, что стакан подпрыгнул. – Если бы брат сказал мне до, а не после! Если бы не полез в петлю, а дал мне время разобраться! Я бы...

– Что? – не удержалась я. – Пошли бы к серым?

Оба мужчины, старый и молодой, уставились на меня с одинаковым недоумением, словно я им предложила поговорить с князем. Или даже с

Девами.

– Знаешь, где я этих серых видал и что с ними делал? – зарычал кожевенник. Широкая ладонь бессознательно коснулась шеи, растирая и разминая мышцы... И рубцы. Старые, почти незаметные.

Я увидела на его коже затертый временем след от рабского ошейника. След, который никогда не исчезает до конца. Почти клеймо. Когда-то Ули совершил проступок, за который угодил в рабство. И смог не только выжить и сохранить рассудок, но и снова заслужить свободу.

– Что я им скажу? Что моего брата заразили коростой специально? А потом вылечили? И он на радостях удавился? Вот они посмеются! Животики надорвут. А когда закончат смеяться, спросят: а сам-то ты кто такой? На этом все разговоры и закончатся.

Я невольно подошла ближе, разглядывая кожевенника. Широкое круглое лицо, мясистые губы, плоский нос, темные глаза, черная борода, чуть опаленная справа, словно он неловко склонялся к огню, густые брови и ресницы.

– Где мне найти этого Линока? – спросил Крис, и в его голосе послышалось разочарование. Ули, на которого мы возлагали надежды, знал меньше нашего.

– Он травник на Полуночном бульваре, лавка «Травы и сборы», – проговорил мастер и снова взялся за штоф. – Я ходил к нему.

– Зачем? – поднял бровь барон.

– Не знаю. – Жидкость полилась в стакан. – Но он оказался покрепче моего брата. И сразу послал ту тварь в капюшоне в Разлом. Он не стал никого заражать.

Дверь открылась, и в мастерскую заглянула девушка из магазина.

– Дядь Ули, тебя спрашивает мистер Тилон, это по поводу бурдюков для вина, что он заказывал отцу.

– Так зови! – рявкнул мужчина, залпом допил спиртное и уронил стакан на стол.

Девушка тут же скрылась, было слышно, как она объясняет невидимому мистеру Тилону, что сейчас не самое подходящее время для визита. Барон не стал ничего больше спрашивать. Не стал прощаться, он просто развернулся и пошел к выходу. А вот я не удержалась:

– Что случилось с вашей Мартой?

– Она умерла, – тихо ответил мастер и снова потер рубец на шее. – Очень давно.

– От коросты?

– От ножа под ребрами.

Девушка продолжала в чем-то убеждать нового посетителя, но, кажется, безуспешно, голоса в лавке становились все громче. На улице уже начало темнеть. Знаете, как оно бывает, заходишь в помещение, оставляя за спиной яркий день, а спустя несколько минут сумерки укутывают улицы полупрозрачной вуалью, вдалеке фонарщик уже зажигает первые огни. Но тебе всегда кажется, что смена света и тени произошла слишком быстро, кажется, ты пропустил слишком много...

Ладонь барона вдруг легла мне на талию, увлекая вперед.

– За нами кто-то идет. Не оборачивайся, – прошептал рыцарь.

И, конечно, я тут же обернулась. Мы миновали кондитерскую и скобяную лавки, оставив мастерскую в сотне метров сзади. Двое мужчин перешли дорогу, поравнялись с нами и пошли дальше. Дородная женщина в кафтане прогуливалась около витрины с пирожными. Где-то смеялись дети. Молодой человек помогал женщине выйти из экипажа. Обычные люди обычного города.

– Я же сказал. – Оуэн схватил меня за подбородок и заставил повернуть голову. Вторая его рука все еще лежала на моей талии. – Пусть они лучше думают, что мы тайные влюбленные, чем...

– Чем кто? – спросила я. – Крис, вы дали слово, что больше до меня не дотронетесь, и тем не менее уже дважды его нарушили. Я начинаю думать, что зря мы все это затеяли.

– Ивидель, – растягивая слова, проговорил он, – вы начали думать? – Я дернулась, но он не дал мне отстраниться, тут же стал серьезным. – Прошу прощения. Но вы сами настояли на том, чтобы сопровождать меня. – Он вздохнул и добавил: – Время уходит, и я начинаю сомневаться в том, что все это не зря. Все эти разговоры. Один, другой... сколько их будет, а мы еще даже не добрались до безногого Кэрри с рынка и Труна, кем бы он ни был. Но если за нами следят...

– Это хорошо или плохо? – Я снова попыталась оглянуться, но он не дал.

– Не знаю. Но это хотя бы результат. Сейчас я уберу пальцы и возьму вас за руку, не принимайте за оскорбление. Мы, все так же улыбаясь, пойдем дальше, минуем перекресток с улицей Цветов и свернем на Полуночный бульвар.

Не знаю, следили ли за нами на самом деле или это была игра воображения. Но люди, которые могли этим заниматься, представлялись мне весьма странными. Я послушно шла за Крисом, ощущая теплое прикосновение его руки к своей.

Наверное, я совсем сошла с ума. И видела то, чего нет. Или, как и

барон, хотела видеть. Многие люди касаются друг друга каждый день, и пусть иногда эти прикосновения на грани допустимого, как сейчас, но... Аэра не остановилась, и никто не спешил указывать на «падшую графиню» пальцем. Много шума из ничего. Из-за игры воображения.

Лавка «Травы и сборы» была закрыта, и, судя по сугробу перед дверьми, закрыта давно. Ярко-желтый крест предупреждал всех посетителей о том, что внутри больной коростой. Витрины с пучками трав, баночками мазей и склянками растворов были темными.

– Возможно, мы опоздали, – проговорила я, тщетно пытаюсь разглядеть что-то за выставленными образцами. – Если, как сказал мастер Ули, травник не согласился с ценой, назначенной за исцеление, то...

– То уже может быть мертв. – Крис прищурился и вдруг потянул меня к узкому проходу между домами, огибая лавку слева. Снега там навалило не меньше, но зато в узком окошке под самой крышей мерцал тусклый танцующий свет. Скорее всего, от керосиновой лампы. В подсобном помещении кто-то был. Оуэн выпустил мою руку и подошел к задней двери. В отличие от центрального входа здесь крыльцо кто-то старательно расчистил и свалил снег под водосточную трубу. Рыцарь оглянулся, но улица за нашими спинами оставалась пустой. Стоило только взяться за ручку, как дверь открылась, потянуло теплом, запахом трав и пряностей.

– Как легкомысленно, – попенял незнамо кому барон, и мы вошли в узкий коридор.

Слышались приглушенные ругательства и шипение, очень похожее на то, что издает поезд, прежде чем тронуться. Я выглянула из-за спины замершего на пороге Криса.

Мы ошиблись. Линок был жив, конечно, если в лавку не забрел еще один больной коростой травник. Рисунок чешуи ярко выделялся на бледной коже груди, рубашка с развязанным воротом казалась несвежей, рукава перемазаны чем-то коричневым.

В центре подсобного помещения виднелись два сдвинутых стола, вдоль стен теснились шкафы со множеством выдвижных ящичков и книгами. Запахи приправ смешивались с менее приятными и кисловатыми ароматами. Столешница была заставлена... Я не знаю, как называются все эти прозрачные чашки, баночки и соединяющие их трубки. Под пузатой колбой в миниатюрной горелке танцевал язычок пламени, жидкость пузырилась и оседала на стенках россыпью капелек. Горка порошка покачивалась на весах.

Линок был молод, старше Криса лет на пять, не больше. Он поднял голову от смутно знакомого устройства, состоявшего из зажимов и

увеличительных стекол. Линзоскоп – вспомнила я. Мы пользовались похожими на идентификации веществ. Как же у меня болели глаза после двух часов работы с этим устройством, линзами и пинцетами!

Парень посмотрел на меня, потом на Криса, который привычным движением сдернул шейный платок.

Знаете, что мне это напомнило? Обмен визитками. Ты вручаешь белую карточку с именем, и точно такую же вручают тебе. Представление закончено. Тут происходило то же самое. Смертельный рисунок на коже служил лучшей рекомендацией для знакомства.

– Помогай, – скомандовал Линок Оуэну, хватая со стола маленькую склянку и подставляя ее под одну из трубок. – Открой вот тот клапан.

Рыцарь в два шага оказался у стола и без слов повернул вентиль. В склянку закапала жидкость изумрудного цвета.

– Что это? – спросила я.

– Лекарство от коросты, – невозмутимо ответил травник, поднося баночку к глазам.

– Серьезно? – Крис завернул вентиль.

– Конечно. – Линок взялся за лупу. – Только оно ее не лечит. Совсем. Но я не отчаиваюсь.

– Может быть, это поможет? – спросил Крис, выкладывая на стол инструментариум. Светлые, почти белесые брови травника поползли вверх. – Знакомая вещица?

– До последнего винтика. – Молодой человек обернулся, открыл третий ящик слева и вытащил точно такую же коробочку.

– Их две? – спросила я, подходя ближе.

– Для меня это такая же новость, как и для вас. – Молодой человек посмотрел на меня, немного смутился и стал торопливо застегивать пуговицы на воротнике. – Линок Стиа к вашим услугам, леди...

– Астер. – Я смогла улыбнуться. – Ивидель Астер. Вы целитель?

На стене за его спиной над ящиками висела крупная зернистая фотография. Дюжина серьезных молодых людей пристально смотрела на беспорядок в подсобном помещении. Черные пятна костюмов, белые овалы лиц и размашистая подпись:

«507 выпуск Целительской академии Эрнесталя, 1021 год от образования Разлома».

Фотография... к ней до сих пор относились с предубеждением. Многие думали, что, перенося изображение на кусок картона, они переносят и часть души. Фотографию в столицу привез один из южных промышленников, некий мистер Фотогра. Он решил, что напал на золотую

жилу. С помощью пластин и устрашающего трехногого аппарата Фотогра создавал портреты за один миг, а изготавливал меньше чем за сутки. В то время как художники работали неделями, а то и месяцами. Для фотографии не нужно было позировать часами, да и стоили его работы в три раза дешевле. Всего лишь в три раза, что напрочь исключало их из категории элитных, но вместе с тем не опускало до уровня общедоступных. Не думаю, что мистер Фотогра голодал, но и сколотить состояние на заказах студентов Эрнесталя тоже не получилось. Князь не порицал нововведение, жрицы богинь хранили молчание, народ глядел с опаской.

Три года назад папенька возил нас в салон, желая на деле увидеть, что такое фотография. Помню комнату с белыми стенами, суетливые движения подмастерьев, ящик на трех ногах и пот, который то и дело смахивал мистер Фотогра со своего покатога лба. Матушке не понравилось, ибо мастер не смог уменьшить ее нос. То ли дело настоящий художник, получивший звонкую монету и учитывающий все пожелания заказчика.

– Нет, я учился на целительском, но выбрал специализацию травника. Люди имеют обыкновение жаловаться и умирать, растения в этом плане намного предпочтительнее. – Линок оставил ворот в покое и встряхнул инструментариумом. – Моя коробочка счастья уже пуста, все извел на опыты. – Травник бросил ее обратно и задвинул ящик. – Можно? – Он указал на коробочку Криса. На мою коробочку.

– Валяй, – разрешил барон и стал огибать заставленный приборами стол. – И к тебе не приходили, не приставляли нож к горлу, не объясняли другими доступными для понимания методами, что единолично владеть столь важной вещью – опасно для здоровья?

– Нет. – Он поднял голову. – А к вам приходили?

– К ней. – Рыцарь указал на меня. – И этому должна быть причина. Тому, что за один инструментариум они дерутся клыками, а про второй забывают.

– Должна, – согласился травник и взял инструментариум.

– Значит, ты тот самый Линок, что отказался заражать других? – уточнил Оуэн.

– Узнаю слова мастера Ули, – ответил травник. – Я тот дурак, что некстати вспомнил данную при выпуске клятву и отказался.

– Жалеее? – спросила я. – А сейчас бы согласились? Заразили бы другого?

Молодой человек посмотрел на меня и безошибочно выщелкнул шило.

– Да, согласился бы и заразил в нарушение всех клятв. Вместо того, чтобы играть в гордого героя, я бы взял того уroda в капюшоне, привязал к

каминной решетке и испробовал на его шкуре все противоядия.

– Кого ты должен был уколоть? – спросил Оуэн.

– А ты? Или передо мной просто несчастный больной, которому не повезло, и он пришел к травнику в надежде получить несуществующее лекарство?

– Что, и такие заходят?

– Бывает, – ответил Линок. – Так кого?

– Мне забыли сказать. Вот зашел в лавку и подумал, может, ты знаешь, кого надо отправить к праотцам, чтобы самому выжить?

– Знаю. Мастера Гикара, у него оружейная в конце улицы, почти у портовых складов.

– Но он же и так был... – начала я, но, встретившись взглядом с синими глазами, замолкла.

Все становилось с ног на голову. Не то чтобы раньше все было понятно, но... Получалось, Гикара должен был заразить травник, но не сделал этого, оставил коробочку с ядом себе. Но имелась и вторая коробочка, а значит, и второй исполнитель, раз оружейника все равно заразили. Или не значит? Демон его знает.

– Не волнуйтесь, Ули предупредил оружейника. – Линок выдавил на прямоугольное стекло каплю жидкости и покрутил колесико настройки линз.

– Так предупредил, что сразу после этого Гикар сгорел вместе с лавкой? – поинтересовался Крис.

– Сгорел? – Линок запустил пятерню в волосы. – Seriously? Я не выходил уже несколько дней. Может, неделю. Продукты приносят из лавки напротив... Точно сгорел?

– Да. Когда к нему ходил кожевенник?

– Три или четыре дня назад. Еще до похорон брата.

– Интересно.

Травник пожал плечами и снова склонился к линзоскопу.

– А в мастерской у Ули чан с соляжкой стоит и покрытые сажей рукавицы валяются...

– Ты это к чему? – спросила я Оуэна.

– К тому, что если бы Ули захотел, не важно, по какой причине, у него были и возможность, и горючее.

– Как и у десятка других лавочников. Гикара не очень любили, – сказал травник. – Говорили, он сильно задавался, потому что вел дела с магами.

– У мастера Ули борода справа опалена, – вспомнила я. Всего несколько слов, несколько штрихов, и картина в очередной раз

изменилась. – Девы, неужели это он? Но зачем? – Я нахмурилась. – Мы должны рассказать серым.

Тут мне некстати вспомнилось, как один из лакеев шевелил дрова в камине, полено треснуло, ему в лицо дохнуло жаром, на пол посыпались искры. У слуги тогда так же, как у Ули, посветлели кончики ресниц и бровей, а он никого не сжигал, хотя перчатки перемазались в саже.

Зачем кожевеннику уничтожать лавку Гикара, если они оба, можно сказать, пострадавшие? Хотя я вообще не видела смысла в поджоге оружейной. Но то, что я его не видела, не значило, что его не видел кто-то другой.

– Я никому ничего не должен, – отрезал барон.

Травник нахмурился, выдвинул крайний левый ящик, достал маленький пакетик, вернулся к столу и высыпал его содержимое на стекло с коричневой каплей. Жидкость тут же вспенилась. Парень склонился к линзоскопу.

– Станный выбор жертв, – добавил рыцарь и стал перечислять. – Ювелир, кожевенник, травник, оружейник – все ремесленники из одного квартала.

– А вот это уже интересно, – словно не слыша его, сказал Линок, поднимая голову от верхней линзы. – То, что вы принесли, совсем не...

Незапертая дверь с такой силой ударилась о стену, что треснула пополам. Ручка оставила вмятину в деревянной панели. Я подпрыгнула на месте и смахнула со стола одну из склянок, та со звоном разбилась.

– Кто вы таки... – начал возмущаться Линок, но закончить ему не дали. Никому из нас не дали двинуться с места.

До этого я не видела серых в деле. Настоящих, закончивших обучение рыцарей, а не студентов. Они были быстры. Очень быстры. И в первый момент мне показалось, что в подсобное помещение ворвалась маленькая армия.

Вооруженный мужчина в плаще столкнул весы и ударил травника в бок, Линок согнулся и повалился под стол. Крис успел вытащить нож. Серый ударил его по руке, но парень не выпустил клинка. Второй рыцарь, зайдя со спины, приставил к шее барона свою острую железку и скомандовал:

– Бросай.

Нож тут же упал на пол.

На занятиях нас учили фехтовать, учили уходить и блокировать удары противника. Нас не учили тому, что делать, когда амбал в два раза крупнее тебя хватает за руки, разворачивает к себе и обездвигивает, не давая не то

что вытащить рапиру, а вообще пошевелиться.

Пламя, такое мягкое и такое послушное, затрепетало в светильниках. Готовое на все ради меня пламя, стоит только легонько подуть, и...

По металлическому знаку того серого, что держал лезвие у шеи Криса, пробежала россыпь голубых искр, и металлическая бляха отозвалась на магию мелодичным перезвоном.

– Перестаньте, Ивидель, – раздался знакомый голос. Серая баронесса вошла в помещение последней – в коротком, отделанном мехом пальто и в капоре, на котором таял снег, она меньше всего походила на жрицу.

– Пусть ваш серый пес уберет руки. Немедленно! – Пламя в светильниках вспыхнуло ярче, оно очень хотело вырваться на свободу, не менее сильно, чем я хотела его выпустить. – Вы без предупреждения напали на студентов Академикума, и мы имеем право защищаться. Сами будете перед советом магов отвечать, почему я спалила пол-улицы в торговых рядах. Отвечать и расплачиваться.

Пряжка серого снова вспыхнула, зазвенела, предупреждая хозяина о магической атаке.

– Кимэ, отпусти леди Астер, – недовольно сказала жрица.

Тот, что держал мои руки, помедлил несколько секунд, а потом отступил. Заговоренной бляхи на нем не было. Не было и страха в глазах. Зато было кое-что другое. Серая эмблема рыцаря, прошедшего посвящение. Я могла развести здесь тысячу костров – он вышел бы из них невредимым.

– И барона. – Я демонстративно отряхнула руки. – Если вы хотите поговорить со студентами, обратитесь в...

– А я уже, – весело ответила Аннабэль Криэ. – Вы не поверите, Ивидель, – серая обошла стол и посмотрела на Криса, – но барон Оуэн больше не является студентом Академикума, он ведь вам этого не сказал, верно? Интересно, во что еще он вас не посвятил, наслаждаясь тем, что вы бегаєте за ним, как домашняя собачонка?

Она затянутой в перчатку рукой коснулась лежащего на столе инструментариума. Оуэн дернулся, но острое лезвие остановило порыв.

– Раз уж у нас такая душевная беседа, – раздался голос травника, – не расскажете, что со мной не так? Учебу год назад закончил... это я так, на всякий случай.

– Может, у тебя здесь какие-то запрещенные вещества имеются? – прогудел тот, которого называли Кимэ, высокий, с черными волосами и какой-то приплюснутой головой.

– Если найдете, я их выпью, – пообещал травник.

Бывшая баронесса Стентон кивнула, тот рыцарь, что стоял над

Линоком, сделал шаг назад. Молодой человек неловко поднялся.

– Барон, – насмешливо поприветствовала серая, беря коробочку, – ничего не хотите мне рассказать?

– Как раз раздумываю.

– Полезное дело. – Она убрала инструментариум в карман. – А пока вы этим заняты, посидите в портовом остроге. Во избежание, так сказать. Увести!

– Скажите, что я сделал? – спросил Крис. – А то что-то меня в безвинные мученики не тянет.

– До мученика тебе, как мне до богинь, – хмыкнула серая. – За избиение и ограбление ювелира.

– Это он вам напел? – поинтересовался Оуэн.

– Нет. Мы давно за тобой ходим и сами видели.

– Видели и не вмешались? – хохотнул Крис. – Да, жители Льежа могут спать спокойно.

– Так нельзя. – Я сделал шаг вперед, и Кимэ угрожающе качнулся. – Он дворянин и имеет право на...

– На защиту главы рода. – Жрица едва не мурлыкала. – Мы пошлем вызов его отцу. Насколько я помню, старший барон Оуэн не жалуется ни дирижабли, ни поезда. Думаю, он прибудет в Льеж к концу месяца. – Она посмотрела на рисунок чешуи на коже Криса. – И очень расстроится, не застав наследника живым. Обидно, наверное, провести последние дни за решеткой?

– Я тебе потом расскажу, если хорошо попросишь.

– Как был грубияном, так и остался, а ведь можно все решить быстро. Если ты невиновен, – она стянула перчатку, – я узнаю об этом через секунду и...

– Нет.

– Крис, – умоляюще протянула я, но он даже не посмотрел в мою сторону.

– Я сказал – нет. Серая, пойдешь против закона и князя?

– Запереть! – поджала губы жрица.

И они увели его. Чуть шевельнули рапирой у шеи, и Оуэн пошел сам. Не знаю, чего я ждала. Может, прощального взгляда, а может, вмешательства Дев, но ничего не произошло. Деловитые рыцари вслед за серой покинули лавку, не сказав травнику ни слова, лишь хрустевшие под ногами осколки напоминали о произошедшем.

Снаружи послышалось конское ржание.

Мы с травником переглянулись. Никто из нас не знал, что делать

дальше. Вернее, не знал он, а я... Поддавшись порыву, выскочила из лавки и бросилась к черной без окон карете, в которую как раз сажали Криса. Даже не знаю, зачем, просто не могла стоять на месте.

– Не надо, леди Астер, – мягко остановила меня Аннабэль, схватив за руку. – Вы и так уже наломали дров, но пока об этом знаю только я. Пусть так и остается.

– Дров? – возмутилась я, вырываясь. – Помешать вам запереть обреченного на смерть человека в остроге – это теперь называется «наломать дров»?

– Подумайте о своей репутации!

Дверь кареты хлопнула, я успела увидеть, как Крис закрыл глаза, откидываясь на спинку сиденья. Столько всего было в его позе, столько усталости и... отчаяния.

– Подумайте, кто он и кто вы?

– Прекратите!

– Не прекращу, потому что вы, леди Астер, похоже, ослепли. Он на ваших глазах избил старика! – Она говорила зло и отрывисто.

Один серый рыцарь устроился на козлах рядом с кучером, двое вскочили на запятки экипажа, щелкнули вожжи.

– У него были причины. – Я проводила взглядом отъехавшую карету. – Раз вы следили за нами, то должны знать, что... у него были причины, – беспомощно повторила я.

– Конечно, были, – согласилась она. – Это добро делают просто так, а у подлости есть причины. У таких, как он, всегда есть оправдания, а такие дурочки, как вы, всегда им верят. И мало кто задумывается о том, что этот лавочник, возможно, будет остаток дней ходить с тростью, если вообще будет ходить.

– Вы не понимаете! – Я сжала кулаки и снова почувствовала жар. – Вы ничего не понимаете!

– Так помогите мне, – неожиданно мягко сказала серая. – Помогите мне понять. И тогда я помогу вам. Ивидель, – она коснулась моего рукава, – это слишком далеко зашло и давно уже перестало быть шуткой, в которую играют двое студентов. Хватит! Рассказывайте. Или забудьте о бароне Оуэне навсегда. Возможно, так будет даже лучше.

Запись восьмая

О местах, не столь благопристойных

Разговаривать со жрицами просто. Им не нужны слова и объяснения, им достаточно прикосновения. Но тогда ты лишаешься права выбирать, что сказать, а о чем умолчать. Рассказать о книгах, что нашел Крис, о яде и умолчать о прикосновении его губ... Попытаться умолчать и потерпеть поражение. Трудно сладить с собственными мыслями, трудно спрятать то, от чего внутри все переворачивается.

Серая убрала руку и ничего не сказала. Я не увидела в ее глазах порицания или негодования. Наверное, потому, что, читая чужую память, не только видишь события, а чувствуешь их вместе с тем, кого касаешься, не можешь изменить прожитый миг, но можешь прожить его заново.

Я сцепила дрожащие руки. Это был долгий «рассказ». Мы сидели в тускло освещенной гостиной маленького домика, что служил убежищем серой жрицы, но вряд ли мог сравниться с замком баронов Стентон. Гостиная размером меньше нашей старой кухни в Иистой Норе, узкий закопченный камин, мебель с красной обивкой, слишком громоздкая и помпезная для такой комнаты, дубовый стол, керосиновая лампа, увешанные картинами стены, старые, отстающие по углам обои. Тонущие во мраке портреты и несколько зернистых фотографий. История рода Криэ Стентон в лицах. Законченная история.

– Жрицам ведь не запрещено выходить замуж? – невпопад спросила я Аннабэль.

– Нет, – усмехнулась серая. – Так же, как и магам. Только желающие находятся очень редко. Даже самому преданному и любящему мужчине может понравиться другая женщина, просто понравиться, ничего больше. – Она пожала плечами. – Даже самый покладистый муж иногда выходит из себя, иногда допускает мысль, что жена поправилась или подурнела. Тысяча мелочей, обычно скрытых от глаз. Я все это увижу, стоит мне за ужином коснуться его руки.

– Это тяжело. – Я согласно кивнула. – Зато брак будет честным.

– Это невозможно. – Она встала. – Брак – это не честность, брак – это не любовь, чтобы вы там себе, Ивидель, ни воображали. Брак – это уступки и куча лжи во имя спокойствия другого. Поэтому я предпочитаю жить одна. И – здесь.

– А как же, – я обвела рукой портреты, – состояние рода?

– Исчезло. – Бывшая баронесса зажгла еще одну лампу, темные тени пробежали по портретам. – То, что не растащили приказчики после смерти отца, отошло Отречению после моего поступления. – Она горько ухмыльнулась. – Останешься сегодня здесь? Или гостевая спальня моего скромного домика недостаточно хороша для графини?

– Это было грубо, – ответила я.

– Грубо. – Она вздохнула. – Знала бы ты, сколько старых знакомых, уверявших в вечной дружбе, пока отец был жив, сбежали отсюда, словно из чумного барака. Тяжелый был день.

– Он еще не закончился. – Я отвернулась от портрета, с которого на меня хитро смотрел полный мужчина с пышными пшеничными усами. – Вы обещали помочь, если я все расскажу. У барона нет времени, понимаете?

– Понимаю. – Она склонила голову, взяла со стола лист тонкого пергамента и перо.

Жрица писала быстро и уверенно, буквы наскакивали одна на другую, словно торопились. Я не разобрала ни слова, а подойти и заглянуть через плечо не позволяло воспитание. Чертово воспитание – невидимые нити, что опутывают нас с рождения, нити, за которые дергают окружающие, и ты, словно марионетка, послушно пляшешь, повинуюсь их движению. Как же я потом сожалела, что не заглянула в письмо, хотя бы мельком...

Баронесса закончила писать, сложила пергамент и позвонила в колокольчик. Через несколько минут в комнату быстрым шагом вошел молодой человек, нет, скорее мальчик лет пятнадцати. Ливрея лакея сидела на нем немного неловко и была великовата. Но, судя по лицу, он очень гордился своим положением. Лицо показалось странно знакомым. Я нахмурилась, так как была уверена, что никогда раньше не встречала этого парнишку, но проскальзывало что-то в его глазах, в форме подбородка...

– Густав, – серая протянула белый прямоугольник, – отнесешь записку моему помощнику Морису. – Парень склонился, жрица посмотрела на меня и добавила: – Это пропуск в портовый острог. Пусть решит вопрос о бароне Оуэне. – Парень еще раз склонился. – И позови Рину.

– Не все так плохо, у вас есть слуги, – проговорила я, когда лакей, взяв записку, быстро вышел.

– Всего двое. Семья Густава служит нашей уже несколько столетий. Когда случилась трагедия, он был маленьким. Он и я остались совсем одни, его сначала приютила тетка, а потом прислала обратно, не желая

воспитывать. Ну, так она мне отписала. А Рина... – В этот момент в комнату вошла грузная женщина лет шестидесяти. – Досталась мне вместе с домом. Вернее, ей пришлось продать его за долги, а я купила и решила не выселять старую женщину. – Она повернулась к Рине. – У нас сегодня гостя, подготовь вторую спальню.

– Из хозяйки дома в служанки? – Я стала разглядывать фотографию, на которой несколько человек в парадных костюмах позировали в саду.

– Теперь грубите вы, леди Астер.

– Знаю.

Черно-белый картонный прямоугольник, мужчина в центре, рядом женщина в чепце, явно прислуга, держит за руку девочку с тощими косичками. За ее спиной еще один мужчина, пузатый и немного лохматый. Все выглядят чопорно и официально.

– Не только вы устали. Что мы собираемся делать? – Я проводила взглядом молчаливую домоправительницу.

– Мы? Леди Астер, завтра вы возвращаетесь в Академикум, а делаю все я.

– Вы говорите, как Крис. – Девочка с фотографии хмуро смотрела на меня. – Словно я бесполезна.

– Это не так, – мягко сказала она. – Я знаю это чувство. – Жрица указала на фото. – Помню. Когда погиб мой отец, – она коснулась пальцами мужчины в центре, – я чувствовала себя так постоянно. – Ее палец двинулся к лицу девочки. – Ложитесь спать, Ивидель, завтра я дойду до верховного серого, даю слово, эта ситуация не останется без внимания. Не знаю, успеем ли мы помочь барону... – Я вздрогнула. – Не знаю, можно ли ему помочь, но никому не позволено заражать на улицах Льежа людей, вверенных нам князем. Мы найдем злодея, будь он хоть выходцем с Тиэры, хоть из самого Разлома, и если у него есть противоядие, я лично прослежу, чтобы Оуэн получил его первым.

– Спасибо, – прошептала я, понимая, что она дала мне обещание, не пообещав, по сути, ничего.

– Ваша спальня, наверное, уже готова, я сейчас проверю. – Жрица пошла к двери, оставив меня одну в комнате.

Странно, но легче после разговора с серой не стало, скорее наоборот, где-то внутри поселилась глухая тоска. Крису увезли, меня отправляют в Академикум, а серые будут ловить незнакомца в плаще, торгующего лекарством, исцеляющим от коросты.

Разве я не этого хотела? Каждый станет заниматься своим делом. Мне надлежит – учиться, жрице – расследовать преступления, а Оуэну... Оуэну

ждать смерти и молиться, чтобы она забыла прийти.

Меня пробрал холод, хотелось банально разреветься, топнуть ногой и потребовать... Девы, давно ли я стала понимать, что не все решается одной волей, даже если ты графиня? Я прошла мимо портрета красивой женщины. На ее шее сверкали рубины. Рядом висело изображение мальчика в полный рост. У его ног лежала кудлатая собака. Я остановилась, на следующей картине художник запечатлел Мэрдока, моложе на несколько лет, но вполне узнаваемого. Он в родстве со Стентонами? Хотя чему я удивляюсь, столичные аристократы давно породнились друг с другом, и не один раз. Странно, что нет портрета герцогини.

Очередная старая фотокарточка – судя по пожелтевшим краям, одна из первых работ Фотогра, украшенная рамкой.

Он запечатлел троих. Барона Стентона, его дочь с косичками и бантами, которую держал на руках мужчина в мундире гвардейца. Сразу видно, что на снимке близкие люди. Не обязательно семья, но то, что их связывают крепкие узы, можно увидеть невооруженным взглядом. Гвардейцу доверили дочь барона, она не дичится, как все девочки при виде незнакомых мужчин, а доверчиво положила голову на плечо солдата. Тот придерживает ее рукой. Старый барон улыбается.

Однажды, когда мне было семь лет, я провалилась зимой в ручей по пояс. Казавшийся таким надежным лед треснул, заставив меня искупаться в ледяной воде. Помню испуг, помню ощущение холодной паники, которое поднималось от ног к животу, ползло по спине, касалось затылка. Тогда я закричала...

Сейчас смогла подавить крик. Затолкала его в себя вместе с холодом. Дверь открылась.

– Комната готова, леди Астер, – проговорила вернувшаяся серая. – Вам надо отдохнуть.

– Да, – смогла выдать я.

– Ивидель, с вами все в порядке?

– Да, – повторила я, на этот раз вышло уверенней. Потом развернулась, чувствуя, как деревенеет спина.

Маменька всегда учила, что, если у тебя с головы свалилась тиара, надо вести себя так, словно она все еще там. Если рушится мир, леди должна встречать конец света с улыбкой и высоко поднятой головой. А мир рушился, разваливался на кусочки прямо здесь, в этой сумрачной гостиной маленького дома.

– Что случилось? – обеспокоенно проговорила Аннабэль, подходя к портретам.

Все-таки не получилось у меня встретить конец света с невозмутимым лицом. Жрица посмотрела на портрет, потом на фотографию. Поймет ли она? Это же ее фотография, которая висит тут с незапамятных времен и наверняка давно воспринимается как фон.

– Ничего, просто... просто... – Мысли метались, словно летучие мыши по темной пещере, и не находили выхода. – Я увидела там... Мэрдока... и подумала... – На этом фантазия иссякла, никак не получалось придумать, что такого страшного можно было увидеть в портрете сокурсника.

Но серая рассмеялась, пусть немного натянуто. Обеспокоенность ушла с ее лица. Конечно, чего еще ожидать от взбалмошной графской дочки, как не внимания к красивому сокурснику? А та фотография всего лишь одна из многих. Мужчина, держащий на руках девочку, очень молод, он еще не обзавелся сединой и жесткими складками у рта, тело еще не отяжелело, как у многих в его возрасте. Фотографировались молодой человек и девочка. Прошло двадцать лет, они изменились, и вряд ли кто-то сможет узнать их. Разве что тот, кто привык видеть черты лица, линию скул и роста волос, расстояние между глаз, форму губ и носа. А меня хорошо учили, маменька не скупилась на учителей.

– Он мой двоюродный племянник, понимаю, что ты могла подумать, но все делается только для твоего блага.

– Наверное, – промямлила я, не имея понятия, о чем она говорит, но пусть будет благо. – Пойду спать, вы правы, день выдался тяжелый.

– Если хотите, оставьте пальто и сапоги, Рина к утру вычистит.

– Спасибо, не стоит. – Я ухватилась за полы пальто, словно серая собиралась стащить с меня одежду силой.

Наверное, маменька все-таки вбила что-то в голову, потому что я позволила себе тихо опуститься на пол только после того, как закрылась дверь гостевой спальни, той самой, которую приготовила для меня бывшая хозяйка дома.

Я обхватила руками колени и уткнулась в них лицом, совсем как в детстве. Крик рвался наружу. Что я натворила?

Перед глазами снова встало казавшееся знакомым лицо Густава, оно расплывалось от слез. А потом его сменило лицо с фотографии – лицо мужчины в форме, что держал на руках маленькую девочку, которая выросла во взрослую жрицу.

«Семья Густава служит нашей уже несколько столетий», – сказала Аннабэль.

Все закономерно, династии есть не только у знати, но и у слуг, для

многих служение – это честь и смысл всей жизни.

Лицо солдата с фотографии сменилось третьим. Тем, которое я видела живую. Лицом человека, что требовал у меня инструментариум из лавки Гикара. Гвардеец с набережной постарел с момента, когда был запечатлен на снимке, но не узнать его было нельзя. А ведь я отдала набросок с его изображением серой!

И что? Поймали его?

Проклятье! Что же я натворила?

Что она сказала слуге, посылая записку? «Пусть решит вопрос о бароне Оуэне!»

Я вскинула голову. Застывший внутри холод словно бы треснул и рассыпался миллионом снежинок. Что значит – решит вопрос? Как его можно решить? Освободить? Или... сделать так, чтобы освободить было некого?

Слезы высохли. В керосиновой лампе закачалось такое родное пламя, алые языки лизнули каминную решетку. Я аккуратно придержала их и загнала обратно. Спалить дом – не выход. Огонь, вспыхнув раз, как и все живое, умирает очень неохотно и способен уничтожить многих.

А не наплевать ли мне на этих многих?

Выходило, что нет.

Я поднялась, повернулась и прижалась ухом к двери, словно любопытная горничная. Тишина. Осторожно, открыв дверь, выглянула в коридор. Только скрип половиц и далекое бормотание. Служанка еще не спала, баронесса наверняка тоже. Надеюсь, она не стоит сейчас в гостиной и не разглядывает фотографии, потому что серая не глупа.

Я закрыла дверь, с каким-то отчаянием отметив отсутствие засова. Ну, конечно, кому и от кого тут запираяться!

– Что ж, я это исправлю, – проговорила, поднимая руку.

«Зерна изменений» отправились в полет, заполняя пустоты, и деревянная створка срослась с косяком. Теперь, чтобы войти в комнату, им потребуется таран. Или маг. В любом случае это займет время.

Обогнув кровать, я подбежала к окну и дернула шпингалет. На подоконник посыпалась облупившаяся краска. Зима, створку давно не открывали, петли поворачивались со скрипом. Дернув за ручку, я все-таки открыла окно. В комнату ворвался ледяной ветер. Я поправила шпагу...

Что я делаю? Собираюсь вылезти в окно, словно воровка?

Я взобралась на подоконник. Сапожки оставили на белой краске неаккуратные следы. За окном колыхались от ветра гибкие ветки кустов, где-то вдалеке горели фонари. Дом Аннабэль, к которому она так

пренебрежительно относилась, стоял недалеко от центральных улиц. Хороший район, хорошие соседи, что может случиться?

Много чего! Будто неизвестно, что делают с одинокими молодыми девушками на ночных улицах! Нянюшка столько историй рассказывала. Хотя самое страшное в ее рассказах виделось мне весьма расплывчато.

Может, остановиться? Остаться в комнате до утра, а потом побежать в управу и...

– Хватит! – рывкнула я на себя. – У Криса может не быть такой роскоши – подождать до утра. – Села, спустила ноги и стала торопливо застегивать пальто. – Я маг. Никто меня не тронет, а если тронут, то пожалеют.

Рапира задела цветочный горшок, тот побалансировал на краю подоконника, упал в комнату и со звоном разбился. Зажмурившись, я спрыгнула в заваленный снегом палисадник.

С веток на голову тут же посыпался снег, и я набросила капюшон. Прислушалась. В доме было тихо. Пока. Медленно кружились редкие снежинки, мигали далекие фонари. Увязая в снегу, я добежала до калитки, оглянулась на показавшиеся вдруг приветливо светлыми окна и, откинув щеколду, вышла на улицу.

Что теперь? Из дома я выбралась, но понятия не имела, куда бежать и что делать. В управу? Подавать жалобу? Так они наверняка отправят меня к серым, даже не выслушав! А куда можно подать жалобу на самих гончих? Разве что князю, но до затворника еще нужно добраться.

Скрип собственных шагов по заснеженной мостовой показался неожиданно громким, я остановилась и обернулась, но на темной улице никого не было. Я пошла быстрее, желая, как мотылек, оказаться как можно ближе к свету.

Так что же делать? Как помочь Крису? Для начала нужно найти портовый острог, но в этом и крылась основная сложность. Тюрьмы никогда не входили в список достопримечательностей, которые надлежит посетить юной леди. Можно было бы взять экипаж, на худой конец, спросить у уличных мальчишек или посыльных, но на ночных улицах было пусто.

Раздался отрывистый лай, и я едва не подпрыгнула на месте. Прихрамывающая собака вышла из-за угла и с интересом посмотрела мне вслед, видимо раздумывая, тявкнуть для острастки еще раз или заняться более важными делами. Торговая улица с лавками была уже близко, и я ускорила шаг.

Предположим, я найду острог, что дальше? Брать его штурмом? Вряд

ли мне позволят, к строительству таких мест прикладывают свои руки и умения маги.

Не знаю, до чего бы я додумалась, но мои размышления прервали. Впереди уже был виден угол Торговой и Зимней улиц, за поворотом находилась ювелирная лавка Киши, с которой все началось, а всего в нескольких десятках шагов под козырьком пряталась кожевенная мастерская Ули, как сказал барон, все ограничилось одним кварталом...

Что-то со свистом рассекло воздух и врезалось в затылок. Все, что я слышала, – это звон, все, что увидела, – это кружение мошек перед глазами. И, кажется, упала. Кажется, потому что не сразу поняла, что влажный холод у меня под щекой – это покрытая снегом мостовая и кто-то довольно бесцеремонно ощупывает карманы и перебирает склянки на поясе. Огни фонарей то расплывались, то вспыхивали перед глазами.

Кто-то потянул за пояс, звякнули монеты.

– Удачно мы эту лебедь выпасли, – раздался картавый голос.

– Да не скажи. – Чужие пальцы до боли сжали мочку уха. – У нее даже сережек нет. И колец. Ни одной блестяшки.

Я сжала ладонь. Мир тошнотворно пульсировал в такт боли в затылке, «зерна изменений», обычно такие послушные, даже нетерпеливые, вдруг показались скользкими, словно южные маслины, и их никак не удавалось ухватить. Из рта вырвался хрип.

– Эх, развлекься бы. Девка-то больно ладная.

– Нет времени... – оборвал гнусавый.

– Да я быстро.

– Идиот, у нее как минимум десять поколений благородных предков в родословной отметились. За такое они тебя из-под земли достанут, хозяйство отрежут и заставят сожрать.

– Брось, какая благородная, ходит без камушков, и что такой делать ночью на улице?

– Если хочешь развлекься, девку придется кончать и в Зимнее скидывать, – проговорил гнусавый.

– Надо было ее раньше брать, – с досадой потянул тот, что меня обыскивал. – Здесь в два счета на какого-нибудь глазастика наткнемся.

– Хорош слюни пускать. Всех девок не оприходуешь. Железку отстегни.

– Шааа, – зашипел тот, что меня обыскивал. – Пырялка замагичена. Уходим!

– Погодь...

Магия все еще ускользала от меня. Я снова попыталась закричать,

даже заорать так, чтобы стекла в ближайших лавках вылетели. Как бы сейчас пригодился заряд Рут!

Меня рывком перевернули на спину, мир опять расплылся цветными пятнами. Я выдохнула и в очередной раз попыталась закричать, но из горла вырвался едва слышный сип.

– Она магичка! – Кто-то грубо сжал грудь, потом коснулся значка и дернул. Затрещала ткань. – Вот почему нет камушков!

– Всего лишь ученица, не дрейфь! – снова заговорил гнусавый. – Смотри, какие чоботы. Моей Марьяше в самую пору будут.

С меня стали стаскивать сапоги, ступней коснулся морозный воздух. Надо было что-то делать, что угодно, иначе плавать мне в Зимнем море без обуви. Это почему-то показалось ужасно несправедливым.

Я подняла казавшуюся тяжелой голову, застонала, стараясь ухватить магию, и сильно удивилась, когда мне это удалось. Правда, совсем не так, как надеялась. Непривычный огонь и неподатливый лед. Ухватив одну «маслину», я с трудом удержала ее, заставляя «зерно изменений» проснуться. Наверное, все оттого, что мысли крутились вокруг Рут и ее заряда, вокруг крика. Ведь звук – это всего лишь колебания воздуха, их не потрогаешь и не возьмешь в руки.

«Зерно изменений» качнуло эти колебания сначала в одну сторону, потом в другую, увеличивая амплитуду. Стон перешел в мычание, потом в крик, потом в вой... И наконец, в визг, от которого один из грабителей уронил сапог и упал, зажимая руками уши. Еще долго на этой улице будут рассказывать, что слышали в ночи крик раненого демона, но это будет потом.

Я кричала, пока могла, подпитывала звук магией. Кричала, пока оставались силы и воздух в легких. Потом голова опять опустилась на мостовую. Боль пронзила затылок, словно в темечко вогнали острую спицу. На миг мир вокруг – улица и второй грабитель, что смог удержаться на ногах, стали четкими-четкими, будто на них навели увеличительное стекло, а потом на все набросили черную тряпку, и звук исчез. Все исчезло.

Запах был просто отвратительным. Резкий, навязчивый, он, казалось, проникал под кожу, чего-то требовал, куда-то звал, не давал вернуться в ватную темноту.

Так же нестерпимо воняла нюхательная соль матушки. Пару раз, когда родительница была в обмороке, я с энтузиазмом совала пузырек из темного стекла ей под нос. Позднее графиня Астер слезно попросила меня пользоваться для этой цели духами – целительский эффект тот же, а вони в

разы меньше. Я послушалась. Эффект и вправду был живительный, даже когда духи кончились, а флакон горничная вымыла с мылом.

Я безуспешно старалась отвернуться, но отвратительный запах навязчиво следовал за мной. Пришлось открывать глаза. Склонившаяся ко мне девушка выпрямилась, убрала вонючий флакон.

– Что... где я? – спросила, оглядываясь, и тут же вспомнила, что была тут раньше и видела эту кудрявую растрепанную девушку. – Мастерская Ули, – сама себе ответила я, а продавщица закивала.

Рядом топтался ее брат, судя по снегу на куртке, именно он и принес меня сюда, невзирая на увечную ногу.

– Вы так кричали... так кричали... – Девушка протянула руки и помогла мне подняться. Дощатый пол неприятно холодил ноги сквозь плотные чулки, значит, сапоги с меня все-таки сняли. – Ну что вы у нас тут забыли на ночь глядя? – попеняла она, подводя меня к стулу, на который я с облегчением опустилась. – Али не знаете: у торговых рядом давно лихие люди промышляют, шваркнут по голове тяжелым поленом...

Я коснулась затылка. С губ сорвался стон, мир тут же утратил четкость, очертания витрин и прилавка раздвоились. Не мудрено – на темечке выросла шишка размером с орех.

– Вот-вот, – словно подтверждая, продолжала девушка. – Шваркнут и последнее снимут. И хорошо, если тем закончится, а то ведь шваркнуть можно так, что с богинями раньше времени встретишься.

Парень не прерывал сестру, только смотрел и хмурился.

– На вас пальто за пять золотых. – Девушка коснулась рукава. – Да и сапожки, я вчера заметила, не меньше чем за три... эх, леди...

– Их поймали? – спросила я.

Девушка замолчала и отвела взгляд. Словно у нее кончились только что сыпавшиеся как горох слова.

– Вы даже патруль не вызвали? – тихо спросила я ее.

– Леди, вы уйдете, а нам еще здесь жить, – сказал парень.

– Мы не трогаем их, а они нас, – согласилась девушка. – А тот, кто бродит ночами по улицам, сам напрашивается на неприятности. Девы повелели спать...

– Ладно, – проговорила я, вставая со стула, тупая боль прочно обосновалась где-то в районе затылка, но пока ее можно было терпеть. Холод пола коснулся ступней. Первоочередная задача – найти обувь, босой далеко не уйти. – Могу я купить сапоги? – Я оглядела полутемную лавку, уж чего-чего, а этого добра здесь было навалом.

– Хм, леди, а оплатить покупку, – парень выделил голосом слово

«покупку», – вы в состоянии?

– Войт! – воскликнула девушка, но не кинулась к прилавкам, а продолжала так же выжидающе смотреть на меня. Слова и поступки – разные вещи.

Я коснулась пояса – кошелька конечно же не было, как и пары пузырьков с компонентами. Они-то зачем понадобились грабителям? Или их прихватили просто так, заодно с кошельком? На миг меня охватила паника, потому что петля для шпаги оказалась пуста. Но спустя секунду увидела рапиру на полу, там, где еще недавно лежала я. Ни парень, ни девушка не сделали попытки поднять оружие, видимо, уже знали, что это такое. Еще к потерям, кроме сапог, кошелька и флаконов, можно было причислить эмблему Академикума, которую один из грабителей сорвал с моего пальто.

– Могу выписать чек, – предложила, нащупав в кармане книжку. Какие, однако, умные пошли разбойники: знают, что в их руках это не более чем блокнот для записей, да и то наверняка бесполезный, так как писать они не умеют. Может, поэтому и не взяли? Брат с сестрой выразительно переглянулись, а я добавила: – На двойную сумму.

Девушка улыбнулась и бросилась к прилавку выставлять сапожки – красные, белые, коричневые, на тонком каблучке...

– На сплошной подошве, пожалуйста, – попросила я, поднимая рапиру. – Кто-нибудь знает, где находится портовый острог?

– Я знаю, – неожиданно ответил хриплый голос. Стоящий у задней двери Ули обвел рассеянным взглядом лавку и, покачнувшись, ухватился за косяк. Было видно, что пил он с того самого момента, когда мы с Крисом покинули мастерскую.

– Леди, простите меня, но вас слишком сильно ударили по голове. – Девушка подала мне две пары сапог, из белой и черной кожи. – Еле ноги унесли и снова куда-то в ночь собираетесь...

– Мне нужно в портовый острог, – прервала я ее, глядя на мужчину. – Расскажите, как... Проводите меня. Я заплачу. Втрое! – Мастер продолжал смотреть так же мутно, и я обреченно добавила: – Сколько скажете. Они забрали Крису, а у него нет времени. Совсем нет! Пожалуйста...

Парень поднял брови и обменялся взглядом с сестрой. Кожевенник отмер, шатаясь, прошел мимо, открыл дверь лавки и вывалился на улицу.

– Берите белые, – коснулась рукава девушка. – Войт отвезет вас на постоянный двор.

В приоткрытую дверь залетали редкие снежинки и тут же, упав на пол, таяли. Мастер Ули постоял над сугробом, наклонился, зачерпнул

пригоршню снега и вытер лицо.

– Войт, запрягай сани, – сказала девушка. – Хоть и недалече, а лучше доехать, не искушать богинь.

Я села обратно на стул, лихорадочно думая, что же делать? Есть ли шанс найти на постоялом дворе извозчика, который согласится отвести девушку ночью в тюрьму? Может быть, но я по-прежнему не могла придумать, что делать дальше. Бродить под стенами, как неприкаянная душа? Девы, дайте ответ!

– Да, запрягай, – сказал возвратившийся в лавку кожевенник. Взгляд мужчины обрел хоть какое-то подобие нормального. – Я отвезу леди в острог.

– Дядька Ули, – застонал парень.

– Молчать, – прохрипел тот и уже мне скомандовал: – Идем, пока я не передумал.

Я торопливо натянула сапоги, даже не обратив внимания на цвет. Они были чуть велики и немного болтались, но сейчас это казалось мелочью. Обулась и бросилась следом за кожевенником в подсобку, очень боясь, что мужчина передумает или упадет на ближайший тюк с обрезками и заснет, забыв, что и кому пообещал.

– Леди, – остановил меня возмущенный крик.

Войт выразительно потер большой и указательный пальцы. Я схватила с конторки карандаш, пристроила чековую книжку на угол ближайшей витрины. Девушка, показала мне три пальца, и я тут же выписала вексель на три золотых. Криво, косо, торопливо, так, что зачарованной бумаге потребовалось несколько секунд, чтобы позеленеть и признать подпись подлинной.

Ветер бил в лицо, нежно пощипывал кожу и откидывал растрепанные волосы назад. Словно боясь, что кожевенник передумает, я не задала ни одного вопроса – ни когда запрягали лошадей, ни когда выводили сани из сарая. Я сидела, спрятав озябшие руки в рукава, и молилась Девам, бестолково и сумбурно. Голова начала побаливать, то ли от холода, то ли от удара... а может, от плохих мыслей?

Под полозьями скрипел снег, освещенная фонарями улица осталась далеко позади, мохноногая лошадка свернула к району портовых складов. Тени в подворотнях, изредка выползавшие на дорогу, тут же исчезали, мужчина правил молча и практически не смотрел по сторонам.

– Спасибо, – пробормотала я, глядя на его спину. Порыв ветра унес слова в темный переулочек, но кожевенник услышал.

– За что его взяли серые? – гулко спросил он, качнувшись.

– За... – Я замаялась, мужчина обернулся. Сивухой от него разило просто убийственно. – За то, что сломал ювелиру Киши ногу, – решила не врать. – От него мы и узнали про вашего брата.

Широкие ладони сжались, а потом медленно разжались.

– Если бы не слово, что я дал брату, сам бы этому ювелиришке кое-что сломал и ногой не ограничился. Но! Пошла! – Ули отвернулся, хлестнул вожжами, кобыла пошла резвее. – А серые, значит, парня в острог уволокли. Отродясь пользы от этих псов не было. Сколько у него осталось? День? Два? Неделя?

– Десять дней, – ответила я и вдруг поняла, какая это ничтожно малая цифра.

Здание портового острога выстроили на берегу Зимнего моря. По форме оно походило на подкову с овальным внутренним двором и двумя одинокими деревьями с изувеченной корой. Узкие окошки скорее напоминали норы серых наек, что гнездились на одном из утесов Кленового Сада. Бурый камень стен и смотровые вышки, сейчас почему-то пустые.

Кожевенник остановил сани. Слезала я, честно говоря, неохотно. Сама затрудняюсь сказать почему. Дальнейшего плана действий как не было, так и не появилось. Девы остались глухи к молитвам. Я сделала шаг вперед. За спиной фыркнула лошадь.

Внутренний двор был пуст и засыпан снегом. Никаких следов, кроме моих. Деревья качали голыми ветками. Красноватая Иро, самая большая из лун, заливала округу алым светом. У горизонта замерла белая Эо, самая маленькая. Значит, Кэро сейчас над Тиэрой. Три луны – глаза богинь, оставленные Девами наблюдать за людьми.

Если вы меня слышите, пожалуйста, помогите!

Я поняла, что стою перед облупившимися деревянными дверьми и смотрю на небо, пряча нерешительность даже от самой себя.

Подняв руку, ухватилась за проржавевшее кольцо и ударила. Первый раз тихо, второй – громче. Заскрипел снег под полозьями саней, я не стала оборачиваться. Раз Ули решил уехать, это его право, он и так сделал больше, чем мог.

Скрипнуло железо, и на уровне глаз открылось маленькое окошко. Я увидела небритую скулу, а потом слезящийся, с красноватыми прожилками, глаз.

– Чего надоть? – спросил «глаз» надтреснутым дребезжащим голосом.

– Я... я хочу увидеть заключенного!

– Ну и хотя на здоровье.

– Но...

– Сегодня неприятный день! – рассмеялся кто-то позади «глаза». – Пусть приходит завтра, а еще лучше через недельку!

Теперь уже заготовил «глаз».

– Послушайте. – Я стиснула руки, пытаюсь подобрать слова и уже зная, что все бесполезно. Таким, как эти, не объясняют, а приказывают, но, увы, не такие, как я.

– Шар, это ты там гогочешь, что ли? – раздался голос.

Я обернулась. Сани стояли под одним из деревьев рядом с засыпанной снегом поленницей, а ко мне неспешно шел кожевенник.

– Ну, я, – в окошке снова появился «глаз». – Медведь? Старый бродяга, ты, что ли? Смотри-ка, выбрался... А чего пришел? По решеткам соскучился?

– Уж не по твоей лысой голове, – рявкнул Ули. – Шрам здесь?

– Здесь-здесь, – раздался еще один голос. – Открывай, Шар, Медведь пришел.

Загрохотал замок, мастер Ули оттеснил меня в сторону, и открывший дверь «глаз» – лысый мужчина без передних зубов, обросший сизой щетиной, – окинул взглядом массивную фигуру и серьезно заметил:

– Ну, ты даешь, Медведь, я с самого начала знал, что ты на голову больной.

– За своей головой смотри, Шар, – не очень дружелюбно ответил кожевенник, заходя в узкий коридор.

Я юркнула следом.

– Не больно-то нас бывшие постояльцы визитами балуют, – буркнул стражник, запирая дверь.

– Это потому что с того света особо в гости не придешь, – снова раздался голос, что велел открывать. – Ну, где ты там?

Коридор закончился широким залом с деревянным столом в центре и двумя грубыми лавками с боков. Стены были сложены из холодного склизкого камня, в помещении пахло сыростью, старым сыром и пивом, прокисшим еще до моего рождения.

Из караулки, в свою очередь, расходились еще два коридора и почти терялись в темноте.

– Не скажу, что рад видеть твою рожу, Шрам, – прогудел Ули, рассматривая сидящего на краю лавки приземистого мужчину. Лицо тюремщика пересекал уродливый рваный рубец, вертикально деливший рот на две части так, что казалось, правая половина выше, чем левая.

- Это потому что ты завидуешь моей красоте.
- Думал, тебя рыбы в Зимнем съели, – натянуто ответил кожевенник.
- Не поверишь, я думал о тебе то же самое.

Кроме Шара и Шрама в караулке сидели еще двое. Молодой высокий стражник в кольчуге торопливо разливал по выщербленным кружкам что-то кислое и хмельное, его одежда и светлые волосы казались на удивление чистыми, особенно на фоне остальных тюремщиков. В дальнем углу крутил колесико масляного светильника сухонький старичок, очень похожий на злого гнома из сказки, что рассказывала нам с братом перед сном нянюшка. Седые волосы, торчащие пучками из-за ушей, руки с шишковатыми суставами, согнутая спина, засаленная одежда.

– Садись, выпей с нами, раз уж пришел, – хлопнул кожевенника по плечу Шрам. – Кто бы мне сказал, что я буду рад видеть бывшего заключенного, получил бы в зубы.

– Кто бы мне сказал, что я буду пить с собственными тюремщиками, лишился бы языка, – в тон ему ответил Ули, но сел на лавку рядом со светловолосым и рассеянно коснулся шрама на шее. – Девы, как давно это было.

– И не говори, – в тон ему отвел Шрам.

– А кто это с тобой? – прищурился лысый. – Она вроде повидать кого-то хотела? Здесь не дом свиданий, девочка.

– Но если хочешь, можешь повидать меня, – подмигнул светловолосый.

– Племянница моя. – Мастер понюхал содержимое кружки и скривился.

– Племянница? – протянул Шар. – Не знал, что ты в родстве с благородными! – и сплюнул на пол. Судя по всему, это было здесь обычным явлением.

– Ты много чего обо мне не знаешь, Шар, – вздохнул кожевенник. – Мы по делу пришли. Ей бы жениха повидать. Что скажешь, старик?

Он посмотрел на «гнома», все еще возившегося со светильником, и все остальные, что интересно, тоже повернули головы. Тот не ответил, сделал вид, что не слышит.

– Это которого? – уточнил светловолосый.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но Ули меня опередил:

– Его сегодня привезли, ближе к ночи, тоже не из простых.

– А-а-а, тот павлин. – Шар сел и пододвинул к себе кружку. – Верный кандидат в покойники, пусть твоя племяшка забудет. Короста нынче его невеста.

– Что, даже попроситься не дадите? Брось, разве не ты, Шрам, помнится, просил меня написать письмо твоей ненаглядной Лиене?

Шрам крякнул, но отрицать не стал.

– Я заплачу, – не выдержав, пообещала, поднимая руку и касаясь шишки на голове. Внутри ворочалось что-то острое и болючее.

– И чем же, красавица? – с любопытством уставился на меня светловолосый.

– Я... я... я могу выписать чек!

Несколько секунд царила тишина, а потом они захохотали. Не только тюремщики, но и кожевенник смеялся, постукивая ладонью по столу. Старик отвлекся от светильника, уголки его тонких губ приподнялись, вокруг глаз собрались морщинки.

– Чек?! – отхохотавшись, проговорил Шрам. – Давно мне чеков не выписывали. Собственно, мне никогда их не выписывали! – Он поднял кружку, его изуродованный рот скривился, по подбородку потекло пиво.

– Значит, не стоит и начинать, – покивал Ули. – Девочка просто в отчаянии. Сам подумай, что может случиться, если она его в последний раз увидит? Куда они денутся? Улетят к богиням?

– Тут такое часто случается, – согласился Шар.

– Пожалуйста, – протянула я.

– А мы пока отметим встречу, вспомним старые и недобрые времена, когда я ненавидел вас всей душой, а вы молились Девам, чтобы те прибрали меня поскорее. – Кожевенник вытащил из кармана бутылку с мутной жидкостью.

Все опять посмотрели на старого тюремщика, словно он мог что-то решить. Поправка – словно он один здесь что-то решал.

Старик приподнял фонарь и кивнул. Ответом ему стали дружные возгласы и сдвигаемые кружки.

– Идем, девонька, провожу. – Похожий на гнома тюремщик отвернулся от стола. – А эти охальники пусть отмечают. – Он направился в правый коридор и с грустью произнес: – Все равно эту бурду давно не пью.

– Тока железку оставь, – крикнул Шар, указывая на черную укороченную рапиру. – Не хватало еще нам гостей вооружать.

Я торопливо отстегнула оружие, бросила на стол и поспешила за уже скрывшимся в коридоре стариком. Странно, но сейчас стоимость чирийского клинка меня совсем не волновала, куда больше я боялась, что охранники передумают.

Коридоры портового острога были слишком узкими или казались

такowymi. Темно-серый камень стен подступал со всех сторон, потолки нависали над головой. Тени прыгали и раскачивались в такт шагам. Один раз мне показалось, что у ног что-то шмыгает, что-то живое, но я приказала себе об этом не думать. По крайней мере, не сейчас. Невыполнимый приказ, как можно не думать о том, что в любой момент ноги может коснуться что-то живое, и... Я сбилась с шага.

За спиной снова захохотали, раздался низкий голос Ули. И это необъяснимым образом меня успокоило. Девы, не будь со мной кожевенника, этого коридора не было бы, не было бы лампы и сгорбленной спины впереди. Я, наверное, так и стояла бы посреди тюремного двора и смотрела на луны.

Через два десятка шагов коридор закончился на округлом пятачке, здесь камни были темнее, а к стене крепилась еще одна лампа помимо той, что держал старик. В ее свете я смогла разглядеть три расходящихся в разные стороны коридора. Но в отличие от того, по которому мы пришли, их перегораживали железные решетчатые двери. Две – заперты на замки, третья – распахнута настежь.

– Сколько здесь заключенных? – спросила я, и собственные слова показались чересчур громкими и неуместными.

– Не знаю, милая, – тихо заговорил старик, брэнча ключами. – Все, что есть, – наши. Я счету мало обучен, только до первой дюжины, да и не надобно мне.

– А разве...

– Последняя камера. – Он протянул мне лампу.

– Благодарю. – Я взялась за покрытую жирной копотью ручку.

– Каждый раз, когда подобные вам говорят «благодарю», в их словах мне слышится обещание, которое они не собираются выполнять. – Старик вставил ключ в замок той двери, что перегораживала крайний левый коридор, и повернул.

– Подобные мне? Но... – Я посмотрела в темные глаза. Сейчас старик вовсе не напоминал мне гнома, скорее, толкователя посланий Дев, что гостил год назад в Кленовом Саду. Было в их взглядах что-то общее. Что-то, похожее на знание, словно он уже видел в этом мире все. Так же иногда смотрела бабушка. – Я могу отблагодарить, только скажите, сколько...

– Сколько? – переспросил он, но в его устах слово звучало горько. – Об этом я и говорю. Вы просто не понимаете. – Старик распахнул передо мной дверь-решетку.

– Простите, я не хотела вас обидеть.

– Пустое, идите уже, пока мои парни не допили то, что принес ваш

друг, и не отправились на поиски другого развлечения. – Он отвернулся. – И держитесь правой стороны.

– Правой стороны? Почему? – переспросила я, но старик уже шел обратно, и, что характерно, отсутствие лампы ему нисколько не мешало.

Последняя камера была такой же темной, как и предпоследняя, как и предпредпоследняя, и еще десять до нее. Пахло прелой соломой и плесенью. Я подняла лампу выше. Темнота. Оглянулась. Напротив точно такой же каменный мешок, отделенный от коридора решеткой. И где Крис? Может, тюремщик коридор перепутал? Или мы с Ули – тюрьму?

– Не верю своим глазам! – раздался знакомый голос, и я едва не подпрыгнула на месте. Тьма в камере по левую руку шевельнулась, в круг света вышел Оуэн. Усталый, бледный, со смертельным рисунком коросты на шее, но самое главное – живой.

– Крис! – закричала я и поставила, вернее, почти бросила лампу на пол. Круг света сполз на грудь барона, снова погрузил лицо в тень. – Нашла тебя! – Чувствуя облегчение, я схватилась за прутья решетки. Все-таки получилось. Получилось почти невозможное – я в портовом остроге! Осталось осуществить второе «невозможное» и выйти отсюда вместе. Затылок слабо кольнуло болью, но в этот момент все пережитое казалось мне чем-то незначительным.

– Нашла, – подтвердил очевидное рыцарь. – Позволь спросить: зачем?

– Я говорила с серой, была у нее дома. Крис, она знает того, кто напал на меня и Гэли, знает старого гвардейца, понимаешь?

– Нет.

– Она с самого начала знала, кто это, но никому не сказала. Не поймала его! Скрыла!

– И как это относится ко мне?

– Не знаю, – растерялась я, потому что до этого момента была уверена, что относится.

– Девы, Ивидель, ты меня убиваешь. Стоило только подумать, что избавился от одной навязчивой графини, как она уже тут как тут!

– Что ты говоришь? – прошептала я.

– Ивидель, за каким демоном ты сюда явилась, скажи на милость?

– Но я же... мы же...

– На каком еще языке тебе объяснять, чтобы ты занималась своими делами и отстала от меня...

Облегчение сменилось вдруг невыносимой тяжестью. Все, что произошло в последние дни, обрушилось на меня в один миг.

Почему в балладах и поэмах поют не об этом? Почему не об этом

рассказывают в романах о любви? Не о красоте чувств, не о бьющемся сердце и томлении, а о том, что влюбленный человек подобен глине в руках любимого? Или, что еще вернее, половой тряпке, о которую вполне можно вытереть ноги. Как там сказала серая? Кем назвала? Собачонкой, которой просто разрешают находиться рядом.

Меня ударили по голове, ограбили, чуть не отправили в Зимнее море, я нахожусь в тюрьме среди беззубых лысых людей, называющих себя собачьими кличками, меня пытались учить жизни скрюченный старостью тюремщик, а под ногами наверняка шмыгают крысы... И все ради чего? Ради того, чтобы услышать это?

Нет. Не хочу. Иначе в следующий раз просто не смогу посмотреть в зеркало. Он не будет вытирать об меня ноги. Никто не будет. И пусть потом мне суждено тысячу раз пожалеть об этом.

На глазах вскипели злые слезы. Я отпустила прутья решетки, отвернулась. А он продолжал говорить что-то еще... я уже не слушала. Надо уйти отсюда. Уйти и никогда не возвращаться. Запретить себе думать об Оуэне.

Возможно, у меня получится, возможно, это не любовь, а умопомрачение или не знаю, что еще такое.

– Больше я вас не побеспокою, барон, – проговорила едва слышно.

Я не посмотрела под ноги, тотчас опрокинула лампу и едва не упала, когда великоватые сапоги зацепились за неровный камень пола. Разлитое масло загорелось, по полу побежала веселая струйка пламени.

Он схватил меня за плечо. Крепко схватил. Только что был вне круга света, а через секунду стоял уже вплотную к решетке, просунув руку между прутьями. Я и забыла, какими быстрыми могут быть рыцари.

– Посмотрите на меня, Ивидель.

Я дернулась, замотала головой, даже не пытаюсь остановить поток слез.

– Посмотри, Иви. – Из голоса исчезла презрительность. Осталась только мягкость, которой совершенно невозможно было противиться.

Я повернулась. Лицо Оуэна расплывалось. Рыцарь выругался, пальцы сжались еще крепче, не позволяя мне вырваться и уйти.

– Ивидель, черт. Извини меня. – Он выдохнул. – Представь, я сидел здесь несколько часов в полной темноте и тишине. Ждал. Не знаю, чего, кавалерии, князя с приказом о помиловании или пришествия Дев, а вместо этого пришла...

– Я? – Я всхлипнула.

– Иви, – он повысил голос, – за время нашего знакомства я извинялся

перед тобой больше, чем за всю предыдущую жизнь, и не уверен, что мне это нравится. – Он разжал руку, я покачнулась. – Не мастак я объясняться, но иногда, когда вижу тебя, меня будто сами демоны Разлома за язык тянут... Черт! – повторно воскликнул Крис и отвернулся. – Наверное, мне коростой мозги разъело, раз я тебе все это рассказываю. Убирайся отсюда! Все кончено, слышишь! Мы заигрались, а теперь игра перешла на новый уровень, и нам не потянуть, не двум ученикам...

– Куда перешла? Какая игра? – спросила я, глотая слезы.

– Уходи, – медленно и четко проговорил он. – Не заставляй меня снова грубить. Уйди сама, пожалуйста.

Я отвернулась, чтобы не видеть его. Не видеть напряженных плеч и растрепанных волос. Надо было уйти сразу. Тяжесть, только что казавшаяся неподъемной, вдруг стала раза в три больше. Я сделала первый шаг, потом второй, на третьем поравнялась с соседней камерой... И когда между прутьями показалась рука и схватила меня за юбку, даже не взвизгнула, только пламя, танцевавшее на полу, на миг взлетело к потолку, осветив худое изможденное лицо.

– Отпусти ее, Пьер, – раздался спокойный голос Криса. – Или я заплачу Шраму, чтобы он вырвал тебе печень. Ну?

– Чем заплатишь? – раздался хриплый голос из тьмы.

– Найду чем. – Худая рука разжалась, и барон добавил, совсем как тот тюремщик: – Держись левой стороны, Ивидель. – И даже его голос показался мне таким же усталым и старым.

Я не выдержала и побежала. Бросилась назад, добежала до пяточка, миновала ведущий к караулке коридор, выскочила в комнату охраны и... остановилась, словно налетела на стену.

Я была слишком погружена в себя, слишком обижена, чтобы обратить внимание на то, что уже давно не слышно веселых разговоров стражников, их ругательств и треска сдвигаемых кружек.

На столе валялась пустая бутылка Ули. Сам кожевник лежал на полу, из ушей мужчины тонкой струйкой текла кровь. Шрам валялся тут же, светловолосый – под столом, лысый – у дальней стены. Правая рука стражника все еще сжимала глиняную кружку. Не хватало только старика. На полу у одной из лавок в пламени факелов блеснул маленький цилиндр, так похожий на тот, что бросил себе под ноги мужчина, напавший на нас в доме целителей.

Как назвал это штуку Оуэн? Гранат... Граната из света и шума? Не важно. Важно, что они уже здесь. Хоть я до сих пор и не знаю, кто такие «они» и что «им» надо.

Серая начала действовать.

От страха перехватило дыхание.

– Крис, – прошептала я и вопреки всякой логике бросилась обратно.

Ведущий к округлому пятаку коридор я пробежала за один удар сердца, собственная тень, качнувшаяся в пламени светильника, едва не заставила меня закричать в голос. Сердце стучало в груди.

– Крис! – позвала я, поворачивая к левому ответвлению.

– Ииссс? – донесся издали невнятный голос то ли рыцаря, то ли кого-то другого.

– Они...

Я не договорила, потому что как раз в этот момент и увидела одного из этих загадочных типов. Он ошибся коридором. Белобрысый, худощавый, высокий, точно такой, каким я его запомнила в доме целителей, мужчина стоял в крайнем правом ответвлении.

Как он сюда попал? Как мы с ним разминулись? И, что еще важнее, сколько их здесь? Сколько пришло за Крисом?

Мы сорвались с места одновременно, от его хромоты не осталось и следа, но все-таки я успела. Возможно, просто повезло, или богини наконец-то услышали мои мольбы. А может, что еще вероятнее, я стояла ближе, оттого и успела первая.

Я подскочила к железной решетчатой двери, схватилась за прутья и дернула на себя, перекрывая правый коридор. Он врезался в решетку с той стороны, налетел всем телом. Ключа у меня не было, но я уже неплохо умела «запирать» двери. Пламя взлетело к потолку, воздух нагрелся, металл решетки раскалился. Мужчина зашипел и отступил. На предплечье остался красный рубец ожога. Я разжала пальцы. Кожа на ладонях осталась такой же белой, как раньше. Собственное пламя никогда не причиняло мне вреда, не то что чужое.

Мужчина склонил голову набок и разглядывал меня, словно дикий зверь. Не знаю, почему мне пришло в голову именно это сравнение, но... Он и был зверем. Запертым в клетке зверем, в серых глазах которого плескалась ярость.

Я продолжала отступать, а его схожесть с хищником лишь усиливалась. Но не с теми хищниками, что таятся в горах Чирийского хребта, и не с теми, что подстерегают торговые караваны в степях Ирийской равнины. Он был похож на зверя с картинки, что принес Жоэл. Зверя-машину.

Я бессознательно прижала руки ко рту. Нож, который неизвестный прижимал к моей шее в доме целителей, все еще был с ним. И будет вечно.

Потому что кисти руки у мужчины не было. Нормальной кисти руки из плоти и крови. Вместо нее у него от запястья начиналось что-то металлическое, что-то блестящее, подвижное, опутанное трубками, по которым текла мутная желтая жидкость. А даже на вид предельно острые лезвия заменяли мужчине пальцы. Там, где плоть соединялась с железом, кожа собиралась складками, словно ткань.

Именно за это отступники когда-то были наказаны богинями. За то, что пытались изменить плоть, сначала с помощью магии, потом с помощью механизмов. Считалось, что искусство совмещать живое и мертвое давно утрачено и сохранилось лишь на Тиэре.

А это значит... Это значит...

Я отступала, пока не коснулась спиной холодного камня.

Это значит, что здесь, на Аэре, несмотря на все усилия жриц и магов, появился выходец из Нижнего мира. Он преодолел Разлом! Дни Верхнего мира сочтены! Так пророчили богини...

Я замотала головой, не желая соглашаться с собственными мыслями. Этого не может быть! Просто потому что не может!

Белобрысый оскалился.

– И-и-ель! – донесся до меня крик Оуэна.

Я вздрогнула, с трудом отвела взгляд от серых глаз и бросилась в левый коридор. В голове билась лишь одна мысль: если белобрысый здесь не один... если не один... если там, впереди, меня ждет еще один... или одна?

Тот, кого барон называл Пьером, вполголоса распевал что-то похабное. Я подбежала к противоположной камере...

Барон был жив и, кажется, все еще недоволен тем, что видит меня перед собой. Кажется – потому что масло успело сгореть, а в полумраке все было совсем не таким, как при свете лампы.

– Ивидель, ты кричала? Или стражники вконец перепились и снова перевирают княжеский гимн?

– Крис. – Я попыталась отдышаться, перед глазами прыгали цветные пятна, в затылке медленно разгоралась боль. – Там... там...

Кажется, мои большие испуганные глаза наконец произвели впечатление.

– Что?

– Тот парень, что перерезал горло толстяку, – выпалила я. – Он здесь. И он... Он точно с Тиэры! У него такая... – Я попыталась что-то судорожно изобразить руками. – У него механическая лапа! Там, в доме целителей, он намотал на нее бинты, а сейчас... – Я беспомощно замолчала.

– Уверена? – Крис обхватил пальцами прутья.

Грохот ударил по ушам так, что содрогнулись стены, откуда-то сверху на головы посыпались пыль и мелкие камушки. Я вскрикнула. Пьер замолчал.

– Демоны Разлома, – выругался Оуэн, задирая голову и осматривая решетку. – Можешь что-нибудь сделать? Если подвергать металл попеременно влиянию холодных и низких температур, он становится хрупким...

– Слишком долго и сложно. – Я потянулась всеми чувствами к железу, стараясь нащупать нужное «зерно». – Ржавчина съест его в два раза быстрее, но... – Нащупав рыжее, разъедающее материал пятно, я стянула всю силу к этой точке. – Металл очень тугой, на всю решетку меня не хватит.

– И не надо! Иви! Разрушай петли. Или замок! Давай же!

– Сейчас. – Я выдохнула и отпустила изменения на волю, подпитывая их, усиливая, ускоряя и заставляя разрастаться. Для меня ржавчина походила на мох, что покрывает кору деревьев. Иногда он безобиден, а иногда въедается так, что заставляет стволы искривляться, а старые камни трескаться.

«Зерна изменений» прошли сквозь металл и растворились в нем. Я сделала шаг назад, мельком заметила, что из соседней камеры за нами наблюдает худой мужчина.

Решетка осталась на месте.

– Ну? – спросил барон. – Иви?

– Готово, – проговорила я, поморщилась, собственные слова показались мне слишком громкими, поэтому шепотом пояснила: – Ржавчина это не порох.

– Значит, сейчас будет порох. Отойди, – скомандовал Оуэн и уточнил: – Замок или петли?

– Замок.

Он ударил сапогом по запору, а я тихо добавила:

– И петли.

Решетка вылетела с третьего удара. Крис вышел в коридор, схватил меня за руку и отрывисто бросил:

– Идем.

– К-куда?

– К этому твоему тиэровцу.

– Он не мой, – пробормотала я, чувствуя тепло руки Криса. – Зачем? Давай просто убежим. И снова будем искать противоядие.

– Отличная идея, а если не найдем? – издевательски спросил рыцарь и потащил меня за собой по коридору.

– Эй! – раздался голос за спиной. – А мне помочь никто не хочет?

– Нет, – не оборачиваясь, ответил Оуэн и ускорил шаг.

Я не знала, сколько здесь камер и сколько из них занимали постояльцы, но точно больше десятка. В темноте все казались одинаковыми. Один раз тьма справа шевельнулась, в другой за спиной раздалось дребезжащее покашливание, но Крис не дал мне ни одной лишней секунды, увлекая за собой к неровно освещенному прямоугольнику.

Рыцарь осторожно выглянул из коридора, процедил сквозь зубы какое-то ругательство и уже без опасения вышел на округлый пятачок. Как ни странно, белобрысый был еще там, стоял за дверью-решеткой и приветливо скалился. Его волосы и брови покрывала серая пыль, в воздухе пахло известью. Масляный светильник горел, хотя часть стены под ним раскрошилась.

Металлический цилиндрик медленно подкатился к ноге Криса и замер. Я хотела закричать, но поняла, что просто не могу этого сделать: воздух словно превратился в кисель...

– Ну, привет, – поздоровался Крис, отбрасывая носком ботинка цилиндрик обратно к решетке. И я только сейчас сообразила, что заряд, или как там это правильно называют, уже пустой. В отличие от второго, что задумчиво вертел в левой здоровой руке белобрысый. Блестящая опасная игрушка, будто маятник, покачивалась в его пальцах. Туда-сюда. Туда-сюда. Оуэн сделал шаг вперед, я с трудом подавила желание вцепиться ему в руку и остановить. Мне потребовалось немало времени, чтобы понять: некоторые действия просто бесполезны, особенно с Крисом. – *Greu tours hite?* – то ли спросил, то ли констатировал рыцарь.

– И тебе привет, – ответил белобрысый низким хриплым голосом и добавил: – Варвар. Раз уж решил поговорить, будь добр, говори так, чтобы тебя понимали. «Хекать» с сородичами будешь.

– Могу и не хекать, если ты так просишь.

Цилиндрик в пальцах белобрысого остановился.

– Просить должен не я. – Мужчина выразительно осмотрел узор на шее Криса.

– Зачем вы заражаете людей? – спросила я севшим голосом. В затылке нарастала пульсирующая боль, сейчас бы мне оченьгодились матушкины капли.

Мужчина не спешил отвечать и продолжал смотреть на рыцаря.

– Сколько у тебя осталось? Час? Сутки? Тик-так, тик-так. – Заряд снова стал покачиваться, словно маятник.

– Больше недели.

Белобрысый рассмеялся.

– Уверен? Я бы на твоём месте поторопился.

– Считай, что уже. – Крис сделал ещё шаг, оказался прямо напротив белобрысого, так что, если тот решит швырнуть цилиндрик в лицо, увернуться будет невозможно.

– Скоро придут стражники, – то ли для железнорукого, чтобы ненароком не уронил цилиндрик, то ли для Оуэна, чтобы поторопился, проговорила я и стала оглядываться. Каждое движение вызывало головокружение, и я ещё крепче вцепилась в руку барона. – Должны прийти, это же тюрьма.

– И лягут рядом с остальными. – Белобрысый сжал заряд в ладони, в серых глазах снова полыхнула злость. – Раз уж себя не жалеете, так хоть их пожалейте, леди. Я могу уйти в любой момент.

– Так почему не уходите? Почему вы здесь, а не на своей Тиэ... – Барон не дал мне договорить, дернул за руку и прижал к себе. От резкого движения к горлу подступила тошнота. Меня никогда раньше не били по голове и, надеюсь, больше не будут. Отвратительные ощущения.

Ткань пальто Криса пахла чем-то кислым и неприятным.

– Всему есть причина, – сказал барон скорее для меня. – Зачем пришел? Ведь не для того, чтобы убить без пяти минут покойника?

– Почему бы и нет? Иногда нужно позволить себе расслабиться. – Я по голосу слышала, что белобрысый улыбается. – Но, к сожалению, ты прав. Я пришел за инъектором. Где он?

Я замерла, чувствуя, как напряглись руки Оуэна. Какого ответа он ждал?

Инструментариум у жрицы, и если не она послала сюда белобрысого, то кто? Сначала за этой коробочкой охотились гвардеец с толстяком. Гвардейца она знала, по ее словам, он служил ее отцу много лет, как теперь служит ей его сын... Связь налицо. Но значит ли это, что именно баронесса послала разбойников? Означает ли, что она послала белобрысого?

Я почувствовала, что начинаю путаться в собственных мыслях. Если не она, то кто? Других претендентов на роль злодея я пока не видела. А может, у меня просто слишком сильно болела голова, чтобы увидеть что-то другое?

– Далеко, – ответил Крис чистую правду. – Но если он так тебе нужен, то придется договариваться.

– Настойка из семян лысого дерева в обмен на иньектор, такой договор тебя устроит?

– Более чем, – ответил барон. – Когда и где?

– Времени у тебя в обрез, варвар. Без четверти полдень на Круглой площади у ратуши. Произведем обмен и забудем друг о друге на веки вечные. Если бы твоя девка не была такой упрямой, все закончилось бы давно.

– Я не девка! – четко проговорила, уперлась руками Крису в грудь и посмотрела в лицо. – И не его.

Черт его знает почему, но мне было важно сказать это. Сегодня мою гордость столько раз топтали, что просто необходимо было уцепиться за то, что от нее осталось, хотя бы за такую малость. А с другой стороны, какая разница, что думает этот... этот... Голову кольнуло так сильно, что я едва не застонала.

– Неужели? – издевательски переспросил белобрысый. Раздался металлический лязг, я испуганно обернулась. Мужчина оттолкнулся от решетки, поднял железную руку к голове, пальцы-лезвия коснулись белых волос. Таких же белых, как у меня. – Девка змеинового рода, что ты тогда здесь делаешь? Почему не лежишь в своей роскошной постельке? – Один ножичек срезал прядь с головы мужчины. – Ты хоть знаешь, за что ваш род сослали к Разлому? Почему назвали змеиным? Вас, тех, кто ведет родословную от первого князя?

– Знаю! – прошептала я, продолжая заворуженно смотреть, как падает на грязный пол белый локон. – Кто вы?

– Предлагаю отложить знакомство на более удобное время, – вмешался Крис и повторил: – Без четверти двенадцать на Круглой площади.

– Не опаздывайте, – снова расплылся в улыбке железнорукий, отвернулся и неторопливо пошел назад. Не знаю, был ли там выход, или коридор вел в такой же тупик, как тот, где находилась камера рыцаря, но, похоже, этонисколько не волновало белобрысого.

Через несколько шагов его фигуру поглотила темнота. Я шумно выдохнула и разжала пальцы, только сейчас сообразив, что вцепилась с Крису, словно утопающий в борт лодки. Ноги казались ватными, а стены тюрьмы вращались все быстрее и быстрее.

Запись девятая

О порядке пересдачи зачетов

Я почувствовала тепло и открыла глаза. Огонь весело танцевал в очаге. Кто-то накрыл меня мягким вязаным покрывалом, пахло травами и киниловым^[8] вареньем. Знакомый с детства запах успокаивал и рождал чувство защищенности.

Комната тоже была смутно знакомой – широкий стол, склянки, пробирки, горелка, улетающий к висящей на стене фотографии дымок. Я не могла разглядеть запечатленных на фото лиц, но знала, что одно мне точно знакомо.

Над увеличительным стеклом линзоскопа склонились двое: темноволосый Оуэн и светловолосый Линок. Травник напомнил мне железнорукого, хотя не был настолько белесым, как тот. Линок был просто блондином, а железнорукий – полностью бесцветным, то есть абсолютно, словно дорогая бумага Крильской мануфактуры – такими же белоснежными выглядели его брови и ресницы. У нас в Кленовом Саду молочница Аулька была такой же бело-седой. Матушкин целитель даже как-то называл этот феномен, но сейчас я уже и не помнила как. Тогда коса какой-то селянки не казалась мне важной, да и сейчас тоже. Так почему мысль столь настойчиво возвращалась к цвету волос?

Я села, придерживая руками вязаный плед. Меня принес сюда Крис. Принес на руках. Как говорила Гэли, стоило только представить, и мурашки тут же бежали по коже. Жаль, что у меня об этом событии остались весьма смутные и далекие от романтических воспоминания...

... помню, как стояла, прислонившись к барону, а неизвестно откуда взявшийся старик с лампой что-то ему выговаривал. Тонкие губы шевелились, но я не слышала ни слова. В голове гудело.

...охранники, все еще лежащие на полу, моя рапира на столе, пульсирующая боль в висках.

...тесный полумрак сменился холодом и светом лун. Всхрапнула лошадь, на лицо падали снежинки, обжигая льдом кожу.

Значит, Крис ушел из острога и вынес меня, несмотря на появление старика-охранника. Хотя что рыцарю дряхлый надсмотрщик.

...мы ехали на санях Ули.

Ули! Я заозиралась, словно надеялась увидеть кожевенника. Но

мастерового нигде не было. Я же слышала его храп, как раз когда ехала в санях, которыми управлял Крис, а значит, Ули ушел вместе с нами. Вернее, Оуэн помог уйти и ему. Самое время спросить, кто кого спасал? И почему мы в лавке травника, с которым нас на несколько минут свело несчастье?

Я пошевелилась, из-под пледа тут же вывалилась рапира и, звякнув, покатила по полу. Рукоять была предусмотрительно обмотана не очень чистым носовым платком. Значит, мы ушли из острога почти без потерь.

Парни подняли головы и посмотрели на меня.

– Что?.. Почему?.. – Я не сразу поняла, ответ на какой вопрос сейчас важнее. – Сколько времени?

– Десять часов утра, – ответил Крис. – Как вы, леди? Больше терять сознание не собираетесь?

Я прислушалась к организму, со всей серьезностью собираясь ответить на этот вопрос прежде всего себе. Организм чувствовал себя отвратительно. Бок ныл после нескольких часов на продавленной кушетке, прическа растрепалась, щека чесалась, одежда была мятая и несвежая, а уж привкус во рту... Видела бы маменька, упала бы в обморок вместо меня, а потом заперла в Кленовом Саду до самого замужества или даже до старости.

Но старость подождет. Несмотря на неприятные ощущения, падать я не собиралась. Пока, во всяком случае.

Травник вышел из-за стола и склонился к моему лицу.

– Зрачки в норме, рвоты нет... – Линок выпрямился, взял со стола кружку. – Вы сильно ударились головой.

– Меня ударили. – Я попыталась встать, ощутила мимолетное головокружение и решила не испытывать судьбу.

– Тогда вам лучше обратиться к целителю. – Молодой человек передал мне кружку, от которой терпко пахло фруктами. – Пейте, леди, я, конечно, всего лишь травник, но отвар кинила очень хорошо снимает головную боль и усталость.

– Благодарю, – пробормотала я.

– У нас мало времени, – напомнил Крис. – Встреча меньше чем через два часа.

– А нам еще надо вернуть иньектор. – Я отпила из кружки. Приятный терпкий напиток согрел не хуже пледа. – Не думаю, что серая отдаст его по доброй воле.

– Она не отдаст его, даже если мы приставим ей нож к горлу, – нахмурился Крис. – Скорее уж начнет кусаться.

– Тогда как... – начала я, оставив опустевшую кружку.

– Не только у серой есть иньектор. – Травник открыл ящик и снова положил на стол инструментариум.

– Поэтому я сюда и вернулся, – кивнул Оуэн.

– Благодарю за откровенность. Приятно знать, что если бы не эта игрушка, вы оставили бы меня в неведении. – Злости в голосе Линока не чувствовалось, только досада.

– Но ваш иньектор пустой, – возразила я.

– Это пока, – поднял белесые брови травник. – Подкрасить физраствор недолго, а у вашего переговорщика вряд ли будет время и, – он обвел рукой стол, – возможность определить подлинность раствора прямо там, на площади, раз даже я... – Он растрепал пятерней волосы и пояснил: – Пока вы спали, я уже рассказал Крису, что растворы – тот, что был в моем иньекторе, и тот, что принесли вы, отличаются.

Я осторожно встала, на этот раз вышло лучше. Затылок слабо кольнуло, головокружение почти сразу прекратилось.

– Должна быть причина тому, что за одной из коробочек носятся высунув язык и пытаются вернуть, не считаясь с потерями, а вторая лежит себе здесь, никому не нужная, и над ее содержимым можно ставить опыты, – вставил Оуэн.

– И она есть. – Линок поднял стеклышко с той самой единственной каплей, которую успел взять. – Но ее не видно с первого взгляда.

– В нашем, – я едва не поморщилась от этого слова, – был не яд?

– Еще какой яд. – Травник опустил стекло. – Очень сильный яд, сильнее того, что в моем иньекторе, раз в пятьдесят. Я бы сказал, у вас был концентрат, а у меня так, разбавленная водичка.

– Поэтому Крис так быстро заразился?

– Да, и я удивлен, почему он еще не...

– Не в могиле? – закончил за него барон. – Так вот что имел в виду тот урод, когда говорил, что не был бы на моем месте столь уверен насчет времени.

– Девы, – пробормотала я. – Значит, будем обманывать? – странно, но неприятия эта мысль не вызвала, только беспокойство. Но не из-за того, что мы будем обманывать, а из-за того, что... – А если они сделают то же самое? Если вручат нам воду вместо противоядия?

– Будем надеяться, что нет. – Травник открыл нижний ящик и выложил на стол метатель.

– Сколько тебе осталось? – спросил Крис. – Когда истекают твои две недели?

– Сегодня, – хрипло ответил Линок, поставил рядом с дулом коробку с

зарядами и открыл крышку. – Надежда – это все, что у меня есть. – Он замолчал. – Но я не уверен, что смогу выстрелить. – Крис поднял брови, и травник тут же пояснил: – Гулянья в честь Дев... там будет демонова прорва народа, а я не особо меткий стрелок. – Линок пододвинул метатель и коробку с зарядами Оуэну.

– Придется рискнуть, – не прикоснулся к оружию рыцарь. – От меня они как раз этого и ждут. И от нее тоже. – Он посмотрел на меня в тот момент, когда я почти коснулась пальцем одного из зарядов, внутри которых переливались подвижные зеленые капли, словно кольшущаяся на поверхности пруда ряска. – Но не от тебя. Тебя они вообще не ждут.

Метатель с отделанной серебром, но уже порядком потертой рукоятью, судя по вычурным куркам, хранившийся в семье травника несколько десятилетий, вернулся к хозяину. Линок вздохнул и все-таки взял оружие и сунул за пояс.

«Нарушение техники безопасности обращения со стрелковым оружием», – раздался в голове голос магистра Йена, но повторять их умирающему человеку я не стала.

Травник достал из округлых гнезд заряды и положил в карман. Всего две штуки. В последней ячейке лежали две прозрачные половинки и серебристый капсюль. Линок пододвинул коробку ко мне.

– Сможете собрать заряд, леди?

– Не знаю, – ответила честно. – Экзамен по зарядам я провалила, пересдача как раз сегодня...

– Что ж, сегодня у тебя очень важная пересдача. Жизнь нельзя пересдать, Ивидель, – серьезно сказал Крис. – И ты уже поняла, что иногда совать голову в петлю совсем небезопасно, так как кто-то может затянуть узелок. – Барон выпрямился. – Если не уверена, самое время отступить.

Если бы он стал меня уговаривать, уверять, что все будет хорошо, я бы еще сомневалась, а так... Я взвесила на ладони полусферу заряда и убрала в карман. Никто не будет сомневаться в графине Астер, ни он, ни я сама.

Девы, что же я творю?

– Итак, Круглая площадь. Она же – Площадь у ратуши. – Крис очертил пальцем круг на столешнице. – Они не знают, с какой стороны мы появимся и сколько нас будет, но и мы не знаем этого о них. С севера на площадь выходит Береговой переулок...

Как рассказывала ныне покойная бабушка, Круглая площадь Льежа носила разные названия. Она успела побывать «Торговой», но рынок перенесли, и название стало выглядеть нелепо. Потом была переименована

в «Монетную», но это название, несмотря на наличие Льежского залогового банка, не прижилось – не доверял народ банкам, тем более что конкретно от этого никто отродясь добра не видел. Третья попытка имела место после смерти вдовствующей графини Астер, площадь поименовали «Каретной», но после того как по ней проложили трамвайные рельсы, штат кучеров расположенного здесь каретного двора уменьшился вдвое, и название тоже кануло в Лету.

Для народа площадь была «Круглой», ею же и осталась.

На каждый праздник Рождающихся Дев посреди площади устанавливали чашу – для желающих приобщиться милости богинь. Когда я была младше, остро завидовала румяным и не очень трезвым людям, плескающимся в этой луже. Сегодня, идя под руку с Крисом, я испытывала тревогу, страх, иногда раздражение, как, например, сейчас, когда размалеванный под шута уличный артист заглянул мне в лицо, вытягивая губы трубочкой, то ли выпрашивая поцелуй, то ли собираясь плюнуть. Несколько девушек в ярких платках рассмеялись, и уличный артист, найдя более благодарную публику, повернулся к ним.

– Где Линок? – шепотом спросила я.

– Не знаю, – ответил Крис, огибая балаган и сворачивая к торговым рядам. – Где-то здесь.

– Я его не вижу.

– Так это хорошо, главное, чтобы он видел нас.

От лотков пахло свежей выпечкой и копченым мясом. Запахи, от которых леди должны воротить нос и предпочитать вырезку и кремовые пирожные. В животе заурчало – в последний раз я ела сутки назад. Этим утром завтрака предусмотрено не было – в лавке травника я смогла только умыться, разгладить руками одежду, что, впрочем, не пошло ей на пользу, и забрать волосы под капор. Но сегодня здесь никто не обращал внимания на внешний вид публики. Непрерывно звякая, по рельсам полз трамвай. Как и предсказывал травник, народу на площади собралось очень много, и все стояли, ходили, смеялись, болтали, что-то жевали или торговали. Один раз мне показалось, что я увидела улыбающегося магистра Виттерна, кидающего снежок в ребятню, но... В руках мага, скорее, была бы шпага, а на изуродованном лице что угодно, но только не улыбка.

Ко мне подскочила торговка с лотком и принялась расхваливать цветные ленты:

– Леди, вы только посмотрите, какой узор, а цвет! Во всем Льеже ни у кого нет таких лент, как у Марьяны-вышивальщицы...

– Вот, господин, смотрите, какие перчатки, воловьи... – поравнялся с

Крисом парень в жилетке.

Барон молча взмахнул рукой, и торговцы тут же отстали, а мои мысли вернулись к кожевеннику – то ли перчатки их навяли, то ли клеймо мастера на коже.

– Крис, а куда исчез Ули?

– Что значит «куда исчез»? – Он поднял брови. Торговые ряды закончились, но народу, кажется, стало еще больше. – Я оставил его вместе с санями у ворот мастерской, уверен, племянники уже обнаружили пьяного в хлам дядьку и теперь негодуют по этому поводу.

– Пьяного?

– В том числе. И оглушенного. Думаешь, я настолько плох, чтобы сбросить в сугроб человека, который помог мне освободиться, а потом еще и украсть его сани?

– Да, – не стала юлить я.

– Ты мне льстишь, Ивидель, я убийца, но не вор.

– Интересная градация, – пробормотала я, но одна из беспокойных струн, трепетавших внутри, затихла. Раньше я не была столь щепетильной. Но, с другой стороны, раньше в моей жизни мало что зависело от таких простых людей, как кожевенник. Все было распланировано и оплачено: учеба, замужество, воспитание титулованных наследников.

С деревянных мостков в ледяную воду чаши, осенив себя знаком богинь, нырнул мужчина в белой льняной рубахе. Раздались возгласы одобрения. Снова зазвенел трамвай, вагон вновь отправился по маршруту. На подножках толкались мальчишки. Теперь пахло сладостями: мочеными яблоками и карамелью. Стрелка часов на башне ратуши передвинулась на одно деление. В другое время я слышала бы механический скрежет, но сейчас из-за гомона толпы ее ход был беззвучным. Половина двенадцатого, до встречи еще четверть часа.

– А если железнорукий не придет? Если он решил убраться обратно в свою Тиэру или богини покарали его молниями?

– Это было бы очень не ко времени, и надеюсь, богини это понимают, – хохотнул Крис. – А что касается Тиэры... так он не оттуда и убраться ему некуда.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я. – Его рука – это же запрещенная магия, вернее...

– Рука – это всего лишь механизм, а не билет с экспресса, едущего в другое полушарие, хотя без умельцев тут не обошлось. Да и потом, он не знает языка Нижнего мира, более того, там, в остроге, он принял его за западный диалект.

– Язык Нижнего мира? – Я вспомнила, как Крис спрашивал о чем-то на хекающем наречии. – А откуда его знаешь ты? – Я остановилась. Крики и смех слились в один сплошной гул, голову на миг кольнула вернувшаяся боль, а очертания предметов расплылись.

Я отдернула руку от локтя рыцаря и качнулась, силясь справиться с головокружением.

– Крис, пожалуйста, скажи, что ты не... что ты не с... Тиэры? – прошептала я, вспоминая все незнакомые словечки, услышанные от него, полное презрение к этикету, а иногда и к вежливости. Он был другим, я это видела и тщетно гнала от себя мысль, что, возможно, этим он мне и нравится.

Лица людей вдруг показались мне белыми пятнами с темными провалами ртов, и только его лицо оставалось четким. Только его.

– Любопытно, – проговорил Оуэн, заглядывая мне в глаза. – То есть тебя до ужаса пугает не то, что я натравил собак на младшего брата, а то, что я могу оказаться жителем другого полушария?

– Ты... ты... – слова застревали в горле.

– Собираешься падать в обморок? – с интересом спросил Крис.

– Девы предрекли пришествие выходца из Нижнего мира. Он придет и разрушит Аэру, прольет реки крови, и сами демоны Разлома будут танцевать на его пути.

– Даже лестно. Хотя про демонов это явное преувеличение, не уверен, что они умеют танцевать. – Он покачал головой. – Тот, кто знает язык Тиэры, не обязательно был рожден там. К примеру, его точно знают магистры.

– Крис, скажи, – чуть слышно попросила я, силясь вспомнить те странные слова, что он сказал белобрысому. – Ты из Нижнего мира?

– Какое искушение ответить утвердительно. – Он подошел чуть ближе, а я, наоборот, отступила, просто ничего не могла с собой поделать. Губы рыцаря скривила горькая усмешка. – Нет, я не с Тиэры, клянусь именами богинь, честью Оуэнов, их родовым мечом и правой башней Совиноного Лабиринта, где, по слухам, была замурована моя прабабка. Ну подумай сама, кто бы признал наследником баронского рода безродного пришельца?

– Тогда откуда... – Я попыталась успокоиться. Он говорил так легко, так насмешливо, словно все это его забавляло... возможно, даже слишком легко и насмешливо. – Откуда ты знаешь язык Тиэры?

– Я его не знаю.

– Но...

– Что у тебя по истории Аэры?

– Зачет.

– Маловато. Если вкратце, то, когда богини разделили мир, Аэра отказалась от старого языка и перешла на один из диалектов востока – в знак уважения к Девам и в знак отрицания ереси Нижнего мира. Это был приказ...

– Первого князя, – закончила я за него. Меня кто-то толкнул в спину, и мир снова обрел четкость, хотя сердце все еще лихорадочно стучало в груди. – Тогда же уничтожили все замки отступников, разрушили оскверненные запрещенной магией и механизмами храмы.

– Именно. Шли годы, столетия сменяли друг друга, летописцы отсчитывали века, пока старый язык не исчез полностью. Но ведь у Нижнего мира не было такой «веской» причины менять устои! – Он выделил голосом слово «веской». – На Аэре язык сохранился лишь в старых фолиантах, до которых не добрались особо ретивые сподвижники Дев, и, как показало время, сохранился не зря. После того как поймали первого железного зверя, разобрали на запчасти, отделили металл от кишок, на железе обнаружили надписи на староэрском. – Он пожал плечами. – Было решено ввести в программу обучения рыцарей основы старого диалекта.

– Откуда ты это знаешь?

– Знаю. На одном из занятий Нейор из Кумира долго возмущался и грозил рассказать жрицам, чему нас тут учат. Ну, магистр и просветил его, а заодно всех нас о положении дел. Оказалось, что жрицы очень даже в курсе.

– Что ты ему сказал? – спросила я, чувствуя одновременно облегчение и неловкость. Облегчение из-за того, что всему нашлось объяснение, а неловкость из-за собственного поведения – оттого, что убрала руку, оттого, что отступила.

– Кажется, я отправил его родительницу к собакам. Но за чистоту произношения не ручаюсь.

– Крис! – Я, смешавшись, отвернулась.

– Все, что запомнил, – развел руками Оуэн. – Да и интересно было, что он ответит. Почти так же интересно, как смотреть на твое смущение. Кого ты стыдишься, Ивидель? Меня, говорящего это, или себя, продолжающую слушать?

– Не знаю.

– Что ж, это честно. Все еще хочешь убежать от меня без оглядки?

– Нет, – ответила я и снова прислушалась к смеху и выкрикам уличных торговцев.

– Жаль.

Оуэн подал мне руку. И я ее приняла.

С разных сторон от городской ратуши на восток уходили две параллельные улицы – Бульвар Цветов и Лунная улица, сейчас тоже заполненные людьми. Чуть южнее построили вышку дирижаблей, где наверняка шла подготовка к «золотому дождю».

Вихрастый мальчишка бросился под ноги и, растолкав двух матрон в чепцах, юркнул в толпу. Тут же раздались крики, и дородный мужчина, похлопав по карманам и не найдя кошелька, низко закричал и бросился следом. Уличные фонарики, которыми украсили площадь, чуть колыхались от ветра. Двое циркачей на ходулях жонглировали яблоками...

Чужой взгляд я почувствовала, словно прикосновение. Не тот, какой бывает, когда вскользь пройдешь взглядом по толпе, машинально отмечая пушистый воротник торговки или высокую прическу женщины в алом пальто. Нет, этот был пристальным, предназначенным только мне, чувствительным и колючим.

Я подняла голову – рядом с палаткой со сладостями стоял железнорукий. И едва успокоившееся сердце снова пустилось вскачь. Через мгновение рука Криса напряглась, он тоже заметил белобрысого. Тот, как и мы, предпочел прийти пораньше и теперь разглядывал нас со смесью любопытства и брезгливости. Между пальцами мелькал цилиндрик. Если он бросит его в толпу... Девы!

Крис неторопливо вытащил руку из кармана и продемонстрировал белобрысому инструментариум. Взгляд мужчины сосредоточился на инъекторе. Правая рука была обмотана тряпками, словно культя, цилиндрик исчез из левой, и вместо него в подвижных пальцах тоже появилась коробочка. Точно такая же. Или почти такая же, только вот цвет жидкости был не коричневый, а зеленоватый. А возможно, это просто зимнее солнце играло со мной злые шутки.

Интересно, кто додумался сделать из инструментариума средство для заражения людей? С другой стороны, бегай тот же белобрысый со шприцем наперевес и втыкай его в людей, вызвал бы нездоровый ажиотаж и наверняка закончил бы свои дни в канаве у рынка. Но вряд ли я теперь смогу без дрожи взять в руки подобную коробочку. Никаких компактных устройств, только пояса с инструментами, отдельными и громоздкими, среди которых не так-то просто спрятать яд. Или противоядие.

Мужчины стояли друг напротив друга целую минуту, держа в руках одинаковые коробочки. На Криса налетела смеющаяся девочка с двумя торчащими из-под капюшона косичками и полными снега варежками. Она

рассмеялась и, даже не взглянув на препятствие, побежала дальше. За ней с гиканьем неслись мальчишки со снежками.

Оуэн выпустил мою руку и сделал шаг к палатке со сладостями. На несколько минут белобрысого заслонило многочисленное семейство – мужчина в меховой шапке раздавал отпрыскам леденцы на палочке...

– Крис, – позвала я.

– Стой на месте, – не оборачиваясь, приказал Оуэн.

– А если...

– Стой там! – еще резче повторил рыцарь.

Я знала этот тон, слышала. Именно так отец разговаривал с управляющим, после того как тот продал соседу по двойной цене пегую кобылу-трехлетку. Половина денег как раз и осела не в тех карманах. Помоему, именно этот факт возмущал графа Астера сильнее всего. Это был их последний разговор, после чего управляющий покинул нас с узелком в руках, возмущением в душе, но на своих двоих, и, как сказал папенька, должен был радоваться хотя бы этому.

Шумное семейство, распределив сладости, отошло к палатке с кренделями, мальчишки засмотрелись на жонглеров на ходулях – те, словно великаны из сказки, гордо вышагивали около купальни.

Крис сделал еще шаг, белобрысый смотрел на коробочку в его руках.

Я заставила себя оставаться на месте. Все выглядело просто. Сейчас Оуэн подойдет, они снова постоят, глядя друг на друга и скаля зубы, как два дворовых пса, а потом соединят руки в древнем, как Эра, жесте рукопожатия... А может, барон положит коробочку на край каменной клумбы, где летом наверняка растут цветы, Железнодорожник поступит так же...

Я перебирала варианты и никак не могла остановиться на одном, все они казались мне нереально фальшивыми. Пусть уж это случится, пусть милость богинь коснется плеча рыцаря или минует его. Ожидание хуже.

А что потом? Мужчины обменяются «комплиментами» и разойдутся? Что-то я сомневаюсь. Единственное, что их сдерживает, – это коробочки в руках, но после того как каждый получит желаемое... Что будет потом? Железнодорожник бросит цилиндрок в толпу, а Линок выстрелит? Я коснулась лежащей в кармане сферы. Пока пустой. Я так и не смогла ничего придумать. Что можно применить в такой толпе? Магических зарядов сотни, а из того десятка, что я могу попробовать воспроизвести, одни – слишком травмирующие, другие – бесполезны, вроде запаха роз или подвижных жемчужин.

Я завертела головой, но меня по-прежнему окружали незнакомые

лица: кто-то кричал, кто-то зазывал народ в свою палатку.

Белобрысый оглядывал толпу вместе со мной. В его глазах я видела тревогу. Крис, сжимающий иньектор, почти поравнялся с палаткой...

И вдруг что-то изменилось. Железнодорожник замер, а потом мотнул головой, будто бойцовый петух, увидевший противника. Я стояла слишком далеко, чтобы быть в чем-то уверенной, но видела, как он дернул уголок рта, как подался назад, словно... да, словно испугавшись чего-то, а в следующий миг развернулся и бросился бежать.

– Демоны Разлома! – рявкнул Крис и сорвался следом.

А я за ним. Не раздумывая и не рассуждая. Рыцарь первым поравнялся с палаткой и первым нырнул за нее. Торговец бубликами решил, что именно к нему я спешу со всех ног, и шагнул со своим лотком навстречу. Я отмахнулась, но потеряла несколько секунд, и когда, обогнув недовольного продавца, оказалась за палаткой, там уже никого не было. Вернее, не было ни Оуэна, ни белобрысого, только женщина в пуховом платке ожесточенно спорила с мужчиной в тулупе. Ребенок между ними смотрел на мир круглыми от удивления глазами.

Я миновала сладкие ряды, снова огляделась – цветные ленты и стяги покачивались на ветру, беспокойство нарастало, как и горящий внутри огонь. Лысый мужчина без шапки распевал хмельную песню, не забывая подливать «топлива» из расставленных прямо напротив банка бочек – подарок мэра горожанам в честь праздника. Завизжали трубы, и где-то за купальней уличные музыканты нестройно заиграли веселенький марш.

Раздались испуганные крики, какая-то женщина тоненько запричитала на одной ноте. Я бросилась обратно, расталкивая людей руками и получая ответные тычки в спину. Старая бабка зашипела, когда я задела ее шпагой, и обругала меня, так как в ее время приличные девушки не носили ножей у пояса.

Куда делся железнодорожник? Что могло напугать его и заставило бежать? Он, даже пребывая в остроге, не испытывал страха!

Купальня осталась в стороне, впереди замаячила сцена балагана, а рядом...

Испуганные крики сменились смехом, я, тяжело дыша, остановилась. Уличный канатоходец, едва не сорвавшись, в последний момент успел ухватиться за веревку и, изящно крутанувшись, спрыгнул на землю. Толпа подалась вперед, люди стали аплодировать, громко, почти оглушая.

Но даже сквозь шум я услышала его голос.

– Не шевелись, – ласково попросил он меня, касаясь губами уха. Сердце скакнуло к горлу и забилось, как сумасшедшее. Огонь в уличных

фонариках колыхался, словно живой, в бок тут же уперлось что-то твердое. – Ты знаешь, что у меня там и что я могу сделать. – Ближайший фонарик полыхнул. Вырвавшееся из-под контроля пламя лизнуло бумажную стену, какая-то девочка запрыгала на одной ножке, показывая пальцем на фонарик, который на миг превратился в маленький факел. – Ты можешь выпустить свой огонь, девка змеиного рода, а я выпущу лезвия. И мы посоревнуемся, у кого быстрее получится. – Я повернулась и увидела перед собой белобрысого, его белое лицо, брови, ресницы и кривящиеся губы. Он все еще был напуган, но боялся отнюдь не меня и не моего пламени. Я кивнула, мысленно обхватила руками огонь, уговаривая его подождать. Бумага фонарика прогорела, на снег полетели жирные хлопья. – Умница, а теперь мы с тобой аккуратно пойдём дальше, как старые добрые друзья, что, кстати, вполне может считаться правдой, если не сказать больше. – Он нервно хихикнул, словно эта фраза сама по себе была смешной. – Давай, девка, улыбнись, праздник же!

И я честно постаралась, но, судя по тому, как быстро убралась с моей дороги молочница в белом чепце, получилось не очень.

– Знаешь, я многого ждал от вас. От тебя, от твоего друга, – продолжал говорить железнорукий, увлекая меня назад, к купальне. – Многого, но не такого. Привлечь этих тварей... – он тряхнул меня, словно куклу. – Как тебе спится по ночам?

– К-каких тварей? Прошу вас, я ничего не понимаю... – Я старалась говорить спокойно и рассудительно.

Белобрысый дернул меня к себе, вытаскивая из толпы, обмотанная тряпкой рука больно ударила по боку, и я вскрикнула. Но музыка играла слишком громко, лишь мужчина, державший в руке несколько цветных лент, пристально посмотрел на нас, а потом отвернулся.

– Не сомневаюсь, ты хорошо заучила эти слова. Ты всегда была послушной. – Он подтащил меня почти к самой купальне.

Мостки, с которых особо верующие ныряли в ледяную благодать, располагались с другой стороны чаши, и здесь народу толпилось гораздо меньше, чем там.

– Ты, кажется, пришел за этим, – раздался голос Криса, и я выдохнула, на этот раз с облегчением. Огонь в фонариках снова стал ровным. Рыцарь вышел из-за каменной стены, все еще держа в руках инструментариум. – Так почему бегаешь, словно заяц от охотников?

– А ты наглец, – то ли восхитился, то ли разозлился железнорукий, еще крепче прижимая культю к моему боку. Со стороны казалось, что кавалер просто позволил себе вольность, обняв даму за талию, если бы еще

у «дамы» не было такого перекошенного от ужаса лица... – За этим. Но так как вы отказались играть честно, – Крис вопросительно поднял брови, – цена изменилась. Как и условия. Теперь у меня в руках две твои вещи. – Он прислонился своей щекой к моей, и я едва сдержалась, чтобы не отшатнуться. – На что меняешься? На противоядие? Или на девку?

Стрелка на ратуше дрогнула и переместилась на еще одно деление. Без четверти полдень. Встречу можно считать состоявшейся.

Крис посмотрел на меня, и я поняла, что он выберет, и это понимание отдалось в груди куда более сильной болью, нежели удар железной культи белобрысого. Он хотел жить.

«А ты сама? – спросила я себя. – Что бы выбрала ты? Свою жизнь или чужую?»

Как красиво поют менестрели о смерти ради любви, о могилах, которые засыпают цветами, о вечной тоске и вечных слезах. Только вот жизнь – не песня, как бы мне этого ни хотелось. Говорили, у дяди Витольда была возлюбленная, пусть из простых, но он слышать не хотел о браке с кем-то другим. Правда, поддавшись уговорам семьи, не спешил делать простолюдинку графиней. Она умерла, я была маленькой и не знала деталей истории. Я помню последствия. Все кончено только для покойника, для остальных жизнь продолжается, и цветы, которыми засыпали могилу, рано или поздно увядают. Прошли годы со смерти единственной возлюбленной, и мой дядя граф Астер посватался к дочери виконта Кильена. Так и заканчивается большинство историй о любви.

Волосы шевелило теплое дыхание белобрысого, одна его рука больно прижималась к моему боку.

Что бы выбрала я? Жизнь дорогого человека или свою? Вроде ответ очевиден, но... Если минуту подумать и ответить честно, не лукавя даже в мыслях? Представить, что именно к его телу приставлено лезвие, а на моем горле смертельный рисунок, который слишком тяжело совмещать с жизнью?

Не люблю такие вопросы, в основном потому, что мне не нравятся ответы. Что я хочу услышать? Что он готов умереть, лишь бы я жила? Видимо, да. Это было бы благородно. И я оплакивала бы его всю жизнь... Точно, можно начинать прямо сейчас.

– На противоядие, – ответила я вместо барона.

Крис посмотрел так, словно у меня выросла вторая голова. И видеть это удивление было бы приятно, если бы не железная рука у моего бока, если бы не страх.

Ведь на самом деле выбора не осталось. Все, что я могла, это молиться

Девам, чтобы уйти с Круглой площади без железа в бою. Ну не убьет же он меня в такой толпе? Или убьет? Невозможно. Наверное, любой на пороге смерти думает так же: нельзя убить главного героя в пьесе под названием «жизнь».

Я невольно задрожала, глянула на окружающую нас толпу, слепую и глухую. Белобрысый зашипел и стал оглядываться вместе со мной, я почувствовала его движения. Притихшая было на минуту музыка заиграла вновь. Оркестр грянул что-то вроде «Бижунской плясовой», более уместной на сельских ярмарках. Девушка в алом платке подхватила под руку пузатого мужчину, годящегося ей в отцы, и потянула в центр площади. С другой стороны за него ухватилась улыбающаяся старушка.

Железнодорожник отступал, увлекая меня за собой. Кто-то рассмеялся.

– Стой! – зарычал Оуэн.

– Отзови этих тварей! – выкрикнул мне прямо в ухо мужчина, продолжая судорожно оглядываться. – Отзови!

– Хорошо-хорошо! – Крис поднял руки, в правой все еще был инструментариум. – Отзову, как только совершим обмен.

Белобрысый уперся спиной в каменную стену купальни.

– Не говори со мной как с идиотом!

Еще несколько человек присоединились к хороводу, музыка заиграла громче, нас окружали смеющиеся лица.

– Тогда не веди себя так, будто решил снять комнату в целительском доме Ионской Девы Скорби^[9]. Ты сам позвал нас сюда, не забыл, для чего? – Крис показал инструментариум.

Белобрысый выпрямился, отстранился и стал чуть сбоку, теперь я видела, что он боится. В мужских пальцах снова заплясал блестящий цилиндр.

– Я передумал, – отрывисто бросил железнорукий. – Никакого обмена, ты просто отдашь мне инъектор. – Оуэн удивленно поднял брови. – Иначе, – цилиндр замер, – умрут все. Это не та пугалка, что вы видели раньше, это, – он говорил почти с любовью, а пальцы поглаживали гладкие бока странного заряда, – смерть. Многие отправятся к Девам. Например, она. – Меня снова пихнули в бок. – И некоторые из этих улыбающихся идиотов тоже. И ты.

– И ты, – добавил барон.

– Нас похоронят в одной помойной яме. Ну разве не замечательно? – осканился железнорукий.

Он все еще продолжал оглядываться, но его страх стал отдавать решимостью. И отчаянием. Именно с таким чувством загнанная в угол

мышь бросается на кота.

– Прекрати! – резко сказал Крис, он специально не оглядывался, продолжал смотреть только на нас и при этом оставался спокойным. Я догадывалась, чего ему стоило это спокойствие.

– Прекратил. – Белобрысый снова притянул меня к себе. – Твое решение? Отдашь инструментариум и выиграешь еще несколько часов, а может, и дней жизни. Либо мы умираем все вместе здесь и сейчас, прихватив с собой тварей и часть Круглой площади?

Мальчишка лет пяти нырнул под сцепленные руки танцующих и оказался внутри хоровода.

– Это неправильно, – прошептала я, ни к кому конкретно не обращаясь, но Крис меня услышал.

– Забирай свою игрушку. – Барон протянул коробочку.

Цилиндрик замер, но мужчина не торопился убирать его, чтобы взять инструментариум.

– Вытяни руку, – на этот раз он ткнул меня своей железкой в спину.

Я посмотрела на Криса. Рыцарь едва заметно качнул головой.

– Ну, – поторопил железнорукий, и я подняла ладонь.

На краткий миг наши пальцы соприкоснулись, металлическая коробочка упала на руку. Железо все еще хранило чужое тепло.

– И что дальше? – поинтересовался Крис. – Все козыри у тебя...

Он не договорил. Тощий парнишка с красноватым лицом, которого сегодня, наверное, в первый раз коснулась бритва, куда-то очень торопился. Может, к лотку с сырными косичками, а может, к зазывно смотревшей на Криса румяной пышнотелой девушке, желая увлечь ее в хоровод. Может... но сегодня ему не удалось потанцевать.

Выстрела мы не услышали и даже не сразу поняли, что произошло – продолжали сверлить друг друга взглядами. Пробегавший мимо парень нелепо взмахнул руками и упал, будто поскользнулся. А через секунду раздался всхлип, и по ногам упавшего стала расползаться зеленоватая жижа.

«Живой кокон», так, кажется, называется это заклинание. Я вспомнила подвижную каплю внутри сферы, которую убирал в карман травник. Тогда я не опознала его, наверное, к лучшему. Заклинание решались использовать немногие, в основном потому, что маги и жрицы до сих пор спорили, богопротивно оно или нет.

Подвижная масса укутала ноги парня по колени...

Заклинание выглядело слишком живым, слишком близким к запрещенной магии. Если бы жрицы могли назвать животное, похожее на

комков выловленных из озера водорослей, они бы его запретили. Но они не могли. Это и были всего лишь водоросли, причем сушеные, магия заставляла их разбухать, липнуть, покрывать предметы целиком.

Парень закричал. Скорее от страха, так как «кокон» не доставляет боли. Жижа дошла до талии. За считанные мгновения она покрывает все тело с головы до ног, оставив лишь щелку для дыхания. Сложный заряд, мне не по силам воссоздать его.

Парень дернул ногами, желая стряхнуть с себя зеленую грязь. «Кокон», в отличие от «сети», не лишает подвижности, человек может даже встать, если справится с темнотой и паникой. Но «кокон» делает кое-что похуже: чтобы поддерживать иллюзию жизни, водорослям, как и всему остальному, нужна энергия. Ничего не рождается из ничего. «Кокон» пьет силу из всего, с чем соприкасается. И из человека – тоже. «Кокон» не может остановиться. Он не живет, не знает жалости и меры. Он не имеет разума.

Парень уже визжал, торговка сыром, глядя на него, зажала рот рукой, какой-то дедок с корявой палкой вместо трости пытался оттащить любопытного внука подальше от купальни. Оркестр продолжал играть.

Я подняла голову: рядом с палаткой стоял бледный Линок и держал в руке окутанный серой дымкой метатель. Зря он говорил, что не сможет. Смог. Обидно, что промахнулся.

Завизжала, перекрывая музыку, румяная толстушка, так и не дождавшаяся кавалера. Крис напрягся. Линок опустил руку с оружием. Железнодорожник издал хриплый звук, похожий на карканье, словно собирался закричать, но не смог, и бросил цилиндр на землю. Железка упала на снег в шаге от парня, которого медленно пожирал «кокон», названный живым явно в насмешку. Упал и завертелся, издавая едва слышное шипение. Белобрысый дернул меня за волосы, оттаскивая назад. Ноги зарылись в снег.

– Стреляй! – закричал растерянному травнику Крис и указал рукой на цилиндр.

Музыка играла и играла. Цилиндр все крутился и крутился... А внутри железа зарождалась буря. Я всегда чувствовала огонь лучше всего остального. Тот, что шевелился под оболочкой цилиндра, был очень сильным. И голодным. Он готовился сожрать все, до чего дотянется его алый ревущий рот.

Я все-таки зацепилась за что-то сапогами и упала в снег. В ушах свистело. Я чувствовала голод чужого огня.

– Вставай, девка, – железнорукий подхватил меня под руки, поставил на ноги, словно куклу. Я даже не успела осмыслить подобную доброту –

любой на его месте меня бросил бы, одному уйти проще. – Вставай или останешься здесь навсегда!

Старик так и не сумел оттащить внука. Торговцев, кажется, стало еще больше. Крис замер почти рядом с цилиндром. Первым делом огонь коснется парня в «коконе», вторым барона, третьим... уже будет не важно.

Секунда до вспышки.

Белобрысый продолжал ругаться, так и не дождавшаяся кавалера девушка визжала. Я неуклюже выпрямилась. Цилиндр треснул, выпуская на площадь огненный цветок.

Мисс Ильяна учила нас справляться с неконтролируемыми выплесками магии, а мой выплеск – это как раз огонь. Меня она учила обращаться к воде. Пусть это не магия, пусть это чужое пламя, но это пламя. Кто сказал, что я не могу поступить так же?

Белобрысый в очередной раз дернул меня назад, но прежде я успела раздавить пузырек на поясе. «Сухой воды» было слишком мало, чтобы погасить этот огонь, а вот четверти склянки с «семенами пустоты» даже чересчур много. Попадая на предмет, они образуют внутри пустоты. Ничего впечатляющего. Но тем самым «семена» разрушают материю изнутри. А я всего лишь задала изменениям правильное направление. В этом суть магии: все, что есть, создали богини, а колдуны всего лишь капсули, что передают энергию зарядам.

«Семена» осели на стене чаши ровно в тот момент, когда огонь пробудился к жизни. Изменения коснулись камня, внося в его структуру хаос. Чаша загудела и треснула, первая струйка воды окрасила камень в темный цвет, вторая заставила подтаять снег, третья... Огненный цветок заслонил небо, дыхнул жаром в лицо.

От чаши отвалился целый кусок, и поток воды вырвался на свободу, накрывая огонь, заставляя его огрызаться и шипеть. Криса и Линока снесло потоком, визжащая девушка упала. Музыканты наконец сообразили, что происходит что-то нехорошее, и трубы, прохрипев финальный аккорд, замолкли.

Ледяная вода ударила меня по коленям, едва не опрокинула. Огненный цветок умер, едва родившись, в небо устремился пар. Полуголый мужчина, который до этого нырнул в купель, беспомощно озирался.

Белобрысый шипел, без труда удерживая равновесие и не давая мне упасть. Люди, чудом удержавшиеся на ногах, бежали в разные стороны. Я увидела нескольких рыцарей в серых плащах и даже бывшую баронессу Стентон, спешащих на площадь. Железнодорожник не дал мне досмотреть представление, не дал бросить последний взгляд на исчезнувшего Криса.

Он рывком прижал меня к себе и потащил к обжорным рядам, вернее, к тому, что от них осталось.

Вода дошла до колен и схлынула. На площади царил хаос. Смех сменился криками, хоровод распался на тех, кто умел плавать, и тех, кто пытался утонуть. Вопреки здравому смыслу многие бежали по воде к каменной чаше, и только мы – в другую сторону. Хотя «бежали» – слишком громко сказано. Белобрысый плевался, сыпал ругательствами и продолжал многозначительно тыкать железной рукой мне в спину, подталкивая вперед, а я вместо того, чтобы заорать и привлечь внимание, продолжала идти. Ему хватило пороху бросить цилиндрик в толпу, хватит и для того, чтобы разрезать меня пополам.

Он затащил меня за бочки с вином. Торговые лавки опрокинуло, ругаясь всеми известными и неизвестными словами, дородный торговец пытался выловить из мутной снежной лужи безнадежно испорченные булочки. Рядом со мной колыхался круглый леденец, окрашивая воду в розовый цвет.

– Это отвлечет их на какое-то время. – Железнодорожник толкнул меня к бочке.

Рядом, привалившись к ее боку, спал мужчина в дорогом светлом пальто.

– Ол-ля-ля, – невнятно проговорил он сквозь сон, но даже холодная вода не смогла разбудить пьяного.

– За это время я вполне успею... отдай! – Белобрысый вырвал из моей руки инъектор.

Тяжелая намокшая юбка противно липла к ногам, я судорожно огляделась, ища спасения. Если рвануть в сторону, нырнуть между палаток, миновать залитые рельсы и...

Что «и»? Пусть мне и удастся сбежать, но что дальше? Противоядие все еще у белобрысого, и как только я спрячусь, для Криса все будет кончено.

«Ну же, давай! – скомандовала я себе. – Делай что-нибудь! Что угодно, только не стой и не молчи! Не дай ему... А что, собственно, белобрысый будет делаться с коробочкой и с, как он думает, ядом внутри?»

– Зачем... зачем вы убиваете людей? – Мне даже не пришлось притворяться, голос и в самом деле дрожал.

– Я кого-то убил? – притворно удивился мужчина.

– Брат кожевенника Ули повесился в мастерской! Гикар сгорел...

– Гикара я не поджигал, кожевенника не вешал.

– Дочь ювелира, травник, – продолжала перечислять я.

– Они вроде все живы. – Он поднял инструментариум, нажал на выступ, выщелкивая полое шило.

– Толстяк в доме целителей, – продолжала я, не сводя глаз с острого кончика, хотя объяснять железнорукому, что он является убийцей, было, по сути, очень глупой идеей, но за неимением других...

– А эту тварь я бы убил еще раз. И с удовольствием, – белобрысый безумно улыбнулся, как палач в День даруемого Девами Прощения, радуясь, что помилование задержалось в пути, а в тот миг, когда дошло до просителя, приговоренный уже лежал на плахе отдельно от потрохов.

Мужчина, размахнувшись, воткнул шило в бочку прямо над моим ухом. Дерево отозвалось гулом. Я вздрогнула, не в силах оторвать взгляда от его лица, от его неприкрытого торжества. Он думал, что победил. Был уверен в этом.

Впервые я рассматривала его так близко: узкое лицо, резковатые черты, белые брови и ресницы. Странно, но эта пренебрежительная улыбка, этот злой триумф в глазах были мне знакомы, словно я уже видела их раньше. Но как? Где? Разве что в кошмаре, из темноты которого на меня глядел монстр, что вылезает из-под детских кроватей, стоит только нянюшке уйти спать.

– Вы... – Я подняла руку к горлу, живо представив, что могло произойти, будь в инъекторе яд. Сколько народу погибло бы...

«Ну и что? – спросил внутренний голос. – Если бы не Крис, тебя бы здесь не было. Ты бы танцевала на балу с мэром Льежа и сдержанно улыбалась его шуткам. Ты бы никогда не попробовала это вино, да и никто из родных и знакомых тоже, потому что не пристало леди пить брагу на площади, так ведь?»

Так, но... Откуда это чувство неправильности?

Пьяный всхрипнул. Железнорукий выдернул шило и воткнул его в соседнюю бочку, выпуская новую порцию «яда» в напиток. Я слышала голоса, с противоположной стороны к бочкам снова подошли гуляки, какая-то женщина громко и немного натянуто рассмеялась, потекло вино...

Те, кто живет в Кленовом Саду, год от года служат нам, кто с оружием в руках, кто в поле или в коровнике. Но когда в горах поселился хвенский живоглот, отец отдал приказ, и десятки вояк днем и ночью патрулировали дороги и подходы к деревням и селам, сам граф Астер, к вящему беспокойству матушки, возглавил ловчий отряд, ушедший в горы на охоту.

А во время засухи воду по приказу папеньки возили с заснеженных горных перевалов, не считаясь с трудностями и расходами. И когда демон раз за разом прорывался к предгорным равнинам, двери Кленового Сада

открыли для всех, желающих найти убежище и переждать опасность под защитой его высоких стен, будь то стряпуха или простой пастух. Помню, матушка не разрешала Илберту взбираться на постовые башни...

– Они наши, – часто говорил отец, не мне, конечно, брату. – Они исполняют нашу волю или болтаются в петле, но, когда приходит беда, вправе рассчитывать на защиту.

А сейчас беда пришла в Льеж. И эта беда сейчас стояла напротив меня и скалила зубы. Где же городские маги? Где серые?

Я не знала. Но сейчас у всех этих людей была только я. Еще не маг, но уже и не обычная девчонка, у меня уже не получится просто отойти в сторону и безразлично пожать плечами...

Не скажешь, что жителям Льежа повезло с защитницей.

Спокойно, Иви, как учила матушка, противником или будущим мужем может оказаться любой, как незнакомец, мелькнувший в окне кареты, так и партнер по танцам. Ни одного лишнего слова, ни одного выдающего волнение движения. Спокойствие, выдержка и тонкий расчет рушат любые крепости.

Я опустила руку в карман и коснулась пустой сферы.

– Вы хотите отравить весь город? – Мне даже не пришлось изображать ужас, до того он был естественным.

– Закрой дыру, – рявкнул белокрысый. – Живо.

Он посмотрел на меня своими прозрачными глазами, в которых плескались торжество и страх... И все же, где я могла их видеть? Я ведь почти уверена, что видела, только не могла вспомнить когда?

Я заставила себя отдернуть руку от стеклянной сферы и отправила в полет «зерна изменений». Мне даже не пришлось особо стараться. Старые, не раз использованные бочки, дерево которых само разбухает от дешевого вина, коэффициент изменения – двойка, надо всего лишь заставить волокна закрыть маленькую, оставленную шилом прореху...

– Вот так, – удовлетворенно сказал железнорукий, вытащил шило и приказал. – Повтори.

– Вы для этого потащили меня с собой? – спросила я, не давая вину вытечь.

Белокрысый молча воткнул шило в третью бочку, прямо в раскрытый свиный глаз.

– Клеймо Оуэнов, – прошептала я. – Когда начнут расследование... когда узнают, откуда пошло заражение... – Я тряхнула головой, стараясь успокоиться, ведь яда в инструментариуме не было. Яда – нет! – ...могут обвинить барона, а потом всплывет, что болен его наследник. Девы, вы все

спланировали с самого начала!

Белобрысый улыбнулся и вытащил шило, с той стороны бочки снова кто-то открыл краник, наполняя очередную кружку очередной порцией вина. Тревожные крики постепенно сменялись смехом.

– Если бы, – хохотнул он, вот только совсем уже невесело. – Ну, – железнорукий ткнул меня в плечо, напоминая, зачем потащил с собой мага. Я закрыла третье отверстие. – Твой барон – это случайность, я на самом деле планировал отдать ему противоядие. А почему нет? – спросил он у самого себя. – Но его кандидатуру одобрили.

– Кто? Для чего?

Вместо ответа беловолосый дернул меня за воротник, заставляя отойти от бочек. Железная рука снова легла на талию, намеренно причиняя боль. Он потащил меня дальше вдоль опрокинутых лавок, не забывая поминутно оглядываться. На этот раз я даже не сопротивлялась. Пальцы снова коснулись прозрачной сферы в кармане, мне удалось подцепить капсулю... Чем я могу зарядить сферу? Нужно что-то простое и действенное, но не такое разрушительное, как «живой кокон». Сейчас бы мне пригодился «крик» хохотушки Рут, знать бы еще, как она загнала его внутрь стекла.

Мы обогнули торговые палатки или то, что от них осталось. Здесь народу было больше, кто-то взволнованно отдавал приказы, стараясь навести порядок. Холодная вода хлюпала под ногами. На нас смотрели с жадным сочувствием – на мое мокрое пальто, на выбившиеся волосы и даже на то, как мужчина тащил меня в сторону. Смотрели, но остановить не пытались.

Залоговый Льежский банк остался с правой стороны, впереди показалась вышка для дирижабля. Приготовления к «золотому дождю» приостановили, стюарды в форме воздушной компании пытались оттащить кожаные бурдюки с благословенной богинями водой в более сухое место. Звучало странно, да и смотрелось так же. Я подняла взгляд на ратушу – без двух минут полдень. Один из мужчин в ливрее вытянул шею, стараясь рассмотреть что-то поверх толпы.

– Что там произошло? – спросил он у белобрысого.

– Сходи и посмотри, – огрызнулся мой спутник. – Вряд ли вы сегодня вообще отчалите. – Он указал на дирижабль.

Служащий опасливо покосился на меня, но отходить от вышки не торопился. Просто напуганный человек, который не совладал с собой, огрызнулся. Сколько еще таких здесь, на площади...

Рядом с ящиками валялись сломанные ходули. Один из уличных артистов сидел на земле, то и дело вытирая кровь, сочащуюся из разбитой

головы. Железнодорожник остановился у ящика, оперся на него, словно ему было тяжело дышать. Сейчас он как никогда походил на усталого обывателя, одного из многих... Если бы минутой раньше он не тащил меня за собой, не втыкал со злостью инструментариум в бочки, я бы ему поверила.

Служащий отвернулся и снова стал смотреть на купель. С этой стороны каменная чаша выглядела целой. Артист со злостью отпихнул от себя сломанные ходули. Снежная каша доходила ему почти до икр, длинные штанины набрякли.

Белобрысый выпрямился, словно смог наконец восстановить дыхание, в свободной руке мелькнул инструментариум, тихо щелкнуло выдвигающееся шило...

Рабочие потащили очередной ящик с кожаными бурдюками. Их было больше дюжины, на ближайших без труда различалось клеймо мастерской. Узорчатые переплетенные буквы «У» и «Г». Я видела этот рисунок раньше, мало того, была уверена, что именно такой оттиск стоит сейчас на моих безумно дорогих великоватых сапогах. «Ули и Гикар» – кожевенная мастерская, а на бочках с вином клеймо Оуэнов...

– Ювелир, травник, кожевник и мастер-оружейник, – тихо перечислила я заболевших.

На нас никто не смотрел, кожа прокололась с тихим хлопком, и шило вошло в ближайший сосуд.

– Ты знаешь, что делать, – прошептал мужчина, поворачиваясь. Его дыхание отдавало кислым, вторая рука все еще лежала на моей талии.

– Вы не понимаете, о чем просите.

Белобрысый вытащил шило, капли воды побежали по бурдюку.

– Кожа – это не дерево. – Я облизнула губы. – Кожа – это почти...

Как объяснить немагу то, что в тебя вбивают с того момента, как просыпается сила? Кожа – это почти жизнь, она всего на одну ступеньку не доходит до запрета богинь. Кожа – это не трава, не хлопок, даже не мед или молоко... Кожа – это животное. К счастью, мертвое. Коэффициент изменчивости – условный ноль. Условный, потому что кожу можно изменить, но только самым-самым лучшим магам, самым опытным, тем, кто никогда не переступит запрет богинь.

Будь иначе, магические мастерские давно бы вытеснили кожевенные.

– Ну, – поторопил меня мужчина, железная культя прижалась к боку сильнее.

– Не... не могу. – Я снова коснулась сферы. Про компоненты на поясе придется забыть. По крайней мере, на время. Нужно что-то придумать,

причем срочно, иначе...

– Не можешь? Или не хочешь, графиня?

– Не могу и не хочу, – твердо ответила я, стягивая изменения внутрь сферы, что дал мне травник. Решение пришло за секунду, удивительно простое и действенное. Я не знала, как загнать в заряд крик. Но я могла представить, как не загонять его туда. Крик – это всегда волна, область давления, что мы создаем сами, сильное или слабое. В прошлый раз я его усилила, а в этот... В этот я его ослаблю, ослаблю до нуля, нет, еще ниже, если это «ниже» вообще бывает. Кончики пальцев закололо...

– Тогда... – Железная рука прижалась к боку, и я почувствовала, как ткань сантиметр за сантиметром испаривает лезвие. Он делал это нарочито медленно, скользя по касательной, медлил и не вгонял металл в плоть одним движением. – Тогда ты умрешь. Здесь и сейчас.

«Зерна изменений», казалось бы, такие незначительные, скользнули внутрь заряда. Я подцепила дрожащим пальцем вторую половинку сферы и соединила с первой, одновременно прижимая к прозрачной стенке капсуль. Неужели получится? Вот так, вслепую, создать заряд? А если нет, если сейчас все развалится и изменения вырвутся на свободу...

– Но умру я не одна. Мой огонь заберет и вас тоже, – в отчаянии пообещала я.

– А заодно и полплощади, – хохотнул белобрысый. – Мы вернулись к тому, с чего начали. Огонь против стали. Маг против воина. Кто быстрее. Надеешься выжить? – Ткань разошлась, и лезвие прижалось к коже. – Конечно, надеешься. Как и все. Лезвие тонкое, быстро войдет в тело, возможно, даже боль придет не сразу, но ты все равно закричишь. Сегодня все кричат...

Служащий воздушной компании обернулся и нахмурился.

– Восстанови бурдюк, или я тебя убью.

Я зажмурилась в ожидании удара, одновременно молясь Девам, чтобы его не последовало. Ведь так не бывает, правда? Девушки не гибнут на празднике посреди центральной площади!

Точно, а еще они не носятся по острогам за рыцарями, не сбегают от серых посреди ночи, не получают по голове.

– Видела когда-нибудь ранение печени? – Холодная сталь чиркнула по коже, смещаясь. – Нет? Человек умирает не от самой раны, а от потери крови, которую нельзя остановить, сколько ни бьются целители. – Белобрысый посмотрел на вытекающие из бурдюка капли воды и воткнул шило в соседний, впрыскивая «яд». – А если перед этим нанести на нож еще и мешающий ране закрыться раствор...

– Эй, – закричал служащий, делая шаг к ящикам. – Вы там...

– Кричи, – почти попросил меня мужчина. – Или молча делай то, что говорят.

– Нет.

Секунда уходила за секундой, каждая из них казалась мне бесконечной, но удара все не было. Сердце колотилось, руки дрожали, а белобрысый все говорил и говорил, хотя я понимала лишь одно слово из трех. Быть смелой на словах куда проще...

– Я убью тебя, но ты еще проживешь достаточно долго, чтобы успеть проститься со своим ненаглядным бароном. Чем не мечта? Не жили они ни долго, ни счастливо, но умерли в один день. – Его речь стала торопливой, движения – резкими и какими-то суетливыми. Мужчина вытащил иглу, прозрачные капли побежали по кожаному боку бурдюка, оставляя после себя быстро темнеющую дорожку. – А если я скажу тебе, что смерть варвара мне совсем не нужна? Я вскрыю тебе печень, ты сожжешь мне сердце, заберешь противоядие. Сможешь передать его любимому, прежде чем почить у него на руках. Не будет уютной могилки на двоих, не будет рая Дев для влюбленных. Мальчик забудет девочку, забудет в тот же миг, когда отвернется от свежего могильного холма.

Он продолжал говорить, и я поняла, что невольно стягиваю изменения во вторую руку. Зачем? Затрудняюсь сказать... Хотя вру, знаю. «Зерна восстановления» способны лишь на одно. На восстановление.

Я на самом деле собиралась помочь ему? Собиралась коснуться магией мертвой кожи? Даже если за это мне грозил рабский ошейник? Нет. Нет. И еще раз нет. Я заставила себя разжать пальцы. Только не ради белобрысого.

«А ради чего готова?» – спросил внутренний голос. И я испугалась, не только того, что говорил железнорукий, не его вкрадчивого тона, не его угроз, а своих мыслей, ответа, что пришел в голову быстрее, чем я успела заставить себя не думать об этом.

– Что вы делаете? – К нам подошел мужчина в форме.

– Леди заметила, что у вас бурдюки прохудились, – зло проговорил белобрысый. Инъектор исчез из его руки, словно прямоугольник карты из ладони фокусника. Он дернул меня в сторону.

Хрупкая сфера выскользнула из вспотевших пальцев и осталась в кармане. Мужчина в форме увидел темнеющую от влаги кожу и закричал на возвращающихся рабочих, словно это они были виноваты в случившемся.

– Смелая, – мужчина оглянулся на канатоходца. – Или глупая. Я бы

убил тебя, девка змеиного рода, но в этом пока нет смысла. Ибо вместе с тобой мне придется убить и...

Я снова подхватила сферу и скомандовала себе: «Давай! Просто сделай это! Пока по какой-то неведомой причине он не воткнул тебе в бок нож. Сейчас, пока он несет всякую чушь, пока осматривает площадь, ища что-то глазами, и, кажется, не находит. Он не тот человек, которого стоит жалеть».

– Не хочешь помогать ради своей жизни, – давление на кожу исчезло, нож вернулся в железный протез. – Так, может, поможешь ради чужой? – спросил он, когда я почти решилась, и в его здоровой руке снова появился иньектор, почти неотличимый от первого.

Почти. Значит, в первый раз мне не показалось. Жидкость, наполнявшая его, отсвечивала зеленым. Ее было куда меньше, чем того «чая», что налил в коробочку Линок.

– Поможешь мне, получишь противоядие и будешь свободна. Чем не сделка века?

Я не могла оторвать взгляда от инструментариума в его руках, от света, что играл на гранях узкой прозрачной трубочки, отбрасывая во все стороны зеленые блики. А ведь и в самом деле, почему нет? Яда у него не было, и, что бы он ни задумал, хуже от моей помощи не станет...

Кнут и пряник. Угрозы и награда. Надежда и страх. Неизвестно еще, что действенней.

Милосердные Девы не дали мне развить эту мысль. В воздухе что-то свистнуло, и в предплечье белобрысого вошел нож, тихо вошел, так, что я даже удивилась, увидев торчащую из плоти рукоятку и быстро темнеющий, набухающий от крови рукав над замотанной в тряпки культей.

Белобрысый закричал, застонал, засипел. Сегодня все кричали...

Я обернулась и с облегчением выдохнула. Потому что рядом с каретным двором стоял Крис. Мокрый, грязный, уставший и злой барон Оуэн опускал руку, которая только что отправила в полет нож. И именно в этот момент я поняла, что не променяла бы этого несносного рыцаря даже на сына князя, будь он у затворника. Отсутствие наследника – главная головная боль совета родов, Магиуса и Ордена серых... но меня это точно не касалось. Меня волновал только Оуэн. Теперь я понимала, что ничего не изменить. Мое сумасшествие дало такие глубокие корни, что излечиться от него не удастся. Да я и не хотела этого. Знала, что пожалею не раз, что Крис наверняка заставит меня плакать, но... Все это не имело значения, когда я видела синие глаза. Как говорил отец, глядя на аристократов, садящихся за карточный стол: «Они проиграли, даже не начав партию». Видимо, со мной будет так же.

Железнодорожник зарычал, выронил иньектор в снег под ногами, схватился за рукоять и выдернул нож. Но швырнуть в Крису не успел. Со спины на него набросился Линок. Рабочие уронили ящик и уставились на парней. Бурдюки с клеймом мастерской Ули раскатились по снегу, словно громадные пиявки, что в детстве притащил на руке Илберт. Зараженный кожевник изготовил кожаные сосуды для «золотого дождя», баронство Оуэн поставило вино, а что сделали или должны были сделать мастер-оружейник, ювелир и травник? Гикар изготовил инструментариум, а еще... кандидатуру Крису одобрили. Мысль была интересной. И правильной, ее не мешало бы обдумать, но не сейчас. И не здесь.

Я схватила заряд. Белобрысый плавным и каким-то змеиным движением сбросил с себя Линока. Травник полетел на землю, он не был рыцарем и вряд ли часто отвлекался от своих порошков и линз для того, чтобы подраться на площади. Отступник ударил парня коленом в живот, а когда тот согнулся, добавил с размаха культей по шее. Линок растянулся в грязи.

Крис был уже в нескольких шагах от железнорукого и не собирался останавливаться. Если активирую заряд сейчас, то задену обоих. Я разжала руку и совершенно неэлегантным движением осела в мокрый снег, пачкая и без того грязную юбку. Там, среди снежной каши, валялся иньектор с противоядием, надо было всего лишь протянуть руку... Не обращая внимания на холод, на льдинки, царапающие кожу, на крики и чей-то хрип, я подцепила пальцами коробочку инструментариума, сжала ладонь, не сразу поверив, что наконец-то заполучила желаемое. Зеленая жидкость перетекала по трубочке, но ее было мало, очень мало.

Что-то пронеслось над головой, что-то знакомое и одновременно чужое. «Зерна изменений». Странные, слишком быстрые, слишком исковерканные по сравнению с теми, какими управляют маги, словно сломанные, вывернутые наизнанку крупинки. Мужчина в форме воздушной компании закричал, требуя позвать серых.

Я подняла голову. Белобрысый корчился на снегу рядом с Линоком, а его железную руку играючи заламывал за спину гвардеец.

Старый знакомый. Вернее, незнакомый, тот самый, что вместе с ныне почившим толстяком чуть не отправил меня к Девам. Тот самый, чье фото двадцатилетней давности висело в гостиной у серой. Он был шире в плечах, массивнее белобрысого и, по всей видимости, сильнее, хотя и старше. Лицо седовласого солдата оставалось бесстрастным. Но поразило меня не это, поразило меня то, что с пальцев свободной руки все еще продолжали срываться в полет эти ущербные изменения, как еще совсем

недавно нож с руки барона. Каждый бросается, чем может.

Милосердные Девы! Он маг! Гвардеец – маг. О чем еще умолчала серая?

Крис не добежал. Что-то жгучее и одновременно холодное налетело на Оуэна, жаля, как рой пчел, заставило его остановиться и задержаться, словно в припадке падучей. Я не знала, что это за магия, не сумела опознать воздействие и могла только предполагать. Рыцарь рухнул на колени, не добежав пары шагов до Линока. Его лицо кривилось от боли.

Я закричала, и кто-то кричал вместе со мной... Раненый артист? Рабочие? Служащий компании или очередные зеваки? Все равно. Не кричал только Крис, и оттого смотреть на него было еще больнее.

Почему гвардеец не приложил тогда магией ни меня, ни Гэли? Почему предпочитал гонять по лабиринту улиц? Не самое лучшее время, чтобы выяснять это.

Железнодорожник взвыл, громко, тоскливо, безнадежно, как собака над телом хозяина.

– Как я рад наконец познакомиться, – усмехнулся седовласый. – Давно искал встречи.

Белобрысый выругался, прошелся по родословной гвардейца вдоль и поперек. Его предки были бы поражены столь разнообразными любовными связями.

– А мне говорили, что благородные в любых ситуациях блистают воспитанием, – покачал головой старый солдат.

– Ты не можешь убить меня, – выкрикнул железнорукий, и эта фраза волшебным образом успокоила его самого, во всяком случае, он перестал беспорядочно дергаться. – Не можешь, иначе...

– Это несправедливо, ты не находишь? – спокойно переспросил гвардеец и дернул пленника на себя, заставляя подняться. – Ты можешь, а я нет. Хотя так даже интереснее...

Он поднял голову.

– Нет, – пробормотала я, зажимая инструментариум в руке. – Нет.

– Беги! – закричал белобрысый, рывком поднимаясь на ноги. Сейчас в его взгляде не было ни злости, ни превосходства, только усталость и паника. – Беги, девка змеиного рода!

– Детская возня, – устало пробормотал гвардеец.

Я не стала дожидаться развязки, просто не могла позволить себе такой роскоши. Перехватила инъектор и ринулась вперед вопреки словам железнорукого и вопреки собственному желанию. Нынешний праздник Рождения Дев запомнится мне надолго. И не только мне.

Ринулась совсем не как леди – поползла. Неэлегантно, на четвереньках. Не от гвардейца, а к нему. Вернее, к двум распластанным в снежной каше мужчинам. Лед колот руки, чулки набрякли от воды, кожа зудела, шея ныла, сердце билось, инструментариум казался тяжелым, а я сама себе неповоротливой клушей... Девы!

Наконец-то зазвонил тревожный колокол. Сначала один, потом второй. Линок упал ближе. Я схватила его за руку, кожа казалась холодной. «Как у покойника», – шепнул внутренний голос. Я выщелкнула тонкое шило.

Железнодорожник снова взвыл, и моя рука, как по команде, замерла. Словно только этого и ждала. Ждала, чтобы кто-то остановил меня.

«А ведь противоядия так мало! – пришла непрощенная мысль. – Кто знает, хватит ли его на двоих, не лучше ли...»

– Выходит, не все отравленные равны перед тобой? – услышала я насмешливый голос гвардейца и почувствовала отвращение. К себе.

Быстро, боясь передумать, воткнула шило в предплечье травника. Воткнула прямо сквозь сукно, не заботясь о чистоте или о правильности действий. Инъекции бывают разные. Помню, брату вводили раствор от болотной лихорадки, вводили прямо в голубоватую вену, строго следя, чтобы... Матушка выгнала меня из покоев Илберта, больше возмущаясь не самим фактом присутствия незамужней дочери в спальне мужчины, пусть тот тысячу раз ее брат, а тем, что я не проявляла ни малейшей склонности к обмороку и с интересом заглядывала целителю через плечо, в то время как она не расставалась с нюхательными солями.

Что-то часто я стала вспоминать матушку. И известий из Кленового Сада давно нет. Не к добру...

Я вытащила шило немного торопливее, чем надо, но внутренний голос продолжал шептать о том, что противоядия мало. Смертельно мало.

Я посмотрела на Крису. Показалось или рыцарь пошевелился? Дернулся, словно магия седовласого гвардейца продолжала его жалить.

Кто-то вскрикнул, послышался топот сапог, женский голос звал серых, на что с другого конца площади ей резонно ответили, что им помощь тоже не помешает.

Дыхание Линока стало глубже и размереннее, словно то, что сжимало его сердце, вдруг исчезло. А может, я просто фантазировала на пустом месте, ведь коросту нельзя почувствовать, пока не станет слишком поздно. Я отпустила руку травника и бросилась к Крису, но тот лежал слишком далеко, в двух бесконечных шагах от меня...

Знаете, так бывает – чем сильнее торопишься, тем хуже результат, когда больше всего на свете боишься споткнуться, обязательно

спотыкаешься. Я так торопилась, что выронила иньектор. В свое оправдание могу сказать, что ползать по площади мне раньше никогда не доводилось. Но звучало это так себе. Я задела коленом бедро травника, охнула, коробочка инструментариума выскользнула из ладони и зарылась в снежную кашу прямо у сапога гвардейца. Лучше бы в змеиную нору нырнула, по крайней мере, я бы не так испугалась.

– И что ты сейчас будешь делать? – зарычал белобрысый, адресуя вопрос то ли мне, то ли противнику.

Я подняла голову, встретилась взглядом с гвардейцем. В его глазах не было ни триумфа, ни торжества. Лишь усталость, словно все это он видел уже не раз и ему до смерти надоело смотреть один и тот же спектакль.

– А ты? – переадресовал вопрос старый солдат и поддел сапогом снег, отбрасывая коробочку инструментариума обратно ко мне. Если бы он отрастил за спиной крылья и вознесся к Девам, я не смогла бы удивиться больше.

– Я... я... – Слов не было, что, правда, не помешало мне вцепиться в иньектор.

– Вы делаете неправильные выводы, леди, – спокойно ответил седовласый.

Крики раздались ближе, на площади появились серые, кто-то указал руками на нас, кто-то продолжал причитать и чего-то требовать, от «прекратить безобразие» до «позвать сюда самого князя».

– Стоять на месте! – крикнул рыцарь в грязном плаще, беря на прицел метателя-гвардейца и его пленника.

Железную руку застонал, тогда как седовласый спокойно поднял руки. Белобрысый упал в снег, перекатился и... получил пинок под ребра от мужчины в мокром сюртуке, именно он еще недавно сидел, привалившись к пивным бочкам, и мастерски изображал пьяный сон. Мастерски, потому что сейчас его взгляд был ясным, как и рука с ножом, прижатая к горлу белобрысого.

– Поднимайтесь, Ивидель, – раздался голос, и магистр Виттерн протянул мне руку.

Я ухватилась за нее и едва не расплакалась от облегчения. Все кончилось. Серые здесь. И магистр. Все на самом деле кончилось! Вот только Крис...

Словно услышав мои мысли, Оуэн застонал, заворочался, поднял голову, обвел площадь мутным взглядом.

Я сделала шаг вперед.

– Нет, Астер. – Милорд Йен схватил меня за руку, за ту руку, в которой

был зажат инструментарием.

– Но он же...

– Знаю, – перебил магистр, и было что-то в его голосе... что-то, заставившее меня посмотреть ему в глаза, один – нормальный, а второй – изуродованный полуприкрытым веком. – Вы как маленькая, Астер, если наши травники исследуют это вещество, то, возможно, смогут излечить и остальных больных.

– А как же Крис?

– Сотни больных, Ивидель. Тысячи против одного! – Он тоже посмотрел на мотающего головой рыцаря.

– Площадь оцеплена, – отрапортовал еще один рыцарь с арбалетом, и я узнала в нем давешнего артиста на ходулях. Ногу он все же немного подволакивал.

Раздавались отрывистые команды, кто-то отгонял зевак, кто-то уверял, что ничего страшного не случилось. На фоне разрушенной купальни звучало неубедительно.

– Отконвоировать всех в острог, – отдал приказ тот, кто изображал пьяного.

– Этих двоих в Магиус, – перебил его Виттерн, отпуская мою руку.

Крис еще раз мотнул головой, становясь на четвереньки. С губ сорвался стон. Тихий, почти неслышимый. Он поднял голову и посмотрел на меня. Посмотрел так, как не смотрел никогда раньше, и вряд ли посмотрит в будущем. Вены на лице вздулись, рисунок чешуи на шее стал ярким и выпуклым, словно не смертельный набросок художника, а работа скульптора. Экзекутора, что высекает на живой плоти.

Стон сменился хрипом, а в глазах промелькнуло что-то грустное. Промелькнуло и погасло. Именно так убивает короста. Тихо и быстро, сжимая и не давая сделать вдох. Или не давая сердцу ударить... или...

– Нет, Астер! – сказал милорд Йен. – Иногда надо уметь жертвовать меньшим ради большего, – и, смягчившись, добавил: – Поверьте мне, он знал, на что шел.

– Знал, на что шел, – эхом повторила я, только сейчас начиная понимать, что произошло.

– Не думаете же вы, что мы бросим ученика Академикума? Что позволим отравить воду и вино? Астер, вы как маленькая.

Да, хотела ответить я. Именно так я и думала. Позволят, если это будет им выгодно, как позволили Крису избить ювелира. Позволят крупной рыбе проглотить малька. Я бы тоже позволила, но дело коснулось чего-то личного, чего-то дорогого.

Знал, на что шел... Похоже, все знали. Все, кроме меня. Ловля на живца, только вот поймали они, кажется, не только гвардейца и белобрысого, но еще и меня.

«Меньшим ради большего...» – так же иногда говорил и отец. Правильные слова, но иногда от этой правильности начинало тошнить.

Я почувствовала горечь. Великие магистры, дворяне, серые они отвечают за всех и за вся, за людей на площади, за меня, за Криса. Или делают вид, что отвечают. А я всего лишь девчонка, чей удел вышивать крестиком и воспитывать таких же принципиальных наследников рода.

Меньшим ради большего! Только кто сказал, что жизнь одного – это меньшее?

Я отступила, сунула вторую руку в карман.

– Астер? – Милорд шагнул следом.

Хромой акробат только начал переводить прицел арбалета с гвардейца на меня, когда Оуэн упал. Упал лицом в подтаявший снег. И все перестало иметь значение, даже то, что от Льежского залогового банка к нам бежала серая жрица. Она махала руками, указывая на седовласого.

Активировать капсуль на сфере можно не только бойком метателя. Любое такое воздействие – это удар, высвобождение энергии. Но энергию можно освободить и по-другому, можно разрушить внешнюю оболочку капсуля. Уж что-что, а это я делать умела. Капсюль настолько мал, что достаточно пары зерен...

Время сжалось, как пружина. И распрямилось. Почему нас на практикумах учат собирать заряд, но не учат делать это вот так, в условиях, когда стрелки часов бегут вперед, как сумасшедшие?

Серая все кричала, рыцарь перевел арбалет, но не успел нажать на спуск, магистр Йен что-то прошипел сквозь зубы, Крис не шевелился. Я швырнула заряд в учителя, одновременно вскрывая пломбу капсуля. Рука седовласого пошла вниз, словно он только этого и ждал. Те самые колючие «зерна изменений» сорвались с его пальцев одновременно с моими.

Тот, что изображал пьяного, дернул метателем, но не выстрелил, лишь закричал:

– Взять живы...

Сфера лопнула. И над Круглой площадью повисла тишина. Такая тишина, от которой стало больно ушам. Да, я не знала, как повторить заряд Рут, не знала, как загнать звук в сферу, но я знала, как загнать туда тишину. Звук – это вибрация, а все, что от меня требовалось, – это погасить вибрацию. Создать звуковую пустоту.

Честно говоря, я сама не представляла, как это будет. Достаточно посеять «зерно пустоты», и когда оно высвободится, когда сфера лопнет, все звуки устремятся к его центру, так как наш мир не терпит пустот. Я думала, заряд «съест» перепады давления, поглотит вибрацию. Эдакий отвлекающий маневр, который позволит мне сбежать или... не сбежать, а сделать один укол.

Реальность превзошла все ожидания. Не знала, что тишина может причинять боль. Острая, пронзительная, от которой в ушах что-то выворачивается наизнанку. Кто-то упал, кто-то беззвучно кричал, как малыш на руках у румяной матери, идущей к каретному двору. Он покраснел и орал, открыв рот, но никто не слышал. Что-то невидимое и острое продолжало ввинчиваться в уши.

Рыцарь дернул головой, отмахиваясь от боли. Посвященный, которому не страшна магия... Вот только я воздействовала не на него, а воцарившаяся тишина заставила его промедлить. Лишь миг. Но мне этого хватило. Нам хватило.

Рука гвардейца опустилась, жалящая магия сорвалась в полет и... минуя серого, впилась в упавшего железнорукого. Седовласый маг тоже знал цену посвящению в рыцари. Белобрысый выгнулся дугой, открыл и закрыл рот, словно рыбка у Гэли в аквариуме.

Магистр Йен покачнулся – сфера лопнула прямо напротив него. Пустота притягивала, высасывала все звуки из окружающего пространства. Больше я ни на кого не смотрела. Крис был так далеко и так близко. Полшага, одно движение, два вдоха и три удара сердца. Все удары сердца на свете. Я почти упала на Оуэна, непослушными руками перехватила инъектор и воткнула острие в спину, с отчаянием наблюдая, как зеленоватая жидкость вытекает из трубки, как последние капли собираются на прозрачных стенках и исчезают в полый игле.

Громко хлопнуло. «Зерно пустоты» небесноконечно, и даже его можно заполнить.

Младенец закричал, кто-то поминал демонов и всю их родню до пятого колена, кто-то винил во всем Разлом, кто-то князя, а кто-то серых, что, собственно, было недалеко от истины. Звуки чересчур громкие и такие разные...

– Хватит, Астер, – инструментариум вырвали у меня из рук. – Хватит фокусов. – Магистр Йен тряхнул головой, из правого уха текла кровь. – Встать.

Виттерн был зол и не скрывал этого. Слишком резкими стали его движения, когда он рывком поставил меня на ноги, слишком дергаными.

Бывший пьяный рыцарь прижимал к земле железнорукого, по телу пленника одна за другой пробежали судороги, с губ стекала слюна, хотя он оставался в сознании. Я могла лишь догадываться, как ему больно.

Хромой рыцарь стоял чуть поодаль и водил арбалетом из стороны в сторону, так и не решаясь выстрелить в убегающего гвардейца. Что это? Проснувшееся человеколюбие? Или приказ взять живым?

– Нет! – закричала подбежавшая серая и, схватив арбалет, дернула на себя. – Он нужен нам живым.

Значит, последнее. Площадь наверняка оцеплена.

Седовласый нырнул за спины двух зевак и скрылся где-то на Лунной улице, которую закрывала от нас вышка для дирижаблей. Странно, но никто из людей на площади, даже те, которые указывали на нас пальцами, не повернулись в его сторону.

Не только я сумела воспользоваться секундами отвлекающего маневра. Гвардеец вообще был единственным, кто сохранил спокойствие на протяжении всего действия. Он не ругался, не психовал, как мертвый толстяк, не угрожал. Он вел себя словно... словно...

Я старательно отогнала пришедшую в голову мысль. Так и до сумасшествия недолго.

– Давай-давай, поднимайся. – Рыцарь в мокром пальто, тот, что изображал пьяного обывателя, поднимал белобрысого. Пленник уже пришел в себя после атаки, во всяком случае, взгляд стал осмысленным. – И без шуток, – приказал серый, когда из железной культи выскочило лезвие.

Хромой с арбалетом продолжал что-то втолковывать жрице, но прицелиться в людей больше не пытался. Еще два рыцаря с серыми бляхами выскочили из-за полуразрушенной чаши купальни и поспешили к нам. Ребенок на руках у щекастой матери наконец-то замолчал. Крис не шевелился.

– Доставить арестованного в северную башню Академикума, – приказал магистр Йен. – И эту тоже. – Он толкнул меня к двум подошедшим рыцарям и скомандовал: – Запереть.

– Но... – понятия не имею, что я хотела ему сказать, да и нужно ли было, это «но» вырвалось помимо воли.

– Никаких «но», Астер, вы почти приравнены к заговорщикам. Почти... – весомо добавил учитель.

– Это смешно! – сказала я, чувствуя, как один из рыцарей, крепко схватив меня за руку, потянул назад. И с трудом удержала огонь внутри. В-первых, бесполезно, а во-вторых...

– Девочка встала не на ту сторону, – отрывисто засмеялся железнорукий, вот только его смех больше напоминал сухой лай старого брехливого кобеля с конюшни. – Когда-нибудь ты поймешь. Надеюсь. И если такой день наступит, найди меня. – Он посмотрел в мою сторону. – Меня зовут Альберт, найди и...

– Найдет-найдет, – пообещала ему жрица. – В петле она тебя найдет, – и кивнула серым: – Уводите.

Меня потянули в сторону купальни, я обернулась на все еще неподвижного Криса. Девы, вы не можете быть столь жестоки! Только не сегодня!

Я едва не упала, споткнувшись, рыцарь промолчал, лишь ладонь на предплечье сжалась крепче. Линок сидел в грязном снегу, сжимая руками голову, а вот Оуэн...

– Догнать второго и доставить на Остров, – продолжал отдавать приказы милорд, вытирая текущую из уха кровь. – И займитесь ранеными, не хватало еще, чтобы День Дев запомнился драками и смертями. Расколовшуюся чашу объявите знаком богинь. – Мужчина поморщился и посмотрел на Аннабэль. – Не мне вас учить...

Нас с железноруким заперли. Вернее, хотелось надеяться, что заперли его, а меня просто попросили подождать. В допросной Академикума. Во всяком случае, это казалось более обнадеживающим по сравнению с подвалом башни, куда увели мужчину.

Неизвестность – самая выматывающая из пыток. Я не знала, что будет со мной, не знала, что стало с Крисом, все, что мне осталось, это болезненное воспоминание о лежащем в снегу бароне.

Такими мыслями я развлекала себя уже пару часов, сидя на неудобном металлическом стуле, изредка вскакивая, ходя от стены к стене и старательно отводя взгляд от лежащего на столе предмета. От потертого кожаного ошейника с блестящей медной пряжкой. Такой очень подошел бы дворовой собаке. Или отрезанной от магии рабыне.

Льдинки страха тяжестью осели в животе.

Отец не допустит, чтобы одного из Астеров...

Приехали, теперь я вспомнила об отце и о своей фамилии. Не поздновато?

Нет. Не допустит. Если что, матушка его уговорит. Должна уговорить.

Дверь открылась, и я заставила себя неторопливо отвернуться от забранного черной решеткой окна. Хотя, спроси меня кто-нибудь, куда оно выходит, не смогла бы ответить и под страхом смертной казни.

Я заставила себя остаться на месте и не кинулась с вопросами к вошедшему магистру и к сопровождающей его серой. Заставила себя спокойно посмотреть им в глаза.

Я графиня Астер, мой род берет начало от первого князя, от его младшего брата, того самого, что назвали Змеем и сослали к Разлому. Мой предок построил Кленовый Сад и изменил русло Иллии^[10], мой дед ходил на черного медведя с одной рогатиной, чем вызывал «нездоровый ажиотаж» среди зверей. Наш род, прозванный недругами «змеиным», ни разу не прерывался. Наша кровь древнее, чем Аэра, и даже серой не сравниться с нами.

Я не заплачу, не позволю им увидеть...

А может, наоборот? Взять и разреветься? На папеньку всегда действует положительно. Как говорила бабушка, на войне и в любви все средства хороши.

Эта мысль снова заставила меня вспомнить неподвижного Криса. Нет, я не жалела. Разве что самую малость.

На всякий случай я совсем неэлегантно шмыгнула носом, что несколько не вязалось с задраным подбородком, но мне было все равно.

– Не могу сказать, что рад видеть вас в этой комнате, Астер, – проговорил магистр Йен, выдвигая стул и бросая на стол коричневый конверт из дорогой плотной бумаги.

– Я тоже не могу сказать, что рада видеть себя здесь. Может, просто отпишете отцу, он построит Академикуму еще одну башню и закончим на этом?

– Дерзите, Ивидель? – Кажется, это его немного позабавило. – Надеюсь, вы не растеряете своего апломба к концу допроса. – Он приглашающе взмахнул рукой, указывая мне на второй стул.

Серая отошла к стене, не произнеся ни слова.

– Допроса? – Я посмотрела на Аннабэль Криэ. – Даже так?

– Так. – Учитель сел. – Похоже, вы не соображаете, во что впутались. Зачем, по-вашему, Остров остановился над Льежем?

– Затем, что в городе эпидемия ветреной коросты, – нахмурилась я. – Эпидемия, которая пошла на убыль...

– Вот именно. Странная, ни на что не похожая эпидемия. Знаете. Отлично. Так скажите на милость, с чего вы полезли во все это? Зачем увязались за Оуэном?

Я опустила глаза. Даже не глядя на серую, я могла сказать, что та улыбается своей всезнающей ироничной улыбкой, которую так и хотелось дополнить словами: «Я же предупредила!». Только женщина может понять

другую женщину.

– Мы ловили заговорщиков, а поймали вас.

– Плохо ловили, – из чувства противоречия ответила я.

– Заговорщиков, которые владеют механизмами с Тиэры, у которых есть вытяжка как из семян лысого дерева, так и из его коры. Вы понимаете, кого на самом деле мы ловили?

Я промолчала.

– Вы понимаете, что, если бы происхождение Ивидель Астер вызывало хотя бы малейшие сомнения и не было подтверждено как минимум десятком свидетелей, семейными портретами и рассказом повивальной бабки, что приняла вас, мы бы разговаривали совсем в другом месте? И скорее всего, компанию вам составлял бы мужчина с железной рукой, а подмастерья палача делали бы ставки, кто из вас заговорит первым?

– А железнорукий, он назвался Альбертом... он из... из Тиэры? – спросила я, подходя к столу.

– Нет. – Учитель и серая переглянулись. – Пока непонятно, как он получил железную руку, яд и противоядие, но это дело времени.

– И изрядных затрачиваемых усилий, – вставила серая. – Если бы вы допустили меня...

– Мы это уже обсуждали, – поднял руку Виттерн. – Сейчас не время и не место продолжать.

– Зачем вы это мне рассказываете? – Я перевела взгляд с мужчины на женщину. – Если мое происхождение подтверждено...

– Чтобы ты не надела этот ошейник. – Магистр коснулся кожаного ремешка. – Потому что всех денег Астеров не хватит, чтобы отвести от вас подозрение в измене князю.

– Вы это серьезно? – Я села на холодный стул и не была уверена, что в ближайшее время смогу подняться.

– Управляемая эпидемия. – Половина лица учителя уродливо кривилась, словно от боли, а вторая оставалась неподвижной. – Вал смертей, народные волнения, возможно, бунт и как следствие – поиск виноватых. Сначала достанется исполнителям...

Он замолчал и выжидательно посмотрел на меня.

– Исполнителям? – Я поняла, что комкаю пальцами грязную ткань юбки. – Железнорукий...

– Вашего Альберта еще надо найти. Есть кое-кто поближе. И когда начнут разбираться, выйти на виновных не составит труда. Например, на Гикара, который изготовил инструментариум...

– Травник, оружейник, ювелир и кожевенник, – произнесла я, мгновенно поняв, о чем говорил милорд Виттерн.

– Кожевенник Грен изготовил бурдюки для «золотого дождя», после которого должно было начаться заражение, – кивнул мужчина и снова дотронулся до ошейника, чем очень меня напугал. – А травник вполне мог изготовить яд.

– Ленок этого не делал. – Я чувствовала себя обязанной защитить парня. Наверное, потому, что он тоже ввязался во все это вслепую, вместе с нами, пока серые и иже с ними решали мировые проблемы.

– Да, не делал, – согласился учитель. – Но в случае удачно проведенной операции вряд ли это имело бы значение. Хватило бы и одной возможности.

– А ювелир? Главарь банды?

– Не тот масштаб. Ювелир не глава, максимум финансист этой операции, на все нужны деньги, даже на материалы: на кожу и воду...

– Тогда кто... – начала я и тут же поняла. «Его кандидатуру одобрили», – сказал белобрысый. – Оуэн!

– Аристократ, жестокий барон, натравивший собак на ребенка, – вставила серая.

– В виновность такого сразу поверят. Его отец – поставщик вина к празднику, вино должно было спровоцировать еще одну волну заражения. Заболев коростой, наследник богатого баронства сошел с ума и решил прихватить с собой на тот свет весь город. Чем не вариант для обвинения? А для черни, так и вовсе установленный факт. – Он вздохнул. – Возможно, в этой цепочке есть еще звенья, и мы рано или поздно дойдем до них.

– Скорее поздно, – покачала Аннабэль головой, – если не примете помощь серых.

– Но теперь вы все знаете, – проговорила я, не обращая внимания на перепалку. Мне не было дела до разногласий Академикума и серых. Я заставила себя разжать пальцы и отпустить мятую ткань. – При чем тут измена князю?

– Ну, сначала накажут очевидных виновных...

– Подставных, вы хотите сказать, – вставила Аннабэль.

– Не важно, – отмахнулся магистр Йен. – Народный гнев, погром лавок, убытки, травмы, смерти. Уверен, провокаторы, которые заведут толпу и направят народный гнев в нужное русло, уже проинструктированы. А потом, когда первая волна схлынет, – учитель развел руками, – люди начнут задаваться вопросом: куда смотрит князь? И смотри ли? Они всегда задают такие вопросы. Затворник не покидал Запретного города уже лет

десять, жив ли он или княжеством и сопредельными равнинами давно правит первый советник?

– Я думаю, все еще проще. – Серая отошла от стены. – Не зря же они озаботились и запаслись противоядием.

– Народный спаситель? – нахмурился милорд. – Тот, кто выйдет из тени в нужный момент и излечит благодарный народ?

– Он самый.

– Ходили слухи о воре, что оглушал людей и... – я замялась, – излечивал их. Говорят, князь обещал ему прощение и награду, пусть только принесет противоядие.

– Н-да. – Йен Виттерн постучал пальцами по столу. – Только народного героя и революции нам не хватало.

– Мы здесь ни при чем! – выкрикнула я. – Лучше у нее спросите, – я указала на бывшую баронессу, – что за многолетняя дружба связывает ее и того старого гвардейца с площади? Того гвардейца, что пытался отобрать у нас с Гэли инструментариум! Его поймали? Нет? А еще она утаила, что он маг.

Прозвучало немного обиженно, с теми же интонациями, с какими я жаловалась матушке на Илберта, в очередной раз удравшего с друзьями в горы, но мне было все равно. Я действительно обиделась. И испугалась.

– Я и забыла, что вы художник, Ивидель. – Серая подошла к столу. – Что ни время, ни морщины не скроют от вас истинное лицо. Только вы могли узнать на старой фотографии молодого слугу. Узнали, сделали выводы и удрали из моего дома. Одна! Ночью! Спасать этого... этого... баронишку... – Она выдохнула и посмотрела на учителя. – Гвардеец был магом. Дар проснулся, когда Арирх был еще мальчишкой. Он не поступил в Магиус. Мой дед не стал оплачивать обучение сына камердинера. Итог – тот отправился в Отречение и был отрезан жрицами от силы.

– Разве ее можно вернуть? – удивился учитель.

– До сегодняшнего дня я думала, что нет, – вздохнула баронесса и стала неторопливо стягивать перчатку.

– Когда будут результаты эксгумации? – спросил учитель. Похоже, мои обвинения не произвели на него ни малейшего впечатления.

– Скоро. – Перчатка из синей кожи полетела на стол. – Что вы так смотрите на меня, Ивидель? Я не злодейка и не главарь банды охотников за артефактами. Я сразу отдала приказ вскрыть могилу Арирха. И даже отца! Они погибли вместе десять лет назад на одной из гондол князя. Ушли к Девам и не могут вернуться, будь Арирх даже самым сильным из магов. Смерть не излечить.

– Если гвардеец – маг, то почему он не применил силы раньше – против меня и Гэли? – спросила я.

Они переглянулись. Видимо, этот вопрос волновал не только меня.

– Мы не знаем, – ответила Аннабэль.

– Вот об этом и поговорим. – Учитель как бы невзначай коснулся пальцем конверта на столе и поправил манжеты. – Для вас, Астер, эта история началась...

– В лавке Гикара. – Я присмотрелась к бляшке сургуча на коричневой бумаге, к оттиску на конверте. Оскаленная змеиная пасть. Герб Астеров. Официальная печать отца. Я выпрямилась. Значит... значит, папеньке уже отписали. Но как? Когда успели? За два часа письмо не то что до Кленового Сада не дойдет, оно и пределы Льежа не покинет. – Мы с Гэли просто пошли за покупками.

Тогда я была уверена в своих словах. И никто не усомнился. В ошибках вообще не принято сомневаться, и чем больше ошибка, тем сильнее уверенность в собственной правоте.

– С Гикара. – Йен Виттерн достал чистый лист бумаги и стал записывать. – А вечером...

– Вечером кто-то ударил по голове посыльного, доставлявшего покупки, – вставила серая. – Девушки не одну лавку посетили. Дальше ограбление дома Миэров, к счастью, неудачное. Первоначальная версия, что хотели украсть «Око Девы», не подтвердилась. Собственно, вора застрелили как раз потому, что хозяин увидел его в артефакте, так что впору начать сомневаться в здравомыслии грабителя. Вывод: охотились за чем-то другим. Мы перетрясли всю воровскую гильдию: раз у грабителя были отмычки мастера Ши, они должны были знать, кто заказал Миэра, в чем бы этот заказ ни заключался.

– И? – спросил Виттерн. – Что сказал старый черт?

– Ничего. – На лицо серой набежала тень. – Он умер.

– И что-то мне подсказывает, что отнюдь не от старости, – вздохнул учитель.

– От топора в голову. И оказалось: кто бы ни сделал этот заказ, он действовал в обход гильдии.

– Вора опознали?

– Да, гастролер работал пару раз в Эрнестале, иногда здесь, в Льеже. То тут, то там. – Серая пожала плечами. – Перекати-поле. Таких не очень любят в гильдии.

Они замолчали. Учитель снова посмотрел на меня. От его взгляда стало неуютно, захотелось поерзать. А еще зареветь.

– Но почему Гикар продал инструментариум мне? – не выдержав, нарушила я молчание. – Если он сотрудничал с железнорукиком?

– А вы, Ивидель, уверены, что сотрудничал? – удивился учитель. – Травник – не сотрудничал, а оружейник – сотрудничал?

– Да, – подумав, кивнула я. – Железнорукий сказал: «Гикар перемудрил».

– Интересно... Жаль, что с оружейника уже не спросишь. – Магистр отметил что-то на листке. – Давайте подумаем вместе, зачем вам «продали» инструментариум?

– Возможно, чтобы вы, графиня, передали его кое-кому? – предположила серая.

– Не имею привычки быть на посылках. – Я дернула плечом и снова посмотрела на конверт из плотной коричневой бумаги.

– А вы могли и не знать об этом.

– Вспоминайте, Астер, никто не просил вас одолжить ему коробочку или обменять? – Учитель демонстративно пододвинул письмо на край стола. – Никто не дарил подарков, после принятия которых вы не смогли бы отказать в пустяковой просьбе?

– Нет, – ответила я и тут же вспомнила – шпага. Шпага из чирийского металла, которая стоит как небольшое имение. Но проблема в том, что меня действительно никто ни о чем не просил. – Пусть так, магистр. Пусть вы правы, но в какой момент все изменилось?

– О чем, вы, Ивидель?

– О том, что сначала мне «продают» инструментариум, а потом всеми силами стараются его забрать. С чего они решили отыграть все назад?

– Возможно, потому, что в дело вмешалась третья сторона и партию не разыграли до конца? – задумалась Аннабэль.

– Третья сторона – это твой слуга-гвардеец и его сообщник, погибший в доме целителей? – задумался учитель. – А не поздно ли? Мы уже знаем, заражен барон... Когда случился этот перелом? Вспоминайте, Астер, что произошло после того, как вы привезли покупки на Остров? Что в вашем поведении могло насторожить заговорщиков?

– Я не знаю, милорд.

– Кто в Академикуме должен был забрать или подменить иньектор? И почему не сделал этого?

– Не знаю! – почти выкрикнула я, и в этот момент тонкие прохладные пальцы Аннабэль Криэ коснулись моего запястья.

Это было не больно и даже не неприятно, если не знать, что именно в этот момент она считывает память, ищет ответы на вопросы. Я искала их

вместе с ней. Картинки оживали, мелькали перед глазами размытыми цветными пятнами, словно фотографии, раскрашенные рукой художника. На этот раз жрица была быстра, никакой глубины и четкости, лишь скорость и перетасовка карточек, словно в игральной колоде – лица дам, королей, вальтов... Моментов моей жизни.

– Она не врет. – Баронесса открыла глаза и отпустила мое запястье.

– Хоть одна хорошая новость. – Магистр устало потер глаза. – Я поставил вам зачет, Ивидель.

– Что? – Переход от следователя и допроса к учителю и зачетам был столь резок, что я даже не сразу поняла, о чем речь. – К...к...какой зачет?

– По созданию зарядов.

– А как же... как же... противоядие? Крис? Не послушала вас... Как же обвинение в измене? – Я посмотрела на ошейник.

– А вам оно так приглянулось, что желаете примерить? – иронично поинтересовалась жрица. – Или вы хотели, чтобы допрос вела личная гвардия князя?

– Нет. Но это значит... – проговорила я и вскочила, едва не опрокинув стул. – Вы пугали меня специально!

– Мало того, – с удовольствием добавила Аннабэль, – пока ученик не отчислен, даже серые псы не могут его допрашивать. И мое присутствие здесь, мое касание – всего лишь любезность магистра. Вы не выполнили приказ и истратили противоядие на того, кто этого не стоит. Будь вы серой, отправились бы под трибунал. Но вы всего лишь ученица, Ивидель, вы не приносили присягу, не давали обетов Девам. – Она пожала плечами.

– Вы обманули меня!

– И не собираюсь за это извиняться. – Учитель смотрел спокойно. – Ваш заряд был... – Он замолчал, подбирая слово. – Интересен. В следующем полугодии жду от вас техническую карту его создания, если, конечно, вы решите продолжить обучение в Магиусе.

– Если решу?

– Вам письмо, Астер. – Он пододвинул коричневый конверт. – От графа Астера. Я тоже получил подобное. Свободны, Ивидель. Советую как следует подумать...

– О будущем, – вставила серая.

Я схватила пакет, чувствуя, как уголок плотной бумаги колет пальцы, и стараясь не замечать, как от злости колыхнется пламя в светильниках. Я собиралась выскочить, громко хлопнув дверью... Но не смогла.

– Скажите, он жив? – Я ухватилась за ручку двери, так и не решившись потянуть ее на себя. – Барон Оуэн выжил?

– Да, жив. – Голос магистра был бесстрастен. – И даже здоров, хотя я не буду говорить, какую потерю по вашей вине мы понесли. Противоядие от ветреной коросты. Уму непостижимо!

Я благодарно кивнула, вышла из комнаты и сбежала по лестнице, даже не замечая, что улыбаюсь. Злость исчезла без следа.

Он жив!

Сапоги громко стучали по ступеням.

Крис жив!

Даже скудное зимнее солнце показалось мне ярче летнего полуденного.

Спасибо, Девы!

Письмо хрустнуло, когда я слишком сильно сжала руку.

Подходя к жилому корпусу Магиуса, я не удержалась и сорвала сургучную печать. Я читала и поднималась по лестнице, глазами пробегая строчку за строчкой.

Слишком давно не было вестей из дома. Я даже соскучилась по матушкиным нотациям, шуточкам Илберта и сдержанным похвалам отца, пусть сейчас меня и не за что хвалить.

– Иви! – услышала я радостный крик. С площадки второго этажа, перегнувшись через перила, на меня смотрела Гэли. – Иви! Я вернулась.

У двери соседней комнаты валялось с десятков сумок и свертков с эмблемами известных лавок.

– Вижу.

– И мне даже разрешили сдать экзамены. – Она вздохнула. – Только представь, впереди десятидневье праздников, ты будешь танцевать на балах, а я сдавать зачеты. – Подруга грустно рассмеялась, но, посмотрев на меня, тут же стала серьезной. – Что случилось? – перевела взгляд на конверт в руке, на сломанную печать Астеров и уже с неподдельным беспокойством стала перечислять: – Вести из Кленового Сада? Что-то с родными? С матушкой? С отцом? С братом? Не молчи, Иви!

– Со мной, – ответила я. – Я тоже не буду танцевать на балах, во всяком случае, в Льеже. – Я потерла усталые глаза. – Отец нашел мне мужа.

– Что? – Гэли изумленно раскрыла глаза.

– Помолвка через пять дней, мне надлежит срочно вернуться в Кленовый Сад.

Запись десятая

Об уважительных причинах отсутствия на занятиях

Я сошла с поезда через два дня и шесть часов – в Сиоли, столице провинции Ильяс, большая часть земель которой принадлежала графам Астер еще с незапамятных времен. Старая кормилица Туйма рассказывала, что после разделения Эры на Тиэру и Аэру змеиному роду принадлежали и равнина Павших, и Мертвое поле. Не то чтобы она застала само разделение, но поле Мертвецов до сих пор стояло на балансе у отца, а если порыться в старых бумагах, то, возможно, и вся Траварийская равнина, которую и прозвали «равниной Павших». Змеиный род никогда не бедствовал и никогда не кричал о своем богатстве, ибо слишком многие считали, что оно стоит на костях. Собственно, как и любое другое богатство любого другого рода, вынужденного существовать у Разлома. Это не солнечные долины запада, где растет виноград Оуэнов.

Ну вот, опять вспомнила Крису, мало мне снов, в которых поцелуй в библиотеке повторяется снова и снова, с различными вариантами финала.

– Где это видано, чтобы леди благородного рода путешествовала с одним сундуком? – пробурчала Лиди и закричала на носильщика: – Осторожнее, окаянный!

Сундук побалансировал на тележке и решил не падать, что, впрочем, не помешало горничной продолжать распекать рыжего парня. Высокая и раздумавшаяся от ледяного ветра, она невольно привлекала к себе внимание на перроне. Лиди была внучкой старой отцовской кормилицы Туймы и до отъезда в Магиус – моей камеристкой. Не очень умелой, но... Она была доброй и старательной, плюс ко всему вбила себе в голову, что обязана защищать меня от всех и вся. Иногда такая забота подкупала, иногда раздражала, но я свыклась с ней, как свыкается северный вьюнок с холодной стеной дома, по которой тянутся его плети. Иногда в Академикуме я ловила себя на мысли, что скучаю по ее громкому голосу.

Локомотив спустил пары, женщины торопливо отступили от платформы. Ветер обжег холодом лицо, кольнул губы и растрепал выбившуюся из-под меховой шапки прядь волос. Здесь, на севере, зимы куда холоднее, чем в Льеже или Эрнестале. Поезд дал третий предупреждающий гудок, кондуктор зазвонил в колокольчик, и огромная

машина стала медленно набирать ход. Свет фонарей отражался от гладкого сиреневого бока вагона.

Железнодорожная ветка, по которой пустили «сиреневый скорый», брала свое начало в Эрнестале, следовала через Льеж, вдоль побережья Зимнего моря, и заканчивалась в Корэ, в предгорьях Чирийского хребта. Именно по ней отец транспортировал уголь, металлы и камни из шахт Астеров.

Колокольчик кондуктора затих, локомотив, пыхтя, отошел от станции, ватага мальчишек бежала и свистела вслед, отталкивая друг друга локтями, словно хоть одному из них по силам было догнать поезд.

Раздался гнусавый механический сигнал, и у противоположного края платформы остановился черный с серебристым мобиль. На дверце красовалась отлитая из меди змея. На этот раз оскаленная пасть смотрелась совсем не угрожающе, а, скорее, привычно. Распахнув дверцу, на платформу выскочил худой и долговязый Жюст – племянник кучера Гийома.

– Где это видано, чтобы леди тряслась внутри бесовского механизма, которому самое место в Разломе, – пробурчала Лиди, подталкивая носильщика в правильном направлении. – Ваш папенька, конечно, умнейший человек, но иногда... – Она поджала губы, не решаясь продолжить. – Не дай Дева ваш жених увидит, позору не оберемся, будто у нас приличного выезда нет.

– Он уже в Кленовом Саду? – спросила я, натягивая на замерзшие пальцы перчатки.

– Как же можно. – Она замахала руками, носильщик сгрузил сундук на землю, предоставив Жюсту право дальше разбираться самому. – В Корэ они остановились, завтра к ужину с официальным визитом придут, да с подарками. Завтра званый вечер в честь помолвки. Ваша матушка уже с ног сбилась, приглашены почти все: и род Гиве, и Витерсы, и даже бургомистр Сиоли с супругой и дочерьми обещались быть, не говоря уже...

– Лиди, – перебила я, – ты его видела? Кто он? Хоть имя скажи.

– Да куда ж мне благородные имена запоминать, уже на третьем запуталась, запомнила только, что, как и вы, из графьев.

Надежда, такая робкая, из тех, что приходит посреди ночи, когда ты просыпаешься с бьющимся сердцем в купе вагона, видишь блестящий циферблат часов на стене и кажется, что вот-вот поверишь в невозможное, разбилась вдребезги. Я знала, что это не Крис. Знала и все равно исподволь скрещивала пальцы на удачу, надеялась, что, может быть, не он сам, может быть, его отец так же, как и мой, решил, что сыну пора остепениться...

Граф! Помилуйте меня, Девы!

– Леди Иви, вы не волнуйтесь, жених ваш – красавчик каких поискать, – обнадежила меня горничная. – Детки будут загляденье.

Жюст наконец прикрепил сундук к багажной решетке и тихо захихикал:

– Ага, уж такой сладкий мальчишка, что сразу на солененькое потянет.

– Цыц, охальник, – замахнулась на него Лиди. – Не твое дело господ обсуждать. Твое дело бесовску механизму рулить.

– Сама бы ты за такого в жизнь не пошла. – Он подмигнул горничной, и я заметила, как заалели ее щеки, и отнюдь не от мороза.

– И это не твое дело, за кого мне идти или не идти, Жюст. Заводы механизму, нас в Кленовом Саду ждут. Эх, дай Девы, доберемся живыми, а то будут вместо свадьбы похороны.

– Не будут, не бойсь.

Я села в теплый, пахнувший воловьей кожей салон мобиля. Рядом, недовольно бурча, стала устраиваться Лиди, привычно препирающаяся с водителем. В голове билась только одна мысль. Мысль, отдающая сумасшествием, но именно за нее я и цеплялась.

Как хорошо, что я оставила рапиру из чирийского металла в Академикуме. Я опасалась ненужных вопросов, ответов на которые не знала. Я не сказала о подарке ни серым, ни магистру, теперь придется молчать и дома. Одно цепляется за другое. Причины и следствия.

А ведь ее можно продать. Не за сотню золотых, конечно, и даже не за девяносто, ибо она уже настроена на владельца, но говорят, есть коллекционеры, которые собирают такие вот игрушки. Говорят... если выручить за нее пять десятков золотых, то можно оплатить пару лет обучения. Или даже три, если не портить имущество, не палить его, как я тогда башню. А ведь в спальне Кленового Сада есть еще шкатулка с драгоценностями, которые я не смогу носить, пока сила не пойдет на убыль. А она не пойдет, если пользоваться ею постоянно.

Я и в самом деле об этом думаю? О том, чтобы отказаться от свадьбы? Проявить непослушание? Отречься от рода? Кажется, да. Но почему от этих мыслей так больно?

– Видели бы вы, леди Иви, какое вам платье сшили к помолвке, вот уж дочка бургомистра слюной изойдут, жаль, вам диадему нельзя надеть, а то бы...

Она говорила что-то еще – о туфлях, о шляпке и даже о новом покрывале на кровать, что сшили матушкины мастерицы к моему приезду. Лиди это нравилось, я всегда считала, что и мне тоже, но сейчас... Я

отвернулась к окну.

Сиоли небольшой город, и через несколько минут дорога уже петляла между укрытых снегом холмов. Нигде я не видела такой чистоты и белизны, как здесь, на севере. Снег лежит восемь месяцев в году, чтобы растаять к лету, смениться ковром из зеленого мха и клевера. Зимнее море, что каждый год вгрызается в сушу, спит подо льдом меньше двух месяцев, всего около пяти десятков дней, а потом яростные течения взламывают толстый покров льда, обрушивая ледяные бури на скалистые берега.

– А батюшка-то ваш чего удумал – целую судоходную компанию открывать! – словно подслушав мои мысли, продолжала рассказывать горничная. – В Люме скоро пристань заложат и доки, по Зимнему морю будут уголья из шахт к западу сплавлять. Ох, как бы не пожалеть, перевернет весенняя свистопляска баржу, один убыток...

Дорога изогнулась к востоку, и шины зашуршали по каменному мосту, построенному еще при первом Астере Змее или сразу после его смерти. Река Иллия подо льдом выглядела мирной, хотя по весне от ее разливов страдали все окрестные деревни. Она брала свое начало в Чирийских горах, спускалась на равнину и впадала в Зимнее море. Но еще до этого широкий поток раздваивался, огибал Высокий мыс с двух сторон и снова сливался у Белого камня...

Там, на острове, стояла Илистая Нора. Я даже обернулась, чувствуя щемящее чувство потери. Отсюда мыс не был виден, но я знала, что он там, как и старый скрипучий дом. Мы с братом родились на этом острове. Тогда отец еще был не первым наследником, а всего лишь младшим братом. Я поняла, что скучаю. Скучаю по темным коридорам бревенчатого дома, по запаху дерева и пирогов, что пекла Туйма каждые выходные, по шуму ветра за окнами... Впрочем, ветра хватало и в Кленовом Саду.

Дорога выровнялась, на горизонте взметнулись алые стяги графства на высоких башнях замка Астеров.

– Вот мы и добрались, слава Деве Заступнице, – проговорила горничная, а Жюст хмыкнул, сбрасывая скорость.

Между нами и Кленовым Садам лежало только поле Мертвецов. Здесь Змей провел первые переговоры с демонами Разлома. Первые и последние. После битвы на равнине Павших, где армия людей остановила наступление тварей и понесла огромные потери, он решил договориться. И договорился, хоть из отправившейся на переговоры сотни воинов вернулся лишь он один. Говорят, одежда на Змее тлела. Никто не знал, как ему удалось остановить потусторонних тварей и уговорить их не лезть безостановочно на Аэру, а ходить только через парадный вход. Но с тех пор демоны не

вторгаются в наш мир по всему Разлому, а проходят через Последний перевал, или, как его прозвали, «Врата демонов». Их прорывы редки, как солнечные дни у нас на севере.

Под колесами что-то захрустело. Илберт как-то сказал, что это кости мертвых. Мне кошмары снились неделю, пока папенька не объяснил, что это всего лишь соляные кристаллы, что выходят здесь на поверхность, не давая траве и деревьям расти. Так или иначе, поле Мертвецов оставалось мертвым.

Веселый у нас край. Но мы настолько сжились с этой «веселостью», что не замечали ее. Интересно, а понравилось бы у нас Оуэну? Или он презрительно скривился бы, слушая местные страшилки для недалеких крестьян?

Не хочу об этом думать.

А может, рассказать пару историй о горных волках-людоедах жениху? И он сбежит? Было бы неплохо.

Лиди поминутно поминала Дев, до того самого момента, пока мобиль не миновал высокие ворота и не остановился у широкого каменного крыльца Кленового Сада. Два лакея тут же стали снимать с креплений сундук, старый дворецкий склонился, открывая дверь, на крыльцо вышла матушка.

Графиня Астер была высокой и втайне гордилась этим. Настолько втайне, что об этом знали даже слуги, а также их дети, а также друзья детей из ближайшей деревни, сборщики налогов и лесорубы с перевала. Русые волосы маменьки были уложены в аккуратную прическу, на шее – ожерелье из топазов, так подходящих к ее голубым глазам, и веер морщин-лучиков, расходящихся к вискам. Девы, а были ли они на ее лице, когда я уезжала? А складка у носа? И седые пряди у висков? Я отсутствовала всего шесть месяцев, а такое чувство, что не меньше года. Только этим я могу объяснить, что вместо того, чтобы склонить голову и получить традиционный поцелуй в лоб, я раскинула руки и обняла ее, вдыхая такой родной запах. Лаванда и нюхательная соль... я помнила эти ароматы с детства.

На миг матушка опешила, а потом, потрепав меня по плечу, проговорила:

– Ну, будет, Иви, будет.

Показалось или ее глаза подозрительно заблестели?

– Ну, чего встали? – вполголоса пробормотала Лиди. – Заносите уже. И ванну, обязательно ванну, леди Иви с дороги...

– А где отец? Где Илберт? – спросила я, поднимаясь на крыльцо.

– На совещании. Скоро закладка порта. – Матушка потерла пальцами виски. – Но если я еще и от тебя услышу слова: «Смета, шельф, фьорд, глубоководное течение и коррозия берега», – то просто закричу.

– Не услышишь, – пообещала я.

Покрывало в моей комнате и вправду было новым. Белоснежное, отделанное кружевом, как и полагается покрывалу невесты. А на нем было аккуратно разложено платье для приема. Не белое, а, скорее, кремовое, или, как говорила матушка, «цвета шампанского из погребов отца». Нарочито простое, но такая простота стоит больше, чем любые рюши и бантики. Крису понравилось бы. Наверное.

Я тяжело опустилась в кресло и закрыла глаза. Неотвратимость замужества обрушилась на меня как-то вдруг, разом, словно до моего приезда домой все было не по-настоящему. Я играла в помолвку, а сейчас увидела это платье, и...

– Так, оставьте нас, – скомандовала матушка, а когда спустя минуту шаги затихли и едва слышно скрипнула закрывающаяся дверь, добавила: – Все не так страшно, Иви.

– Тебе легко говорить, ты вышла замуж за отца, а не за незнакомца.

– Неужели? – переспросила матушка таким тоном, что я широко открыла глаза. – А с чего ты решила, что твой отец не был незнакомцем? – Показалось или складка у рта стала глубже? – Что я видела его хоть раз до дня помолвки?

– А разве нет? Вы же... вы же... – Я не могла подобрать слов, чтобы описать то, что видела каждое воскресное утро в часовне Дев, когда отец держал мать за руку или, посмеиваясь, обнимал за талию.

Пять лет назад она слегла с лихорадкой, а отец четверо суток провел в седле только для того, чтобы привезти ей из Льежа целителя и лекарства, так как поезда отменили из-за снежных заносов. Как передать словами то, что я видела в его глазах, когда он смотрел на нее? Не знаю, я не поэт и не писатель.

– Мы же, – передразнила она с несвойственной ей горечью. – Да, тут мне повезло, а тогда казалось, что жизнь кончена. – Она махнула рукой и села в соседнее кресло, поправляя уложенные вокруг головы волосы. – Знаешь, у меня был один молодой человек, не аристократ, но из достаточно обеспеченной семьи, сын нотариуса.

– Правда? – Я подалась вперед. – И вы...

– И мы ничего, – строго сказала она. – Он два раза сопровождал меня на ярмарку, подарил букет пионов и написал письмо.

– А потом? Что с ним стало потом?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Я вышла замуж и уехала в Илустую Нору. Я никогда больше его не видела, что только к лучшему, но тогда... надо же, я еще помню. – Она вдруг улыбнулась. – Представляешь, я стащила у старшей горничной яд.

– Не представляю, – честно сказала я и ответила на улыбку, не смогла не ответить.

– На самом деле это было средство для чистки столового серебра, но если выпить хоть малую толику... – Она не договорила.

– И что?

– Как видишь, все живы и здоровы. – Матушка поднялась. – И серебро чистое.

– Мама!

– Ну, на самом деле я просто не смогла решить, чьей смерти хочу больше. Этого неуклюжего увальня – младшего графского сына, своей или того юноши с букетом пионов.

– А его-то почему?

– Чтобы не смог жениться ни на ком другом, – припечатала матушка, и я вынуждена была признать, что в ее словах имелась доля истины, ведь стоило мне представить Криса с другой... Пламя в лампе колыхнулось.

– А если бы... – Матушка обернулась, я закусила губу, но заставила себя закончить фразу: – Если бы сын нотариуса был аристократом, был богат, имел титул и родословную на пяти свитках?

– И что тогда, Иви? – не поняла она.

– Ты бы стала бороться за свое счастье?

Она поколебалась, а потом все же ответила, и ответила честно, я видела это по ее глазам:

– Не знаю. – Между тонких бровей появилась вертикальная складочка. Я знала, что она означает, видела не раз – это признак грядущего беспокойства. А когда графиня Астер начинала беспокоиться, даже отец предпочитал ночевать в охотничьем домике. – Ты ведь это просто так спросила? Ведь нет никакого аристократа с родословной на пяти свитках? Иви?

– Конечно нет, – тихо ответила я, а про себя добавила: и это самое плохое. Если бы Крис хоть намекнул, хоть на миг дал понять, что я ему небезразлична...

– Тогда отдыхай. – Складочка на лбу разгладилась. – Завтра будет важный день.

Дверь закрылась, а я посмотрела на платье и повторила, обращаясь то

ли к стенам, то ли к потолку:

– Завтра...

Мы все время ждем от «завтра» чего-то необычного, но, когда оно наступает, оказывается, что этот день ничем не отличается от «сегодня». Я не сомкнула глаз ночью, не смогла впихнуть в себя ни ложки за завтраком и даже не стала ругать Лиди, когда та от избытка энтузиазма дергала меня за волосы, укладывая локоны в высокую прическу. Три раза заходила матушка, хмурилась и советовала использовать побольше румян, ибо я слишком бледна. Да, «завтра» ничем не отличалось от «сегодня» – то же сосущее чувство внутри и пустота.

Гости начали прибывать, когда белая Эо уже показалась над горизонтом. Хлопали двери карет, ржали лошади... И примерно так же ржали дочери бургомистра. Они всегда ржали, когда Илберт с ними разговаривал, он мог бы даже зачитывать им список приговоренных к смерти, они растягивали бы губы, особенно старшая Манон. Сам Роюзл Вэйланд, краснолицый и дородный господин, бургомистр Сиоли, смотрел на это более чем благосклонно, в отличие от папеньки.

Единственным, кто приехал на мобиле, оказался Рин Филберт, астроном и географ, живущий отшельником почти у самого перевала. Поговаривали, что он все-таки аристократ, возможно, младший сын какого-нибудь сквайра. Но сам ученый отказывался говорить на эту тему, старательно игнорируя вопросы кумушек и даже моей матушки, что требовало от него немалой смелости.

– Пора, Ивидель, – раздался голос отца, и я отвернулась от окна.

Граф Астер стоял в дверях, невысокий и массивный. Многие недоумевали, когда видели его рядом со статной женой.

– Нас ждут. – Он протянул широкую ладонь и сжал мои пальцы.

Весь день в голове вертелась мысль: как просто прямо сейчас спуститься вниз и заявить, что еду в Сиоли за новыми туфельками или особо нужным горшком с ручной росписью! А там есть станция дирижаблей, и «сиреневый скорый» отходит каждый день в четыре часа.

Это разобьет сердце матушке, разозлит брата и заставит отца посмотреть на меня совсем другим взглядом, холодным и жестким, как на предательницу, как на чужую. Готова ли я к этому? Не знаю, на самом деле не знаю.

– Ты дрожишь, – констатировал Максаим Астер, когда мы спускались по лестнице.

– Отец, я не хочу выходить замуж. Я хочу закончить обучение, –

неожиданно даже для себя ответила я, весь день молчала, а вот сейчас... словно прорвало. – Прости, – тут же добавила покаянно. Вряд ли это те слова, что ожидает услышать от дочери отец, да еще накануне помолвки.

Папенька прищурился, в карих, точно таких же, как у меня, глазах цвета темного ржаного виски, что хранится в погребах, мелькнуло что-то... нет, не разочарование, а, скорее, досада.

Не в силах больше выдерживать его взгляд, я подняла глаза выше, на короткие белые волосы. Странно белые, обаянные цветом скорее седине, нежели генам предков. Белоголовые Астеры, змеиный род.

– И ты его закончишь. До замужества, – неожиданно пообещал отец, останавливаясь напротив резных дверей зала для приемов. – Я включил этот пункт в брачный контракт.

– Мы составляем брачный контракт? – поразила я.

Было с чего. По законам Аэры, не важно, северным или южным, жена всегда принадлежала мужу. Целиком и полностью, душой и телом, вместе со своими платьями, шляпками, драгоценностями и приданым. Нет, конечно, нас не приравнивали к вещам. Почти не приравнивали, но... брачный контракт составляли очень редко, и почти всегда это вызывало скандалы и толки в обществе, потому что он нужен был только для одного. Для защиты невесты. Для защиты ее интересов и состояния. В контракте могло оговариваться все что угодно, вплоть до количества детей и ежегодной ренты. Надо ли говорить, что с женихом, согласившимся на такие унижительные условия, должно быть что-то не так. Сильно не так.

– Да, – кратко ответил папенька и, видя, что я уже готова засыпать его вопросами, скупое улыбнулся и добавил: – Все устроится наилучшим образом, Иви, даю слово.

Я шумно выдохнула. Странно, но стало на самую чуточку легче. Слова матушки лишь растревожили, а вот это скупое «даю слово» вернуло толику самообладания. Граф Астер всегда держал слово, чего бы ему это ни стоило.

Отец кивнул старому Муру, которого привез с собой из Илистой Норы, и тот, распахнув резные створки, торжественно объявил:

– Граф Максаим Оро Кльер Астер. – Голос дворецкого был скрипучим, как несмазанная телега, но папенька наотрез отказывался расстаться со старым слугой, наверняка так же, как отец серой отказывался расстаться со своим гвардейцем. Мур как-то сказал, что, если граф даст разрешение, он будет рад лечь в землю рядом со своим господином. – С дочерью.

Разговоры стали стихать, то один, то другой гость или гостья поворачивались к входной двери. Десятки взглядов остановились на мне,

ощупывая, обшаривая каждый сантиметр тела.

Нет, не подурнела от учения. Нет, не растолстела на магических хлебах, и светлое платье только подчеркивало тонкую талию, не зря же горничные затягивали корсет.

Манон кашлянула и отвернулась, зато младшая дочка бургомистра Косетт одобряюще улыбнулась, обнажив чуть кривоватые зубы. Леонард Гиве перестал пялиться на стол, и его пивной живот колыхнулся.

Взгляд перебежал с одного знакомого лица на другое. Кто мой жених? И что с ним не так? Вот тот старик с желчным лицом скряги? Или, может, увечный солдат в углу, что неловко выставил нескгибающуюся ногу и пытается дотянуться до бокала?

Нет, иначе бы Лиди не назвала его красавчиком. Хотя она и нескладного Гийома считает симпатичным. Все равно нет, иначе горничные не закатывали бы глаза и не шушукались по углам. Да и маменька предупредила бы.

Кто же?

Я поймала на себе взгляд мистера Филберта, его черные глаза не отрываясь следовали за мной. Одно время он учил нас с Илбертом географии, а потом... Я не знаю, почему папенька принял решение отказаться от его услуг. Тогда нам с братом это казалось совсем неважным, мы предпочитали просто радоваться освободившимся часам.

Гости расступались и расступались, пока... Пока я не поняла, куда ведет меня отец. Пока не увидела молодого человека, стоящего вполоборота ко мне и беседующего с Илбертом. Высокий, даже выше брата, который комплекцией и ростом пошел в маменьку. Форма сидела на женихе превосходно, привлекая внимание к широким плечам и ученическому шеврону мага на кителе.

Молодой человек повернулся, и русые волосы, сейчас собранные в хвост, качнулись, одна прядь выбилась и упала на тонкое аристократическое лицо.

– Леди Астер, – склонился он, подавая руку, и отец тут же вложил в нее мою.

– Милорд Хоторн, – прошептала я, едва найдя в себе силы не вырвать пальцы из его руки.

Никаких скандалов.

«Даю слово», – сказал отец.

Девы, нужно только верить. Ничего другого просто не осталось. Либо это, либо отказ от семьи.

Лиди не ошиблась, он граф. Мэрдок Ирс Хоторн. Ледяной красавец

курса. Вот что с ним не так. Вернее, не с ним, а с его родом. Он беден, как амбарная мышь в засушливый год. Поговаривали, чтобы оплатить обучение, он был вынужден взять заем в банке. Будь оно все неладно!

Не счесть бессонных ночей, которые я провела, мечтая о нем и выбирая свадебное платье. А сейчас все силы уходило на то, чтобы не расплакаться. Будьте осторожны в своих желаниях, они имеют свойство сбываться.

Я выдержала два часа. Полтора – за столом. А когда начались танцы, сбежала. И вроде мне было не на что жаловаться. Пламя в светильниках колыхалось, слуги разносили еду, сестры Вэйланд завидовали, скрывая улыбки за веерами, но большинству гостей было попросту все равно. Ну выходит дочь Астеров замуж, ну и что? Ей так на роду написано. Интереснее было бы, если бы не выходила, если бы сбежала с сыном садовника, она же магичка, а от них всего можно ожидать.

Только вот матушка продолжала хмуриться и кидать обеспокоенные взгляды то на отца, то на старика с желтым лицом, что устроился по левую руку от меня за столом.

– Мой опекун, – представил его Мэрдок, – Грэн Роук, нотариус третьего ранга.

Старик склонился, поправил монокль и, подняв рюмку с мятным ликером, лихо опрокинул ее в себя.

– Опекун? – удивилась я.

– Боюсь огорчить вас, Ивидель, – проговорил Мэрдок, – но мои родители ушли к Девам.

– Или обрадовать. – Старичок мелко захихикал. – Не будет над вами старших. Окромя меня, конечно.

– Да и вас не будет. – Отец подал знак слугам разносить блюда. – Насколько я знаю, после женитьбы граф Хоторн станет считаться совершеннолетним.

– Ну, чай, не чужие люди, – кисло промямлил нотариус. – Может, и не забудут старика. – Видимо, тут он попытался пустить слезу, но слеза так и не появилась, и опекун, достав платок, шумно в него зафыркал.

Я посмотрела на Мэрдока, все еще сжимавшего мою ладонь.

– Они погибли, Ивидель. Десять лет назад, на воздушной гондоле князя, – пояснил парень.

– Соболезную.

– Трудно найти род, не понесший утраты в тот день. – Матушка сложила веер. – Давайте не будем о грустном.

– Да, вы ведь тоже понесли... хм... утрату, – прожевал последнее

слово старичок и спросил: – И что, ваш старший брат не оставил наследников?

– Нет, – скупое ответил отец.

– А как же легенда? – спросила Манон.

Сидевший рядом с ней Илберт закатил глаза.

– Какая легенда? – переспросил старичок, и именно в этот момент дворецкий Мур поставил перед гостем тарелку, от которой тот отпрянул, словно она была полна гремучих змей. За спиной нотариуса тут же вырос широкоплечий мужчина с рябым лицом. – Позвольте мой слуга все сделает сам, – промокнув губы и отставив очередную рюмку, проговорил старик.

– Мой опекун уже давно не принимает пищу ни из чьих рук, кроме Ороса, – пояснил Мэрдок. – Причуда старика, не более, – попытался парень сгладить неловкость.

Девы, почему он никак не отпустит мою руку?

Мур посмотрел на отца, тот едва заметно кивнул, хотя... Повод для оскорбления был – лучше не придумашь, вон как зашушукались Леонард Гиве и тот колченогий солдат, а старенький целитель Огюст снял и протер очки. Такое не забывают. Веер в матушкиной руке хрустнул.

Старый нотариус бросил мимолетный взгляд на Мура. Тонкие старческие губы едва заметно дрогнули. Я знала, куда он смотрит, куда смотрели все, кто впервые оказывался в нашем доме, даже Мэрдок, но у большинства хватало такта промолчать. Они смотрели на след от ошейника на его шее.

Бывший маг, бывший раб, что сбежал из Отречения и по воле богинь смог добраться до Иистой Норы, где и вознамерился почтить на крыльце. Отец заплатил за него виру жрицам, а потом, перерезав ошейник, велел либо начинать работать, либо убираться и не портить видом своего тщедушного тела клумбы матушки. С тех пор Мур с нами. Немного слуга и немного господин, почти член семьи, невидимка за спиной отца, его поверенный и хранитель.

Дворецкий передал поднос рябому и спокойно отошел.

– Так что за легенда? – переспросил Мэрдок.

– А вы не знаете? – хихикнула Манон. – Здесь, на равнине Павших, нельзя проливать кровь Змея. Иначе за тобой придет тень демона и отомстит, – закончила она замогильным голосом.

Средняя дочь бургомистра Лулу прыснула. Сам бургомистр опрокинул очередную рюмку и покраснелся еще больше.

– Это правда? – повернулся ко мне Мэрдок.

– А вы попробуйте. – У меня еле заметно дрогнули пальцы.

– Говорят, эту привилегию выторговал себе первый Змей при переговорах с демонами Разлома, он очень не хотел быть убитым, – продолжила Манон.

– Ну, не знаю, – скептически протянул Илберт, леди Витерс что-то зашептала на ухо мужу, задев локтем тарелку, столовые приборы звякнули. – Деда вроде медведь задрал, кровищи было... и никакие демоны ему не помогли.

– Откуда вы знаете, Илберт? – Дочка бургомистра обиженно стукнула брата веером по руке. – Вполне возможно, что это последнее, что сделал тот медведь.

– А Людвиг Астер, мой прапрапрадед, что сложил голову в походе к Проклятым островам? – не сдавался Илберт. – Что-то я не заметил, чтобы полчища демонов мстили тем, кто снял буйную голову с его плеч.

– Всех повесили у Белого камня, – добавил отец.

– И вообще, подумайте сами, как глупо звучит эта легенда, – продолжал брат, игнорируя суровый матушкин взгляд. – Змей уговорил – само по себе смешно, но пусть будет... уговорил демонов перестать беспорядочно лезть из Разлома, остановил бойню, хотя люди были почти разгромлены, да еще и обязал их хранить его жизнь или мстить за его смерть.

– И что в этом глупого? – не поняла старшая дочь бургомистра.

– А что демоны получили взамен? Что мог пообещать им человек? Чтобы выполнить обещание? Вряд ли они занимались благотворительностью.

– Мы говорим о том самом Змее, – влез нотариус, принимая из рук рябого слуги рюмку, – маге-отступнике, брате первого князя? Старший брат не смог казнить младшего за богопротивную магию, первого Астера всего лишь отрезали от силы и сослали сюда, к Разлому.

– Именно о нем, – кивнул отец. – Змеем его прозвали как раз за предательство князя. Не страшно породниться с такой семьей?

– Да не особенно, тем более что у невесты столь богатое приданое. – Старичок снова пошамкал губами.

Бокал в руке матушки звякнул и разлетелся на осколки. Рин Филберт тут же подал ей салфетку. С другой стороны уже спешил Мур.

Теперь сомнений не осталось, это намеренное оскорбление. Взгляд карих глаз отца был тяжел, но... Он все еще сидел на своем месте и не вышвыривал наглеца из дома.

– Ну, если вам так по душе Волчья шахта... – ледяным тоном ответил граф Астер.

Сестры Вэйланд зашушукались, Леонард Гиве поднял брови, но от комментариев воздержался.

– Прошу извинить. – Матушка встала из-за стола.

Илберт отбросил салфетку.

Что-то было не просто «не так», а очень сильно не так. К нам в дом приезжает простолюдин, волею случая оказавшийся опекуном молодого аристократа. Сватает для подопечного дочь хозяев, садится за их стол и... оскорбляет их всеми возможными способами. Намеренно или в силу отсутствия воспитания? Обсуждать приданое – это то же самое, что обсуждать цвет корсета маменьки. Хотя... за это они бы точно отведали яда вместо десерта.

Итак, за мной дают Волчью шахту, самую старую и почти выработанную, ближайшую к Иистой Норе. Шахту – и все?

Отец молчал.

Я поняла, что пытаюсь вырвать пальцы из руки Мэрдока, а когда вырву, убегу из зала.

– Леди Ивидель сама по себе сокровище, – заметил сокурсник, накрывая мою ладонь второй рукой. В его словах слышались теплота и участие. Да, скупая теплота, но...

Я заставила себя замереть. Вдохнуть и выдохнуть. Позволить себе едва заметную улыбку. Змеиную... вон как Манон поперхнулась. За ней не давали и того.

Когда я уезжала в Магиус, приданое было куда более впечатляющим. Даже если вычесть из него сгоревший корпус. Девы, неужели папенька настолько разозлился? Пусть так, но за мной давали десяток угольных выработок, два карьера по добыче камня, счет в банке с тремя нулями, конечно в золоте, и два участка земли в Эрнестале и Льеже, чтобы построить дом там, где мы с мужем решим жить после свадьбы. Кажется, было что-то еще, какие-то акции, в которых я ничего не понимала, но... Что же случилось? Почему молчит отец, позволяя гостям шушукаться?

– Предлагаю обсудить остальное, – старик завертел головой, нелепо моргая глазами и не понимая, отчего скривился бургомистр и нахмурился Рин Филберт, – в более приватной обстановке.

– Ваше предложение принято, – отрезал отец таким тоном, что, будь я на месте нотариуса, поспешила бы спрятаться, желательно в подпол замка и желательно, чтобы этот замок стоял как можно дальше от Кленового Сада.

– А вы знаете, что через несколько месяцев нас ждет лунный парад? – высказался Рин Филберт. – Эо, Кэро и Иро выстроятся в ряд.

– Правда? – поинтересовалась обычно молчаливая леди Витерс.

Звякнули столовые приборы, слуги заменили бокалы, я все-таки вырвала пальцы из руки Мэрдока...

И продержалась еще час, а потом сбежала. Будто бы невзначай оказалась у дверей, кивнула Муру и вышла. Миновала анфиладу комнат. Музыка становилась все тише. Распахнула дверцы в голубой полутемный салон и едва не подпрыгнула на месте от грохота. Молоденькая горничная, кажется Аньес, торопливо собирала раскатившиеся по мраморному полу подсвечники.

– Леды Ивыдель, простите, – запричитала она, – Но мыссыс Эванс сказал, что пока не начыщу всю утварь, спать не лягу...

Раскосые глаза девушки смотрели с состраданием. Не только гости шушукались за столом, обсуждая мое замужество.

Ее акцент был грубым и каким-то шершавым, словно в горло попало что-то постороннее. Как и любой житель Верхних островов, девушка произносила гласные чуть тверже, и ее «и» почти всегда звучала как «ы». На самом деле ее наверняка звали не Аньес, а как-то иначе, но по поверьям островитян раскрывать настоящее имя кому бы то ни было опасно для жизни.

– Скажи миссис Эванс, что я велела тебе ложиться спать, – проговорила я, проходя мимо и распахивая дверь на балкон.

– Спасибо, леды.

Ледяные снежинки, кружась, падали на открытые руки, горящие щеки, губы... Снова хлопнула дверь. Горничная пискнула что-то еще, замолчала, и на мои плечи лег мужской камзол.

– Ну хочешь, я вызову этого графа на дуэль и убью? – предложил Илберт.

– А потом матушка убьет меня, и это в лучшем случае. – Я всхлипнула, повернулась и уткнулась брату в плечо. – Лучше сбегу.

– Горячая Иви, и слезы у тебя горячие.

– Что?

– Так звала тебя бабушка Элиэ, помнишь? «Горячая Иви, сначала делает, а потом думает». Это все твой огонь.

– Тебе легко говорить, – пробормотала я.

– Да не очень-то, – невесело рассмеялся брат. – Угадай, кому начали подыскивать невесту?

– Врешь! – Я подняла голову.

– Ни в жизнь. Через месяц мы едем в Эрнесталь, свататься. Знать бы еще к кому, хотя матушка уже в предвкушении.

– А ты?

– Я предвкушаю, как здесь появится очередная аристократка с кислым лицом и будет падать в обмороки.

– Да брось, мы не так плохи. – Я нашла в себе силы улыбнуться.

– Так-то лучше. – Он коснулся пальцем подбородка. – А насчет твоей помолвки... – Я снова нахмурилась. – Тут все не так просто. Отец не в настроении с тех пор, как получил письмо от этого нотариуса, а это почитай больше месяца, представляешь, каково нам пришлось...

– погоди. – Я выпрямилась. – Больше месяца?

– Да, помню, как он рычал, даже матушка в кабинет не заходила, а потом разорился, купил билет на дирижабль до Эрнесталя.

– Отец летал в столицу? – удивилась я. Было с чего, папенька ненавидел полеты больше меня.

– Да. Вернулся еще более хмурым, чем уехал, и объявил о помолвке.

Значит, дело не в жадности Мэрдока или хотя бы не в ней одной. А в чем?

– И урезал мне приданое, – прошептала я. – Почему? В наказание за ту лабораторию, что я сожгла? Или чтобы жених сам пошел на попятный?

– Когда ему сообщили, что ты сожгла часть Магиуса, он ругался минут десять самыми нехорошими словами. Потом тяпнул сливовой настойки, что принесла матушка, и отдал распоряжение оплатить. На этом все. Так что делай выводы, Иви, и я тебя умоляю, давай никаких побегов, по крайней мере пока. Помнишь векселя Истербрука?

Я кивнула, отвернулась и стала смотреть, как снег неспешно ложится на поле Мертвецов. Это дело помнили все. Началось с того, что отец выписал вексель на пять сотен золотых некоему мистеру Истербруку. Наш поверенный едва не спятил, матушка героически сдерживала слезы, Илберт злился. Но... мы это проглотили. Через месяц отец повторил платеж, а через полтора отдал вдвое больше, вплотную подойдя к черте, за которой нам грозило разорение. Атмосфера в Кленовом Саду напоминала предгрозовую, Илберту пророчили армию, мне отрезание от силы, если обучение не будет оплачено, а для этого нужно было закладывать шахты или землю.

А потом... потом отец оказался совладельцем железнодорожной компании Истербрука, работы по прокладке путей которой велись очень давно и наконец, не без финансирования Астеров, завершились. По путям пустили скорые поезда, тяжелые товарные составы, похожие на улиток сельскохозяйственные электрички. За какой-то год отец увеличил состояние Астеров в десять раз.

– Верь отцу, Иви, он слишком тебя любит, чтобы допустить...

Снова послышались истеричный голос горничной, грохот посуды, и на балкон вывалился мужчина. Грязная форма шахтера, слипшиеся волосы, кровь на шее... я не сразу узнала управляющего.

– Милорд, обвал на Волчьей шахте, – выпалил он. – Граф Астер уже выехал, велел вам собрать рабочих с Южной и Кривой шахт. Под землей остались люди, нужно... – Он не закончил, только тяжело задыхался, но брат и не нуждался в пояснениях.

Илберт выругался и торопливо выскочил за дверь, забыв камзол у меня на плечах. Управляющий попытался изобразить вежливый кивок, но не преуспел и последовал за ним.

Музыка давно не играла, лишь тревожно переговаривались гости в зале. Да, эту помолвку они точно запомнят надолго.

– Мысс Ывы, – тихо спросила горничная, – а вы не выдели раствор летучей сьерры? Для чыстки серебра? Здесь же оставляла. – Она растерянно огляделась.

– Нет, Аньес, не видела. – Я стиснула в руках веер. – Иди спать, потом найдем.

Я бежала так, как не бегала никогда. Бежала в темноте, то и дело оглядываясь. Стены из необработанного серого камня мелькали перед глазами, в ярких светильниках колыхалось пламя. Непослушное, непокорное, неподатливое. Я даже не пробовала посеять в нем «зерна изменений», просто знала: не получится, знала, что оно другое. Или, может, другой стала я?

Очередной поворот, и каменный коридор раздвоился, один ушел вниз, второй потянулся вверх. В первом сгущалась тьма, второй поднимался к свету.

Я знала, куда мне нужно. Вниз. Знала и не могла сделать ни шагу. За спиной что-то оглушающе взвыло. Кто-то. Тот, кто шел следом. Заскрежетало, как если бы кто-то провел когтями по каменной стене. Пламя качнулось. Он вышел из-за поворота. Чужое яростное дыхание обожгло затылок. А я не могла ни обернуться, ни сделать шаг вперед. Я...

Я вскрикнула и проснулась, едва не упав со слишком узкой кровати. Я давно выросла. Моя старая детская в Илстой Норе тонула в полумраке, рассветные лучи холодного северного солнца еще только-только коснулись подоконника.

Сколько я не видела этот сон? Год? Два? Как минимум десять. Он перестал мне сниться, как только мы перебрались в Кленовый Сад.

Матушка вздохнула с облегчением. И на тебе, стоило вернуться на одну ночь, как вернулся и кошмар.

Я умылась и стала торопливо спускаться вниз, прислушиваясь к тихим голосам. В обеденной зале усталый управляющий что-то объяснял матушке. Я кивнула обоим и поспешила на улицу. Там так же тихо переговаривались рабочие. Кто-то дремал на брошенном прямо на снег овечьем одеяле, кто-то, задрав голову, смотрел на Волчий Клык. Усталую Лиди уже сменила старая Грэ, жрица из часовни, разносившая воду и еду тем, кому повезло вырваться из смертельной ловушки шахты.

Волчья шахта давно считалась безопасной. Почти выработанной, работающей по инерции и не приносящей былого дохода, оттого переведенной на двойную рабочую смену, дневную и ночную, ведь под землей все равно, день сейчас или ночь. Да что там, даже мы с Илбертом облазили ближайшие штреки вдоль и поперек, пусть и втайне от матушки, но с молчаливого попустительства отца и под добродушный смех рабочих.

А сегодня Волчий Клык шевельнулся, вздрогнул, расправляя каменные плечи, стряхнул накидку из снега.

Я прошла мимо Рина Филберта, обтирающего взмыленную лошадь. Он только что привез из Корэ еще одного целителя, и теперь тот помогал старому Огюсту вправлять руку Раулю, рабочему, что был в первой десятке, которую удалось выволить из каменного плена. Стоявший рядом шахтер с серым от пыли лицом взволнованно вопрошал раненого, за каким демоном из Разлома его понесло в Волчью шахту, да еще и не в свою смену. Рауль морщился, но не отвечал, позволял другу разглагольствовать о собственной глупости. Бургомистр Сиоли, хоть сам никого не привез, все же прислал телегу с продуктами, а Леонард Гиве с вином, хоть мы и не просили. Это, как говорил отец, позволяло им чувствовать себя сопричастными.

Отец... Два часа назад он вместе с Илбертом ушел под землю, там еще оставалось семь человек из ночной смены. Он мог бы не ходить, мог бы послать управляющего и тот десяток рабочих, что перекинули с соседних шахт. Но он пошел. Всегда ходил.

«Они наши и вправе ожидать, что останутся ими до конца», – так говорил граф Астер. Правда, не уточнял, до чьего конца.

Я, ловя на себе встревоженные взгляды, миновала часовню, около которой толпились женщины, За юбки некоторых цеплялись дети. Те, чьим мужьям повезло выбраться, утешали тех, кто все еще ждал решения своей участи у Дев. Они могли позволить себе утешение, втайне молясь не оказаться когда-нибудь на месте подруг.

Я прошла мимо засохшего еще до моего рождения, но так и не

сподобившегося упасть дерева, взобралась на отсвечивающий белизной камень и замерла, глядя на бегущую к Зимнему морю воду.

На самом деле я вполне могла остаться и в Кленовом Саду. Могла попытаться заснуть, могла даже принимать визитки, гостей и подарки к помолвке, слушать тревожные вздохи сестер Вэйланд, словно они провожали Илберта на войну или под венец. Могла, ибо толку от меня здесь немного, я ничего не понимала в рудном деле и занималась только раздачей еды да теплых, подбитых овчиной одеял.

– Говорят, Ил всегда стремилась к морю, а вот Лия текла к горам, – раздался за спиной голос Мэрдока.

Я обернулась. В зимней куртке, со спрятанными под шапку длинными волосами, он походил на обычного парня, возможно, сына купца или целителя, если не смотреть ему в глаза, в серые холодные глаза аристократа, который велит повесить вас на первом же дереве за охоту в его угодьях.

– Вы, как я погляжу, сделали домашнее задание. – Я снова повернулась к сливающимся где-то далеко внизу бурным потокам. – Ознакомились с местными легендами.

– На постоялом дворе совершенно нечего делать. – Он встал рядом и указал сначала на Ил слева, а потом на Лию справа – потоки, обтекающие остров. – Лию Змей повернул вспять, когда разделил на две реку Иллию, чтобы построить себе здесь дом. Говорили, она текла прямо в Разлом.

– И до сих пор говорят. – Порыв ветра взметнул волосы, и я обхватила себя руками. – Говорят, она и сейчас туда течет, только немногие могут это увидеть.

– Как думаете, от чего он здесь прятался?

– Прятался? – не поняла я, глядя на профиль Хоторна.

Когда-то он казался мне неотразимым... Раньше я бы просто стояла и смотрела на него, разинув рот. А сейчас? Да, он красив, но сердце больше не заходило в неровном ритме, дыхание не сбивалось. Статный молодой человек, каких тысячи. Крис один, и вряд ли это обусловлено чертами его лица, возможно, и не такими правильными, как у Мэрдока, не такими безупречными манерами... Но это уже не имело значения. В прошлое нельзя вернуться. Все течет, все изменяется, как поток, что бьется о белую скалу у меня под ногами.

– Текущая вода, – взмахнул он рукой, – самый лучший магический изолятор, ее не в силах преодолеть две трети «зерен изменений»...

– А одна треть в силах. – Я дернула плечом, не имея понятия, почему меня обидело высказывание сокурсника. – Он не прятался, иначе зачем ему

было впоследствии строить Кленовый Сад и переселяться в него?

Хоторн пожал плечами и вдруг присел, коснувшись ладонью камня.

– Я чувствую магию. Старую, «зерна» так прочно вросли, что почти не фонят.

– Берег укрепляли несколько раз, в том числе и магически, – пояснила я. – Иначе течение, что бьется о камень от самого Высокого мыса, давно бы уже разрушило остров. – Он продолжал осторожно водить рукой по камню. – Я почти не чувствую остаточных изменений, слишком они старые, а ты... Магия твоего рода – «кости земли»?

– Да, – не стал отрицать он.

– Алмазы, изумруды, рубины?

– Базальт, гранит, щебень, иногда руда. – Мэрдок встал, отряхнул ладони.

Заржали лошади, свистнул кнут, мы, не сговариваясь, обернулись. К Иистой Норе подъезжала карета, на козлах которой сидел рябой слуга, а на дверце был выжжен орел – герб Мэрдоков. Через несколько секунд карета остановилась прямо за высохшим деревом, и на снег ступил опекун Хоторна, сжимая в руке неизменный белый платок.

– Что он здесь делает? – немного резче, чем намеревалась, спросила я. – В его услугах не нуждаются, тут никто не собирается писать завещание.

Серые глаза сокурсника заledenели, совсем как свинцовое небо над нашими головами, готовое снова и снова исторгать из себя белые морозные хлопья.

– Он просто хотел побывать в доме, о котором ходит столько легенд. – Парень спрыгнул с камня. – Не срывайте свое плохое настроение на других, леди Ивидель. И имейте хотя бы малейшее уважение к старости.

Воздух вдруг стал горячим, камень под ногами зашипел и... Сжав руки, я мысленно окунула их в воду. Огонь медленно отступал. Какая разница, что думает обо мне Хоторн?

Я посмотрела вслед уходящему сокурснику. Грустно закричала серая найка.

Никакой разницы, даже наоборот, чем хуже будут его мысли, тем лучше. Пусть впредь не сватается к невоспитанным девчонкам. У этого нотариуса, значит, нет уважения ко мне, а у меня, значит, должно быть к нему. Несправедливо. Я топнула ногой, совсем как в детстве...

– Я все гадаю, почему ты не задала мне «правильный» вопрос, – снова застал меня врасплох чуть задыхающийся голос, на этот раз я спрыгнула с камня и поспешила к тяжело поднимающейся в гору матушке.

– Какой?

– Почему я не отравила твоего отца. Этого графского сынка, даже не первого наследника. Ведь если бы не он, ничего не было бы.

– И почему? – Я протянула ей руку, и она оперлась на локоть.

– Честно говоря, не знаю. Не решилась. А может, еще потому, что где-то в глубине души знала, что он не виноват? Что ему тоже не оставили выбора? – Она улыбнулась, глядя на дом. – Знаешь, ведь когда я приехала в Илистую Нору, ее покинула одна очень симпатичная горничная с заплаканным личиком, и твой отец наотрез отказался говорить об этом.

Я отвернулась. Жаль, что нельзя было вот так же просто отвернуться от ее слов.

– Иви, Аньес ищет средство для чистки серебра, как назло, это был последний флакон, и ей сильно влетело от экономки. Надо снова заказывать в скобяной лавке.

– А мне-то что? – поворачиваться и смотреть в глаза матушке не хотелось.

– Иви, ты как бурная река, как Иллия. – Она вздохнула и...

Ее прервал далекий скрежет и едва уловимый свист, с которым подпиленное лесорубом дерево падает на снежный наст. А потом что-то хрупнуло, вроде легонько, но звуки в горах имеют обыкновение искажаться, прятать от человека свою истинную суть. Хрупнуло и отдалось почти оглушительным грохотом.

Завизжали дети, запричитали женщины, рабочие из тех, что не пострадали, глядели на горы, управляющий выскочил из дома, едва не сбив топтавшегося на пороге старика-нотариуса.

– Еще один обвал в шахте! – закричал кто-то. – Спасательный отряд завалило!

У каждого в жизни есть моменты, которые он не хочет вспоминать, этот – один из них. Может, потому Девы сжалились надо мной и позволили предать часть происходящего забвению.

Я помню, как бежала, едва не задыхаясь от пронизывающего ветра. Помню, что кто-то звал меня, наверняка матушка, а может, и не она.

Управляющий как раз запрягал лошадь, на ходу отдавал приказы и собирал добровольцев. Рабочие, еще недавно едва избежавшие смертельной ловушки, вновь собирались войти под каменные своды.

Я пробежала мимо и, кажется, даже не собиралась останавливаться до входа в шахту, а это как минимум километр в гору от Иистой Норы, но тогда мне было не до расчетов и логики. Кто-то схватил меня, пытаюсь

остановить...

– Леди Ивидель! Леди... – закричал Рин Филберт.

Но в ушах у меня все еще стоял гул Волчьего Клыка, именно сегодня решившего показать людям, насколько они ничтожны перед одним-единственным движением земли.

– Вам нельзя, леди Ивидель, вы слышите меня?

– Пустите!

– В шахте может быть газ, а вы огненная. Не зря же светильники накрывают магическим стеклом, – увещевал управляющий. – Да и не место там последней из Астеров, если все обернется...

А потом руки соседа неведомым образом сменились на руки Мэрдока. Он с тревогой заглядывал мне в лицо и говорил, говорил, говорил...

– Ивидель, успокойтесь. Еще ничего не известно.

А в ушах звучало: «Последней из Астеров! Последней из Астеров!»

Я все-таки вырвалась, Хоторн где-то оставил шапку, куртка была расстегнута, кожа на щеках покраснела, словно от быстрого бега.

– Не... не трогайте! Я... я... успокоилась, – проговорила я, хотя знала, что мне не поверили. Но первый отчаянный ужас отступил. Паника сменилась страхом, но этот страх уже не затмевал разум.

– Не медлите! – раздался хлесткий, как удар, приказ матери. – Дочьрю я займусь сама, а вы верните мне мужа и сына или можете считать себя безработным!

Еще я запомнила ее теплые руки. Ей самой было страшно, но она нашла в себе силы забыть про свой страх и попытаться отогнать мой.

Один раз отец застрял в снежном буране на западной половине Чирийского хребта. Было страшно, но не так.

Илберт переболел лихорадкой, которая выкосила половину деревни. Было страшно, но не так.

Матушка как-то свалилась с лошади и пролежала в беспомощности сутки. Было страшно, но не так.

Смерть всегда ходила близко и всегда отходила в сторону, а сегодня решила заглянуть в окно и раздвинуть костлявым пальцем занавески.

Я слышала шепотки женщин, чувствовала их жалостливые взгляды, еще недавно обращенные друг на друга.

Матушка привела меня в дом, усадила в кресло, напоила горьким отваром, от которого чуть закружилась голова, и попросила посидеть тихо. Ничего не делать, просто посидеть.

А потом началось самое утомительное. Ожидание. Оно было похоже на медовую патоку, в которую кто-то переложил кизила, и оттого она

приобрела горьковато-кислый привкус. Спасательный отряд ушел в горы. Илистая Нора замерла, разговоры смолкли, сменившись молитвами. Смолкли птицы, падал невесомый снег, и только Иллия, такая же бурная и непокорная, ревела у берегов, беснуясь и бессильно врезаясь в камень.

Наверное, я задремала, съездившись в старом бабушкином кресле, обивку которого матушка все никак не могла сменить, а когда открыла глаза, поняла, что в холле кто-то есть. Неровная и чуть подрагивающая в пламени светильника тень ложилась на пол и почти касалась ножек кресла.

– А ведь если передвинуть вот тот буфет, что покрывается пылью, здесь будет намного больше света, вы не находите, леди Ивидель?

В холле первого этажа стоял Грэн Роук, нотариус третьего ранга и по совместительству опекун Мэрдока. Стоял и разглядывал сквозь лорнет темные бревенчатые стены старого дома.

– Вряд ли вам представится случай проверить, – прошептала я, но в пустом помещении мои слова прозвучали неожиданно громко.

– Ну, не скажите. – Он повернул лорнет ко мне. – Я просил вашего батюшку включить в приданое этот дом. Зачем он ему, когда семья живет в замке? Правильно, незачем, но он уперся, аки горный тур. А теперь что? – Роук поднял брови.

– Что?

– Теперь этим будет распоряжаться не он, в свете последних событий, так сказать.

– Но и не вы. И даже не граф Хоторн. – Я встала. – Согласно уложению князя, если род теряет наследника мужского пола, – я замолчала, на миг закрыв глаза, – то наследование едет через поколение по женской линии. Титул графа Астера и все остальное получит мой второй сын.

– Если он у вас будет, – скривился нотариус. – Пока об этом рано говорить.

– Вот именно. Мои отец и брат еще не умерли.

Сколько часов мужчины уже провели под завалом? Много, за окном начало темнеть...

– Своенравие и дерзость не самые приятные качества в женщине. – Нотариус оглядел меня сквозь лорнет с головы до ног, но впервые мне было безразлично, как я выгляжу. – Думаю, договориться с вашим братом будет намного проще.

– Это вряд ли. Илберт куда упрямее меня, да и потом, он мужчина, если от женщины вы можете отмахнуться, то от него не получится.

– А с чего вы решили, что я говорю об Илберте? – Он прищурился, стеклышко поймало луч уходящего солнца и сверкнуло. – И с чего вы

взяли, что именно ваш, – он выделил это слово голосом, – сын унаследует графство?

Я даже не сразу поняла, о чем он говорит, а когда поняла...

– Вы... вы сумасшедший?

– Я нотариус, знали бы вы, леди Ивидель, сколько дворян только за последний год вписывало в завещания бастардов, ну или вычеркивало их. – Он рассмеялся.

Неужели отец? У него есть бастард? Нет, не могу поверить... Мы бы знали, и матушка... Девы, матушка!

– Уходите! – прошипела я.

– Простите, леди Ивидель, но хочу напомнить, что я законный опекун вашего жениха, и не вам мне указывать...

– Убирайтесь, или я велю спустить собак.

– Не посмеете, вас же потом...

– А вы проверьте. – Я развернулась и пошла к выходу. – А что касается этого «потом», до него еще надо дожить. Как вы думаете, многие ли возьмутся осуждать девушку, едва не потерявшую отца и брата? Обезумевшую от горя единственную наследницу Астеров?

Он выругался. Очень нехорошо выругался и, с неожиданной силой оттолкнув меня с порога, вышел на улицу первым. Я прижалась лбом к отделанной темным деревом стене. Распахнутая дверь скрипнула, крупные хлопья мягко засыпали чужие неровные следы. Еще несколько минут, и от них не останется и воспоминания. Свет полукругом падал из проема, усиливая подступающий сумрак, создавая впечатление, что я осталась на белом свете одна.

Вдруг навалилось одиночество. Где все? Где матушка? Где Лиди, в конце концов? Готовят еще один отряд? На этот раз последний, потому что нельзя бесконечно посылать людей в ненасытное брюхо скалы.

Я сдержала подступающие слезы. Все происходящее вдруг показалось мне таким мелочным, таким ненастоящим. Приданое, сватовство, помолвка и даже учеба в Академикуме.

Я вышла во двор, даже не надев пальто. За высохшим деревом горел костер, на овчарне лаяла собака. Чувство одиночества тут же ушло, зато ощущение ненастоящести, бесполезности осталось.

Что я могу? Почти ничего. Только ждать и молиться.

То и дело увязая в глубоком снегу, я пересекла двор и распахнула дверь в часовню. Там было жарко натоплено и душно из-за пламени свечей. Сегодня их поставили чересчур много. Три статуи у стены с немым укором взирали на еще одну, пришедшую к ним, пришедшую просить о чуде.

Богини: Одарительница, Радетельница и Искупительница. Три сестры. Три Девы, создавшие Эру и в гнев разделившие ее пополам.

Та, что принимает дары и не менее щедро отдает, стояла справа. Отлитая из бронзы статуя девушки с распущенными волосами выше меня на голову. Она робко улыбалась вошедшим, протягивая вперед левую руку. У ее ног лежали овощи, фрукты, бусы из янтаря, запечатанная бутылка вина, а может быть, масла, иногда в храме появлялись даже куски сала или тушки животных. Дары Деве.

Я легонько коснулась рукой ее пальцев. Одари, и к тебе вернется.

Та, что печется о благе, стояла слева, как и сестра, вытянув руку, только правую, и перевернув ее ладонью вниз. Радетельница, заступница, дающая благословение. Незримая помощница всех трудяг, мастеровых, учеников – всех, кто просит удачи в деле. У ее ног горело не менее дюжины свечей и лежала высохшая роза.

Я преклонила колено так, чтобы ее ладонь коснулась головы. Благослови и направь.

Но сегодня... сегодня мне нужна была та, что стояла в центре. Та, что звалась Искупительницей. Не девушка, как ее улыбающиеся сестры, а женщина с покрытой головой, чуть строгим взглядом и укоризненной улыбкой. Она протягивала людям две руки. Всегда только две. Она помогала искупить вину, отпускала грехи, прощала и наказывала.

Я задела плоску, в которой плавало сразу несколько плоских, как краюхи хлеба, свечей. Одна из них была розовой, две черными, три зелеными. Цвет желаний, цвет прошений.

Искупить можно все. Или выкупить. Надо только очень захотеть.

Я вложила свои ладони в ее, посмотрела в строгие глаза, и слова вдруг полились сами:

– Спаси их. Спаси и назначь за их жизни любую цену. Я расплачусь.

Пламя мигнуло, в часовне стояла все та же удушающая духота. Девы молчали. Они всегда молчат, и мои слова были всего лишь данью отчаянию. Когда исчезает последняя надежда, остается только обратиться к богиням.

– Возьми меня вместо них.

Порыв ледяного воздуха коснулся ног и пощекотал щиколотки. Ничего. Хотя я и не ждала. Вернее, вру, ждала, как ждет спасения умирающий от ветреной коросты. Ждала чуда и вместе с тем знала, что его не произойдет.

Я верила и не верила в Дев. Я верила, что они создали Эру, верила, что они раскололи ее пополам. Но я не верила, что им есть до нас хоть какое-то

дело. Богини ушли. Давно. И вряд ли вернуться.

– Возьми магию, деньги, все что угодно. Спаси отца и брата, и я сделаю все. – Я закрыла глаза. – Только скажи, чего ты хочешь. Даже выйду замуж за графа Хоторна и ни словом, ни делом не упрекну его...

Не знаю, почему я это сказала, наверное, в тот миг это обещание казалось мне самым страшным.

Холод исчез, ладони кольнуло теплом, и на миг мне показалось, что пальцы статуи дрогнули и обхватили мои. Теплые пальцы, словно руки держал живой человек, а не...

Я распахнула глаза. Дева смотрела прямо на меня. Хлопнула входная дверь, я вырвала, на самом деле вырвала ладони из медных пальцев и отскочила назад, все-таки опрокинув несколько свечей и, кажется, растоптав высохший цветок, что принесли в дар ее сестре.

Мне не дали упасть. Старая жрица Грэ придержала меня за локоть рукой, затянутой в нитяную перчатку, помогая сохранить равновесие. Я перевернула ладони. В центре каждой из них стояло три коричневых, словно нарисованных хной, точки.

– Твой выкуп принят, – проговорила старуха, которую я помнила с детства.

– Что? – Я потеряла правую ладонь. Точки остались на месте.

– Нельзя бросаться словами, маленькая Иви. Ты пообещала и теперь должна сдержать обещание, – прошамкала она.

– Но это же... Это же... Что это?

Грэ улыбнулась беззубым ртом. Я не знала, сколько ей лет, как не знал и отец. Она уже служила здесь, когда он женился, и, кажется, собиралась служить, когда женится Илберт. Если женится. Лицо у нее было сморщенное, словно печеное яблоко, глаза цвета болотного ила, что появляется в бочагах осенью, и черные как смоль волосы, отчего со спины ее иногда принимали за девушку, а уж когда Грэ поворачивалась... Когда она поворачивалась, звали Дев, на что она улыбалась своим безвольным беззубым ртом, лишь усиливая впечатление.

– Богини редко отвечают на молитвы своих непослушных детей, но отвечают. Они помнят о нас, хотя мы иногда забываем о них.

– Грэ, это же сказки, чтобы собрать побольше денег на храм. Такие каждый день рассказывают на площади Эрнесталя – об излеченных калеках и воскрешенных возлюбленных.

– Посмотри на руки, маленькая Иви, – попросила она, и я опустила голову.

Точки исчезли, кожа была ровной и гладкой.

– Они вернутся, когда надо будет сдержать обет.
– Но мои отец и брат все еще под завалом!
– Если Девы обещают, будь уверена, они сдержат слово. А ты сдержишь свое, отмеченная даром, или...

– Нашли! – закричали снаружи. – Графа Астера нашли! И сынка евойного... и остальных... Нашли! Славьте Дев!

Несколько мгновений я смотрела в выцветшие зеленоватые глаза Грэ, а потом бросилась вон. Едва не столкнулась с матушкой, но ни она, ни я не обратили на это внимания. Сердце стучало в груди как сумасшедшее.

По горной дороге вытянулась цепочка огней. Она двигалась медленно, слишком медленно, но... рабочие хлопали друг друга по плечам, улыбались, и каждый хотел угостить вином того, кто принес благую весть.

Мы встретили их у каменного моста через Лию. Более двух десятков рабочих, усталый управляющий, чумазый как демон Мэрдок в рваной куртке, с растрепанными, серыми от пыли волосами, и отец с черным лицом шахтера, идущий рядом с повозкой, на которой...

Матушка с криком бросилась вперед.

...на которой лежал Илберт.

– Что... что с ним? – закричала она, хватая брата за руку. – Целителя сюда!

– Хорошо хоть не гробовщика. – Илберт открыл глаза, улыбнулся и тут же поморщился, прижимая руку к бедру.

– Не трогай, тебе говорят, – устало рявкнул отец, было видно, что рявкает он не в первый раз.

Из бедра брата торчал деревянный обломок, расщепленный с одного конца и залитый кровью. Солома в телеге медленно пропитывалась кровью.

– Сам виноват, – ответил на мой вопросительный взгляд брат. – Полез, куда не просили.

– Поздно уже каяться. – Отец хлебнул вина из протянутого рабочим бурдюка.

Женщины, плача от счастья, обнимали вернувшихся вымотанных мужей, еще двое рабочих лежали на телегах, идущих следом, но вполне бодро успокаивали давших волю слезам жен.

– Это господин маг их нашел и вытащил. – Один из шахтеров указал на Мэрдока. – А мы еще брать его с собой не хотели.

Одна из женщин как раз лила из кувшина воду, а усталый Хоторн смывал с рук и лица серую пыль.

– Вот ведь, – теперь в голосе управляющего слышалось уважение, – как камни чует! Шел по следу, аки пес. – Он покосился на графа, не

обидело ли его сравнение, но сокурсник даже не поднял головы. – Хозяин, нам бы тоже в хозяйстве такой маг пригодился.

– Будем иметь в виду, – хмыкнул папенька.

А я смотрела на них, на кривящегося брата, на отца, на матушку, что хлопотала у телеги, и даже на усталого Мэрдока, и чувствовала облегчение. Свинцовая тяжесть, целый день давившая на меня, исчезла. Богини сняли этот груз с плеч Ивидель Астер.

Телеги прогрохотали по каменному мосту, у Иистой Норы нас уже встречали целители.

Меня, конечно, в спальню брата не пустили. Оставалось только бродить в коридоре, ловя обрывки разговоров, когда открывалась дверь и проворные горничные носили воду, бинты, даже крепкое вино.

Первой выскочила Лиди, всплеснула руками и убежала вверх по лестнице...

– Крупные сосуды не задеты, иначе бы не довели, только мягкие ткани. Недели через три, если не будет заражения, уже танцевать сможет, – с этими словами мужчина резким движением вытащил широкую щепу из бедра брата.

Тот даже закричать не успел. Аньес, что помогала целителю, закатила глаза и опустилась на пол с деревянным стуком. Матушка покачнулась, но устояла.

Дверь закрылась, я оглянулась на сидящего в кресле Мэрдока. Сокурсник дремал, запрокинув голову.

Миссис Эванс вывела покачивающуюся горничную...

– Ну вот, почти все, дайте вина болезному, а то что-то бледный, – проговорил целитель, орудуя иглой.

Брат простонал в ответ что-то не предназначенное для дам.

Со второго этажа спустился отец с мокрой головой, в чистой одежде. Рассеянно потрепал меня по плечу и вошел в спальню брата, такую же детскую, как и моя.

– Заваривать траву три раза в день и менять повязки. Иначе может быть нагноение, – услышала я голос целителя, а что ответила ему матушка, не разобрала.

Лиди принесла чистую одежду и вынесла таз с грязно-розовой водой, в котором плавал тот злосчастный обломок.

– Постойте, – раздался вдруг отнюдь не сонный голос сокурсника.

Горничная покосилась на меня, но все же остановилась. Хоторн встал, а потом вдруг совершил невозможное. Он выудил из грязной, пахнущей кровью воды обломок деревянной распорки и понюхал. Лиди попятилась.

– Граф Хоторн? – спросила я.

Дверь в спальню брата снова открылась, и в коридор вышел отец.

– Я еще не пожал вам руку, граф, – проговорил он, протягивая ладонь.

Сокурсник поднял голову и, словно во сне, пожал ладонь отца, а потом заговорил, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, словно боялся передумать:

– Обвал не случаен. – Он выставил вперед обломок деревяшки.

Говорят, крестьяне с такими кольями на болотные души охотятся, вымачивают в козлиной крови. Правда, не поймали еще ни одной души.

– Повтори, – нахмурился папенька.

– Леди Ивидель, – повернулся ко мне сокурсник, протягивая кол, – ничего необычного в дереве не ощущаете?

Папенька продолжал хмуриться. Я осторожно коснулась щепки и потянулась силой к волокнам. Ничего необычного, деревяшка и деревяшка, кое-где уже начавшая гнить, старая, так легко представить, что ее касались тысячи рук и отполировали почти до блеска, она очень долго соседствовала с камнем, пока... Девы, магические изменения! Они всегда оставляют следы, как их ни скрывай и ни искажай.

– «Звуковой удар» и «магическое стекло»? – Я посмотрела на Мэрдока. – Немного не такой, как использовала Рут, не крик, а, скорее, узконаправленная волна, точнее не скажу, и... – теперь уже хмурилась я. – Но это значит... это значит, что шахта обрушилась не от времени.

– Туда положили заряд, – кивнул Хоторн. – Думаю, что не один.

Все еще стоявшая в коридоре Лиди уронила таз, и окровавленная вода, лизнув папенькины сапоги, стала быстро впитываться в ковер.

– Девы! – всплеснула руками горничная. – Да неужто кто-то осмелился...

– Иди к себе, – скомандовал отец, и она, подняв таз и продолжая что-то бубнить под нос, быстро скрылась в крыле для слуг.

– Лиди сейчас всем разболтает, – предупредила я, но граф Астер только отмахнулся.

– Продолжай, – приказал он сокурснику.

– Честно говоря, чтобы узнать подробнее, придется вернуться в шахту. – Я заметила, как парень передернул плечами. – Лучше всего сохранить это, – он указал на деревяшку, – и вызвать серых псов, они скажут больше, да и сделают все по закону.

– В моем графстве один закон, – ответил отец. – Это я. Сами разберемся.

– Как будет угодно, – поклонился Мэрдок. – Могу добавить только

одно: не знаю, отчего сработал первый заряд, что послужило причиной завала, а вот второй сработал не сам.

– Не сам? – прищурился отец.

– Нужен детонатор, что ударит по капсулю, – стала объяснять я, но папенька все еще смотрел на сокурсника.

– Этим детонатором вполне могла стать кровь Астеров. Сами сказали, что ваш сын полез первым... – Хоторн замолчал, предлагая нам сделать выводы.

– Но это невозможно, – покачала я головой. – Заряды кто-то должен установить, и этого кого-то обязательно видели бы, шахтеры знают друг друга в лицо, и чужак...

– Непременно привлечет к себе внимание, – закончил папенька. – И к тому же нужно знать, куда устанавливать заряд, иначе толку не будет. А это значит, что поработал свой.

Мы замолчали, и было в этом молчании что-то неправильное. Что-то тревожное.

– Кто-то пытался убить моих сына и мужа? – раздался обманчиво мягкий голос матушки.

Мы повернулись. Бледная графиня стояла в дверях, яростно комкая в руках носовой платок.

– Кто-то пытался убить тебя, Максaim?

Не знаю, что бы ответил ей отец. Возможно, придумал бы отговорку или, рассмеявшись, обратил все в шутку, которая вряд ли пришлась бы маменьке по душе. Но сегодня в Иистой Норе все шло совсем не так, как нужно. Сегодня первую скрипку играли отнюдь не люди, и жалко, что я смогла оценить это далеко не сразу.

Раздался крик. Испуганный, женский, он перешел в визг и тут же захлебнулся. Залаяли собаки, кто-то зарычал, кто-то помянул Дев, а потом...

– Тень демона! – закричали на улице. И люди, как эхо, стали повторять: «Тень демона! Тень демона!»

И было в этом крике что-то помимо страха. В нем было удовлетворение.

Маменька побледнела еще больше. Не берусь судить, но, кажется, я тоже.

Про тень демона нам рассказывала старая Туйма. В этом же самом доме, когда бревенчатые стены стонали от снежной пурги, а пламя в камине казалось таким теплым и родным. Возможно, это предвещало пробуждение силы, а возможно, в тот зимний вечер нам с братом просто было хорошо,

и даже травяной чай не казался таким противным, как обычно.

Графиня Астер не приветствовала такие разговоры между первой и второй переменной блюд, но и не особо запрещала, сводя все к мракобесию крестьян. Отец смеялся. И только в одном случае они оба замолкали и быстро переводили разговор на другую тему – когда речь заходила о Людвиге Астере. Он был нашим троюродным или даже четвероюродным... в общем, незнамосколькоюродным прапрапрапрадедом. Такой же младший сын, как и наш отец. Молва гласила, что единственным его недостатком являлась женитьба на «неподходящей женщине». В этом месте Илберт всегда спрашивал, что значит «неподходящей»? Она не умела правильно ходить? Старая женщина поджимала губы и нехотя поясняла, что та была камеристкой вдовствующей графини, а потом добавляла странное и непонятное слово «мезальянс». Оно казалось мне особенно гадким, каким-то скользким, как заразная болезнь вроде болотной лихорадки. Я даже с тревогой приглядывалась к слугам матушки, боясь увидеть у них все признаки этого самого «мезальянса».

Но годы шли, и Людвиг продолжал жить с той самой камеристкой, поплеывая на мнение семьи. В конце концов, он ведь не был первым наследником. Туйма никогда не рассказывала, сколько они прожили, но в один зимний день младшего Астера нашли в постели мертвым. В этом самом доме. Его отравил лакей, затаивший обиду на хозяина, отказавшегося дать рабу обещанную свободу. Последнее особенно подчеркивалось, благо мертвый не мог сам рассказать, кому и чего он в хмельном бреду пообещал. Раба четвертовали и на той истории поставили жирную точку.

Сказка же, рассказанная Туймой однажды вечером, немного отличалась от официальной версии, которую скормили серым псам. Здесь, на севере, многое отличалось от общепринятого. Шепотом, под треск очага, старая нянька говорила, что отравил Астера вовсе не казненный, а молодая жена. А через несколько часов после смерти Людвиг тот самый раб-лакей взял на кухне столовый нож, в кладовке – веревку, и, подвесив молодую вдову, так и не успевшую насладиться вдовством, во дворе, словно свиную тушу, заживо ее разделал. Когда слуги и рабочие шахты прибежали на крики, которые давно уже утратили всякое сходство с человеческими, слуга сидел на снегу и запихивал в рот куски плоти, выл, давился и снова запихивал. И было в его глазах что-то, что впоследствии окрестили самой тьмой, что-то, чему не место в этом мире. А может, у страха глаза велики и то, что он сделал, не укладывалось в головах людей настолько, что проще было списать произошедшее на происки демонов? Сама вдова в это время

еще была жива, но никто так и не решился подойти к ней и нанести удар милосердия.

Тогда тоже говорили о тени демона.

«Тень демона!» – эхом откликнулись снаружи, и я поняла, что уже бегу вслед за отцом, отмахиваясь от вопроса Мэрдока. Бегу, сжимая в одной руке окровавленный кол, стягивая во вторую «зерна изменений». Я почти готова была ударить, почти готова увидеть, как кто-то поедает плоть, сидя на красном снегу.

Ржали лошади, карета с орлом на дверце прогрохотала по каменному мосту и исчезла среди темных холмов. Бежать и останавливать ее никто не собирался. Были проблемы и тут.

Плоть никто не поедал, хотя снег быстро впитывал брызнувшую во все стороны кровь. В первый момент она показалась мне нереально светлой, почти алой, как рубины в матушкином ожерелье... А во второй момент я смогла разглядеть картину целиком.

Мур держал в руках нож, очень тонкий, острый, почти танцующий между пальцами. Этим ножом слуга, стоявший сейчас с непередаваемым выражением лица, только что перерезал глотку рябому Оросу.

– Тень демона! – снова закричал один из рабочих, факелом указывая на слугу нотариуса. – Он пролил кровь Змея и теперь расплачивается!

Рабочие ответили утвердительным гулом. Они были напуганы, но они не боялись, а, скорее, благоговели перед тем, что видели. Женский плач захлебнулся.

– Мур! – произнес отец. Он даже не повысил голоса, а слуга уже заморгал, поворачиваясь к нам лицом. Немного растерянным, немного обиженным, словно детским. Ребенок, которого взрослый окликнул таким тоном, что тот понял: нагоняя не избежать – но пока еще не понимал, за что.

– А старикашка-то сбежал, – указал на холмы, по которым неслась карета с клубящимся под колесами снегом, шахтер в вязаной, надвинутой на самые глаза шапке. Рядом с ним с серьезным видом стоял мальчишка лет четырнадцати. – Но от тени демона не убежишь.

Остальные одобрительно закивали. Я видела далекий огонек факела, закрепленного на стене кареты, в остальном такой же черной, как и подступавшая к Иистой Норе ночь. Я даже чувствовала его далекое трепыхание – это как удержишь в руке птичку, маленькую и напуганную, и знаешь: стоит тебе чуть сильнее сжать ладонь, и она замрет навсегда. Я тоже знала, что стоит разжать пальцы, выпуская «зерна изменений», и далекое пламя покорится, лизнет дерево экипажа, пройдет по козлам,

станцует на рессорах, накинется на занавески, пожирая обивку.... Я заставила себя погасить магию. Что бы там ни говорили о магах, мы не кровожадные твари, что швыряются огнем направо и налево. А спустя секунду далекий огонек с запоздалым сожалением исчез, растворился в сумраке, стал слишком далеким, чтобы я могла дотянуться до него. У всего есть предел, даже у магии.

Тело Ороса, которому опекун Мэрдока доверял подавать себе еду за столом, упало на растаявший от горячей крови снег.

– Мур, – повторил папенька. – Что ты творишь?

– Я? – спросил слуга и уставился на нож так, будто видел его впервые в жизни. Лезвие, которое еще недавно так танцевало в его руках, что казалось продолжением пальцев, неловко полетело на землю, мужчина попятился от убитого. – Хозяин, я...

– Вызывайте серых, – процедил Мэрдок. – Убийца должен быть наказан.

– Будет, – заверил его граф Астер, кивнув двоим охранникам, что обычно дежурили у входа в шахту. – Запереть.

– Хозяин, это не я! – закричал Мур, дико озираясь.

Люди снова загудели, зашептались, заговорили все разом.

– Кто-то пытался убить графа? – Двое рабочих шагнули вперед.

– Да, повариха сказала, что в шахту подложили заряд, и не один. – Еще пятеро посмотрели на Мэрдока, на меня, на замершую в дверях матушку.

– Может, там и сейчас зарядов полно. – Один из них плюнул вслед скрывшейся карете.

– Столько людей чуть к Девам не отправили!!! – пожаловалась неизвестно кому одна из женщин.

– Так за что же Мура виноватить? – Старый шахтер, что выполнял обязанности счетовода, взмахнул палкой перед самым носом моего сокурсника, и тот вынужден был отступить.

– Не по-людски это... – За спиной графа Хоторна уже стояли трое рабочих, что еще совсем недавно спали на разложенных овечьих одеялах.

– Тень демона...

– Хозяин, вы же знаете! – Мужчины мягко оттащили кричащего дворецкого в сторону амбара.

– При всем моем уважении, – управляющий кивнул на Мэрдока, – люди правду говорят. Если вас пытались убить... – Он посмотрел на труп Ороса, а я некстати вспомнила, что его жена служит у нас поварихой. А ведь именно на кухню убежала Лиди! – Стоит подумать, кому это может быть выгодно. – Он перевел взгляд на мага. – Кто выигрывает больше всех

от смерти наследника? Кто мог создать заряд? Кто мог отдать приказ этому рабому установить его? Либо старикашка, либо... – Мужчина многообещающе замолчал.

Кто-то из рабочих потряс в воздухе кулаками, двое угрожающе качнулись вперед. Отец молчал. Мэрдок выпрямился, нарочито медленно и неторопливо. Земля под его ногами чуть заметно завибрировала. Спонтанный выброс силы, единственное свидетельство того, что и у графа Хоторна есть чувства и эмоции. Если его сила вырвется из-под контроля, я мало чем смогу помочь, слишком разные у нас сферы изменений.

– Вы верите в эти бабкины сказки? – холодно спросил у папеньки Мэрдок. – Ссылаетесь на тень демона, вместо того чтобы наказать убийцу, вызвать серых и найти того, кто взорвал шахту?

Отец не ответил, да и рабочие вдруг замолчали. Я их понимала. Здесь, на севере, до сих пор гасят лучину до полуночи, потому что опасаются скалозубого обдирателя, что гулял по равнине Павших два века назад. Его привлекали как раз такие одинокие огоньки, будь то путник с огнивом или свеча в окошке. Люди верили. Для них приговор был вынесен и обжалованию не подлежал. Но вместе с тем я понимала и Хоторна. Для него мы были выходцами из какого-то глухого захолустья, почти дикарями, злыми и жестокими... Такими, как... как Оуэн. И мне на миг показалось, что Крис идеально вписался бы в нашу жизнь и вряд ли стал бы смеяться над «тенью демона». А Хоторн вырос в Эрнестале. В столице свои суеверия, и в основном они относятся к курсу акций и долговым распискам банка.

– Верите? – тихо переспросил граф, переводя взгляд с одного сурового лица на другое. Они верили и очень не любили, когда кто-то смеялся над их верой.

И Мэрдок это понял, стиснул зубы и вдруг шагнул вперед, заставив толпу расступиться, заставив не ожидавших ничего подобного рабочих сделать шаг в сторону.

Он прошел сквозь шахтеров, не останавливаясь и не оборачиваясь. Слишком прямой и напряженный, чтобы поверить в его показное равнодушие, сокурсник остановился напротив старой Грэ. Жрица держала в затянутых в перчатки руках чашку с дымящимся отваром и еще минуту назад пыталась напоить мальчишку лет пяти, который оказался здесь вместе с беспокойной молодой матерью. Ребенок смотрел на высокого аристократа снизу вверх и, кажется, раздумывал, сейчас зареветь или чуть позже.

– А раз верите, должны понимать, что эта ваша «тень демона», – это

слово сокурсник произнес с небывалым пренебрежением, – не пропустила бы меня, замысли и осуществи я эти взрывы. Но вам ведь все равно...

Он посмотрел на Грэ, губы парня кривились, а потом он вдруг обхватил руками лицо жрицы и склонил к нему свое. На миг показалось, что он ее сейчас поцелует, что он настолько спятил от испуга...

Но ничего подобного Мэрдок не сделал, он прижался лбом к морщинистому лбу Грэ и, глядя ей в глаза, четко проговорил:

– Я не замышлял зла против Астеров, не создавал и не устанавливал заряды в шахте и не отдавал такого приказа слугам, клянусь честью. Я не имел корыстных интересов в отношении Ивидель Астер, я просто... просто... – Он в бессилии опустил руки и вздохнул, так и не сумев объяснить, что здесь делает.

Мальчишка у ног жрицы все-таки разревелся. Папенька посмотрел на Грэ, та беззубо улыбнулась.

– Какой хороший мальчик. Какой гордый и наивный. – Она потерла щеку, которой касался сокурсник. Ведь, по сути, посвященным Девам жрицам все равно, как считать воспоминания, пальцами или любой другой частью тела, но люди всегда опасались именно рук жриц – ведь это так просто, поднять ладонь и потрепать по макушке. – Это правда, он ничего не знал ни о заряде, ни о шахте.

Мэрдок выдохнул, люди чуть отступили, ближайший шахтер опустил факел, а какая-то женщина осмелилась подхватить ревущего малыша на руки.

– А вот насчет корыстного интереса – ложь. – Жрица по-старушечьи хихикнула. – Ложь от начала и до конца.

И тут я впервые увидела, как краснеет Мэрдок. У ледяного красавца, чьи губы так редко посещала улыбка, покраснели уши, а потом щеки. Он резко, словно ошпарившись, отпрянул от старой жрицы.

Да, нам не дано выбирать, что показать, а о чем умолчать. Посвященные Девам видят все.

– Охотник за приданым? – Управляющий посмотрел на отца, а один из шахтеров в синей, разодранной сбоку куртке что-то прошептал на ухо соседу, и тот сплюнул на грязный снег. – Что ж, этого следовало ожидать.

И столько пренебрежения было в голосе этого простого человека в простой одежде, что Хоторн вздрогнул, и на дрожь его тела отозвался Волчий Клык. Сокурсник смог вынести обвинение в убийстве, но не смог вынести обвинения в корысти, в желании поправить свое положение за счет выгодной женитьбы. Хотя, казалось бы, что ему до мнения этих шахтеров, которых он видит в первый, а может, и в последний раз? Да

никакого, такие браки заключаются едва ли не каждый сезон.

– Это не так! – выкрикнул он.

Отец поднял бровь, а старая Грэн продолжала хихикать. Она вообще на редкость жизнерадостная жрица, ну или полоумная, как иногда отмечал шепотом Илберт. Ребенок на руках у матери наконец-то замолчал.

– Я могу объяснить!

– Так объясняй, – хмыкнул папенька, а я поняла, что все еще сжимаю в руке кол, с непонятной целью направляя его в сторону жениха.

Хоторн оглянулся на подступающих со всех сторон рабочих, на презрительно смотрящего управляющего, по сути дела мало чем сейчас отличающегося от подчиненных, на женщин, которые с тревогой поглядывали на своих мужей, на любопытных детей, радующихся, что им разрешили провести под открытым небом вторую ночь, на поджавшую губы матушку и на молчащего отца. Граф Астер не собирался облегчать жизнь графу Хоторну. Сокурснику придется испить эту чашу до дна. Или убраться из графства, поджав хвост, и никогда не вспоминать о помолвке с Ивидель Астер. Со мной.

Ничего не имею против.

На несколько секунд «жених» закрыл глаза, и я поняла, насколько он устал, насколько вымотан, ведь Мэрдок – обычный парень старше меня на год, пусть и закованный в броню звучного титула, броню, которая обязывает ко многому и не позволяет сгибаться. Мы все знаем, насколько она тяжела и неподъемна. Она может стать опорой, а может и потянуть на дно.

Я думала, что он «утонет». Развернется и молча пройдет сквозь строй шахтеров. Это позволило бы мне с полным правом развести руками перед богинями. Нельзя заставить жениться того, кто сам этого не хочет.

– Вы знаете, как погибли мои родители? – вдруг спросил он, не открывая глаз. – Должны знать.

– Авария на дирижаблях, – ответил папенька. – В Эрнестале тогда погибли многие.

– Да. – Сокурсник посмотрел на отца. – Но немногие потеряли все. Воздушная компания, что организовала ту злосчастную прогулку, принадлежала отцу. После его смерти Хоторны разорились. Хотя что там осталось от Хоторнов, только я да Грэн, он дальний родственник моей матери, но не по крови, муж двоюродной сестры.

– А как же серая? – спросила я. – Аннабэль Криэ?

– Она из Стентонов да к тому же отеклась от рода. – Сокурсник бросил на меня внимательный взгляд.

– Ближе к делу, – поторопил отец. – Я хочу знать, почему ты, именно ты, а не твой опекун, приехал сюда.

– Хоторны – банкроты, – через силу произнес Мэрдок. Один из шахтеров закинул в рот кубик жевательного табака, словно эта история успела наскучить ему еще пять минут назад. Его бедность и бедность графа сильно отличались друг от друга. – Все, что мне осталось, это крохотное поместье, передающееся в роду по женской линии. Если бы у меня была сестра, то... – Он развел руками. – Но ее нет. Никого нет. По завещанию я не могу до рождения дочери трогать ни само имение, ни тот стабильный, пусть и небольшой доход, что оно дает.

– Я сейчас расплачусь, – прокомментировал управляющий, а рабочие закивали. Многие из них знали, что такое нужда, и эта нужда измерялась не именными, а тем, будет у них сегодня ужин или нет.

– Не стоит, – холодно ответил Хоторн. – Приберегите слезы для тех, кто в них нуждается. – Он снова посмотрел на отца и пояснил: – Я не могу тратить этот доход, но я могу перемещать его между семейными предприятиями. Если они у меня есть. Или, к примеру, есть невеста, у которой они имеются. Это считается перемещением «внутри семьи» и не требует разрешения опекуна.

– То есть ты хочешь... – Отец поднял бровь.

– Если вы оставите помолвку в силе, я хочу вложить то, что у меня есть, в судоходную компанию Астеров.

– Насколько я знаю, это не отменит ни опекунства, ни запрета распоряжаться доходом, – пояснил папенька.

– Знаю, но к тому времени как я окончу Академиком, на счету будет лежать несколько сотен золотом и мне не придется просить милостыню. Вот в чем моя корысть.

– Маг земли и милостыня – это смешно, – прокомментировал управляющий.

– Так, молодой человек, – вздохнул отец, – отправляйтесь в Корэ и как следует обдумайте все, а завтра обсудим на свежую голову.

Мэрдок помедлил, но, поняв, что ничего другого от отца сейчас не дождется, медленно пошел к конюшне.

– И передайте своему опекуну, что мы будем рады принять его в Кленовом Саду в любой день и даже предоставим комфортабельные апартаменты в подвале замка, – продолжил папенька. Парень едва не споткнулся. – Вы, – граф Астер указал на рабочих, – расходитесь по домам, с утра начнем разбор завалов. – Рабочие недовольно зашептались, оборачиваясь на Волчий Клык. – И тем, кто не побоится прийти на

рассвете, я заплачу двойное жалованье. – Недовольный ропот тут же сменился одобрителем гулом. – Жюст, – это уже управляющему, – найди мне хорошего следопыта-мага. – Мужчина кивнул. – Ивидель...

Я подпрыгнула на месте.

– Ради Дев, отдай мне этот кол и иди в дом, – приказал отец.

– Но я хотела... хотела сказать...

– Скажешь, – с нажимом проговорил папенька, меня он публичной исповеди подвергать не собирался и повторил: – Иди в дом.

Запись одиннадцатая

Рукой учителя на полях

Мрамор пола давно потрескался, хотя остался таким же гладким и зеркально отполированным. Он был похож на мозаичное панно, выложенное под ногами одним из мастеров древности, что почти соответствовало действительности. Отражающиеся в нем колонны казались опутанными паутиной. Их было много, они насколько хватало глаз тянулись вдоль стен зала. Здесь вполне можно было проводить парады и смотры войск, но те двое, что сидели прямо на полу, вряд ли думали о чем-то подобном.

Молодой и старый. Они сидели в пыли рядом с вычурным каменным креслом, которое вполне уместно было бы назвать тронem. Из-за спинки выглядывала голова змеи, что по задумке скульптора должна была возвышаться над сидящим и смотреть на посетителей сверху вниз.

– Итак, – протянул тот, что пристроился ближе к трону. – Они все еще живы. – Пальцы с золотыми перстнями коснулись когтей каменного орла на правом подлокотнике.

– Живы, – ответил второй. Он был гораздо старше собеседника: с седыми, давно не чесанными волосами, мундир гвардейца местами покрывала грязь, когда-то белоснежные манжеты обтрепались, кружева потемнели и разорвались. – Со змеей мы ничего поделать не можем. – Он поднял голову и посмотрел на каменное тело оскалившейся рептилии.

– Змей был умен, он был... – Молодой замялся и повернулся к старому. На его лице не отражались эмоции, словно живому человеку приставили голову мраморной статуи. Точеные черты, бледная кожа, остановившийся взгляд. Наверное, он был красив, но вряд ли кто-то смог бы восхититься этой мертвой красотой. – Змей был змеем. Знаешь, я даже почти скучаю по нему.

– А я нет. – Старый гвардеец встряхнулся, словно пес, попавший под струю воды. – Он был непредсказуем, а значит, опасен.

– Они все опасны, – протянул молодой. – Змей, орел, сова...

Мужчина посмотрел на левый подлокотник, где был вырезан короткий каменный кинжал, так и не покинувший ножен. На них, расправив широкие крылья, сидела безглазая мраморная сова.

– И если они найдут полуночного зверя... – Он, не договорив, опустил

голову: у подножия трона, в каменном крошеве, угадывался силуэт какого-то животного, раньше, должно быть, лежавшего у ног правителя. Массивное поджарое тело, вытянутые лапы и – пустота. Там, где должна быть голова, – каменные обломки и пыль, словно кто-то одним ударом снес ее и растоптал.

– Не найдут, – уверил седовласый солдат. – Зверь сам не знает своей сути. И не узнает.

– И тем не менее лучше бы их не было, лучше бы некому было искать. – Молодой поскреб пальцами по затылку, поддел криво висящий на золотистых волосах обруч из тусклого желтого металла, с минуту рассматривал его, а потом небрежно катанул по полу, словно ребенок игрушку.

– Их и так считай что нет. Род орла обеднел и почти иссяк, сова... – Седовласый проследил взглядом за катившимся обручем. – Его ненавидит собственный отец, хотя в роду есть еще один наследник, вернее, бастард.

– С которым вы тоже потерпели неудачу. Почему бы просто не прирезать их всех?

– Я хотел, но... – Старый покачал головой. Обруч с дребезжанием упал на потрескавшийся мрамор и замер. – Их кровь может нам понадобиться.

– Такой исход маловероятен.

– Но не невозможен. Мы проредили роды настолько, насколько это возможно, оставили в каждом поколении не больше одного наследника, – возразил старый гвардеец. – Мы убрали слишком многих, маги Академикума и серые начали задавать вопросы – что произошло в небе над Эрнесталем десять лет назад, даже начали вскрывать старые могилы. Меня, – он указал рукой на лицо, – уже опознали. Убрать ключевые фигуры сейчас – означает указать им путь к правде. Без нее они всего лишь дети.

– Без нее... – протянул молодой, поднимаясь.

– Но если кто-то всерьез начнет копать в этом направлении, кто-то более опытный, кто-то старший... – Гвардеец покачал головой. – Самое разумное сейчас – затаиться.

– Не уверен, что готов позволить себе такую роскошь. – Молодой наклонился, поднял обруч и, не отряхивая от пыли, надел на голову. Седая нить паутины запуталась в чуть волнистых волосах. – Я бы предпочел сделать нечто совершенно противоположное.

– Что?

– Посмотреть на них.

– За ними и так хорошо присматривают, в том числе и на этой каменной глыбе, что по недоразумению продолжает портить небо.

– Они хоть сами-то помнят, кто и для чего поднял этот кусок навоза в воздух?

– Не думаю.

– Мне уже почти жаль их. – Молодой человек усмехнулся, губы изогнулись, но лицо осталось неподвижным, а в глазах отражался лишь холод мрамора. – Распорядись, чтобы этих «наследников» доставили сюда.

– Я против.

– Почему? Ты сам сказал, что это просто дети, а детей можно попытаться перевоспитать. – Молодой пожал плечами, шагнул к трону и уселся на каменное сиденье. – Как говорят люди, врагов надо держать ближе, чем друзей.

– Но... – попытался возразить седовласый, поднимаясь следом.

– Никаких «но», это приказ, тем более что они дали нам такой прекрасный повод. – Молодой мечтательно улыбнулся и, задрвав голову к каменной пасти змеи, вполголоса добавил: – Хотел бы я увидеть тебя снова, старый враг. Или того, в ком проснулась твоя сила, того, кто сможет противостоять мне. Хотя бы увидеть...

Запись двенадцатая

Об итогах полугодия

Чужой взгляд я почувствовала, еще подходя к воздушной пристани, несколько раз обернулась, но понять, кому вдруг понадобилась, так и не смогла. Вон тому мужчине, который держал в руках что-то, завернутое в мятую бумагу? Или сторбленной старушке с корзиной мороженных яблок? А может...

– Вы кого-то ищите, леди Ивидель? – спросил Мэрдок.

– Нет, – ответила я, отворачиваясь от сокурсника и задирая голову к далекому, едва различимому из-за метели Академикуму.

– Считаю, нам повезло, что Остров проходил мимо Корэ, не придется два дня трястись в поезде.

– Поблагодарите Дев. – Я передернула плечами, и сокурсник замолчал.

Сквозь снежную пелену к нам спускалась миниатюрная гондола Магиуса. Я вцепилась в поручень, наблюдая, как ветер швыряет маленькую лодочку из стороны в сторону, несмотря на все усилия рулевого. Лучше бы поезд, лучше бы два дня там, и лучше бы я была одна...

– Вы злитесь из-за помолвки? – спросил сокурсник.

Я не ответила. Продолжала наблюдать, как швартуется дирижабль, как ветер уносит в небо крики матросов.

В злости не было ни малейшего смысла, поэтому я не злилась. Отец оставил помолвку в силе.

– Прошу прощения, но у меня не было выхода, – чопорно проговорил сокурсник, прикасаясь пальцами к шляпе и кивком приветствуя даму в меховом манто.

Так вот что не давало ему покоя! Старая Грэ назвала его хорошим и наивным. Эпитеты, которыми я вряд ли могла наградить Хоторна до этой поездки.

– И вы решили найти выход за мой счет, – не удержалась я от колкости и тут же пожалела об этом.

Дело было не в нем.

Я вспомнила последний разговор с отцом. По иронии судьбы он состоялся в первом доме Астеров. Завалы продолжали разбирать, брат, к вящему неудовольствию матушки, уже пару раз вставал с кровати и, к ее

несказанной радости, явно не собирался умирать.

Илистая Нора стара, как сама Аэра. Она скрипит и разговаривает разными голосами, надо только уметь слушать. Ее темные панели смотрят глазами-сучками, провожая каждый шаг, каждое движение. И к этому вниманию надо привыкнуть, с этим надо научиться жить. Или сбежать отсюда.

Вечер перед отъездом мы провели в отцовском кабинете, слушая, как за окном воет ветер, как иногда срываются на лай собаки, как где-то в горах кричат птицы, а деревья скрипят, словно ожидают чего-то...

На зеленых шелковых обоях вились вычурные лианы, они поднимались к самому потолку и где-то там, в вышине, расцветали пышными алыми цветами. За массивным столом, заваленным бумагами, сидел усталый отец и потирал переносицу. Маменька в кресле. Руки с тонкими пальцами то и дело касались ткани платья, иногда взлетали к лицу и поправляли локоны, иногда теребили обручальный браслет на запястье. Наверное, именно это беспокоило больше всего. Я все не решалась начать разговор, все разглядывала и разглядывала стены знакомого кабинета, полки с книгами, пузатый, словно бочонок, сейф, картины, не портреты, как в большинстве кабинетов, а пейзажи – поле Мертвецов, раздваивающаяся Иллия, Чирийский хребет, Последний перевал, какая-то пещера...

Черная доска на треноге. Именно на ней я делала первые рисунки цветными мелками, что лежали на поддоне, именно здесь наш сосед-астроном рисовал карту звездного неба и рассказывал о трех лунах Эры. Сейчас на черной поверхности отцовской рукой были выписаны ровные столбики цифр. Когда внимания графа Астера требовали восточные шахты, он предпочитал кабинет в Илистой Норе большому рабочему залу Кленового Сада.

Над головой отца висел выжженный на старом деревянном панно девиз рода.

«Я умею предавать», – слова первого Змея.

Поговаривают, что они выбиты на каждом камне фундамента Илистой Норы. Я как-то спросила отца, почему он не снимет эту деревяшку и не забудет девиз, ведь здесь нечем гордиться, скорее уж наоборот. А он ответил, что иногда предательство – это все, что нам остается.

– Ивидель, – позвал отец, и я поняла, что он делает это не в первый раз, – мы ждем.

– И очень хотим спать, – добавила матушка.

– Когда вы пропали в шахте, – я посмотрела на пустое кресло, что

обычно занимал Илберт, – мистер Роук, опекун Мэрдока, сказал одну вещь, которую, я никак не могу забыть.

– Что он тебе наговорил? – Отец сложил руки на столешнице, пламя в лампе чуть заметно танцевало, касаясь стенок из магического стекла.

– Он ходил по этому дому и говорил, что очень неплохо включить его в приданое, а когда я...

– Вспылила? – спросила матушка.

– Отказала, – поправила я, – сказал, что, возможно, с моим братом будет проще договориться. И пояснил, что имеет в виду вовсе не Илберта.

Отец шумно выдохнул, а я старалась смотреть куда угодно, только не на матушку.

– И это все, что он тебе сказал? – уточнил отец, поднимаясь.

– Больше ничего не успел, я пообещала спустить на него собак.

Граф Астер подошел к жене, взял ее за руку. Мне показалось, что матушка раздумывает, не вырвать ли ее. Прикоснулся губами к тыльной стороне ладони и произнес:

– У меня нет и не будет иных детей, кроме тех, что подарили мне вы.

Не знаю, как она, а я ему сразу поверила. Потому что очень хотела.

Граф Астер выпрямился, вернулся к столу и, взяв ключ, отпер один из ящичков конторки.

– Чуть больше месяца назад я получил от мистера Грэна Роука письмо...

– Прошу. – Мэрдок протянул мне руку и помог взойти на покачивающуюся от ветра палубу.

– Благодарю.

Наш разговор напоминал беседу двух незнакомцев, что волею судьбы оказались рядом и через несколько минут разойдутся вновь, но на этот раз навсегда. Короткие, ни к чему не обязывающие фразы.

– Отдать швартовы! – скомандовал офицер.

Пол под ногами качнулся, и я едва не вскрикнула. Мэрдок вопросительно поднял брови, а я торопливо спросила первое, что пришло в голову:

– Как ваш опекун? Добрался... – я проглотила слово «живым», – до Эрнесталя?

Да, это было невежливо, но... как же я ненавидела летать, особенно вот на таких юрких суденышках!

– Благодарю, – холодно ответил Хоторн. – Он будет рад узнать, что вы беспокоились.

Земля ушла из-под ног, и я позволила себе на миг закрыть глаза – представлять, что ты дома, было намного приятнее...

Отец передал письмо матушке.

– ...где выразил желание встретиться, ибо у него на руках была некая бумага, согласно которой мой покойный брат Витольд признал своего внебрачного сына наследником. – Граф Астер развел руками.

Я выдохнула, чувствуя, как с воздухом тело покидает тяжесть, которая, казалось, поселилась внутри и не давала покоя несколько дней. Тяжесть знания и незнания. Сын был не у отца, сын был у дяди Витольда.

– И ты поверил? – спросила матушка, быстро пробегая глазами письмо.

– Не сразу, хотя... – Отец вернулся за стол, покосился на кипу бумаг и сложил руки на гладкой коричневой поверхности. – У него ведь действительно имелась женщина из простых, ты должна ее помнить. – Матушка не ответила. – Она умерла от болотной лихорадки. Но остался сын, его отдали на воспитание тетке, старшей сестре той женщины. Витольд ведь собирался жениться на дочери виконта и, чтобы не беспокоиться о судьбе бастарда, хотел до свадьбы признать пацана Астером и выделить содержание. Он говорил мне об этом перед отъездом, только я не знал, дошел он в столице до нотариуса или нет.

– Так вот почему ты согласился на помолвку, – тут же поняла матушка.

– Я видел эту бумагу, но подтвердить ее подлинность может только эксперт. Я хотел выиграть время, и когда этот Грэн предложил породниться... – Отец посмотрел на меня.

– И что изменилось? – спросила я. – Бумага по-прежнему у него, и в любой момент сюда могут явиться приставы!

– Не все так просто, Иви. – Отец посмотрел на выжженный на дереве девиз рода. – Нельзя просто так прийти к судье и сказать: «Я наследник Астеров, признайте за мной право на титул и состояние».

– А как можно? – поинтересовалась я.

– По-разному, – уклончиво заявил отец. – Но без поддержки вряд ли у пацана что-то получится.

– Чьей поддержки? – подняла брови матушка.

– Князя, аристократов, советника, серых, Магиуса, в конце концов. Никто не поверит человеку с улицы, какими бы бумажками он ни размахивал. Поэтому я решил выиграть время, чтобы найти его.

– А когда найдешь, что ты сделаешь? Убьешь? – спросила графиня Астер.

– Убивать его надо было десять лет назад, сейчас уже поздно. Но тогда я позволил им с теткой уехать.

– Почему? – не выдержала я.

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Тогда на меня столько всего свалилось: смерть брата, титул, земли. Я даже не представлял себе, во что это может вылиться, да и жалко было мальчишку. Тощий, белый, словно простыня, калека с рукой на перевязи... как же его звали? Албьер? Аберон? Алсон?

Я медленно выпрямилась в кресле. Только что вспомнила. Глаза в темноте. Я вспомнила, где видела их раньше...

Снова ощутила чужой взгляд, направленный мне в спину, и обернулась. И снова никого не увидела, лишь стюард стоял у запертой двери и крепко держался за поручень. Кроме нас на дирижабль до Академикума сел только один пассажир. Высокий мужчина в черном плаще. Нижняя часть лица незнакомца была несколько раз обернута клетчатым шарфом. Он иногда сухо покашливал, словно был простужен, но, устроившись на корме, ни мной, ни Мэрдоком не интересовался.

– Ваш отец действительно думает, что это был он? Что его слуга подложил заряд, а эта... – сокурсник запнулся, – тень демона его покарала?

– Почему вы не спросили его об этом, когда подписывали брачный контракт?

На этот раз настала очередь Мэрдока промолчать. Контракт был подписан, и теперь из него нельзя было выкинуть ни строчки.

– К тому же невиновный не убегает.

– Я бы не спешил осуждать старого человека, на глазах которого зарезали его слугу, – сухо ответил Мэрдок.

– Теперь вы можете его успокоить, – проговорила я, стараясь не смотреть на снежную кутерьму за окном. – Больше никто его обвинять не будет, ведь если что-то случится с моим отцом, братом или...

– Вами, – закончил Хоторн, – помолвка будет считаться расторгнутой, а все мои и ваши деньги уйдут в трастовый фонд. Я правильно понял условия вашего батюшки?

– Правильно, – ответила я, мысленно возвращаясь к предыдущему вечеру...

– Неправильно, – прошептала я. – Его зовут Альберт.

Глаза в темноте, светлые, узкие, обрамленные белесыми ресницами, – я видела их раньше. Видела, но забыла.

Дядю Витольда я помнила плохо. Он был массивный, как и отец, но выше его на голову. Когда граф Астер приезжал в Илистую Нору, его громкий голос разносился по темным коридорам, пугая притаившиеся там тени. Дядя обладал удивительной способностью заполнять любое помещение, в котором находился. Иногда он подхватывал меня на руки, говорил о том, какая я хорошенькая, иногда даже обещал князя на белом коне и розовое платье из муслина. Он поднимал меня в воздух, подносил к широкому лицу и целовал в лоб. А его глаза... его глаза были точно такими же, как у железнорукого, что едва не убил меня на празднике в честь Рождения Дев.

Но ведь не убил же, хотя мог сделать это множество раз. Мог, но не сделал.

– Ивидель, – позвал отец, но я, вскочив, схватила первый попавшийся листок со стола, посмотрела на желтоватую бумагу и отбросила.

– Ивидель, что ты... – на этот раз повысила голос матушка, – делаешь? Я подскочила к черной доске, схватила кусок белого мела, второй рукой стерла часть цифр.

– Иви, – снова позвала матушка.

– Подожди, Сибил, – остановил ее отец, а я уже торопливо рисовала на гладкой черной поверхности.

Одна белая линия соединялась со второй, линии сливались и пересекали третью. Одни резкие и толстые, другие тонкие, едва различимые, но все без исключения белые. Он весь был такой, как сказал отец – словно простыня, – и рисовать его на белом листке было бы неправильным. Последними я нарисовала глаза, чуть прищуренные, дерзкие, в глубине которых притаился страх. С минуту я рассматривала нарисованный мелом портрет, а потом отступила.

– Похож, – сказал папенька. – Бесцветный, как их называют, таким же был и первый Змей.

– Рисунок – это не доказательство, мало ли кто на кого похож! Как мы можем быть уверены, что это он? – фыркнула матушка.

– Рассказывай, Ивидель Астер, – остановив на мне тяжелый взгляд, приказал отец. – Рассказывай все, если не хочешь под замок до самого замужества.

– Позволено ли мне спросить, почему вы согласились на эту помолвку? – снова повернулся ко мне Мэрдок.

– Думаете, моим мнением интересовались?

– Думаю, – не стал юлить сокурник. – Так почему? В чем ваша

выгода?

– В том... – Я сжала и разжала руку в перчатке.

Точек больше не было видно, мало того, я совсем их не ощущала, а вот когда отец задал самый важный вопрос, когда я уже готова была открыть рот и отказаться от помолвки... Ладонь прострелило болью, словно в нее вогнали сразу три горячие спицы. Я просто задохнулась от неожиданности и не смогла произнести ни слова.

– В том, что пока я помолвлена с вами, мне не станут искать другого жениха, – озвучила я часть правды. Рассказывать по частям всегда сложнее, чем обрисовать картину целиком...

Мой рассказ в отцовском кабинете больше напоминал хождение по комнате, на пол которой вывалили ящик заряженных огнем сфер. Заденешь одну, и вспыхнут все. Я перебиралась от воспоминания к воспоминанию осторожными шагами-словами. Начала с покупки инструментариума и закончила праздником Дев, опустила вояж в тюрьму и мое нападение на учителя, не рассказала про укол Крису и про то, чем рисковала, сделав его. Жаль, что совсем не упоминать барона Оуэна не получилось, хотя произносить его имя при родителях оказалось необъяснимо приятно.

– Ивидель! – стоило мне замолчать, выдохнула матушка и, повернувшись к отцу, крикнула: – Кто-то пытается убить наших детей! Она не вернется в Академикум, Максаим, и мне все равно, сколько ты заплатил за ее обучение.

– Отец... – начала я, вставая с кресла.

Граф Астер поднял руку, призывая к тишине, и мы с матушкой замолчали. Решение было принято, я видела это по его глазам, и, каким бы оно ни было, оспорить его уже не удастся.

– Она вернется, Сибил.

Я облегченно выдохнула и упала в кресло.

– Но... – протянула беспомощно матушка.

– Вернется хотя бы потому, что здесь ей совсем не гарантирована безопасность. – Я вспомнила взрыв в шахте, уверена, что и отец тоже. – Только месть. – Вернется для того, чтобы тот, кто придумал это, не понял, что все изменилось. Глаза матери заблестели от слез, и я невольно почувствовала себя виноватой.

– Я бесконечно уважаю тебя, Максаим, но кто-то пытается расчистить дорогу к наследству Астеров то ли для этого бастарда, то ли для женишка ценой жизни наших детей, а ты еще рассуждаешь о чем-то? Найди его! И сверни шею! Но не рискуй нашей дочерью!

– Даю слово: ни тот ни другой ничего не получат, – пообещал отец,

поднимаясь и делая шаг к пузатому железному сейфу. – О женихе я позаботился. А Альберту, если это он, вряд ли теперь будет дело до наследства отца. – Граф Астер стал крутить железную ручку сначала в одну сторону, потом в другую. Колесо замка вращалось с едва слышным треском. – И если дело в титуле и деньгах, то на этом все и кончится.

– Почему? – не поняла матушка.

– Потому что его обвиняют в заговоре против князя, потому что он особо опасный убийца с железной рукой, нарушивший завет богинь. – Замок громко щелкнул. – Помните, что я говорил про поддержку? Один бы он такое не осилил, я не знаю, где и как он обзавелся механической рукой вместо искалеченной и для чего придумал все это, но, – отец распахнул дверцу, – теперь все кончено, даже если его поддержат аристократы из тех, кому наши деньги поперек горла, вмешаются жрицы и серые псы. Отступник никогда не унаследует титула, и все, включая его, это понимают.

– Ты хочешь сказать, что все позади? А взрыв на шахте? – не сдавалась матушка. – Это тоже часть заговора против князя?

– Вряд ли, – не стал успокаивать ее отец, доставая из сейфа резную шкатулку. – Расследовать заговоры – это удел серых, а мы посмотрим поближе. – Он поставил шкатулку на стол и откинул крышку. – Посмотрим, кто из тех, что улыбается нам в глаза, держит за спиной нож.

С этими словами папенька начал один за другим выкладывать на столешницу разноцветные камешки. Они были похожи на округлые леденцы из жестяной коробки, что частенько покупала нам матушка. Вот только это были не конфеты.

– Альвоны?

На стол упал прозрачный, как слеза, камешек, а я сразу вспомнила Дженнет.

– Эстоки?

Зеленый. Первый советник и его дочь Алисия.

– Виттерны?

Темно-фиолетовый. Перед мысленным взором появилось изуродованное лицо милорда Йена.

– Лимеры?

Оранжевый. Я нахмурилась и бросила взгляд на матушку, урожденную Сибил Олие Лимер. Главой ее рода сейчас был ее двоюродный брат и наш дядя Ксяян.

– Или это Миэр? Нувориш без титула и без связей? Он вынырнул десять лет назад, словно из ниоткуда. Поговаривают, что с такой хваткой он до конца года приберет к рукам даже казну князя.

В ушах раздался жизнерадостный смех Гэли.

Папенька помедлил.

– А может, это один из тех, кто давно отошел от большой политики, но собирается в нее вернуться? Хоторны?

На столешницу упал коричневый, словно глина, «леденец». Мэрдок.

– Стентоны?

Желтый. Я вспомнила серую жрицу и ее маленький домик в Льеже.

– Вири?

Камень был голубым, словно небо. Мерьем, что всегда ходит хвостиком за Дженнет.

– Оуэны?

Белый и непрозрачный, словно галька. Крис...

– Или Астеры?

Вместо того чтобы уронить на стол очередной леденец, отец вдруг вытянул руку и легко перебросил его мне. Я поймала округлый камешек, и в тот момент, когда его теплая поверхность коснулась моей кожи, тот вспыхнул алым, будто внутри танцевал маленький язычок пламени.

– Откуда ты их взял? – охнула маменька, подаваясь вперед.

А я все смотрела и смотрела на живой и подвижный огонь, который кто-то давным-давно запер в камешке.

Не в камешке. В артефакте крови. Коснись я любого другого камня, тот останется равнодушным. Но, взяв в руки камень Астеров, я пробудила его к жизни. Вернее, пробудила его кровь Змея. Говорят, эти артефакты создали давно, на заре образования Разлома, когда шли сражения с демонами, магами-отступниками и просто разбойниками с большой дороги, когда никто не знал, друг или враг стоит за спиной, когда подтвердить происхождение без прикосновения к артефакту рода было невозможно. И не только подтвердить, но и позвать на помощь.

Отец, словно услышав мои мысли, вытащил из ящика стола сафьяновый мешочек и широкий массивный браслет.

– Я долго их собирал, – ответил он матушке. – Считаю это причудой богатого старика.

Та фыркнула и легонько коснулась оранжевого леденца, внутри которого тут же зажглось яркое, похожее на фрукт солнышко. Родовая магия ответила на ее прикосновение.

Отец нажал на середину браслета. Раздался щелчок. В сторону отошла миниатюрная крышечка из магического стекла, за ней прятался кармашек, в котором так удобно хранить нюхательную соль. Или яд.

– Ты вернешься в Академикум, Ивидель. – Он достал из шкатулки еще

один горящий от прикосновения леденец, вставил в оправу браслета, закрыл крышку и надел на свое запястье. – Но с условиями. Первое. Ты больше не будешь шататься по модным лавкам городов и сел. Если что-то надо, заказывай с посыльным или проси подруг. С территории Острова ни ногой. Ясно?

Я кивнула, наблюдая, как отец развязывает тесемки сафьянового мешочка.

– И второе. – Он протянул мешочек, и я уронила туда леденец, который все еще держала в ладони. – Если камень загорится, я буду знать, что дела плохи, и тогда ни Девы, ни магия, ни Разлом меня не остановят.

Папенька протянул мне мешочек и, откинув крышечку, демонстративно коснулся своего камня. Даже сквозь плотную ткань было видно, как зажегся мой.

Связанные кровью артефакты. Ты берешь в руки один, а вспыхивают все. Граф Астер убрал руку. Камни погасли. Я тут же развязала мешочек и коснулась своего – тот, что был в браслете, ответил мне таким же алым сиянием.

– Это понятно? – спросил отец.

Я кивнула.

– И еще, Ивидель, мы должны получать от тебя весточки не реже раза в неделю, в противном случае мы сделаем выводы. Мы решим, что ты в беде.

Я в третий раз кивнула. Слов не было.

– И что же нам – просто сидеть и ждать, Максаим? Что изменилось?

– Нет, ждать мы не будем, – улыбнулся папенька. – Как только Илберт встанет, собирайтесь в Эрнесталь, а потом в Льеж. Надо потрясти кошельками и узнать, кого мы настолько вывели из себя, что он расщедрился на магические заряды.

– Я не настолько вам неприятен? – спросил Хоторн, и пусть тон оставался ровным, я видела, как важен ответ на этот вопрос.

– Нет. – Я машинально опустила руку в карман и коснулась сафьянового мешочка, с которым не расставалась теперь ни на минуту. – Мне просто все равно.

– Все равно? Но все изменилось! Мы помолвлены, леди! И как прикажете мне вести себя с вами дальше?

– Официально о помолвке не объявлялось. Если вы сами не начнете кричать об этом на всех углах, у вас будет очень хороший шанс продолжить учебу холостяком.

– Вы говорите, как старая компаньонка, – не выдержал он.

– А вы говорите так, будто это плохо, – ответила я. – Напомнить, кто добивался этой помолвки?

Хоторн сжал зубы так, что на скулах заходили желваки. С минуту мне казалось, что лед внешнего спокойствия сейчас треснет, и я наконец увижу его настоящее лицо, которое проглядывает за точеными чертами в моменты волнения. Но, увы, Мэрдок справился с собой, выдохнул и аккуратно поправил манжеты...

Я вышла из кабинета, на ходу расправляя юбку. Где-то в глубине души зрело предвкушение или предчувствие. Оно казалось первым дрожащим лучом солнца, что выглядывает из-за горизонта поутру. Что изменилось? Все и ничего, потому что...

Следующие слова матушки, раздавшиеся сквозь приоткрытую дверь, заставили меня замереть на месте. А ведь леди не подслушивают. Никогда! И тем не менее я не могла сдвинуться с места.

– Что мы будем делать, Максаим? Что мы на самом деле будем делать?

– Я вот думаю, что погреба неприлично опустели, надо бы закупить вина.

– Ты все шутишь.

– Ни в малейшей степени, – уверил отец. – Хотелось бы взглянуть на этого барона Оуэна и его наследника.

– Ты видел, как сверкали ее глаза, когда она о нем рассказывала? Это неприлично, Максаим, на мальчишку Хоторна она так не смотрит.

Я прижала ладони к вспыхнувшим щекам. Матушка всегда была наблюдательной, иногда даже излишне.

– Не волнуйся, Сибил. – Я услышала, как снова защелкал замок запираемого сейфа. – Я найду того, кто за ней присмотрит. Даже на этом Острове очень любят деньги.

Все-таки права была моя гувернантка: подслушивать не только нехорошо, но и чревато...

Гондолу потрянуло, и я, в очередной раз подавив приступ паники, поняла, что мы уже причалили. Стюарды засуетились, привязывая воздушное судно к каменному языку Академикума. Господин с замотанным лицом нетерпеливо переминался у выхода, явно намереваясь сойти на Остров первым.

– Значит, все по-старому? – спросил Хоторн. – Мы просто ученики? Просто сокурсники? Именно этого вы хотите?

– Да, – ответила я. – Считайте это процентной платой за тот капитал,

что вы заработаете на проекте Астеров.

– Свадьба еще может состояться. – Сокурсник впервые позволил себе насмешливость.

– Все в руках богинь.

Я сжала и разжала пальцы.

– Как будет угодно, леди. – Мэрдок коснулся шляпы и быстрым шагом направился к выходу.

Он злился. Он спас моего отца и брата, пошел на унижительные условия брачного контракта, он был графом, в конце концов... А Ивидель Астер все еще воротила от него нос. Сокурсника можно было понять. Можно было бы, если бы на моем месте находился кто-то другой.

Академикум встретил меня солнцем, что продолжало светить выше уровня облаков, ясным небом, веселым шумом и теплым, почти весенним перестуком капелей, падающих с крыш. Внизу мела метель и дули озлобленные северные ветра, а здесь, в вышине, потеплело, и снег под ногами превратился в кашу. Слышались отрывистые команды рыцарей. На верхнем этаже учебной башни Магиуса вспыхнул и тут же потух зеленоватый огонь. Над Отречением трепетали флаги.

«Что изменилось?» – в который раз повторила я вопрос матушки и поняла, что знаю ответ.

Камешек в кармане согласно согрел руку. Раньше Ивидель Астер была одна. Теперь за ее спиной стоял род Астеров. Вот что изменилось. И осознание этого наполняло меня уверенностью и теплом. Теперь мы посмотрим, кто кого.

– Ивидель! – закричали где-то сбоку. Я повернулась и тут же попала в объятия Гэли, как всегда неожиданные и очень приятные. – Ты вернулась! – констатировала очевидное подруга. – Я все сдала. А Вьер снова провалился. Магистры в недоумении: его магия словно куда-то исчезла. Но его не отчисляют, представляешь? Он уговорил перевести его в Орден, и если рыцари не прибьют его в первую неделю... – Глядя мне в лицо, подруга расхохоталась. – Здорово, что ты вернулась. И даже без брачных браслетов. – Она кивнула на мои руки.

– А я-то как рада! Что вы делаете здесь? Я имею в виду Академикум и Корэ, забытый Девами городок на севере?

– Представляешь, – она взяла меня под руку и понизила голос, – мы специально сюда прилетели. Магистры темнят, но ходят слухи, что нужно было забрать очень важную персону. – Гэли хихикнула. – Чувствуешь себя большой и важной?

– О да. – Я улыбнулась, невольно вспомнив господина с замотанным

лицом.

Земля под ногами вздрогнула, загудела. Две девушки, проходившие мимо, подхватив юбки, бросились к атриуму. Остров стал медленно поворачиваться, выбрасывая голубые струи огня.

– А теперь куда? Или вам не сообщили?

– Конечно, не сообщили. – Подруга сделала большие глаза. – Поэтому всем известно, что мы идем в Запретный город. Говорят, приказ самого князя. Ну разве не здорово?

Ярославль

Сентябрь 2017

notes

СНОСКИ

Пещерная мегера – полумифическое создание, обитающее в шахтах и заброшенных выработках. Старуха с молодым лицом, охотящаяся на заблудившихся в горах, пещерах и штреках людей. Душит их своими тонкими длинными пальцами и до последнего смотрит в глаза. По поверьям Аэры она ищет свою младшую сестру, которая увела жениха, а саму ее замуровала в каменную пещеру.

Вистай – северный пушной зверь, по виду напоминает росомаху, только белый. Промысловый зверь Аэры.

Черные кости – название чирийских клинков. Сталь, закаляющаяся в Разломе, приобретает черный цвет.

Астер – в переводе с языка единой Эры – «змеиный».

Зимние жемчужины – жемчуг, добытый в Зимнем море.

Трид – в переводе с языка единой Эры – «блеск».

Совиный Лабиринт – резиденция баронов Оуэнов.

Кинил – морозоустойчивое фруктовое дерево, плодоносящее даже в холодном климате. Плоды похожи на груши с плотной кожицей.

Целительский дом Ионской Девы Скорби – дом целителей, где занимаются душевными недугами и расстройствами психики. Находится в г. Ионе.

10

Иллия – река на севере Чирийского хребта.